

- Herfried Münkler
  - IMPERIEN
  - ИМПЕРИИ
  - Предисловие автора
  - Что такое империя?
  - Краткое описание отличительных признаков империи
  - Мировые державы и великие державы
  - Неизбежность империалистических интервенций, возможность нейтралитета и мелосский диалог у Фукидида
  - Империя, империализм и гегемония: необходимость их дифференцирования
  - Динамика саморазрушения капитализма: экономические теории империализма
  - Проблема «центр — периферия»
  - Стремление к престижу и конкуренция держав: политические теории империализма
  - Необходимость экспансии, преимущества пограничных положений и временной суверенитет
  - Тонкая грань между гегемонией и империей
  - Строительство империй за счет военного и коммерческого изъятия прибавочного продукта
  - Две (как минимум) стороны империй
  - Имперские циклы и «августовский барьер»
  - Мир как оправдание имперского владычества
  - Имперская миссия и сакралъностъ державы
  - Дискурс о варварстве и конструирование имперского пространства
  - Процветание как оправдание и программа имперского господства
  - Крушение империй из-за силы слабых
  - Виды империалистического перенапряжения
  - Политическая мобилизация и военная асимметрия: стратегии антиимпериалистических акторов
  - Бои за культурную идентичность и терроризм как стратегии опустошительной войны
  - Диагноз о конце империалистической эпохи и проблема постимперских пространств
  - США: новая империя
  - Демократическая

    - империя?
    - Имперский вызов Европы
    - Благодарности
    - ПРИМЕЧАНИЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112

- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144

Herfried Münkler

IMPERIEN

Die Logik

der Weltherrschaft -

vom Alten Rom

bis zu den Vereinigten Staaten

Rowohlt
Berlin

Герфрид Мюнклер

ИМПЕРИИ

Логика господства

над миром

От Древнего Рима до США

Москва

КУЧКОВО
ПОЛЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УДК 94 ББК 321 М98
Herfried Münkler
IMPERIEN. Die Logik der Weltherrschaft - vom Alten Rom bis zu den Vereinigten
Staaten
Рецензенты: д.и.н. А. В. Гладышев д.п.н. И. И. Кузнецов
Мюнклер, Г.
М98 Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л. В. Ланника под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника — М.: Кучково поле, 2015. — 400 с. (Геополитический ракурс)
КВИ 978-5-9950-0476-9

Герфрид Мюнклер (родился в 1951), профессор политологии берлинского Университета имени Гумбольдта, член Берлинско-Бранденбургской академии наук, посвятил свой труд феномену империи: типы имперского господства, формы экспансии и консолидирования; различия между морскими и континентальными империями, торговыми и военными, имперскими порядками контроля пространства и потоков (людей, товаров, капитала).

Выходя за рамки этой тематики, автор ставит цель исследовать общие принципы логики мирового господства в истории. Наследницей империй прошлого он видит Америку и стремится предвидеть

продолжительность и стабильность существования американской империи, а также разобраться, как должна себя вести Европа, чтобы, с одной стороны, суметь устоять как самостоятельная политическая сила, с другой стороны, быть в состоянии укрепить свои нестабильные, пытающиеся влиться в нее окраины и позитивно воздействовать на своих соседей.

УДК 94 ББК 321

ISBN 978-5-9950-0476-9**© 2005 by Rowohlt, Berlin Verlag Gmbh, Berlin, Germany**

© Peter Palm, карты, 2005

© ООО «Кучково поле», издание на русском языке, 2015 © Ланник Л. В., ООО «Кучково поле», пер. с нем., 2015 © Ланник Л. В., вступ ст., коммент., 2015

Предисловие к русскому изданию

Книга «Империи. Логика господства над миром» Герфри- да Мюнклера, опубликованная около 10 лет назад, отнюдь не случайно выходит теперь в России. Ее автор — известный немецкий политолог, специалист по современным международным отношениям, родился в 1951 г. в Западной Германии. Закончив университет во Франкфурте-на-Майне, он продолжил заниматься политологией, в частности защитил диссертацию об историософии Никколо Макиавелли, а затем написал и еще одну работу по политической истории раннего Нового времени. С 1992 г. Мюнклер работает в Гумбольд- товском университете в Берлине, а с начала 2000-х, после терактов 11 сентября, более 10 лет занимается проблемами современных малых войн, реакцией на имперские действия США, следствием чего и стал выход в 2005 г. этой книги. Работа немедленно была удостоена внимания ведущих специалистов, в том числе и тех, на кого в свою очередь опирался при написании книги сам Мюнклер, выступивших с хвалебными рецензиями в основных периодических изданиях ФРГ. Причем даже тогда эта монография, ставившая весьма злободневные вопросы, была сочтена достаточно сдержанной и глубоко фундированной по сравнению с типичной политической публицистикой на актуальные темы1. Отмечалось отсутствие исторического пафоса, излишних эмоций, хотя и говорилось об опасности едва ли не возвращения Мюнклером в политическую теорию и анализ заветов первого из героев его исследований — Н. Макиавелли. Сейчас, 10 лет спустя, многие из затронутых тогда автором вопросов

кажутся отнюдь не утратившими своей остроты, в чем-то теперь его рассуждения о будущих взаимоотношениях между США, Евросоюзом и его периферией представляются едва ли не пророческими, притом что они являются результатами не догадок автора, а применения выстроенных им концепций и системы понятий к текущей политической ситуации.

Г. Мюнклер продолжает активную работу по имперской проблематике, недавно выпустив куда более объемный, нежели этот, труд по истории Первой мировой войны. Будучи весьма плодовитым автором, Мюнклер удостаивался многих престижных наград и стипендий, а издательство «Rowohlt» стало для него фактически постоянным партнером. Став в юности сторонником социал-демократических идей, Мюнклер и сейчас работает над проектами по публикации наследия Маркса и Энгельса, а также Л. Фейербаха, что отнюдь не делает его фанатичным приверженцем марксистской методологии. Он выступает и в качестве политического обозревателя, высказываясь порой достаточно резко по меркам проамерикански настроенных кругов Запада, приводя аргументы против недавних законодательных инициатив в сфере регулирования Интернета или по вопросу о кризисе на Украине и в Крыму. Настаивая на более самостоятельной позиции Европы, вплоть до придания политике ЕС фактически имперских черт, Мюнклер в то же время настаивает на учете имперской логики в действиях и других держав, в частности России. Многие из его статей на злободневные темы и легли в основу книги, что потребовало от автора значительных усилий по систематизации своих работ.

Уже оглавление книги — шесть глав, шаг за шагом разбирающих поставленные вопросы, порой почти риторические, — показывает, сколь целостную концепцию имперской теории и истории попытался создать автор, привлекая широкие, но при этом лишь безусловно необходимые исторические аргументы и параллели. Большую роль для Мюнклера играют не только марксистские построения, но и долгое время не считавшаяся несовместимой с ними теория элит. Автор не стесняется принципиальной, хотя и корректной критики многих теорий, положения которых за десятилетия стали восприниматься некритически, без действительно объективного анализа выдвинутых гипотез. В частности, ему удается достаточно легко показать тенденциозность многих теорий империализма, но отнюдь не для того, чтобы впасть в иную крайность — увлечение субъективными факторами, встав «на грань психопатологии».

Большой опыт общения с американскими коллегами проявляется в увлечении автора устоявшимися в международном научном сообществе

англоязычными терминами, которые он использует без перевода, в основном для того, чтобы не нарушать принципа «бритвы Оккама», а также ради демонстрации смыслового единства с коллегами из США, Великобритании и других стран. При высокой интегрированности научного пространства Европы и Северной Америки это является не только признаком хорошего тона, но и устоявшейся традицией, отражающей даже на уровне лексики стремление исключить погрешности перевода при заимствовании концептуальных идей. В России такая манера далеко не столь распространена, однако вряд ли стоило бы приводить текст Мюнклера к отечественным стандартам академического изложения, которые при всех их многочисленных преимуществах восходят все же к советской эпохе и поставленным ею политико-пропагандистским задачам. К тому же современного читателя едва ли можно удивить значительным количеством англицизмов или цитированием англоязычных авторов на языке оригинала.

По ходу повествования, зачастую в комментариях к тексту автором был допущен ряд неточностей, а то и явных фактических ошибок, что заставило дополнить его сноски примечаниями переводчика. Зачастую спорные утверждения связаны с логикой отстаиваемой в книге концепции, однако едва ли уместно упрекать Мюнклера в намеренном искажении или тенденциозном отборе фактов. Скорее речь идет о манере, достаточно часто встречающейся в работах такого уровня, требующих известной генерализации. Масштабы увлеченности их авторов собственными действительно стройными выводами, столь удачно складывающимися в простую до гениальности картину, приводят к тому, что необходимости перепроверки отдельных ее элементов, особенно второстепенных, элементарно не ощущается. Кроме того, разнится и уровень владения историческим материалом. Это связано не только с особенностями подбора литературы, но и с кругом общения, что на примере данной книги просматривается вполне отчетливо. Супруга автора, несомненно, сделала многое для того, чтобы у него была точная и высокопрофессиональная оценка ситуации в Испании Нового времени, так как Марина Мюнклер долгое время занималась этой проблематикой в своих научных изысканиях. С другой стороны, действительно близких людей и единомышленников, являющихся специалистами, например, по России, у автора, очевидно, нет, отсюда многочисленные неточности, тем более бросающиеся в глаза представителю той страны, о которой он пишет с такой уверенностью.

Примечания ничуть не уступают по важности основному тексту и демонстрируют набор тех авторов, которые принципиально важны для

построений Мюнклера. С некоторыми из них он полемизирует, в ряде же случаев избранные работы являются для него не требующим перепроверки источником информации по истории той или иной страны в данный конкретный период. Разумеется, было бы неверно ожидать иного подхода в достаточно глобальной работе с такими хронологическими рамками, однако остается ощущение того, что представленный взгляд на историю империй основан на вполне определенном наборе прочитанных автором трудов, которые он счел лучшими по данной тематике к настоящему моменту. При этом для него нет безусловного приоритета новейшей литературы, кроме того, его как политолога впол-

в интересующей его сфере еще в Афинах классического периода. Отсюда же и проблема подбора синонимов, вообще значительно менее актуальная для немецкого языка, нежели для русского, а в данном случае еще и сопровождающаяся необходимостью максимально точно передать мысль автора. Сам Мюнклер лишь под конец книги проводит четкое различие между эпитетами «имперский» и «империалистический», однако их дифференцирование слишком важно для методологии его подхода и его анализа построений других ученых, чтобы можно было достаточно вольно оперировать ими, а тем более взаимозаменять ради стилистических красот. Стиль же самого автора достаточно характерный для политологических работ: обилие специфических даже по меркам смежных гуманитарных дисциплин терминов при достаточно живом изложении, приближающемся к манере устного выступления, без претензий на излишнюю наукообразность или нейтральную туманность выводов и формулировок. Терминология автора, характеризующаяся большой долей заимствованных из других языков понятий, представляет определенную трудность для отечественного читателя, в том числе потому, что, в связи со сравнительной новизной политологии как научной дисциплины в нашей стране, в ряде случаев устойчивой традиции в передаче тех или иных понятий еще не сложилось либо же попытки введения в отечественный научный оборот того или иного термина пока и не предпринимались вовсе. Разумеется, этот процесс будет в дальнейшем выведен на должный уровень, но в настоящий момент остается риск не слишком корректного использования неологизмов или уже имеющихся, но применяемых в несколько иных случаях терминов. Остается лишь надеяться, что интенсивные исследования истории и теории империй в России, на недостаточное внимание к которым на Западе справедливо сетует автор, смогут ликвидировать существенное отставание в развитии понятийного аппарата.

Мюнклер не стремился сделать свою работу дискуссионной, не был он

склонен и к апологетике тех или иных подходов. При этом его нельзя упрекнуть в расплывчатости или двойственности формулировок: во многом он предоставляет читателям делать дальнейшие выводы самостоятельно, однако подбор аргументов таков, что едва ли возможно усомниться в изложенной им версии событий. Представляется, что автору удалось чрезвычайно корректно, но при этом метко определить слабые стороны многочисленных теорий империй и империализма, не поддался он и искушению увлечься новомодными психологическими или конспирологическими теориями. При этом никаких роковых диагнозов он не ставит, ограничиваясь демонстрацией подмены оппонентами логики причинно-следственных связей, на которой они и построили свои выводы. Определенное спокойствие, с которым он пишет о самых трагических моментах истории Старого и Нового Света, порой вызывает даже ощущение подозрительного равнодушия автора, однако тот всего лишь остается в рамках анализа, не позволяя эмоциям воздействовать на ход рассуждений.

С основными выводами работы, с элементами авторской концепции, последовательно изложенными в предисловии и шести главах, без явных разрывов или переходов на не связанные друг с другом темы, остается только согласиться. Вероятно, не считая неточностей в исторической канве и некоторых смелых генерализаций, автор не дает повода к упрекам в поверхностности или в пристрастном отборе поля доказательств с зияющими лакунами, что было столь характерно, например, для Тойнби или Шпенглера. Нет у него и очевидных фаворитов или злодеев, хотя сквозит вполне предсказуемая симпатия по отношению к европейским империям, а также к Евросоюзу при несколько схематичном представлении об Азии и о России. Нельзя назвать работу подчеркнуто критической по отношению к США, хотя Мюнклер явно отдает предпочтение авторам, негативно воспринимающим американскую политику последних десятилетий. Тем не менее, нельзя утверждать, что автор игнорировал или опровергал мнение тех из аналитиков, кто выступает за развитие американской экспансии в самых различных ее формах. Мюнклеру удалось столь сжато и точно изложить основные позиции современных политологов по ряду важнейших проблем, что некоторые фрагменты его труда напоминают хрестоматию достижений западной политической науки.

Для искушенного читателя книга составит определенный интерес как компактное и объективное подведение итогов исследований в сфере геополитики по состоянию на начало XXI в. Первым и самым масштабным из сделанных в ней выводов является бесспорное, по-видимому, положение

о смене геополитики, в привычном понимании этого термина, геоэкономикой, что за время, прошедшее с момента выхода книги в свет, уже подтвердил мировой финансово- экономический кризис, начавшийся в конце 2006 г., а также резкое обострение международных отношений в связи с событиями на Украине и Ближнем Востоке, стартовавшее около года назад. Мюнклер писал заголовки, доходя почти до аллюзий к названиям крупнейших геополитических работ конца XX — начала XXI в., что выдает желание вписать работу в уже сложившийся контекст восприятия процессов в мировой политике. Сейчас многие казавшиеся давно опровергнутыми мифы холодной войны усердно тиражируются, фактически отбрасывая культуру восприятия геополитических проблем на десятки лет назад. Вслед за Мюнклером вряд ли следует концентрироваться на поиске виновных в этом, куда конструктивнее вернуться к аналитическому, на грани бесстрастности взгляду на расстановку сил и ход событий на «великой шахматной доске». Представляется, что эта книга, апробированная внимани

ем зарубежной общественности и прошедшим со дня публикации десятилетием — что снимает всякие подозрения в ее конъюнктурное™, — поможет в разрешении вышеупомянутой задачи.

Л. В. Лапник

Предисловие автора

Теория и история империй не интересовали немецкую науку с середины XX столетия. Лишь крушение Советского Союза ненадолго возродило интерес к этой теме, но тогда его определяла легковесная установка, что эпоха империй, восходящая к временам ранних цивилизаций, теперь определенно подошла к концу. В последние годы, когда в мире стала очевидна новая роль США, ситуация внезапно изменилась. И вот уже заговорили об «американской империи», а критика действий США на международной арене приобрела устойчивые антиимпериалистические черты. Соединенные Штаты и ранее часто обвиняли в империализме — в ходе войны во Вьетнаме, в связи с военными интервенциями в Латинскую Америку или в Персидский залив. Но если такого рода упреки высказывались против конкретных действий и решений американского правительства, антиимпериалистическая идея в целом направлена против превосходства США и их стремления к доминированию вообще. Она демонстрирует более категоричный подход.

Обречено ли мировое сообщество на некое имперское господство ради его же собственной безопасности? Или же имперское доминирование является тяжелейшим препятствием для мирового порядка, и было бы лучше, если бы его не было вовсе? К этим вопросам, как правило, сводились дебаты накануне недавней войны в Персидском заливе. Действительно, объединенное в рамках ООН мировое сообщество за прошедшие годы все снова и снова прибегало к возможностям имперского доминирования. Но никто не желал признавать, что использование этих возможностей не пройдет даром, а США потребуют за это особых привилегий. Раздражение, вызывавшееся подобными догадками, обуславливалось и тем, что имперские функции и претензии уже давно никто исследовал.

Империи — это не просто большие государства; они развиваются по собственным законам. Государства связаны порядком, создаваемым ими совместно с другими странами, и поэтому распоряжаться им в одиночку они не могут. Империи, напротив, полагают себя создателями и гарантами порядка, зависящего исключительно от них самих. Этот порядок создается ими для защиты от хаоса, в котором они видят постоянную угрозу, и этот порядок они обязаны защищать. История не только США, но и других империй показывает, что применение по отношению к ним таких понятий,

как «оси зла» или «форпосты тирании», не является чем-то оригинальным. Такого рода характеристики сопровождают империи на протяжении всей их истории.

Страшащаяся хаоса империя видит себя в роли защитника порядка, противостоящего беспорядку, носителя добра, борющегося со злом. В этом состоит имперская миссия, которая позволяет империи легитимизировать свои действия, в этом — основополагающее оправдание построения мировой империи: идет ли речь о распространении цивилизации или же о насаждении в мире общественного порядка, защищающего права человека либо содействующего развитию демократии. В то время как государства останавливаются у границ других государств, предоставляя соседям самостоятельно разбираться со своими внутренними проблемами, империи, выполняя свою миссию, вмешиваются в чужие дела. Поэтому империи способны вызывать к жизни более масштабные изменения, нежели те, которые позволяет осуществить структурный консерватизм системы сосуществующих государств*

В подобном ракурсе совсем не подтверждается мнение, ставшее само собой разумеющимся под влиянием теорий империализма: глобальный порядок сосуществования равноправных государств без имперского лидера является чем- то желательным, оправдывает себя как цель. После гибели Римской империи политическая ситуация на европейском пространстве складывалась так, что здесь уже не возникло постоянной и дееспособной имперской силы — претендентов на эту роль было достаточно, однако все они быстро терпели крах. Не считая того, что на других континентах европейцы весьма успешно строили огромные империи, в самой Европе ситуация уже больше не менялась. При этом в Азии политическое устройство было таково, что империи окружали себя поясом зависимых государств. А значит, пространство здесь было жестко центрировано, в то время как в Европе возникла разносторонняя полицентрическая система.

Наше понимание феномена империй определяется представлением, что периферия ими опустошается и эксплуатируется: она беднеет, в то время как центр становится все богаче. Такие империи действительно существовали, но всегда непродолжительный срок. Спустя некоторое время сопротивление центру нарастало, а цена господства превосходила приобретения от периферии. С другой стороны, империи, развивавшие свои окраины и заботившиеся о том, чтобы сохранение установленного ими порядка было выгодно не только центру, но и периферии, существовали долго.

В этой книге пойдет речь о типах имперского господства, формах

имперской экспансии и консолидирования, а также о средствах, необходимых для строительства имперского здания. Однако интересующая нас сфера не ограничивается различиями между морскими и континентальными империями, между торговыми или военными, между имперскими ПОрядками контроля пространства и контроля потоков (людей, товаров, капитала). Мы попытаемся также исследовать рациональность факторов и логику мирового господства. Кроме того, здесь будут сделаны прогнозы относительно продолжительности и стабильности американской империи и приведены соображения на тему, как должна вести себя Европа, чтобы, с одной стороны, суметь устоять как самостоятельная политическая сила наряду с США, а с другой — укрепить свои нестабильные, пытающиеся влиться в нее окраины и позитивно воздействовать на своих соседей. Такая Европа не смогла бы избежать приобретения имперских качеств и развития в себе имперских способностей, — и если присмотреться, процесс уже запущен. Хорошим стимулом для него было бы, конечно, если бы имперские по сути действия не рассматривались изначально как дурные и неприемлемые, а считались бы одной из форм решения проблем, наряду с государственной или прочими организационными формами политической деятельности.

Не следует путать это с реабилитацией старых колониальных империй. Миф о необходимости войны за независимость от такой колониальной империи лежит в основе государственности США; для европейца очевидно, что такая форма господства на внеевропейском пространстве уже была когда-то опробована и поэтому должна быть отставлена. Однако следует усомниться, что модель сосуществования государств, основанная на принципах равенства и взаимности, сможет в ближайшие десятилетия отвечать поставленным задачам. Несостоятельность и особенно распад государств провоцируют вмешательство или возникновение империй.

Многие возразят, что противопоставление государства и империи не является исчерпывающей альтернативой, и выскажут свои представления относительно приемлемого политического порядка. При этом они все больше будут отдаляться от действительности. Взгляд вглубь истории показывает,

что любая модель политического устройства, в конце концов, сводится к государству или империи — если понимать эти термины в самом широком смысле и не искать собственного обозначения для каждого специального случая государственного или имперского бытия. Здесь будет рассмотрено, что кроется под понятием империи, какими способами

империи возникают и как они распадаются. При этом в рамках научного исследования будет затронута сфера, уже давно находящаяся в запустении.

Берлин, февраль 2005 года

Что такое империя?

Дебаты относительно недавней войны в Ираке, возможных подоплеках и скрытых целях возобновившегося военного вмешательства США в нефтеносный регион залива и вообще о позиции Соединенных Штатов в Персидском заливе и в Центральной Азии, а также о глубоких разногласиях в рамках трансатлантических контактов привлекли в Европе внимание к возникновению нового мирового порядка после окончания конфликта Востока и Запада. Категорический отказ США связывать себя международными соглашениями, от Киотского протокола и до участия в Международном трибунале по правам человека в Гааге, обозначает новую американскую позицию в рамках политического устройства мира. Кроме того, взаимоотношения США и ООН, которые за последние десятилетия никогда не были безоблачными, совсем отошли на второй план, когда американский президент Джордж Буш- младший в своем памятном выступлении перед Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 12 сентября 2002 г. пригрозил тем, что США будут самостоятельно решать некоторые из насущных проблем по обеспечению безопасности, если Организация, объединяющая мировое сообщество, окажется на это не способна.

И это была не пустая угроза, ведь весной 2003 г. началась Третья война в заливе[1]. Можно было двояко интерпретировать новые условия взаимоотношений США и Совета Безопасности ООН: либо Штаты пытались привлечь его на свою сторону для легитимизации собственных действий, либо же они начали освобождаться от пресловутой роли военной силы, действующей от лица всемирной организации. США больше уже не ставили на службу ООН свою высокоразвитую и дорогую военную машину, последняя теперь действовала, исходя из их собственных интересов и целей. Конфликты накануне войны в Ираке дали, в том числе, и альтернативные версии ответа на вопрос: кто же кого может использовать в качестве инструмента: Соединенные Штаты — Объединенные Нации или Объединенные Нации — Соединенные Штаты1?

Архитектура европейской безопасности, на которую до сих пор полагались в Германии, также показалась теперь непрочной. Долгое время оставалось незамеченным, как в 1990-е годы НАТО из союза на совещательной основе превратилась в инструмент США по контролю за Европой. А для случаев, когда этот инструмент оказывался слишком

громоздким для нужд американской политики, тут же придумали coalition of willing[2]. По сравнению с временами холодной войны фактическая зависимость европейцев от США скорее возросла, нежели ослабла: кто не содействовал наращиванию преимущества американцев, должен был считаться с политическим и экономическим давлением или же осыпался ироническими замечаниями. Те же, кто, напротив, охотно вставали на сторону американцев, могли сделать это в любое время, конечно же, на американских условиях и не получая влияния на базовые политические решения, в чем раз за разом должна была убеждаться даже Великобритания, главный союзник США. При этом проблемы, с которыми столкнулись США в Ираке, в принципе, ничего не изменили. Эра взаимных консультативных обязательств в рамках Североатлантического альянса была позади, а расширение НАТО на Восток впоследствии оказалось шагом, существенно ослабившим влияние союзников эпохи конфронтации Востока и Запада2.

В этой ситуации США стали чаще призывать довольствоваться уже привычной им ролью благосклонного гегемона, а не стремиться к имперскому владычеству. Вес подобным призывам придавали указания на неподвластные контролю риски империй в целом, на опасность их чрезмерного расширения и, наконец, на неизбежное крушение всех предыдущих империй. «Если в прошлом, — утверждает Майкл Манн, британец, преподающий в США, — власть Америки была властью гегемона, то есть часто принималась за рубежом и рассматривалась как легитимная, то теперь она основана на оружии. Это хоронит гегемонию и претензии на статус “благоволящей империи”»3. Тот, кто пытался заменить позицию гегемона на имперскую, не только серьезно рисковал провалить этот проект, но и подвергался опасности потерять гегемонию. Гегемония и империя противостояли друг другу в бесчисленных вариантах, но итог этих противостояний почти всегда показывал, что было бы лучше сохранить гегемонию, нежели стремиться к имперскому господству.

Дебаты, начатые однажды по поводу интересов и планов США в регионе залива, велись с полным набором аргументов и аналогий, и все они привели к сравнениям тревожных новаций в политике США и в расстановке сил на мировой арене с событиями прошлого, переведя их в область вероятного и обозримого. На фоне истории Imperium Romanum[3] стали оценивать шансы и риски американской политики; структура British Empire[4] начала использоваться как модель для определения имперских вызовов и необходимых для ответа на них возможностей США; наконец,

отставшее на доброе десятилетие крушение Советского Союза ставилось в пример как последствие чрезмерной имперской экспансии, которое угрожает и США, если они будут продолжать следовать избранному курсу4. Однако исторические параллели и примеры приводились скорее по ассоциации, нежели системно, и почти все они должны были подтвердить позиции, уже отстаивавшиеся ранее. Они представляли собой скорее исторические иллюстрации аргументов, нежели содержательно доказывали на деле то, что мы могли бы вынести из истории построения мировых империй прошлого.

Итак, сравнение американской и римской истории оказывается актуальным уже потому, что с самого своего основания США сознательно опирались на опыт Римской Республики5. То есть речь идет о критическом анализе параллели, которая издавна занимала центральное место в самосознании и в процессе самопознания американской политической элиты. Сопоставление с Британской мировой империей также весьма уместно, ведь США выступили преемниками британцев везде, где последние сдали позиции после Второй мировой войны, — и здесь не последнее место занимает Средний Восток, с которым сегодня связана большая часть политической активности и военного потенциала США. Соотнесение с Советским Союзом неизбежно уже потому, что США и СССР более четырех десятилетий конкурировали в борьбе за мировое господство, пока при Горбачеве русские, истощенные гонкой вооружений и ценой, которую приходилось платить за сохранение империи, не выбыли из этого планетарного соперничества6.

Однако для обоснованного анализа шансов и рисков американской империи недостаточно сравнения с этими тремя империями. Империя русских царей, Османская и Китайская империи — державы, просуществовавшие максимально долго, — также должны быть непременно привлечены к рассмотрению. Имперское образование монголов XIII столетия тоже не должно упускаться из виду при исследовании имперской логики действий и ее императивов. Хотя оно быстро распалось, территориальная протяженность делает его одним из величайших в истории. Имевшая площадь 25 миллионов квадратных километров Монгольская мировая империя оказалась превзойдена лишь британцами, которые на пике могущества контролировали 38 миллионов квадратных километров, правда, распределенных по пяти континентам, в то время как Монгольская держава была единым образованием, протянувшимся почти через всю Евразию. На пике своего могущества она раскинулась от Желтого моря на востоке до берегов Балтики на западе;

только лишь Индостан, Индокитай, а также Западная, Центральная и Южная Европа оказались свободны от монгольской оккупации[5]7. Что же касается Античности, то помимо Римской империи следует иметь в виду и эллинистические великие державы на Востоке, а среди seaborn empires[6] помимо Британской и Испанской мировых империй необходимо учитывать и Португальскую, ведь она была первой из европейских колониальных империй и последней исчезла с политической карты мира, — конечно, будучи с XVIII в. скорее протеже Британской империи, нежели самостоятельной политической силой8.

Это перечисление демонстрирует основополагающую проблему сравнительного исследования логики действий империй: сначала нужно ответить на вопрос, что понимается под империей. Можно также уточнить различия великих держав и мировых империй. Ответы было бы найти гораздо легче, если бы в прошедшие десятилетия шли интенсивные гуманитарные научные исследования империй, которые бы выработали надежные критерии имперскости. Однако это отнюдь не так. Хотя возникли необозримые объемы исследований по империям в отдельности, а также значительные сравнитель

ные работы по империализму9, вопрос, что же такое империя и чем она отличается от разработанного в Европе политического устройства, фактически остается не исследованным. Это объясняет и то, почему в недавних дебатах относительно политики США использовались скорее излюбленные, но зачастую лишь огульно-обвинительные значения данного слова. Политология не смогла четко определить это понятие, наполнить его содержательными примерами, а оставила термин на произвол нужд повседневной публицистики.

То, что не было сделано в ходе продолжительной последовательной научной работы, не может быть наверстано сразу. Конечно, до тех пор, пока не ясно, что такое империи и что ими не является, что они должны делать и в чем они отличаются от остальных организационных структур, невозможно добиться результативного сравнительного анализа, значимого для понимания нового мирового порядка и роли в нем США. Понять имперскую логику действий можно лишь в том случае, если хотя бы приблизительно ясно, что именно отличает империю как таковую.

Краткое описание отличительных признаков империи

Чтобы понять, что является империей, сначала следует осторожно обозначить то, что ею точно не является. Во-первых, империю следует отличать от государства, а именно: от обширной институциональной державы, которая подчиняется совершенно иным нормам и логике действий, нежели империя. Последняя начинается как своего рода народное объединение и развивается до концепции оформления границ. Границы в случае государств очевидны; они обозначают переход из одного государства в другое. Такие точные разделительные линии в случае империй бывают лишь в исключительных случаях. Хотя сегодня границы империи уже не теряются в пространстве, где племена и кочевые народы подчинены имперскому порядку либо противостоят ему и где больше нет свободных от чьего-либо владычества территорий, на которые могли претендовать классические империи, имперские границы отчетливо отличаются от государственных.

Имперские границы не разделяют равные по статусу политические образования, а скорее представляют разные ступени власти и влияния. К тому же, в отличие от государственных границ, они полупроницаемы: тот, кто хочет попасть в имперское пространство, должен удовлетворять иным условиям, нежели тот, кто его покидает. Это зависит как от экономической, так и от культурной привлекательности империй; они ориентированы скорее внутрь себя, нежели вовне, что имеет свои последствия для пограничного режима. Американцы ездят и работают по всему миру. Однако тот, кто не обладает американским гражданством, при прочих равных условиях в США не попадет. В этом и проявляется статусная разница: граничащие с империей общности не имеют того же статуса, что и империя.

Полупрозрачность имперских границ подходит для радикально различных условий интервенции. Так, США с конца XIX века раз за разом вмешивались в политику других стран в Центральноамериканском и Карибском регионах, однако интервенция со стороны этих стран на территорию самих Соединенных Штатов, и экономическая, и политическая, и, тем более, военная, была для них немыслима. Прежде всего, именно это несоответствие отличает имперские границы от государственных. Империя не имеет соседа, которого бы признала равным

себе, а это значит — имеющим те же права; в случае же государства правило строго обратное. Иными словами, государства всегда множественны, империя же, как правило, сингулярна. Эта действительная или лишь декларируемая уникальность империи не может не влиять на тип ее внутренней интеграции: если государства вследствие прямой конкуренции с соседними странами объединяют свое население, прежде всего, гарантируя им равные права, живут ли они в сердце страны или же в приграничных регионах, в империях почти всегда степень интеграции уменьшается по мере отдаления от центра, с чем, как правило, связано и убывание правовых гарантий, и все меньший набор возможностей влияния на политику центра. В случае с США это проявляется на всех тех территориях, которые находятся под американским влиянием, но не имеют шанса приобрести статус штата. Несколько примеров подобного можно найти в Карибском регионе[7].

Имперские границы могут также быть при этом и государственными. Европейские колониальные державы внутри Европы были разделены государственными границами, в то время как в Африке и Азии они имели имперские границы со своими соседями — как правило, небольшими вождествами. Оба типа границ различаются вполне отчетливо, по ним понятно, что же начинается за ними: государство или империя. Имперские границы, тем не менее, могут и попросту раздвинуть государственные и таким образом их усилить: между Федеративной Республикой Германия и ГДР[8] сначала пролегала государственная граница, являвшаяся одновременно и внешней границей Советской империи; это ее проявление и придало ей характер, с которым она вошла в историю. С тех пор как все пригодные для заселения территории на планете политически оформились, войдя в состав государств, два типа границ стали лишь дополнять, но не заменять друг друга: имперские структуры накладываются на государственные, но уже не приходят им на смену. Это и сделало задачу выявления империй столь сложной. Кто понимал имперскость исключительно как альтернативу государственности, тот приходил к выводу, что сегодня империй уже нет. Тот же, кто, напротив, исходил из наслаивания имперских структур на государственные, сталкивался с элементами власти и влиянием, не идентичными государственному устройству. То, что имперские структуры теперь отошли скорее в область неформального, является следствием своеобразной ситуации с границами империй. Государственные границы часто объединяют в себе политические и экономические, языковые и культурные рубежи. Это, с одной стороны,

придает им прочность, с другой — делает их жесткими и непластичными. Имперские границы, напротив, допускают разделение политических и экономических рубежей, культурные различия здесь уже уходят на второй план, а языковые и вовсе не актуальны. Это придает границам империи формальность и увеличивает их подвижность.

Во-вторых, следует обозначить империю, отделив ее от гегемонии, при этом, однако, необходимо добавить, что переходы между гегемониальным преобладанием и имперским господством достаточно расплывчаты. Тем не менее, было бы вполне уместно отличать их друг от друга. Гегемония представляет собой преобладание в рамках группы формально равных по правам политических сил; имперскость же прекращает это, пусть и формальное, равенство, низводя подчиненных до статуса зависимых государств или же сателлитов, которые находятся в более или менее очевидной зависимости от центра.

В истекшие десятилетия позиции Советского Союза в Варшавском договоре и США в НАТО демонстрировали контраст между империей и гегемонией: Советский Союз должны были окружать государства-сателлиты, чьи действия определяются центром10, НАТО же, напротив, понималась как система принципиально равных союзников, среди которых США получили выдающееся значение как крупнейший и сильнейший из партнеров. Именно они назначали главнокомандующего вооруженными силами, в то время как остальные страны-члены могли рассчитывать на должность генерального секретаря. В противопоставлении НАТО и Варшавского договора также проявилось то, что разница между гегемонией и империей в ходе конфронтации Запад — Восток приобрела политически-идеологическую окраску.

Иное, требующее погружения вглубь истории и более беспристрастное с политической точки зрения объяснение разницы между гегемонией и империей — это пример превращения Делосского афинского морского союза в афинскую талассократию. Первоначально морской союз подразумевал коалицию, направленную против персидского доминирования на западном побережье Малой Азии и на пространстве Эгейского моря, в котором все партнеры обладали равными правами. Конечно, с самого начала их вклад был разным: некоторые лишь платили деньги, другие направляли несколько кораблей, однако базовый военный флот неизменно приходил из Афин11.

Существовавшая на деле неравнозначность вкладов и возможностей повлияла на внутреннее устройства союза, который все более превращался из тууецсл^а в «РХП[9]: из преобладания получилось владычество12.

Афины назначали главнокомандующего и казначея союза, они определяли величину вкладов, доминировали в коммерческом суде и добились того, что их власть и влияние распространились на все входящие в союз области. Вдобавок они держали гарнизоны в городах партнеров по союзу и тем самым оказывали влияние на их внутренние дела. Наконец, они перенесли казну союза из Делоса в Афины, заставили приносить присягу на верность, но не «Афинам и их союзникам», а «народу Афин», и передо- жили право решения вопросов войны и мира с собрания союза на афинское народное собрание. Из гегемонии родился деспот, как об этом заявляли коринфяне, когда они вступали в Лакедемонский союз для войны с Афинами13.

Новое позиционирование себя Соединенными Штатами в рамках «Запада» хорошо рассматривать на фоне превращения Делосского афинского морского союза в афинскую талассократию. Ни по территориальным масштабам, ни по продолжительности существования Афины не были настоящей империей, однако многие элементы имперской политики здесь можно наблюдать, как под лупой, — не в последнюю очередь потому, что этот ход развития событий был образцово описан школой историка Фукидида. В связи с этим речь об афинском морском владычестве заходит всякий раз даже несмотря на то, что он лишь отчасти вписывается в общее понятие империи.

Наконец, в-третьих, империю следует отграничить и от того, что с XIX века называлось империализмом. Разница между теориями империи и теориями империализма позволяет для начала отказаться от всех оценочных перспектив, как и от всех теорий империализма, и аналитически взглянуть на необходимые имперообразующие действия. Кроме того, концепция империализма и связанные с ней теории принципиально рассматривают становление империй как процесс, развивающийся от центра к периферии, предполагая однонаправленность развития, которая при изучении реально существующих империй является скорее препятствием.

Империализм подразумевает существование некой воли к империи; неважно, возникает она из политических или экономических соображений, — она и является решающей, если не единственной причиной образования мировых империй. На другой концепции основан знаменитый афоризм английского историка Джона Роберта Сили, который в 1883 году заявил, что Британская империя появилась «in a fit of absence of

mind»[10], то есть в момент рассеянности14. Именно своей стратегической однобокостью—а Сили хотел таким образом призвать к сознательной империалистической политике, так как опасался, что вскоре

Британская мировая империя будет разорвана новыми великими державами, США и Россией, — эта формулировка показывает, в какой степени теории империализма переоценивают целеустремленность и осознанность действий участников игры, тем самым запутывая историю возникновения империй. Grand strategy[11] едва ли может быть положена в основание строительства империи. Большинство империй обязаны своим существованием определенному сочетанию случая и разовых решений, которые зачастую еще и принимаются персонами, не обладающими для этого достаточными политическими правами. В этом контексте почти все империи возникли «в момент рассеянности».

Взгляд на центр, который доминирует в империалистических представлениях, должен быть дополнен взглядом на периферии — на тамошний вакуум власти и экономическую динамику, на просьбы о вмешательстве в региональные конфликты подчиненных и на решения ответственных на местах. В формуле «империя по приглашению», которая в последнее время стала использоваться для обозначения расширения американской сферы влияния15, следует искать в первую очередь выражение инициирующей функции периферии при возникновении империи. Без сомнения, бывает и имперская динамика, направленная из центра к периферии, все далее расширяющего управляемую территорию; при этом, однако, следует отметить исходящий от периферии втягивающий импульс, который также ведет к распространению сферы владычества. Какой из двух эффектов действует сильнее, можно определить лишь от случая к случаю. В то время как теории империализма предполагают, что важнейшей является динамика центра16, здесь мы будем исходить из того, что пристальное наблюдение за периферией важно не только в отношении империй прошлого, но и для анализа американской политики последних десятилетий.

Мировые державы и великие державы

Попытка очертить контуры феномена «империя» путем сравнения с прочими политическими структурами будет продолжена и в последующих главах. Однако прежде следует обозначить еще несколько эвристических критериев, которые бы определили разницу между мировыми империями и региональными или кратковременными имперскими образованиями.

Для начала необходимо иметь в виду временную продолжительность существования империи, проходящей по меньшей мере один цикл взлета и падения, а затем обязанной начать новый17. Критерий длительности существования империи отсылает к институциональной способности к реформированию и регенерации, за счет которых империя теряет зависимость от харизматических качеств своего основателя (или поколения основателей). Поэтому ясно, что наполеоновская великая имперская держава в дальнейшем не будет привлекать нашего значительного внимания, как и еще быстрее провалившийся опыт итальянского фашизма и немецкого национал-социализма или же японская попытка создать «Восточноазиатскую сферу сопроцветания».

Тяжелее решить этот вопрос применительно к вильгель- мовскому Кайзеррейху[12], который, даже если его имперская политика началась не с момента его основания в Зеркальной галерее Версаля, а лишь после отправки Вильгельмом И в отставку Бисмарка, в целом просуществовал дольше, нежели ограничившиеся в основном лишь начальными успехами имперские проекты Муссолини и Гитлера. Если же свести вильгельмовскую и нацистскую имперскую политику в два следовавших один за другим цикла, разделенных лишь поражением в Первой мировой войне, то появляются некоторые основания включать Германию в ряд империй. При условии смены элит можно было бы говорить и об обозначенной выше регенерации*. Нечто похожее может быть сказано и относительно японского проекта большой империи, в случае если его началом полагать русско-японскую войну 1905 года**. Однако и в этом случае следует добавить важное замечание о том, что построение действительно мировой империи в обоих случаях началось очень поздно, а существование самих империй имело сравнительно небольшую продолжительность. Более того, на основании быстрого краха Германии и Японии не представляется возможным четко определить, идет ли речь о мировой или региональной великой державе. В отличие от Майкла Дойла,

который в своем сравнительном анализе великих держав уделил Германии и Франции центральное место, здесь обе они будут приводиться лишь как пример failed empires***18.

Помимо критерия временной протяженности важна протяженность пространственная: держава, которая не располагает более чем солидной областью своего господства, попросту не может быть всерьез названа империей. Так, Дунайская монархия* ** * за счет продолжительности существования может быть без сомнения причислена к имперским державам, однако едва ли это допустимо в территориальном отноше- нии. Скорее в данном случае речь идет о среднеевропейской

*** Автор не останавливается подробно на ведшейся в исторической науке дискуссии о принципиальной преемственности Второго и Третьего рейхов, хотя высказывались прямо противоположные точки зрения. В том числе не было единого мнения и относительно обновления немецких элит.**

**** Точнее, 1904-1905 гг.**

***** провалившихся империй.**

****** Имеется в виду Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгрия.**

великой державе, которая в «концерте европейских держав» находилась примерно наравне с таким государствами, как Франция, и вовсе не стремилась к гегемонии во всей Европе. Ее державный статус—даже когда Габсбурги носили германскую императорскую корону, — ограничивался среднеевропейским пространством. Исключение составляет император Карл V, который был также королем Испании и правителем Нидерландов и располагал значительно большими ресурсами, нежели императоры, резиденция которых позднее находилась в Вене. С разделением испанской и немецкой линий дома Габсбургов в 1556 году все имперские признаки остались за Мадридом19. Знаменитая имперская формула «AEIOU», то есть Austriae est imperare in orbe ultimo («Все земли подчиняются Австрии»), после этого осталась лишь исторической реминисценцией20.

Критерий пространственной протяженности может быть куда легче применен к континентальным империям, нежели к морским, чья власть и влияние проявляются не в количестве управляемых ею квадратных километров, а в контроле над потоками товаров, капиталов и информации, а также над узловыми с экономической точки зрения пунктами21. Океанские гавани и охраняемые торговые маршруты, имеющиеся ресурсы и доверие партнеров по бизнесу к признаваемой повсеместно валюте куда

важнее для проявления мощи морских империй, нежели физический контроль над территориями22. Мы еще вернемся к этому центральному различию в устройстве имперской власти, которое так по-разному проявляется у континентальных и морских империй. Здесь же нас пока интересует лишь то, что геоэкономические факторы не могут рассматриваться как не зависимые от устройства имперской власти. Контроль над торговлей тоже может быть источником имперской власти, как и господство над регионами и территориями. В конце XVI столетия Испания не обладала ни одним имеющим международное значение торговым или банковским городом. Поэтому она не была в состоянии контролировать общеевропейскую экономику, а следовательно, не смогла помешать возвышению Англии до конкурирующей и в конце концов победившей ее империи.

При этом даже беглый взгляд на начавшийся закат Испании и возвышение Англии показывает, что контроль над потоками товаров и капиталов и захват территорий не могут быть просто отделены друг от друга. Поскольку Испания потерпела неудачу в попытке вернуть под свое покровительство Нидерланды, а там, где испанцы добились возвращения своей власти, торговля приходила в упадок, испанская империя потеряла экономический контроль над Европой, а значит, и международную кредитоспособность. Следствием этого стала финансовая несостоятельность Испании. Победа Армады в 1588 году и вторжение в Англию были бы последним шансом испанцев окольным путем, за счет территориальных захватов, вернуть контроль и над экономическими потоками. Когда кампания не удалась, момент наивысшего расцвета имперского владычества Испании оказался позади.

Геополитические и геоэкономические факторы взаимосвязаны для имперской власти еще сильнее, чем для государственной. А так как эти факторы постоянно взаимодействуют, их следует рассматривать совместно. Кроме того, важную роль для взлета и падения империй может играть дополнительный фактор военного превосходства, оказавшегося, например, в 1588 году у англичан в связи с лучшим развитием металлургии и качеством литья пушек23. Тем не менее, пример с Испанией и Англией прежде всего показывает, что пространственный критерий мировой империи не позволяет ограничиваться лишь психологическим контролем над территорией — значительную роль играет также управление потоками товаров и капитала. Критерий пространственной

протяженности, таким образом, по меньшей мере, столь же комплексный, как и временной.

Это ставит один из сложнейших вопросов при определении мировых империй, а именно, что же понимать под эпитетом «мировая». Если иметь в виду Землю в ее планетарном измерении, лишь США, да и то только после крушения Советского Союза, могут считаться мировой империей. В крайнем случае, в качестве их предшественника можно было бы назвать Британскую империю. Но на этом закончились бы основания для проведения сравнительного анализа мировых империй. В принципе, именно к таким выводам приходят некоторые авторы, указывающие на исключительное место США в мировой истории: ведь здесь якобы впервые возникла держава, охватывающая планету, причем неважно, было ли это сделано средствами неформального доминирования или же формального владычества, — в этом контексте любые дальнейшие исследования истории мировых империй бесполезны для понимания современного положения дел. В известной степени такой модели аргументации следуют Майкл Хардт и Антонио Негри в своей книге «Империя» (2002), при этом идентифицированная ими империя, конечно же, вовсе не списана с американской державы, а формулируется скорее как новая сетевая структура поверх политических границ и суверенитетов.

Безусловно, более пристальный взгляд на власть США показывает, что она проистекает из контроля не только над территорией планеты, но и над мировым пространством в целом. Это связано с наличием управляемых крылатых ракет, которые дают американским военным потенциальную возможность вмешиваться в войны в любой точке Земли, а также со способностью американцев соединять экспансионистские и технологические фантазии человечества и направлять их в определенное русло — от высадки на Луне и постоянного пребывания на околоземной орбите до колонизации Марса.

Вследствие этого понятие «мировой» уже приобретает над-планетарный уровень24. Трансглобальность — важный источник власти американской империи. Однако это не позволяет говорить о ее уникальности по сравнению с более ранними империями.

«Мир» — величина относительная и растяжимая, которая не может быть исчерпана неизменными величинами вроде географического очертания континентов или физических масштабов глобуса. Образ ойкумены определяется тем или иным полем зрения и горизонтами каждой конкретной цивилизации, то есть факторами скорее культурными и технологическими, нежели чисто географическими25. С распространением торговых связей, по мере углубления информационных потоков, с упорядочиванием познаний и навигационных навыков «мир» постоянно

увеличивается. Поэтому претензии на мировое господство со времен империй Античности и до настоящего времени все более расширялись, и сейчас на Земном шаре осталось место лишь для одной-единственной империи — в соответствии с тем принципом, что империи должны настаивать на своей исключительности и оригинальности.

С Античности и до Нового времени на Земле находилось место сразу нескольким империям, однако это никак не обесценивало их претензий на имперскость. Китайская и Римская империи столетиями существовали как «параллельные»26, но их легитимность не подвергалась сомнению. Возглавлявшиеся обеими империями «миры» друг друга не касались. А вот сосуществование византийских императоров с каролингскими, оттоновскими или салическими[13] ставило их имперскую легитимность под вопрос: они принадлежали к одному «миру», и в нем мог быть только один верховный властитель с императорским титулом. В соответствии с этим они, по меньшей мере, оспаривали церемониальные проявления претензий на равенство с ними себе подобных27.

Опять же сравнительно просто вплоть до начала XX столетия сосуществовали Британская империя и империя русских царей; возглавлявшиеся ими «миры» были отделены друг от друга и, прежде всего, слишком различны[14]. И это связано не столько с теми пространствами, которые когда-то контролировали британцы и русские, и не столько с разделением Азии на северную и южную половины вдоль крупных горных цепей от Кавказа и до Гималаев28, сколько со способом осуществления господства обеими сторонами: интегрировавшаяся административно, а при необходимости и военным путем континентальная империя русских и поддерживавшаяся в основном за счет экономического обмена по морским каналам империя британцев друг другу не угрожали и не мешали — конечно, до тех пор, пока русские не начали открыто «прорываться к теплому морю».

Все изменилось у империй-преемниц британцев и русских — США и Советского Союза: уже самой своей руководящей идеей, своей миссией, они подвергали сомнению право на существование другого. Вдобавок они конкурировали в одних и тех же пространствах и сферах: от прорыва Советского Союза к мировому океану за счет построения значительного военного флота и до гонки за господство в космическом пространстве. В отличие от Британской империи и империи царей, для США и Советского Союза существование другого являлось ограничением для их претензий на имперское господство. Они делили общий «мир», в то время как царская

империя и Британская владычествовали каждая в своем «мире».

Однако есть и то, что было несовместимо с существованием «миров» британской морской империи и русской континентальной империи, — третья империя, которую тщетно пытались воздвигнуть в оставшемся между ними промежутке. Она вынуждена вступать в конфликт с одной из империй, который потом выливается в большую войну, а в нее в конце концов включается и вторая империя. В этом можно увидеть логику действий обеих ограниченных собственными «мирами» империй, подразумевающую, что они после периода наблюдения и зондирования начинают содействовать друг другу против третьей и мешать ей наращивать свою мощь. Это повторялось от Наполеона и Вильгельма II до Гитлера и императора Хирохито, при этом с какой из обеих империй вступает в стратегическую конфронтацию третья, остается неважным. Для Наполеона изначально это была Британская империя, в то время как Вильгельм II и Гитлер пытались по возможности избежать противостояния с британцами, ограничивая свои претензии на господство европейским континентом или же поворачиваясь на Восток. Наполеон и Гитлер потерпели главное поражение на Востоке, Вильгельм II, напротив, лишился трона и империи в конфликте с Западом. Наконец, Япония, которой в начале XX столетия удалось реализовать себя в борьбе с Россией, во Второй мировой войне потерпела крах в схватке с США, которые при этом искали стратегического сотрудничества с Советским Союзом. Конечно, во всех случаях напрашивается версия об императиве к взаимодействию морской и континентальной империй против третьей, об их интересе к мерам, обусловленным имперскими «мирами» своего времени и применявшимся для достижения всех целей и планов, которые только возникали29.

Должны ли мы здесь более подробно описать эти имперские «миры», внешние границы которых просматриваются сравнительно легко? Что же характерно для их сути и в чем они отличаются от неимперских миров? И не в последнюю очередь: есть ли признаки того, что базовые пространства континентальных и морских империй в чем-то близки?

Характерная для имперского пространства разница между центром и периферией уже упоминалась; в империях, основанных на владении пространством, она столь же заметна, как и там, где власть покоится на контроле за потоками. Помимо этого в литературе раз за разом встречается указание на полиэтнический или многонациональный характер империй. Однако такая особенность все же вызывает некоторые проблемы, потому что, с одной стороны, тривиальна — обширные империи неизбежно

объединяют многие этнические или национальные общности, — ас другой — политически ангажирована решение, что есть этнические и национальные отличия, утверждаются ли они или же нивелируются, принимает имперский центр в духе принципа divide et impera[15]30.

И главным образом в европейском пространстве во взаимоотношениях между западноевропейскими национальными государствами и средне- и восточноевропейскими империями всегда вставал вопрос о том, что же является их силой, а что слабостью: национальная сплоченность или же полиэтническое разнообразие. Под впечатлением от общепризнанной слабости Османской империи, а также от центробежных тенденций в Дунайской монархии и в царской империи к началу XX века возобладало мнение, что в случае конфликта национальное государство будет превосходить полиэтническое имперское объединение (мнение, которое могло бы рассматриваться как подтвердившееся на фоне исхода Первой мировой войны), но взлет США и Советского Союза, а также маргинализация в мировом масштабе европейских национальных государств перевесили чашу весов в другую сторону. Очевидно, в данном случае речь идет о впечатлениях и представлениях, которые имели место в конкретной обстановке и

в определенный период, но вовсе не о способном выдержать эмпирическую проверку критерии научного анализа.

Процентная доля господствующего народа в рамках населения империи показывает, что из этого едва ли можно делать выводы относительно пространственных масштабов и временной продолжительности империи: так, доля китайцев хань в Китайской империи почти всегда превышала 90 %; доля русских в царской империи в 1897 году составляла 44 %[16]; австрийские немцы в Дунайской монархии, по данным последней переписи, насчитывали около 24 %, а британцев в их мировой империи в 1925 году было около 10 %31. По меньшей мере, в кратко- и среднесрочной перспективе эти цифры едва ли позволяют делать дальнейшие умозаключения. Годного для всех империй критерия из этого вывести не удастся.

Неизбежность империалистических интервенций, возможность нейтралитета и мелосский диалог у Фукидида

Куда более перспективным является указание не на полиэтнический или же многонациональный характер империй, а на стремление центральной имперской власти к политической или военной интервенции в рамках контролируемого этой властью «мира». Империя не имеет возможности избегать этого стремления, не ставя себя под угрозу. Иными словами, империя не может нейтрально относиться к тем странам, которые входят в сферу ее влияния, и, соответственно, не поощряет нейтральную позицию самих этих стран. Возможность подобного нейтралитета существует лишь внутри «мирового» порядка, определяемого государственной моделью. Империя же, напротив, сохраняя нейтралитет при конфликтах внутри ее «мира» или на его периферии, вынужденно теряет свой имперский статус. Это также отличает империи от государств. Многие из недавних помех в американско-европейских отношениях, очевидно, проистекают из того, что такая разница недостаточно учитывается.

То, что империи и, в несколько более слабой форме, державы-гегемоны находятся в перманентном стремлении к интервенции, в значительной мере затрагивает проблему убедительности, с которой они сталкиваются совершенно иначе, нежели неимперские державы. Известный пример — конфликт между афинянами и мелосцами, который описал Фукидид в «Истории Пелопонесской войны»32. Речь шла о желании мелосцев держаться подальше от войны между Афинами и Спартой. Мелосцы заявили, что Афины могут без сомнений принять соблюдение нейтралитета маленьким островом в Эгеиде, пространстве, контролируемом Афинами; в войне против Спарты участие мелосцев ни с политической, ни с военной точки зрения веса иметь не будет, в то время как великодушие афинян, если они не будут принуждать мелосцев к войне, создаст им повсеместную славу. Афиняне в ответ указывали, что, уступи они сейчас, схожую свободу принятия решений потребуют и другие союзники. Власть Афин в кратчайшее время сильно пошатнется, либо им придется бесконечно восстанавливать свой политический авторитет силой оружия. Поэтому мелосцы должны подчиниться — иначе их город будет

уничтожен. Вероятно, Афины вполне могли бы смириться с мелосским нейтралитетом, если бы они не привели мощный флот к Мелосу. Но пути назад без нанесения существенного урона авторитету Афин уже не существовало. Всякий компромисс с мелосцами привел бы к потере Афинами престижа, мощи и влияния.

В «Мелосском диалоге» видят классический пример разговора, стороны которого не слышат друг друга33. И это, несомненно, верно, однако кажущееся недопонимание может быть прежде всего объяснено несовместимостью имперской логики действий старшего партнера и ожиданий младшего. Афины не захотели признавать мелосцев равными себе.

В литературе, посвященной Фукидиду и истории афинской морской державы, есть две противоположные интерпретации. В первом случае утверждается, что Фукидид в исходе мелосской проблемы полагал правыми афинян: Мелос пал, мужчины были перебиты, женщины и дети угнаны в рабство. Вопреки логике действительного хода событий, каким его видели Афины, мелосцы во вред себе слишком много хотели и на многое надеялись, что и привело их к неверной оценке обстановки, а затем к гибели. Такая интерпретация не ограничивается тем, что констатирует значимость фактических аргументов афинян. Еще более она оправдывает афинян на деле: в связи с тяжелым положением города в войне со спартанцами, колебаниями в стане их союзников, а также исходя из того обстоятельства, что непокорность почти всегда находит отпор, им будто бы не оставалось ничего иного, как подчинить Мелос, — в пользу или во вред имперскому владычеству на пространстве Эгеиды; еще одно любое такое же мелкое попустительство могло бы иметь тяжелые последствия. Отсутствующая в рамках имперского «мира» возможность соблюдения нейтралитета, таким образом, обозначается тем, что в случае серьезной провокации этому «миру» приходится выбирать «за» или «против» имперского господства, а нейтральная сдержанность рассматривается как скрытое враждебное поведение. Высказывание президента США Буша «Кто не с нами, тот против нас»[17] в этом контексте является чистосердечным проявлением имперской логики.

Согласно второй интерпретации, значение конфликта не исчерпывается событиями непосредственно вокруг Мелоса, а требует анализа изложения всей истории войны Фукидидом.

Центральную роль в данном случае играет начинающийся сразу после «Мелосского диалога» рассказ об афинской экспедиции против Сиракуз, с которой Афины начали терять статус господствующей державы. Безмерно

переоценив свои возможности в этой флотской операции, Афины перенапрягли свои силы и таким образом сами положили начало своему крушению34.

Однако как вообще могло дойти до подобного рокового отхода от основ первоначального плана войны, принадлежавшего Периклу? Именно он в мудрой оценке потенциала Афин и Спарты предписал афинянам вести политику стратегической обороны, согласно которой в течение войны они должны были отказаться от всяких дальнейших крупных завоеваний и пока что довольствоваться лишь status quo35; если бы они придерживались этого, то в конце концов в борьбе против пелопонессцев победа была бы им обеспечена. Согласно данной интерпретации, проявившаяся уже в «Мелосском диалоге» гордыня — «высокомерие власти»36, если обратиться к часто цитируемому выражению Уильяма Фулбрайта, — и привела Афины к краху. Афинская аргументация, обращенная к мелосцам, поэтому обличается лишь как ослепление, которое должно было прямым ходом привести к политической и военной катастрофе: в то время как афиняне говорили о политической оправданности, их слова и действия по сути свидетельствовали об утрате политически-морального самоограничения, на котором единство морского союза основывалось куда более, нежели на военной силе. С исчезновением этого самоограничения афинская гегемония превращалась в империю; лишь после этого партнеры по союзу стали бы пытаться освободиться от отягощающего давления господствующей державы.

Обе интерпретации Фукидида почти в точности соответствуют противоположным оценкам американской политики последних лет: с одной стороны, они ведут к императиву, который восходит к имперской логике; с другой стороны — США упрекают в том, что они будто бы уничтожили свой моральный авторитет за счет безоглядной властной политики, американское влияние в мире будто бы куда надежнее обосновывалось моральным авторитетом, нежели использованием авианосных соединений, крылатых ракет и сухопутных войск. Во множестве статей и интервью последнюю точку зрения отстаивал Юрген Хабермас37. При этом, конечно, допускается наличие самой серьезной готовности к принятию решений, когда ответственные политики могут дать тот или иной ответ на поставленные требования. Это позволяет сделать ответственными тех, кого большинство критиков считают определяющими американскую политику. Хабермас исходит из того, что после окончания противостояния Восток — Запад США якобы оказались перед выбором, «не вернуться ли от ставшей излишней позиции сверхдержавы к руководящей роли на пути к правовому

переустройству мира или же откатиться к имперской роли хорошего гегемона по ту сторону международного права»38, и случилось так, что был избран последний вариант, за что ответственны прежде всего неоконсервативные советники из администрации Буша.

Напротив, точка зрения, исходящая из логики империй и связанных с нею действий, придает куда меньшее значение влиянию и решениям отдельных личностей. Здесь важнее считаются структуры и нормы, определяющие пространство их действий. Поэтому не ставится вопрос, какое значение для политики Джорджа Буша-младшего имела христианская концепция воскрешения, не исследуется роль Пола Вулфовица, исполнявшего обязанности министра обороны в администрации Буша, и не учитывается, что для политики США решающим во всех вопросах было воздействие неоконсерваторов. Далее, приверженцев этой концепции не особенно интересует и психическое состояние США после терактов 11 сентября

2001 года39. Вместо этого они исследуют логику действий имперской державы.

Разумеется, шаги, определяемые имперский логикой, никогда не предпринимаются сами по себе, при этом они всегда могут быть искажены или не поняты политическими игроками. К ресурсам имперской власти, без сомнения, относится моральная оправданность. В данном случае, она, конечно, — не мерило политики и является одним из ее средств: логика империи весьма охотно использует моральные оправдания в качестве силового фактора, но никогда не позволит сопоставлять себя с ними.

Что касается имперской логики, каковы ее образцы и как можно их выделить — все это следует изучить на примерах империй прошлого, введя их в оборот дискуссии.

Империя, империализм и гегемония: необходимость их дифференцирования

Как и прежде, рассмотрение империй находится под воздействием теорий империализма, в свете которых возникновение больших держав сводится только лишь к эффекту от действий экспансионистски ориентированных элит: будто бы от потребности в престиже, стремления к наращиванию мощи или же алчного поиска еще больших доходов некоторые крупные государства переходили к политике экономического проникновения на зарубежные территории либо к силовым и политическим аннексиям, в результате чего и возникли европейские колониальные империи. До сегодняшнего дня они и находились в центре большинства дискуссий об империях, и на них следует остановиться несколько более подробно.

Если обращать внимание исключительно на европейскую политическую публицистику конца XIX — начала XX века, то действительно может сложиться впечатление, что образование империй являлось исключительно результатом империалистических устремлений элит1. При этом решающую роль играла конкуренция европейских держав: тот, кто в ходе гонки за приумножением политической и экономической мощи оставался позади, не просто уступал территории своим конкурентам, а вообще оказывался на пути к гибели[18]. И только тот, кто был способен возобладать в ходе соревнования за самые привлекательные доли в мировом господстве и важнейшие в мировой экономике ресурсы и рынки, мог остаться самостоятельной политической силой. Национализм, социал-дарвинизм и обстановка нервозности привели как Европу, так и соседние с ней державы, Россию и США, в состояние лихорадочного возбуждения2: теперь казалось, что судьба континента зависит от распределения сфер влияния и владения за пределами Европы.

Фаза дикой, изнурительной конкуренции вряд ли может в дальнейшем осознаваться как последствие рациональных и вполне продуманных решений, и, в конце концов, колониализм вовсе не дал европейцам того, что они надеялись от него получить. В контексте экономических теорий империализма это противоречит ожидаемому результату: империализм в них рассматривается как одна из самых брутальных форм ограбления и подавления, которая только была в истории. Колониальный империализм, без сомнения, был таким, однако из-за его насильственно-

эксплуатационных методов он, как правило, давал столько же, сколько поглощал. С точки зрения народного хозяйства, он был одним большим политическо- экономическим просчетом.

Динамика саморазрушения капитализма: экономические теории империализма

Как же можно объяснить такую ошибку в расчетах? К тому же она была сделана не одной из стран или не только европейским континентом, откуда и началась известная и пре

словутая Scramble for Africa3[19], но затем охватила и весь мир. Империалистической лихорадкой тогда руководствовалась и японская, и американская политика: Япония рвалась на континент в Восточной Азии, прежде всего в Маньчжурию, где вступила в конфликт с Россией; следствием этого была русско-японская война 1904-1905 годов, которую можно обозначить как классическую империалистическую войну. После испано-американской войны 1898 года и США утвердились не только в центральноамериканско-карибском регионе: они аннексировали и Филиппины, где были втянуты в многолетнюю, кровопролитную партизанскую войну4.

Была ли подобная ошибка в расчетах вызвана истерией, которая распространялась, словно эпидемия, и сделала для элит невозможным рациональное следование своим интересам? И действительно ли чрезмерное накопление или, наоборот, недостаток потребления в наиболее продвинутых в экономическом отношении странах проявились в том, что приходилось открывать все новые рынки для товаров и все новые возможности для инвестирования капиталов, как особо подчеркивают марксистские теории империализма? Или же, как полагал Йозеф Шумпетер, империализм конца XIX — начала XX века был лишь последним усилием элит предсовремен- ности, которые не желали прогибаться перед новым духом торговли и перемен и поэтому давали ход завоевательным проектам, хотя и тогда уже было вполне ясно, что они не окупятся ни сейчас, ни когда-либо еще5?

В принципе, для создания целого ряда больших держав в XIX столетии и связанных с этим конфликтов есть два возможных объяснения: одно исходит из принципиальной иррациональности такого хода событий и рассматривает эту иррациональность во все более рационализирующемся мире как проблему; другое понимает империализм как рациональную манеру действий самых влиятельных действующих лиц в составе капиталистического мира, причем конкуренция национальных капиталов, а также их амортизационные издержки воспринимаются как задающие

направления для им- периалистической экспансии. Последняя точка зрения дает понять, почему в соответствующих теориях речь очень редко идет о процессе возникновения и взлета крупных держав, зато прежде всего ставится вопрос, есть ли у капитализма будущее, и если да, будет ли оно эпохой варварства, как пророчествовала Роза Люксембург, или же капиталистическая динамика позволит себя регулировать социально-политическими реформами, как полагал Джон Аткинсон Гобсон.

Гобсон, первым на рубеже XIX и XX веков обосновавший экономически теорию империализма (над трудами которого потом поработали и большинство последующих теоретиков империализма[20]), был того мнения, что империалистическая политика, рассматриваемая с точки зрения интересов всего общества, не принесла бы никакой прибыли. Напротив, он полагал ее в целом слишком затратным занятием. Ни в коем разе прибыли от торговли с экономически неразвитыми, частично даже еще не освоенными территориями не составят приемлемого соотношения с затратами на военные нужды и администрацию, которые связаны с поддержанием империи, а уже об инвестициях в инфраструктуру таких регионов можно и вовсе умолчать.

Однако кто же тогда заинтересован в развитии настолько нерентабельных империй? Не налогоплательщики, торговцы и предприниматели, считал Гобсон, а лишь финансовый капитал, ищущий прибыльных вариантов инвестирования. Имперская экспансионистская политика открывает такие возможности, разумеется, если государство предоставляет соответствующие гарантии и готово к тому, чтобы военным путем вмешаться в заокеанские дела и защитить инвестиции от восстаний и гражданских войн, а при необходимости даже принять на себя и политический контроль над подчиняемыми территориями6. Чтобы подвигнуть на это государство и большинство сограждан, добиваться самых выгодных и надежных инвестиционных вариантов за морями, финансовый капитал манипулировал общественным мнением; он будил националистические инстинкты и формировал проимпериалисгические настроения, которые ради интересов отечественного капитализма в заокеанских инвестициях превратились бы в некую национальную задачу. Таким образом, для Гобсона империализм в принципе был проектом внутреннего перераспределения в экономически развитых обществах.

В отличие от позднейших марксистских теоретиков империализма Гобсон не разделял мнения, что капитализм будет сломлен без экспансии за моря и без политически-военного обеспечения инвестированного там капитала. Он был убежден, что проблема разрыва в уровне потребления в

капиталистических странах вполне может быть решена в среднесрочной перспективе активной социальной политикой, которая приведет к росту покупательной способности масс. Политическое «одомашнивание» капитализма и развитие эффективной социальной системы являлось, таким образом, альтернативой агрессивно-империалистическому проникновению в новые земли по всему свету.

Джон Мейнард Кейнс, теоретик антициклического регулирования экономики, во многом находился под влиянием и впечатлением от гобсоновской критикиимпериализма. Роза Люксембург и Владимир Ильич Ленин, напротив, во внутрипартийных дискуссиях, ориентируясь на социал-реформистские или же профсоюзные круги в своих партиях, решительно отвергали возможность «социал-демократического» реформирования капитализма и заявляли об имманентно присущем ему рвении к империалистической экспансии. Их теории империализма изначально имели функцию сосредоточения всего внимания на преодолении капитализма: он должен быть побежден революцией, и то, что это вполне может удаться, подстегивает империалистическую конкуренцию — великие державы готовы к войне друг с другом, ослабляясь и тем самым позволяя победить социалистической революции.

Все эти теории и дебаты в действительности вовсе не обнаруживают интереса к имперским образованиям, а построены вокруг вопроса о возможности реформирования или революционизирования европейских обществ. Следовательно, проблемам периферии, на которую направлена экспансия империй, они едва ли уделяют внимание. Для них, сосредоточенных на ими же сформулированных выводах из теорий империализма, а именно на вопросе о том, возможно ли реформировать капитализм и где его сильные и слабые стороны, политико-экономическая периферия империй становится в буквальном смысле периферией, — соответственно с нею и обращаются. Концепция неизбежно строится на том, что построение империи — процесс, идущий от центра к периферии: во внимание принимаются только факторы притяжения, а факторы отталкивания остаются вне рассмотрения. Результат, к которому приходят теории империализма, таким образом, изначально предопределен самой постановкой вопроса.

Ленин в своей теории империализма единственный из всех несколько подробнее занялся периферией, однако это было вызвано прежде всего тем, что Россия, хотя уже несколько столетий и была имперской державой, с точки зрения экономических теорий империализма рассматривалась как часть периферии. Если империализм понимался как следствие чрезмерного

аккумулирования капитала, тогда хронически бедная капиталом Россия могла бы принять в нем участие лишь как статист, к тому же ее попытки дополнить военный империализм за счет экономического, рублевого империа

лизма по британскому и американскому образцам разбились о недостаток капитала7. Россию Ленин считал «слабейшим звеном» в империалистической цепи, в которой она неизбежно была бы разорвана на части.

Прогноз Ленина-теоретика оказался весьма кстати для Ле- нина-политика, хотя он подразумевал, что социалистическая революция вспыхнет в России, чтобы оттуда перекинуться и в основные центры капиталистически-империалистического мира. В принципе же и Ленин не интересовался периферией, а искал лишь слабейшее звено в империалистической цепи, где бы представились наилучшие шансы на успех революционного переворота. Жесткая манера, в которой он в ходе Гражданской войны присоединял обратно отпавшие было в ходе революции части царской империи, брутальным насилием загоняя их в состав нового Советского Союза, показывает, насколько равнодушен он был, в конце концов, к периферии. Для него она была лишь средством достижения цели выиграть борьбу в центре.

Экономические и, как правило, социалистические теории империализма, таким образом, сделали специфическую проблему капиталистических обществ ключом к объяснению строительства империй. Они были лишь ответом на вызовы своего времени, что не может быть поставлено им в упрек. Но, как правило, они вовсе не воспринимаются именно так, а стилизуются под определяющие всеобщие закономерности имперского строительства. Предполагается, что они должны объяснять больше, нежели могут объяснить8, в результате чего заслоняются истинные факторы и тенденции имперской политики.

То, что имело место в конце XIX—начале XX века в Великобритании и США, а также в Германии, уже менее справедливо для Франции, которая, конечно, имела вторую по величине колониальную империю после Великобритании, однако, по сравнению с другими европейскими странами, отличалась, скорее, скромной динамикой накопления капитала; еще ме- нее применимо это к Японии и вообще не подходит, как уже говорилось, для России: царская империя в тот период обречена была на импорт капитала, и смена ею союзников (прежде всего переход от Германии к Франции в конце 1880-х годов, сильно сказавшийся на предыстории Первой мировой войны) находилась в тесной связи с заключением договоров о кредитах, которые

были необходимы России для модернизации ее инфраструктуры и армии, а также для развития индустрии9. Экономической динамикой империалистическую политику царской империи в конце XIX века объяснить не удастся.

Проблема «центр — периферия»

История развития русской империи отмечена использованием и подавлением собственного населения ради экспансионистских целей10. Это называли «внутренним колониализмом». Центральные органы власти периодически отправляли часть населения из европейской части России в Сибирь с помощью принуждения и насилия[21]. Таким образом, в случае с Россией не может быть и речи о том, что следствием построения империи для масс стали бы экстраприбыли (как это предполагал Ленин относительно Западной Европы, чтобы объяснить, почему там до сих пор не разразилась революция). Столетиями крестьяне проливали кровь для наращивания имперской мощи, однако наживалась ли на этом аристократия, как предполагает теория империализма? Тот факт, что между 1863 и 1904 годами около 90 % поместий поменяли владельцев11, говорит, скорее, против этого. Попытка России принять участие в империалистической гонке великих держав вынудила ее к изменению социально-экономических структур в стране, тем самым процесс крушения дворянского землевладения и обнищания крестьянства был только ускорен. Последнее в свете наблюдений и прогнозов теорий империализма является, несомненно, меньшей проблемой, нежели обеднение аристократии, бывшей социально-экономической базой царской империи. Совершенно очевидно, что социальные интересы дворянства противоречили политическим императивам имперского строительства: чтобы защитить их, аристократия должна была бы и вовсе противодействовать имперской экспансии. На протяжении большей части своей истории царская Россия являла собой пример империи, в которой едва ли можно обнаружить действительный выигрыш от имперской политики для властного центра.

В случае России имеет место и еще одно обстоятельство, которое нельзя объяснить теорией империализма, а именно тот факт, что со времен Петра Великого царь для управления своей громадной империей весьма часто обращался к услугам нерусских. Выдающуюся роль среди них играли немцы, причем помимо немецкого дворянства Прибалтики, которая в начале XVIII столетия по мере русской экспансии к Балтийскому морю вошла в состав владений русского царя и пользовалась особыми привилегиями, это были еще и завербованные в Германии офицеры и специалисты-управленцы. Так, в XVIII и XIX столетиях около 18 % высших чиновников в России имели немецкое происхождение, а к рубежу

веков их доля, должно быть, увеличилась еще более[22]. Они, без сомнения, наживались на имперской экспансии России, будучи обязаны ей своим положением и карьерой. То же верно и относительно казаков, которым выпадала важная роль по охране границ. Таким образом, истинным получателем выгод от царской империи были периферийные группы и национальные меньшинства, занимавшие в рамках имперского порядка высокие позиции, иначе бы им никогда не доставшиеся12.

Подобное предпочтение по отношению к группам и меньшинствам, оседавшим на периферии империи, может быть объяснено теориями имперского владычества, но вовсе не концепцией империализма. В то время как последние высматривают связь имперской экспансии с уже имевшимся социально-политическим порядком, чтобы напасть на след основных действующих сил в политике и общественной сфере, ставших проводниками и получателями выигрышей от имперской экспансионистской политики, теории империализма развивают мнение о полезности периферийных общественных групп для овладения огромными пространствами империи, в которой центр не может контролировать все процессы и решения и должен оставить их на усмотрение ответственных на периферии. При этом проблема более верных или, наоборот, ошибочных решений оказывается меньше, нежели тревога о лояльности тех, кто исполняет решения на местах. Чем больше протяженность империи, тем отчетливее проявляют себя именно центробежные силы: губернаторы и военные коменданты связываются с проживающим на периферии населением или же завоевывают доверие и симпатию подчиненных им войск, а из-за этого нарастает опасность, что они при ближайшей возможности отпадут от империи или же попытаются устроить путчи и государственные перевороты для захвата власти в центре. История Imperium Romanum со времен гражданских войн I века до н. э. может быть описана как череда восстаний и узурпаций, которые начинались на периферии и оттуда перекидывались в центр13.

Слишком тесные связи между населением региона и его губернатором или между размещенными на границах империи войсками и их командиром можно предотвратить, если регулярно и часто сменять руководящие кадры в армии и администрации. Империи нередко обращались к этому средству. Недостатком такого метода является, конечно, то, что исполнителям решений не остается времени, чтобы ознакомиться с особыми условиями региона; упорная реализация лишь общих оснований становится правилом, учащаются неверные решения. Знаменитый пример негативных последствий принципа ротации — то, что произошло с Публием Квин-

ктилием Варом, римским наместником Германии, который до этого служил в Сирии и был лишь поверхностно знаком с совершенно иными обстоятельствами региона, расположенного между Рейном и Эльбой. Не в последнюю очередь из-за этого в 9 году н. э. и удался заговор германских племенных вождей, которые заманили наместника со всеми его легионами в Тевтобургский лес и нанесли римлянам такое поражение, что их имперский натиск на северо-восток был на долгое время остановлен14. История поражений империи полна инцидентов, подобных истории с Варом.

Альтернативой ускоренной циркуляции функционеров является придание по меньшей мере части групп или отдельным лицам функций элиты, которая будет принуждена к безусловной лояльности по отношению к имперскому центру: ее политическая, а также и личная судьба будет зависеть от участи ее властителя, поэтому от нее можно ожидать лояльности и дееспособности, даже если властитель находится далеко и не может прямо контролировать своих исполнителей.

Еще один пример использования меньшинств для обеспечения имперской власти — помимо административного персонала в Российской империи и применявшихся там же казаков — корпус янычар в Османской империи, который размещался не на имперской периферии, а в центре державы, в Константинополе и его окрестностях, и поэтому мог стать прямой угрозой власти султана. Так как янычары являлись лучшими по выучке и оснащению частями, имевшимися в распоряжении султана, он с трудом мог бы справиться с их восстанием. Следовательно, он оказывался в любых обстоятельствах зависимым от лояльности этих элитных соединений. Безусловная верность янычар, а также их чрезвычайная боеспособность обеспечивалась тем, что эти войска рекрутировались в форме так называемого отбора мальчиков (девширме[23]) среди детей из входивших в состав Османской империи христианских областей Балкан. Они не имели никаких социальных связей и политических контактов в центре державы и своей привилегированной позицией были обязаны исключительно благоволению повелителя.

Элита Османской империи продолжительное время имела балканское происхождение; в этническом отношении она была скорее албанской, нежели тюркской. Происхождение из имперской периферии и принадлежность к этническому и религиозному меньшинству гарантировали, что султаны могут положиться на своих янычар и потому не обречены на повторение судьбы некоторых римских императоров, которые становились жертвами восстания преторианской гвардии. То же

можно сказать и относительно административной элиты Османской империи. Ее закат начался, когда с конца XVII века в ней стало нарастать количество урожденных мусульман: откупщики складывали подати в свой карман, и центр все более терял контроль над периферией15.

Процесс заката и распада Испанской мировой империи также предоставляет возможность наблюдать, как берут верх центробежные силы, в конце концов приводя даже к выходу крупных регионов из состава империи. Из-за незначительного количества чиновников и военных в Латинской Америке испанская колониальная администрация обходилась сравнительно дешево. Вследствие этого, однако, шла все большая креолизация как в администрации, так и в командовании местным ополчением, призванным охранять социальный порядок, а также отражать набеги кочующих индейских племен. Торговля в пределах испанской Америки и без того была в основном в креольских руках16. Вскоре высший слой креолов убедился, что у растянувшихся к тому времени на огромных пространствах от Калифорнии и Техаса на севере и до южной оконечности Чили на юге имперских владений уже нет оснований для того, чтобы и дальше отдавать богатства Латинской Америки испанской метрополии, дабы за счет них она смогла финансировать свою гегемониальную политику в Европе.

В центре империи, в Мадриде, ситуацию видели, естественно, по-другому и в ходе реформ Бурбонов пытались подавить креольское влияние и возвысить испанцев. Экономический успех этих реформ привел, однако, к нарастающему отчуждению между испанской Америкой и испанской метрополией17. Когда в 1807 году Испания была оккупирована наполеоновскими войсками и вскоре после того королем был провозглашен брат Наполеона, это стало лишь поводом, но не причиной отделения от Испании Центральной и Южной Америки[24].

То, что в случае России являлось социал-политической регионализацией части административной и военной элиты империи, в варианте Испанской империи представляется поддерживавшимся долгое время особым положением верхушки городского населения из белых по сравнению с преимущественно индейским окружением. Центробежные тенденции имперского порядка здесь, таким образом, действовали вопреки опасениям креолов, что после политического отделения от испанского имперского организма они не смогут сохранить свой социальный статус в Новом Свете и будут изгнаны после восстаний рабов и индейцев. Администрация, суд, а также предполагавшие внутреннюю и внешнюю безопасность гарантии стабильности со стороны Испании действовали в

противовес этому как центростремительные силы. Лишь когда вследствие бурбоновских реформ цена, которую должны были платить за это креолы, заметно возросла и, в конце концов, в ходе войны с Англией[25] Испания уже не могла сдержать свои обещания, настроения поменялись, а выход из состава империи стал более предпочтительным, нежели дальнейшее пребывание в ее составе.

Русский и испанский примеры показывают, что по меньшей мере после возникновения империи структура и динамика ее устройства может быть постигаема вовсе не только с точки зрения центра. Многочисленные решения, которые играют жизненно важную роль для империи, на ее окраинах принимаются личностями или группами личностей, происходящими из периферии, что явно сказывается на их политических воззрениях. Это вполне относится и к римским императорам начиная со II столетия.

Совершенно иной пример воздействия периферии на центр можно наблюдать в случае с Британской империей. Британцы в последние десятилетия XIX века владели весьма удобным для них пространством империи, контролирующим потоки и передвижения, и уже взвалили на себя высокие затраты и проблемы обширных территориальных владений в Индии и Африке. Развитие империи, соответствующей идеям свободной торговли и поддержания мира за счет интенсификации экономической взаимозависимости, поначалу предоставлялось негосударственным структурам, особенно торговым компаниям, однако также и отдельным предпринимателям и банкам, которые открывали новые рынки и так углубляли и расширяли торговые связи. В 1846 году Ричард Кобден говорил: «По моему мнению, принцип свободной торговли в мире морали действует так же, как принцип гравитации во Вселенной: он делает людей ближе, преодолевая противоречия расы, веры и языка и за счет силы взаимосвязи объединяя нас для вечного мира»18.

Однако к концу XIX столетия события начали развиваться иначе, нежели предусматривалось теорией свободной торговли и либерального интернационализма19: экономические соглашения, которые навязывались зависимым странам, не привели, как ожидалось, к укреплению и либерализации их политического устройства, а только лишь к их постепенному ослаблению и, наконец, к распаду. Распространялись мятежи, из которых разразившееся в 1857 году в Индии восстание сипаев было лишь первым. Находясь под впечатлением от этих событий, британцы полностью поменяли структуру своего административного и военного присутствия в Индии. Они отказались от более дешевых элементов

непрямого правления и заменили их дорогими вариантам прямого господства. И это вовсе не было решением, исходившим из центра. Скорее оно было вызвано нестабильностью окраин.

Такие беспорядки, а также и возвышение политиков, которые менее были увлечены экономическими ожиданиями от империи, нежели их предшественники, привели к тому, что оплата кредитов стала замедляться, и поэтому надежность размещенных во вновь открытых регионах инвестиций оказалась под угрозой. США столкнулись с теми же проблемами, прежде всего в центральноамериканско-карибском регионе, их так называемом «заднем дворе», и оказались вынуждены ко все новым интервенциям. Внезапно именно те имперские державы, которые до того по веским причинам отказывались от прямого политического вмешательства в регионы, куда велось их экономическое проникновение, оказались постав- лены перед выбором: или вовсе покинуть эти земли, или же принять на себя административный и экономический контроль над ними20. Европейцы, особенно британцы, выбрали последнее и обзавелись колониями в субсахарской Африке и в Азии, в то время как США в Карибском регионе и в Центральной Америке ограничились политикой регулярных военных интервенций. Отступление означало бы, что от вложенных туда инвестиций попросту придется отказаться — ни одна из держав, которая была задействована в этой фазе экономической глобализации, не стала бы всерьез рассматривать такой вариант после первых признаков сопротивления или нестабильности21.

Решение экспансионистского общества Запада поставить тем самым на службу экономическим интересам государственный аппарат, военных и, прежде всего, средства налогоплательщиков и маркирует для экономических теорий империализма переход от капиталистических к империалистическим государствам22. Однако едва ли принимаются во внимание перемены на периферии. Там под давлением потока товаров из индустриальных центров рухнули традиционные формы производства, в то время как связанный с ними образ жизни человека потерял свою притягательную силу и скрепляющие свойства. Не в последнюю очередь эффекты, которые во второй половине XIX века были оказаны на эти традиционные общества ранними формами глобализации, и спровоцировали взрыв так называемой империалистической экспансии с 1880-х годов, когда стартовала собственно империалистическая фаза. Если рассматривать такой ход событий как процесс порожденной экономикой эрозии существовавшего общественного порядка, который сделал необходимым его государственно-политическую стабилизацию извне, то

станут весьма примечательны параллели с ситуацией конца

XX века. В этом свете многочисленные гуманитарные военные интервенции истекшего десятилетия[26] — от предотвращения геноцида до окончания гражданской войны — предстают дополнительными заботами по поводу нежелательных изначально эффектов современных процессов глобализации. Гуманитарный империализм, о котором говорят некоторые авторы, становится не чем иным, как политической доработкой следов, оставленных глобализацией на социально-экономических процессах.

Итак, требование более значительного учета периферии историками, которые занимаются эпохой европейского империализма, повторяется вновь и вновь23, однако существенной реакции не вызывает. В теориях империализма с периферией обращаются неласково уже потому, что по самому выбору и постановке вопроса здесь внимание сосредоточено главным образом на центре: империалистическими теперь полагают любые интеллектуальные течения и политические движения, которые обнаружили интерес к возникновению империи. Поэтому теории империализма вынужденно сводятся к планам отдельных действующих сил в центре и проходят мимо того, сколь важно для возникновения империй стечение тех функциональных эффектов, которые возникают между центром и периферией. Напротив, теории империи стремятся равно держать в поле зрения центр и периферию, причем как при рассмотрении фазы возникновения, так и в эпоху после консолидирования империи.

Тем самым намечается еще одна проблема теорий империализма: их концентрация на фазе возникновения империи и пренебрежение ее позднейшим функционированием. Эта однобокость также явно вытекает из того, что считается исследовательским интересом к динамике капитализма: существует убежденность, что империализму не удастся создать стабильный порядок, а из-за вызванных им войн и конфликтов он пойдет ко дну. В связи с подобными ожиданиями не возникает повода более подробно заняться способами функционирования уже сформировавшихся империй. Даже во время ренессанса теорий империализма в 1960-1970-х годах исследователи занимались, скорее, эфемерными державными образованиями вроде бисмарковской империи, вильгель- минизмом и пангерманскими представлениями о рейхе национал-социалистов[27]. Помимо этого критический взгляд был брошен на американский и японский империализм, однако, не считая Британской империи, долгое время ни одна из крупных империй не удостаивалась интенсивного обсуждения24. Утверждение, что мы находимся непосредственно перед

очевидным финалом имперской эпохи, делало это, казалось бы, излишним, и, соответственно, даже в рамках вопросов о Британской мировой империи ученые концентрировались на фазах лихорадочной экспансии, оставляя за пределами внимания периоды ее спокойного функционирования. Нельзя исключать и того, что быстро сформулированные прогнозы о невозможностиАтепсапЕтрп:е[28]былиявно предопределены этой специфической моделью теорий империализма.

Стремление к престижу и конкуренция держав: политические теории империализма

Можно ли ожидать большего от чисто политических теорий империализма, если применить их для объяснения хода современных эпизодов насильственных действий? Едва ли в отношении проблематики «центр — периферия», поскольку и здесь взгляд прикован к развитию метрополии. Так, первые теории политического империализма пытались объяснить возвышение Наполеона III и генезис Второй империи. При этом раз за разом для сравнения упоминались Наполеон I, созданная им империя, способы и методы, которыми обе империи поддерживали традицию Римской империи. У истоков этих теорий стоит небольшая работа Карла Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»* (1852), в которой автор свел политический взлет Наполеона III к «классовому равновесию» во Франции в середине столетия: мощь прогресса и сила инерции якобы на некоторое время уравняли весы и парализовали друг друга. Поэтому дело якобы дошло до обособления государственного аппарата: он теперь мог проводить ту политику, которая не являлась прямым следствием давления господствующего класса.

Так называемая теория бонапартизма25 сама по себе еще не является теорией империализма, однако содержит целый ряд задатков к этому, ведь армия и государственная элита при империалистической экспансии уже не подвержены интересам и мнению о своей рентабельности со стороны господствующего класса, но, если обратиться к термину Макса Вебера, могут дать волю своему стремлению к престижу. Вопрос о цене престижа сумели отодвинуть в сторону, так как он мог быть оставлен политически бессильному обществу. Маркс резюмировал события декабря 1851 г., когда Наполеон окончательно узурпировал власть: «Франция, как кажется, таким образом избежала деспотии одного класса, чтобы подпасть под деспотию одного индивидуума, а именно, оказавшись под авторитетом индивидуума, не имеющего авторитета»**26.

Для Маркса Луи Бонапарт был лишь предводителем двух фракций люмпен-пролетариата, парвеню и забиякой. Поэ- тому он исходил из того, что армия, а не Национальное со-

*** Карл Маркс в названии обращается к прямому сравнению двух Наполеонов. Ведь Наполеон I захватил власть в результате государственного переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., менее чем**

через 5 лет он стал императором. Наполеон III совершил государственный переворот 2 декабря 1851 г., а уже ровно через год императором стал и он.

**** Более корректным был бы перевод «под властью индивидуума без авторитета», однако он не передает использованную Марксом саркастическую игру слов.**

брание будет тем фактором, который определяет власть во Франции. Еще до провозглашения Второй империи он писал: чтобы «окончательно придать облик этой республике», не хватало только одного: «сделать его (парламента) каникулы перманентными, а ее (республики) лозунг — liberté, égalité, fraternité — заменить недвусмысленными словами: пехота, кавалерия, артиллерия!»[29]27- Еще Наполеон I мог удерживать узурпированную в ходе государственного переворота власть «только за счет постоянных внешних войн». Тем самым возникло сочетание «деспотизма изнутри и войны вовне»28. Империализм и деспотизм были для Маркса двумя сторонами одной медали.

Если бы Маркс, вместо того чтобы полностью сконцентрироваться на вопросах экономики и классовой борьбы, привнес в свой анализ политическо-психологические аспекты, то он очень быстро наткнулся бы на концепцию, названную позднее Максом Вебером стремлением к престижу. Император, двор и генералитет стремились к признанию своей выдающейся роли не только во Франции, но и в остальной Европе, и во всем мире, причем таким способом, который позволял довольствоваться лишь все новыми империалистическими проектами: от консолидации власти в Магрибском регионе до мексиканской авантюры Максимилиана Габсбурга, за которой стояли французские политики.

Элементы игры и авантюры в такой политике из наблюдателей того времени, конечно, никто не оценивал более резко, нежели Маркс. Подобная политическая линия, ориентированная на повышение внутри- и внеевропейского престижа французского императора и его империи, должна была оцениваться не только из соображений экономической рентабельности, на которые она вовсе и не была направлена. Скорее, империалистическая политика Наполеона III может быть описана как продолжающееся вмешательство экономического капитала в получение политического престижа: в средне- и долгосрочной перспективе она'должна была принести материальную ренту, тогда как в краткосрочном разрезе выгода от империалистического престижа каждого француза состояла в получении доли блеска Второй империи29.

По отношению к экономическим политические теории империализма

обладают еще и тем преимуществом, что они рассматривают разные источники капитала, которые могут сопоставляться и взаимозаменяться30. Фактически, понятие «империализм» употреблялось и получило распространение в связи с политикой Луи Наполеона31, и когда Бенджамин Дизраэли, британский премьер-министр из партии тори, в знаменитой речи в Хрустальном дворце в 1872 г. использовал его, описывая проект экспансионистской внешней политики, он делал это в первую очередь в связи с ростом престижа английской короны (и репутации в обществе Консервативной партии). Провозглашение королевы Виктории в апреле 1876 г. императрицей Индии было в буквальном смысле имперским проектом: целью его было появление новой империи, причем речь шла скорее о политическом престиже, нежели об экономических преимуществах.

Дизраэли ставил на имперскую карту не в последнюю очередь потому, что тем временем на европейском континенте императорский титул перешел от Парижа к Берлину: после поражения французов от Пруссии—Германии в сентябре 1870 г. Франция вернулась к республиканской форме правления, а объединившиеся под руководством Пруссии германские государства во главе со своими князьями и королями, напротив, в начале 1871 г. перешли под верховное владычество кайзера. В то время как европейские континентальные империи — Франция при обоих Наполеонах и затем, после отставки Бисмарка и начала эры вильгельминизма, порой, и Германская империя32—пытались повысить свой престиж за

счет ассоциаций с Римской империей, Дизраэли хотел подчеркнуть внеевропейскую мощь Великобритании, ее мировое господство. По сравнению с ней Германская империя, которая к тому моменту колониями еще не обладала, выглядела довольно скромно. Начавшаяся вскоре после этого в Германии лихорадочная погоня за колониями явно имела признаки стремления к престижу, ведь рейху собирались добыть «место под солнцем»[30].

Претензия на имперскость, таким образом, имела не только внутриполитическую функцию, при которой она пыталась смягчить экономические конфликты при распределении материальных благ за счет причастности каждого гражданина империи к национальной славе. Во внешнеполитическом отношении она также выполняла задачу демонстрации престижа, а значит, и власти, и влияния33. И в связи с этим стремление к престижу есть политически функциональный процесс, который не может быть сведен к краткосрочной перспективе анализа его стоимости и выгод. В самом широком смысле это соревнование в престиже

может быть воспринято как установление международной иерархии, проходившее без «такого средства решения, как война» (Клаузевиц), — по крайней мере, без войны между прямыми конкурентами за статус великой державы. Это не означает, что такие столкновения проходили в принципе мирно. Войны, которыми они сопровождались, шли, однако, в основном на периферии контролируемых претендентами пространств, и имперские конкуренты, как правило, следили за тем, чтобы не перейти дорогу другому34. Престиж они получали за счет военных побед над уступавшим им как политически, так и экономически противником. Только когда подобная гонка за власть и репутацию оказывалась несостоятельна, имперские периферийные войны, ведшиеся обычно как асимметричные конфликты, перерастали в империалистическую войну, где конкуренты за позицию гегемона уже бились непосредственно друг против друга.

В связи с этим в центре теорий политического империализма35 оказывается иной вид конкуренции, нежели тот, на котором концентрируются теории экономического империализма. Это конкуренция не капитала за рынки и возможности инвестирования, а государств в борьбе за мощь и влияние, причем учет стоимости и экономических выгод получает куда меньшее значение. Разумеется, стремление к престижу также всегда было и дорогой для вмешательства иррациональных мотивов и ожиданий, однако следует быть сдержанным при ссылках на область иррационального, ведь может возникнуть манера рассмотрения, аналогичная той, при которой затраты и выгоды оцениваются исключительно с точки зрения экономики.

В отличие от государств империи находятся под неформальным давлением требования занимать ведущую позицию во всех областях, где только можно проявить себя и помериться мощью, престижем и дееспособностью. Это неизбежное тяготение к первенству сегодня проявляется не только в военных достижениях или же экономических свершениях, но и в области технологического развития, в сфере науки и, не в последнюю очередь, в спорте и развлекательной индустрии. Нобелевские премии, рейтинги университетов, олимпийский медальный зачет и присуждения «Оскаров» раз за ра-зом становятся тестом, оценивающим имперскую soft power[31]. Периодические неудачи на этих направлениях тут же воспринимаются как индикаторы начинающегося заката империи и в каждом из случаев учитываются как потеря престижа, за который при следующей возможности вновь пойдет борьба. Однако это лишь невинные сферы, в которых империя находится под постоянным наблюдением, а ее претензии на лидерство вновь и вновь должны обосновываться.

Куда более тяжелым полем испытания имперских притязаний на лидерство является стремление к безусловно передовой позиции в области естествознания и высоких технологий, так как из этого проистекает контроль над мировой экономикой, а также политическая и военная мощь. Примером может служить история космонавтики: когда в конце 1950-х г. Советский Союз добился первого зримого успеха в данной области, в США это не только породило «спутниковый шок», но и стало причиной старта космической программы с целью нагнать и перегнать советскую космонавтику. Символом американского превосходства в конце концов стала высадка человека на Луну, а большой шаг человечества[32], сделанный Нилом Армстронгом, когда он вышел из десантной капсулы на поверхность Луны, прежде всего был шагом стремления к престижу и претензией на лидерство США.

Чтобы иметь возможность оценивать политическое стремление к престижу, следует бросить взгляд на типовые условия соревнования за престиж, при этом важно делать различие между многополярными и биполярными системами в международной политике. Было бы вполне уместным дополнить теории международных отношений, обычно различающие много- и биполярность36, также и однополярностью как третьим из имеющихся вариантов. В последнем случае стремление к престижу уже безусловно лидирующей державы носит скорее консервативный характер, однако при этом исходит из того, что объективные условия расстановки сил признаются задействованными акторами как таковые. И чем более ситуация принимает такой оборот, тем стабильнее политический порядок; в противном случае после отказа следовать в фарватере политики можно ожидать и открытых мятежей против существующей иерархии. В противоречиях накануне недавней войны в Ираке речь шла также и о политическом престиже США, которому был нанесен урон из-за открытого отказа последовать за ними некоторых из их союзников.

С 1960-х гг. Франция в рамках западного сообщества явно играла роль того, кто ставит под сомнение подавляющий престиж США и требует для себя статуса едва ли не равного с главной державой Запада. Президент де Голль положил начало такой политике и сделал ее отличительным признаком голлизма, однако и либеральные, и социалистические президенты, в частности Валери Жискар д’Эстен и Франсуа Миттеран, следовали этой линии. Британцы, напротив, попытались за счет теснейшего сотрудничества с США как руководящей державой получить свою долю от их престижа и так повысить свою репутацию.

Следствия, которые имели для международной обстановки такие игры за престиж второго порядка, поменялись, когда они стали проходить уже не в условиях биполярного мира, как это было во времена конфликта Восток — Запад. Биполярность ограничивала эффекты от соревнования за престиж, униполярность и многополярность, напротив, только усиливали их. Для большей конкретности: в условиях противостояния Восток — Запад было ясно, что спорадическая строптивость Франции никогда не зайдет так далеко, чтобы поставить под сомнение принадлежность Франции к Западу[33]. Это никогда не входило в планы французских политиков, и все демонстрации самостоятельности французской внешней политики имели определенные ограничения. Стремление французов к престижу служило скорее тому, чтобы удовлетворить национальное тщеславие, нежели чтобы действительно изменить политический расклад сил. Таким образом, США не считали необходимым резко подчеркивать свое положение гегемона, и одновременно премии, которые получала Великобритания за свою куда большую готовность следовать за Америкой, были сравнительно невелики.

Все это, пусть поначалу и не особенно заметно, изменилось вместе с концом биполярной эпохи37. Это и составляет разницу между положением США до 1991 г. и после этого, хотя 1991-й год, когда Советский Союз формально прекратил свое существование, скорее фиктивная дата, ведь прошло почти десятилетие, прежде чем действующие силы осмыслили, какие последствия будет иметь конец биполярности в данном отношении. «Игры за престиж второго порядка» для гегемона, несмотря на относительный выигрыш в мощи после падения биполярного конкурента, теперь представляли собой чистый вызов, и он наблюдал за ними теперь с куда меньшей снисходительностью, нежели во времена биполярности. Зато и премии, которые выплачивались за безусловное следование за гегемоном, теперь повысились. В целом же после устранения структурных необходимостей, вызванных биполярностью, гегемониальная держава начала демонстрировать куда большие ожидания по отношению к своим партнерам по союзу. Бросая взгляд на недавние колебания в трансатлантических отношениях, целый ряд наблюдателей говорили, что США превратились из «благосклонного гегемона» в жесткую имперскую державу, и сводили это к планам и воззрениям неоконсерваторов из состава правительства и из числа политических консультантов38. Однако при этом, как правило, речь шла лишь о следствиях исчезновения биполярных тенденций и вызванного этим обострения конкуренции в борьбе за престиж.

Чем больше конкуренция претендентов на гегемонию, тем ощутимее ложится на передовую державу груз необходимости подчеркивать собственные претензии на имперскую манеру держаться. Именно на такую ситуацию и отреагировал Дизраэли в своей речи в Хрустальном дворце: британское влияние на обстановку на европейском континенте после объединения здешних стран в Германскую империю оказалось под угрозой, правительство чувствовало себя спровоцированным агрессивной политикой России в Средней Азии; кроме того, головокружительный взлет США все более отчетливо давал понять, сколь сомнительным оказалось прежнее положение Великобритании как лидирующей в мире индустриальной державы. Империя уже стояла на повестке дня, и форсируемый Дизраэли империалистический проект был ответом на это. Куда более, нежели предполагают экономические и политические теории империализма, в этом следует видеть реакцию на внешние проблемы: Великобритания пыталась сохранить свою позицию как мирового гегемона, которая досталась ей почти без ее содействия и теперь оказалась под вопросом. То, что большинством теоретиков империализма было интерпретировано как наступление и вызов, таким образом, могло быть мотивировано явно оборонительными нуждами.

В течение XVIII столетия Великобритания добилась того, что выполняла в Европе функцию «стрелки на весах». Чтобы сбалансировать равновесие сил между державами на континенте и блокировать взлет конкурирующей гегемониальной державы, как правило, вполне хватало снабдить субсидиями несколько уступающую сторону, таким образом мотивировав ее, не задействовав собственные войска, и подкрепив ее способность выдерживать натиск. В противостоянии с Францией Наполеона I эта в целом довольно затратная гегемони- альная политика достигла своих пределов, и Великобритания вынуждена была направить свои войска на континент, чтобы свергнуть императора и защитить британские интересы. Наполеон оказывал на Великобританию не только военное, но и экономическое давление, особенно после оккупации Иберийского полуострова: за счет торгового эмбарго, так называемой Континентальной блокады, объявленной им, он намеревался отрезать остров от его важнейших рынков сбыта.

Возникшая после поражения Наполеона ситуация полностью соответствовала британским интересам. Старое многополярное равновесие сил было восстановлено, однако одновременно оно привело к развитию биполярного расклада: Священный Союз, где доминировали русские, а напротив — ослабленная Франция, которая была обречена на военно-

политическое сотрудничество с Великобританией. Британцы теперь могли вернуться к традиционно проводившейся ими гегемониальной политике; они контролировали океаны за счет существенно превосходившего силы любого конкурента военного флота, направляли события на европейском континенте за счет субсидий и системы союзов и держали рынки открытыми для потоков товаров, которые постоянно нарастали вследствие промышленной революции в Англии. Великобритания получала прибыли от такой в целом приемлемой по затратам гегемониальной позиции, причем без того, чтобы, если не считать флота, сколько-нибудь значительно в нее инвестировать. В этом контексте вполне понятно, почему контрагент Дизраэли от либералов Уильям Гладстон решительно отвергал его империалистический проект и использовал понятие «империализм» в преимущественно уничижительном духе39. Зачем британцы должны отказываться от удобного расклада сил, который представляют из себя европейский баланс, система indirect rule[34] во внеевропейских областях и фритредер- ская политика, и пускаться на империалистические авантюры с неизвестным исходом и гарантированно высокими затратами?

Необходимость экспансии, преимущества пограничных положений и временной суверенитет

Для обеспечения своей безопасности и военного самоутверждения перед лицом конкурентов британцы вынуждены были постоянно платить существенно меньше, нежели государства европейского континента. В отличие от них Великобритания даже могла себе позволить роскошь вовсе отказаться от постоянной армии и вместо этого инвестировать во флот; если же Великобритании требовалась большая наземная армия, то долгое время она следовала практике спонсировать или вербовать вооруженные силы на континенте.

В отличие от наземной армии флот являлся инструментом обеспечения экономического процветания. В то время как наземные армии государств европейского континента в большинстве случаев располагались гарнизонами, только заставляя на себя тратиться, флот постоянно был задействован, контролировал и охранял торговые пути и тем самым имел дополнительную ценность не только политического, но и экономического толка. Для наземных войск разница между войной и миром — фундаментальная. Они тут же меняют свое агрегатное состояние при объявлении войны или заключении мира. Но это вовсе не так во флоте, особенно принадлежащем ведущей морской державе. Если в глобальном масштабе установился мир, то он продолжает выполнять полицейские функции, в том числе защищая морские перевозки от пиратов. Флоты могут быть политически и экономически амортизированы; наземные войска — в лучшем случае политически. Это и является одним из важнейших преимуществ по затратам морских империй перед сухопутными. Американский адмирал Альфред Тэйлор Мэхен детально изложил это в своей основополагающей работе «Влияние морского владычества на историю» (1890)40. В случае Великобритании преимуществом для строительства империи являлось еще и периферийное в сравнении с другими центрами власти в Европе положение страны. В то время как Франция, Пруссия и Австрия постоянно ослаблялись в войнах друг с другом и блокировали возможности достижения ими имперского положения, возвышение Великобритании проходило в стороне от этих войн за гегемонию, которые она еще и контролировала, будучи стрелкой на весах европейского равновесия41.

Имперские образования, которые пытаются построить из системы

государств или же совокупности равных по мощи держав, почти всегда не удаются, а вот те, что получают развитие в стороне от центров мировой политики, напротив, часто бывают успешными. Изначально в центрах оказываются необходимы явно большие усилия, чтобы протоимперская держава смогла утвердиться в борьбе с равными по силе или лишь незначительно уступающими ей странами, а попытка образования империи быстро приводит к большим войнам, в которых возникающей империи противостоят коалиции, и их сложно победить. В такой гегемониальной42 войне имперский проект либо терпит крах, либо же он развивается, как наполеоновская Франция или вильгельмовская Германия, при доминировании в формирующейся империи военного аппарата, что поднимает затраты на дальнейший взлет империи до невыносимых и делает слишком ригидными ее политические действия. Таким образом, проистекающие из центров политической власти имперские проекты, в отличие от тех, что возникают на окраинах, никогда не проходят наслаждение той фазой, когда они могут ограничиться имперским владычеством и контролем над торговыми потоками и тем самым более получать, нежели тратить. Так, после падения Римской империи в Европе периодически возникали гегемонии, но не устойчивые империи. Испания в период от Филиппа II до Филиппа IV43, Франция при Людовике XIV и затем еще раз при Наполеоне I и, наконец, объединившаяся под властью Гогенцоллернов Германия — все они в ходе продолжительных войн не только не смогли развиться в империи, но лишились и гегемонии, которой добились до того.

Так как на окраинах зон политической мощи, как правило, равных противников нет, там дело и не доходит до опустошительных больших войн; возвышение в ранг империи здесь происходит в основном в ходе серии малых войн, в которых в конце концов бывает сломлено сопротивление противника, уступающего как организационно, так и технологически44. Для этих войн типично, что они ведутся без тяжелого вооружения, крупных масс войск и без использования комплексной логистики, поэтому они довольно дешевы. Большинство успешных имперских проектов достигли значительных масштабов не в центре, а на окраинах оспариваемого мировыми державами пространства; это касается как Великобритании и России, так и США и Рима или же Испании и Португалии45. И Османская империя выстраивалась начиная с анатолийской периферии и лишь в фазе экспансии пробилась к своему ставшему впоследствии центром региону Малой Азии и Юго- Восточной Европы. Единственные достойные упоминания имперские образования,

которые были выстроены от изначально центрального положения и там же были завершены, это древневосточная империя персидских царей и Китай[35]. В типологии империй они представляют собой исключения.

Помимо меньших затрат на развитие в борьбе с конкурентами и противниками величайшее преимущество так называемых «фланговых держав» состоит во временном суверенитете, являющемся следствием их окраинного положения. В то время как державы центра находятся в постоянном, зачастую военном конфликте с противниками, которые нередко превосходят их как людьми, так и ресурсами, державы периферии могут инвестировать свои дивиденды от мирного времени в развитие своей экономики и инфраструктуры. В течение XVIII и XIX столетий Великобритания добилась экономического превосходства над европейским континентом, и так как от своего инвестирования в торговлю в первой фазе глобализации она могла лишь выиграть46, выступала за свободную торговлю и против любых форм протекционизма. Таким образом, империя была заинтересована в мире, и когда она все же вела войны, то лишь ради защиты торговых путей или же ради открытия рынков, то есть войны, которые в буквальном смысле оправдывали себя. Конфликтов из-за соперничества с примерно равными по силе державами Великобритания по возможности избегала, хотя в Европе после заката Испании в XVII столетии, низведения Португалии до статуса британского протектората и истощения Франции по ходу коллизий в ее войнах за гегемонию уже более не было достойного ее противника[36].

Возвышение США также проходило в условиях комфортного окраинного положения, что привело к тому, что им между 1815 г. (когда они потерпели неудачу при попытке выйти на просторы Канады из-за сопротивления британцев) и 1917 г. (их вступление в Первую мировую войну) не приходилось мериться силами с одинаковым по мощи конкурентом; войны против Мексики и Испании в середине и конце XIX столетия были империалистическими экспансионистскими войнами против значительно уступающих контрагентов. Гражданскую войну между северными и южными штатами США смогли также пережить без интервенции иностранных держав[37] — на европейском континенте это было исключено, ведь там вмешались бы другие государства, чтобы нажиться в условиях вакуума политической власти.

Преимущества окраинного положения проявились и в истории Рима, экспансия которого долгое время проходила на периферии эллинистического мира — центра политической гравитации для

средиземноморского пространства, — а также на примерах Португалии и Испании, чей экономический и политический взлет шел за пределами политического центра Европы, который можно грубо очертить треугольником Париж — Рим — Вена. Вероятно, роком Испании стало то, что за счет династических связей Арагонского дома с Южной Италией и из-за избрания Карла[38] [39] германским императором (1519) она была преждевременно втянута в европейские войны за гегемонию, в которых была ослаблена экономически и политически. Британцы, казалось бы, извлекли урок из истории Испании и стремились как можно дольше воздерживаться от изнурительных и распыляющих силы войн на европейском континенте. Война за Испанское наследство в начале XVIII столетия была лишь крупным исключением, однако тогда требовалось воспрепятствовать образованию антигеге- монистского блока* * *, который мог бы стать опасным для британского влияния на Европу.

А Россия? Очевидно, что окраинное положение на берегах морей дает совершенно иные эффекты, нежели континентальная периферия. А именно: взлет царской империи изначально проходил в ходе бесконечной серии военных походов против в целом вполне серьезных конкурентов, которые были повержены в течение продолжавшихся десятилетиями противостояний. Это началось с военных походов против Золотой Орды, в наследство которой цари и вступили на южнорусских просторах, продолжилось в ходе конфронтации с польско-украинской, а затем еще и со шведской империями[40], которые стояли на пути экспансии в северо-западном направлении, и было дополнено затянувшимся на столетия конфликтом с османами: контролируя Босфор и Дарданеллы, они блокировали беспрепятственный проход к незамерзающим, а потому круглогодично функционирующим морским маршрутам. Более того, они располагали еще и захваченными ими вместе с Византией священными городами восточного христианства, откуда и черпали свою политическую легитимацию русские цари47. Со второй половины XIX столетия добавился постоянный конфликт с Дунайской монархией за господство над западно- и южнославянскими народами, защитником и господином которых полагал себя русский царь. Перманентные войны привели к тому, что развитие русской империи оказалось существенно дороже, нежели британской или американской. Соответственно и армия в России была куда более важным фактором имперской мощи, чем в западных империях. Россия никогда так и не сумела извлечь пользу от своего окраинного положения в той мере, в какой это удалось Великобритании или США.

И все-таки русские имели преимущество перед центрально- и западноевропейскими державами, потому что они лишь в исключительных случаях вступали в конфронтацию с коалицией великих держав. Так они и сумели по очереди атаковать и победить своих контрагентов. Русские также смогли использовать вырастающий из окраинного положения временной суверенитет следующим образом: они растянули процесс расширения территории на длительный промежуток времени, разбив его на отдельные шаги и этапы и не подвергаясь поэтому опасности надорвать силы[41].

Одна из самых серьезных угроз для империалистической политики состоит в потере способности определять ритмы экспансии и консолидации, то есть ускорения или замедления роста империи согласно собственному усмотрению. При этом имперский временной суверенитет может быть ограничен внутренними или внешними факторами. Под внешними факторами следует понимать могучих конкурентов или их коалицию, стоящую на пути дальнейшего развития претендента на империю или же оспаривающую достигнутые им позиции. Преимущества окраинного положения состоят главным образом в том, что такое столкновение здесь менее вероятно, нежели в политическом центре, где ни один из акторов, пока он еще не добился безусловного превосходства, не является хозяином течения времени; последнее же, наоборот, сохраняет самостоятельность и само приобретает власть над событиями. Окраинное положение проявляется еще и в том, что там есть тенденция наличия лишь одного мощного актора, задающего темп. Первая мировая война, которая в основном проходила как внутриевропейская, является примером потери контроля над течением времени, что произошло со всеми европейскими действующими силами, включая Россию и Великобританию. Единственная достойная упоминания держава, оставшаяся хозяйкой временных ритмов, — США, которые и стали истинными победителями в этой войне.

С консолидацией империи затем меняется и обстановка: где ранее была периферия, теперь располагается центр, и прежние территории ядра превращаются в окраинные земли устроенного заново «мира». Это объясняет, почему имперские проекты лишь в исключительных случаях удаются при начале их в центрах мировой политики, в то время как окраинное положение этому явно благоприятствует. Можно даже сделать еще один шаг и констатировать, что окраинное положение, в связи с отсутствием сильных конкурентов и высоким уровнем временного суверенитета, почти провоцирует на создание империи. Гибкие границы, на которых растущую державу не встречает решительное сопротивление, действуют словно вакуум и одновременно затягивают экспансию в

лежащие позади них пространства. Это верно как для американской западной границы, продвигавшейся все вперед и вперед в XVIII и XIX столетиях, пока наконец она не достигла Тихого океана, так и для русской восточной границы, которая в то же время растягивалась все дальше и недолгое время проходила даже по американскому континенту[42]. В то время как русское продвижение в конце концов было остановлено у Японского моря, где оно наткнулось на противника, которого стоило воспринимать всерьез48, побережье Тихого океана для американцев оказалось лишь промежуточной остановкой, а с конца XIX столетия началось превращение США в тихоокеанскую державу, в ходе которого, в конце концов, они также вступили в конфликт с Японией. Совершенно так же проходило образование европейских колониальных империй, при котором политический вакуум на периферии приводил ко все большему разрастанию контролируемых территорий. При возникновении территориальных империй втягивающая сила периферии приобретает такое же значение, как экспансионистская динамика центра.

Разумеется, динамика центра является непременной предпосылкой имперской экспансии, поскольку вакуум власти на

некоей периферии все же не может восприниматься как таковой. Понятие имперского временного суверенитета подразумевает, конечно, и то, что такая динамика не может приводить к неконтролируемому сползанию к экспансии. Это были бы тогда уже внутренние факторы, противодействующие имперскому временному суверенитету. Подобное вынужденное скатывание к экспансии констатируют теории империализма, причем как экономические, так и политические, ставя их на первый план. Сильнейший аргумент в пользу предстоящего крушения империализма заключается в том, что помимо грозящей войны между великими державами впоследствии на дно под влиянием внутренних обстоятельств пойдет и подвергшийся эрозии временной суверенитет. Лишь партизанская теория мировой революции Мао Цзэдуна в своей центральной идее об «окружении городов деревнями» развивает теорию империализма, в которой империалистический мир будет сокрушен не внутренними, а внешними факторами, не развитием событий в центре, а сопротивлением периферии. И при этом, помимо прочего, следует ограничить и подорвать временной суверенитет имперских центров за счет партизанской войны, которую Мао определял как «длительную войну на истощение»49.

Концепция, в которой внутренние факторы обеспечивают эрозию временного суверенитета имперских центров, приводит к развитию теории сверхнакопления или же недостаточного потребления, согласно которой

кризисы сбыта в экономических центрах вынуждают к открытию новых рынков для экспорта товаров и капитала. Иную форму эти идеи принимают в тезисах социально-империалистических теорий, согласно которым имперские центры оказываются все более принужденными обеспечивать спокойствие за счет перераспределения сверхприбылей от империалистической эксплуатации с учетом нижних слоев своего населения или же отправлять его для завоевания территорий и поселения в колониях.

Также и в политических теориях империализма конкуренция за престиж по сути означает не что иное, как описание принуждения к экспансии, ограничивающей столь ценный в политическом отношении временной суверенитет50.

Этот гандикап у конкурирующих имперских держав политического центра мира проявляется несравненно больше, нежели у тех, кто расположен на окраинах, где временные горизонты остаются шире и дальше. Континентальные европейские державы, прежде всего Германия, но также Франция и, наконец, даже Италия, однажды весьма поспешно обеспечили себе обладание внеевропейскими территориями, чтобы явить доказательства своего статуса мировой державы или же, по меньшей мере, разрекламировать претензию на него. Тот, кто, в отличие от своих соседей, не захватил колоний или же вел территориальную экспансию в иной форме, не только выходил с пустыми руками из передела рынков и источников сырья, но и терял вес и влияние внутри системы европейских держав. Таким образом, здесь взаимодействовали политические и экономические факторы.

Сильная нервозность, распространившаяся в конце XIX столетия в Европе51, была не в последнюю очередь следствием постоянного сокращения временного горизонта, имевшего место в рамках внутриевропейской конкуренции. Затронуты оказались даже занимавшие окраинное положение, что демонстрирует экспансионистская политика США в конце XIX века. Тем не менее в общем и целом давление конкуренции было там меньше. В то время как имперские и протоимперские державы центра все менее обладали возможностью определять правила игры52, «фланговым» державам — за исключением столкновения с Японией значительно ослабленной Российской империи — куда лучше удавалось сохранять управление ходом событий и собственными решениями. Тем не менее разница между окраиной и политическим центром не является определяющей для способа и успешно

сти имперского проекта, хотя имеет значение для решения вопроса о

том, имеем ли мы здесь дело с гегемоном или же с империей.

Тонкая грань между гегемонией и империей

В многополярной системе, как утверждает американский политолог Джон Миршаймер, все задействованные в ней великие державы будто бы стремятся добиться гегемонии, потому что при данных обстоятельствах это гарантирует наиболее прочную безопасность. Подобная гонка ведет, однако, к заведомой нестабильности системы, так как всякая великая держава вследствие стремления к гегемонии ощущает себя под угрозой со стороны других и поэтому еще более пытается добиться для себя лидирующего положения. Миршаймер называет этот замкнутый круг «трагедией великодержавной политики»53, при этом предполагая, что ни одна из тех стран, что желают остаться в ряду великих держав, не сможет постоянно от этого уклоняться.

В сравнении с гегемониями империи меньше сражаются с другими державами и, соответственно, оказываются куда устойчивее: в их «мире» они вообще не сталкиваются с тенденцией конкуренции с равными по силами акторами; малые державы сражаются за статус второго, третьего или даже четвертого порядка, при этом имперский центр исполняет функции арбитра и заботится, чтобы конкуренция не велась военными средствами. Раз за разом выделяемое обстоятельство, что внутренние районы империй оказываются зонами мира, в то время как управляемые гегемонами пространства отличаются повышенной воинственностью, в этом и находит свои истоки. Это, разумеется, не значит, что в рамках имперского порядка принципиально не доходит до применения военной силы; там вполне могут иметь место и антиимперские освободительные войны, и они, как правило, продолжаются дольше, нежели крупные войны за гегемонию. Последние, конечно, ведутся несравненно стремительнее, они могут привести к значительным потерям в самые короткие сроки. Но антиимперские освободительные войны ставят под сомнение весь имперский порядок как таковой, в то время как войны за гегемонию скорее стабилизируют общий расклад сил: в них дело заключается лишь в смене гегемона, а сама по себе модель порядка, напротив, признается всеми участвующими в конфликте сторонами54. Империя и гегемония отличаются друг от друга и разными функциями ведущихся войн.

В Европе господствовало глубокое недоверие к системам международных отношений, которые практически вынуждали к борьбе за гегемонию. В XX столетии в ходе двух опустошительных войн здесь

предотвратили переход одной из континентальных гегемониальных держав к имперскому владычеству на всем континенте. После этого стали искать средства и пути к тому, чтобы не допустить новой версии ге- гемониальной конкуренции. Так как выяснилось, что всякая война стоит больше, нежели может принести, и даже победитель в военном отношении становится проигравшим политически и экономически55, европейцы сделали все для того, чтобы ликвидировать взаимное недоверие с помощью международных договоров, экономических взаимосвязей и особенно за счет внутреннего демократизирования государств, что должно было блокировать роковое стремление к установлению внутриевропейской гегемонии.

То, что стало уроком по опыту Первой и Второй мировых войн, в первую очередь для Германии, могло быть описано и совершенно иначе: необходимость защиты европейского государственного порядка от повторных попыток немцев вновь подвести европейский континент под свою имперскую эгиду56 и одновременно противостояния новой имперской угрозе со стороны пробившегося к Центральной Европе Советского Союза. При таком подходе главная роль оказалась отведена не ЕС и не ОБСЕ, как должно было бы оказаться в ходе мирного развития Европы после 1945 г. На их место пришла НАТО: смысл ее существования, как лаконично и четко заявлял его первый генеральный секретарь, британец Гастингс Лайонель Исмей, заключался в том, «чтобы подавлять немцев, выбросить русских, а американцев впустить». Внутриевропейская гегемониальная борьба соответственно предотвращалась в первую очередь тем, что роль гегемона передавалась США как внеевропейской силе, а тем самым и послевоенный европейский порядок имел куда меньшую вероятность стать результатом образцового извлечения политических уроков, который мог быть поставлен в пример другим кризисным регионам. Скорее, он стал следствием великолепной ситуации, когда безопасность можно было препоручить американцам.

Гарантии безопасности от великой державы державам средней руки согласно такому подходу являются не только инструментом при образовании и консолидации империи, но и средством для окончания схваток за гегемонию, с помощью которого пацифицируются воинственные регионы и открывается возможность установить в них прочный и мирный порядок. Однако для этого требуется наличие достаточно мощной внешней державы, которая будет настолько заинтересована в мирной стабилизации до сих пор раз за разом сотрясаемого войнами за гегемонию пространства, что сможет дать соответствующие гарантии безопасности[43]. Если после

1918 г. США уклонились от этой миссии, то после 1945 г. они были к этому готовы57. Какие бы преимущества им не обещали — сначала это были лишь затратные политические инвестиции в западноевропейское пространство.

У представления о «благосклонном гегемоне», которое имелось относительно США, мало общего с понятием о владычестве, получаемом победителем после схватки великих держав. Последнее устанавливалось в ходе соперничества равных, а первый вариант подразумевал статус, скорее, пастуха стада, защищающего от вражеских атак; его благосклонность заключается в том, что он не только охраняет своих подчиненных от угроз извне, но и отказывается от того, чтобы использовать свое преимущество для собственной выгоды. Его отличает главным образом служение другому и куда менее успешное отстаивание своих интересов в отношении прочих. Гегемония в таком понимании является потенциальной имперскостью, которая, однако, из уважения перед правовыми устоями, с учетом морального состояния своего же населения, из политической мудрости или же исходя из любых других, но в любом случае благожелательных мотивов не реализуется в полной мере. Что же касается различия между гегемонией и имперской властью, то с этой точки зрения его определяет лишь сама ведущая держава, и поэтому вполне уместно обращаться к ней с настоятельными апелляциями или же предупреждениями, чтобы убедить ее в полезности гегемонистской и во вреде имперской роли.

Таким образом, данная альтернатива находится в области политической морали или же мудрости, но не в сфере, если можно так выразиться, политической физики, поэтому она опциональна и не предопределена. Нельзя определить, придерживается ли сама ведущая держава или же правящие в ней политики именно такой точки зрения или же там господствует восприятие, диктуемое политической физикой. В любом случае можно исходить из того, что со стороны лидирующей державы наличествует стремление получить еще больший вес, в то время как меньшие державы заинтересованы очертить пространство, в котором должны принимать решения великие державы.

Михаэль Манн рассматривает гегемонию как урегулированную в правовом плане форму господства — в отличие от империи, где доминирующая сила не чувствует себя связанной какими-либо правилами. Для Манна из этого и возникает центральный вопрос американской внешней политики: «Американцы должны принять для себя решение, хотят ли они гегемонии, и в дальнейшем придерживаться правил. Ведь если они собираются стать империей и в этом потерпят неудачу, они утратят и

гегемонию. Мир это мало озаботит. Он справится с многообразными последствиями»58. В отличие от него Чалмерс Джонсон, американский политолог, сделавший себе имя как эксперт по Восточной Азии, сомневается в том, что между империей и гегемонией существует субстанциональная разница. Он исходит из того, что при подобном различии речь может идти лишь о риторической стратегии, за счет которой высвечивается или, наоборот, затеняется реальное осуществление господства: «Некоторые авторы используют понятие “гегемония” для империализма без колоний, а в эру “сверхдержав” после Второй мировой войны гегемония оказывается равнозначной представлению о западном и восточном “лагерях”. Вопрос терминологии при этом постоянно усложняется ради интересов Соединенных Штатов, подыскиваются эвфемизмы понятия “империализм”, чтобы манера действий американцев могла казаться безвредной и невинной хотя бы некоторым гражданам»59. Получается, что «гегемония» становится попросту эвфемизмом для «империи», и различение обеих едва ли оправдано по существу, обнаруживая лишь то или иное мнение автора об описываемом им порядке. Вместо научной категории понятие оказывается лишь маркировкой политического языка.

Однако очевидно, что терминологическая путаница вырастает не только из вполне заметной тенденции к использованию эвфемизмов, ведь и известный своей циничной откровенностью Генри Киссинджер в своих недавних заявлениях использовал понятия «гегемонистский» и «имперский» как синонимы. Центральное послание его книги «Возвышение Америки» (2001) гласит, что США после принятия на себя роли гегемона в течение кратчайшего времени могут взвалить на себя столь тяжелый и удручающий груз, что американское общество окажется не готово нести его и дальше. Таким образом, Киссинджер видел признаки неудачи не только в попытке стать империей, но и уже на стадии гегемонии60.

Конечно, данную проблему можно воспринимать и наоборот, понимая развитие империи как гарантию против угрозы провала всегда хрупкой гегемонии. Если гегемонию определять как то, что может предоставить коллективные блага — безопасность от внешних угроз, ограничение усилий на вооружение малых держав, упорядоченное экономическое пространство, о которых заботится главным образом держава-гегемон, в то время как приводимые в порядок державы получают от этого прежде всего прибыль, — то вполне понятным становится недовольство ведущей державы и ее граждан подобным распределением затрат и прибылей.

Совершенно иначе это выглядит при империи, которая для населения центра может принести больше или, по меньшей мере, позволяет себе не нести в одиночку затраты на обеспечение коллективных выгод, заставляя участвовать в этом и принятых под защиту. Подобная империя имеет большее одобрение со стороны своих «имперских граждан», нежели гегемония. Многие политики и интеллектуалы, рассуждающие в последнее время в скорее неамериканской манере об Американской империи и, соответственно, о возведении и укреплении последней61, несомненно, исходят из опасения насчет угроз и расходов заново утверждающейся гегемонии. При этом они придают мало значения точным терминологическим различиям и под «империей» понимают попросту укрепившуюся и сделавшуюся долговременной форму гегемонии.

Вероятно, относительно соотношения имперскости и гегемонии в последнее время никто не размышлял более основательно, нежели германский историк права Генрих Трипель, который в 1938 г. опубликовал крупную работу о гегемонии. Трипель также усомнился в том, что между империей и гегемонией есть категориальная разница: гегемония якобы лишь «одна из форм, в которой может проявляться империалистическая политика»62. Ее отличительная характеристика состоит только в «самообладании власти»63. Трипель считал, что можно наблюдать проявляющуюся в течение столетий тенденцию к большему уважению к самостоятельности тех или иных областей, которые подпали под власть той или иной империалистической державы, однако непосредственно в ее состав не вошли. Он назвал эту тенденцию «законом убывающего принуждения»64. Трипеля интересовал процесс «самообладания, самоограничения власти»65, результатом которого является постепенное принятие имперскостью формы гегемонии. «Можно с уверенностью утверждать, что в политике современного империализма завоевание гегемонии все чаще становится типичной формой распространения власти»66.

Для Трипеля империя и гегемония сходятся там, «где империализм осознанно отказывается от инкорпорации чужих земель, ограничиваясь рамками своего старого государства. Он вполне может, но не должен идти на это»67. Трипель, таким образом, констатировал тенденцию к превращению имперской политики в гегемонистскую, проявление которой он видел прежде всего там, где процесс построения империи отражают федеративные элементы. Тем не менее автор сомневался в том, что такие отношения с центральной властью могут быть применены везде и всегда. К моменту формулирования подобных выводов в середине 1930-х годов это

было более чем оправданной осторожностью.

В поисках начал рефлексии относительно гегемонии, отличающейся повышенным самоограничением формы имперского владычества, Трипель обратился к античным греческим историкам и риторам, которые были заняты возникновением и крахом афинской талассократии. Они использовали следующую иерархию понятий: йрхД, ббуарк;[44], г)уероу(а, причем именно в таком порядке — сначала в более мощных и интенсивных проявлениях властных отношений давала себя знать <5срктоторую Трипель опять же переводил как «господство». Но и бОуарк; часто использовалось в этом значении, а вот руе- роу(а, напротив, означало более слабые властные отношения, что Трипель полагал возможным переводить как «доминирование»68.

В своих компаративных исследованиях империй и Майкл Дойл констатировал известное различие между афинской и спартанской политикой по отношению к союзникам в V веке до н. э. и из этого выводил категориальную разницу между империей и гегемонией: в то время как возглавлявшийся Афинами Делосский морской союз превратился в империю, Пелопоннесский союз со Спартой в качестве ведущей державы оставался гегемонией69. Это было тем более показательно для Дойла, что спартанцы ограничивали свою претензию на доминирование над партнерами по союзу исключительно «внешней политикой» и воздерживались от вмешательства в их внутренние дела: ни политический, ни экономический строй, ни вопросы государственного устройства, ни регулирование рынков не испытывали их воздействия, не говоря уже о том, чтобы они стремились менять их в связи со своими претензиями на лидерство.

По убеждению Дойла, подобное самоограничение вопросами союза несовместимо с империей. Для имперского господства куда более характерно, что империя не знает ясного разграничения между вопросами внутренними и внешними

и вследствие этого постоянно вмешивается во внутренние дела союзников70. Как раз в этом и сказалось различие между Афинами и Спартой. Спарта ограничивалась тем, что держала под контролем внешнеполитические связи союзников и заботилась о том, чтобы Пелопоннесский союз занимал самостоятельную позицию по отношению к обеим другим великим державам пространства Эгеиды: к персам и афинянам71. Афины, напротив, постоянно вмешивались в дела своих партнеров по союзу: они следили за тем, чтобы возобладала демократическая партия, присвоили себе судопроизводство, при котором

речь шла о вынесении смертных приговоров, ввели в обращение свою валюту на пространстве союза и, наконец, заставили союзные города выделять им территорию для расселения афинских колонистов72. Очевидно, в Афинах полагали, что можно будет положиться на союзников лишь тогда, когда над ними будет установлен соответствующий контроль. Естественно, афинские граждане также хотели прибылей от взятой на себя нагрузки по морскому союзу. Ссылаясь на постоянные интересы, в народном собрании было сложно завоевать прочное большинство; преимущество давали лишь аргументы в пользу сиюминутной выгоды. По Дойлу, спартанская аристократия оказалась в состоянии вести гегемонистскую политику, в то время как афинская демократия имела непреодолимое тяготение к империи73.

Майкл Дойл, конечно, видел и то, что структурные предпосылки спартанской и афинской союзнической системы были столь различны, что едва ли акторы осознавали необходимость решений об империи или о гегемонии. Скорее следовало бы констатировать, что гегемония была единственной формой, в которой Спарта, принципиально консервативная как в политических, так и в социальных вопросах, могла бы сформировать союз. Напротив, Афины, где разрастание союза шло рука об руку с развитием радикальной демократии в них самих, распространяли динамику внутреннего развития на союзные структуры и так запустили во всем эгейском пространстве процесс, который вылился в драматические перемены в социально-экономической сфере, когда традиционный слой землевладельцев был сменен куда более мобильным сообществом купцов и ремесленников74. Таким образом, у Афин не было иного выбора, кроме как постоянно вмешиваться во внутренние дела союзников — не только чтобы создать единое экономическое пространство, контролировать морские пути в Черном и Эгейском морях, а также для обуздания постоянной пиратской угрозы, но и для того, чтобы политически гарантировать социально-экономическое развитие в союзных городах, со всеми его прибылями и потерями. Это было возможно только за счет гарантий господства демократической партии. Была традиционная социальная структура, позволявшая Спарте создать не более чем гегемонию, и была экономическая, социальная, наконец, политическая динамика, которая требовала от Афин развития в империю.

Те же аргументы приводил Генрих Трипель75. По его мнению, возникновение гегемоний и империй, а также переходных состояний между ними может быть определено в основном социально-экономическими и политическими раскладами в центре власти. Дойл же сводил свои выводы о

спартанской гегемонии и афинской империи к политико-структурному различию: об империи следует говорить тогда, когда существует переплетение между центром и периферией, которые связаны друг с другом формой надгосударственных социальных структур. При гегемонии, напротив, речь идет о системе связей между центрами, из которых один очевидно сильнее, чем остальные76.

Следует ли классифицировать политический порядок как имперский или гегемонистский, зависит, следовательно, от состояния социально-экономического развития и соотношения политической мощи подчиняющихся партнеров по союзу и его главы. Если разница велика и становится еще больше за счет динамики центра, то непременным следствием этого является «империализация» структуры доминирования; если социально-экономическая и политическая разница между участниками скорее невелика и связи между ними остаются стабильными в течение долгого времени, то следует рассчитывать на «гегемонизирование» властной системы. Тем не менее, по меньшей мере столь же важным, что и небольшое различие в мощи между партнерами, является для образования гегемонии то обстоятельство, что подчиненные державы не имеют интереса или не прикладывают усилий для оттеснения обладающей на данный момент гегемонией страны с целью занять ее место. Только в такой ситуации держава-гегемон может оставаться при элементарной претензии на главенство и не пытаться превратить гегемониальное доминирование в имперское.

На основе своего великолепного военного аппарата Спарта, очевидно, полагала, что ее преимущество над партнерами по союзу вне опасности. Однако динамика соседней с ней союзной системы показалась спартанцам столь угрожающей, что они решились на начало превентивной войны, чтобы не допустить дальнейшего взлета Афин.

В связи с устойчивой политической динамикой, наличествующей в мире с конца XVIII столетия, гегемониальный порядок может возникать лишь на какое-то время и должен либо трансформироваться в имперские структуры, либо погибать в саморазрушающих войнах. Вероятно, есть еще и третья возможность — снижения динамизма в отношениях за счет развития надгосударственных политических структур и мощного экономического взаимопроникновения, чего и удалось добиться европейским странам во второй половине XX столетия. Наконец, не исключено, что гегемониальные и имперские структуры накладываются друг на друга, то есть один и тот же порядок может нести признаки как имперского, так и гегемониального.

Относительно вопроса, являются ли теперь США империей или гегемоном, следует сказать, что разница между обеими категориями куда более расплывчата, нежели зачастую полагают. Если имперскость понимать только как вмешательство во внутренние дела малых государств, в то время как гегемон в целом не заинтересован в их внутреннем строе, то США, с тех пор как при президенте Картере они перешли к наступательной политике во имя прав человека, являются империей; в то же время до того, когда они мирились с военными диктатурами внутри НАТО[45], они были гегемоном. Таким образом, конечно, иерархия ценностей между обоими понятиями переворачивается с ног на голову. Вероятно, было бы уместным использовать оба понятия без какой-либо предопределенности и иметь в виду различное соотношение сил между участниками одной политической системы: гегемон в таком случае становится первым среди последовательно равных, при этом важно, что такое равенство не ограничивается только правами и обязанностями, но проявляется в действительной дееспособности и свершениях. Об империи же, напротив, следует говорить, если разница в мощи между центральной державой и ее партнерами по политической системе столь велика, что она уже не может быть скрыта даже за счет фикции равенства. Вопрос попросту заключается в том, о каком роде власти идет речь: об экономической, культурной, политической или же военной. Все это редко учитывается параллельно, и едва ли может существовать единство мнений о том, следует ли теперь полагать тот или иной порядок имперским или же гегемониальным и как развивать его дальше.

Степные империи, морские державы и глобальные экономики: малая типология имперского господства

Из тех четырех источников власти, которые по очереди были рассмотрены Михаэлем Манном в его «Истории власти»1, основанной на материалах всеобщей истории, выдающееся значение для начала строительства крупных империй имеют военное и экономическое превосходство в силах. Без них обширные державы построить нельзя; они являются базой для распространения власти. Политическая и идеологическая мощь, то есть оба оставшихся источника власти, по Михаэлю Манну, получают значение лишь в фазе консолидации империи, ведь после завершения более или менее динамичной фазы экспансии следует закрепить достигнутое господство на долгий срок. Теперь

начинают сказываться аспекты, которые в начале имперского строительства были не столь важны, — величина затрат, связанных с управлением захваченным пространством, или же готовность населения нести на себе бремя империи.

В течение первой фазы вопрос затрат и приобретений остается на втором плане: либо экспансия сама по себе приносит

больше, чем она требует ресурсов, либо же утешаются ожиданиями будущих выгод. Это сменяется переходом к фазе консолидации. Если империя не хочет пережить государственное банкротство или же потерпеть крушение из-за внутреннего сопротивления имперскому бремени, она должна перейти от воображаемого к фактическому равновесию, и это, как правило, означает, что стоимость владычества следует понизить. Самый простой способ заключается в более мощном использовании политических и идеологических ресурсов; прежде всего идеологические рычаги оказывается куда дешевле создавать по сравнению с рычагами военными. И уже поэтому влияние первых нарастает, как только империя выходит к пределам своего расширения, и всякий следующий шаг должен будет привести ее к «империалистическому перенапряжению»2.

Майкл Дойл обозначил переход империи от экспансионистской к консолидирующей фазе как «августовский барьер»3. Здесь он обращался к тем глубоким реформам, которые предпринял император Август, когда избавился от последних своих конкурентов в битве при Акции (31 г. до н. э.). В результате Respublica Romana окончательно превратилась в Imperium Romanum[46]4. На этом рубеже потерпели крушение многие великие империи. Таким образом, переход от фазы экспансии к фазе консолидации принадлежит к числу важнейших этапов в истории империи и поэтому заслуживает особого внимания.

Империи возникают либо в результате силового захвата, либо вследствие экономического проникновения. Соответственно, вполне можно отличать имперские порядки, включающие в себя непосредственные владения (классические «мировые империи»), от тех, которые основываются на торговых структурах и на контроле за некой «мировой экономикой». Оба этих типа империй в чистом виде встречались в мировой истории достаточно редко. Почти все мировые империи имели и глобально-экономические компоненты, особенно если они существовали продолжительный период. С другой стороны, едва ли могла быть мировая экономика, которая бы долго оставалась без властных политических элементов.

Переход через «августовский барьер», как правило, заключается в том,

что имевшиеся торговые структуры дополняются элементами господства, а на покоренных пространствах, соответственно, начинается экономическое взаимопроникновение. Крушение же мировой империи в большинстве случаев сопровождается крахом связанной с ней экономики. Так, после крушения Римской империи на Западе торговля между ее бывшими регионами стала спадать, большие города опустели, и подавляющее большинство населения теперь вновь жило за счет простого сельского хозяйства5. Совершенно так же распад Советского Союза привел к краху экономической системы, где доминировали Советы, что имело далеко идущие последствия для стандартов жизни людей как в центре, так и на периферии. Постепенный закат Британской империи не имел более глубоких последствий для мировой экономики потому, что США сразу же переняли те функции, которые до того выполняли британцы. Конечно, можно считать биржевой крах 1929 г. тем кризисом, который сопровождал этот переход.

Таким образом, если даже невозможно полностью отделить друг от друга захваченное и экономическое пространства, все же уместно обозначить оба друг относительно друга. Причем в фазе становления империи они различаются куда заметнее, нежели на высшей стадии распространения имперской мощи. В классических огромных империях область владычества возникает раньше, чем единое экономическое пространство, в большинстве же европейских империй Нового времени было как раз наоборот. Эта основанная на ходе развития больших империй типология уже давно

дополнена структурным различием между континентальными и морскими империями: первые возникают за счет расширения подвластных пространств, а вторые ведут экс- пансию в форме интенсификации и дальнейшего распространения своих торговых связей. Здесь через некоторое время также можно наблюдать установление переходных и смешанных форм, чтобы с помощью них обеспечивался товарообмен, или же, если вследствие политических конфликтов торговые структуры разрушаются и имперский центр вмешивается, чтобы восстановить их и обеспечить им охрану на своих просторах.

Перечисленные четыре источника власти при образовании империи играют, разумеется, не одинаковую роль, и так остается вплоть до высшей точки распространения имперской мощи. Безусловно, дефицит хотя бы одного из четырех факторов имеет в целом негативные последствия для империи: она отчаянно стремится компенсировать это за счет других факторов, что дорого обходится, а кроме того, внутриимпер- ский властный

баланс оказывается постоянно выведенным из положения равновесия. Так, царской России, Османской империи и Испанской мировой империи не удалось развить экономическую мощь в той же мере, что и военную, что привело либо к рано начавшемуся ослаблению империи, либо к катастрофическому разрастанию военного аппарата. Seaborn empires португальцев и нидерландцев, напротив, были не в состоянии поддерживать соответствующую их экономике военную и политическую мощь, и спустя некоторое время они были оттеснены на позицию младшего партнера другой морской империей — в обоих случаях Британской. Империя, как можно предполагать, тогда наиболее устойчива, когда она может в равной степени опереться на все четыре источника власти или же после перехода через «августовский барьер» установить между ними равновесие. Это, среди прочего, удалось сделать Римской и Британской мировым империям.

Строительство империй за счет военного и коммерческого изъятия прибавочного продукта

Возникновение империй за счет расширения контролируемых ими пространств или же в ходе интенсификации их торговых структур приводит к различным формам изъятия прибавочного продукта на периферии имперской державы: в основном военной и коммерческой соответственно. В качестве примера военного изъятия прибавочного продукта можно указать на степные империи, а иллюстрацией для коммерческой формы послужат морские. Друг от друга их отличает не степень эксплуатации населения, а уровень использования открытого принуждения, который у степных империй был существенно выше, чем у морских. Последним же в качестве основного механизма получения прибыли служили не ограбление и опустошение, а обмен и торговля.

Португальская и затем наследовавшая ей Нидерландская морские империи уже использовали коммерческую форму эксплуатации6. Порой они контролировали торговлю в области, протянувшейся от восточноафриканского побережья до Юго-Восточной Азии, и вместо того чтобы инвестировать в эти территории, они обустроили торговые монополии, из которых получали значительные барыши. При этом на восточноафриканском побережье и на Индостане португальцы сменили арабских купцов, коммуникации которых они либо захватили, либо насильственно перерезали. В основном же они ограничились тем, что возвели крепости или укрепленные пункты на важнейших торговых узлах, где они могли бы защищаться сравнительно небольшими гарнизонами; как правило, они располагались на полуостровах или островах поблизости от побережья. От продвижения в глубь материка воздерживались7. Из этих защищенных опорных пунктов и более крупных торговых узлов и устанавливали связи с мест

ными властителями и стремились заручиться их поддержкой в развитии собственной торговой активности. К модернизации местной системы власти или же социальной структуры они не выказывали никакого интереса.

Франсиско де Алмейда, став к началу XVI столетия вице- королем Индии, разработал эту концепцию, учитывавшую ограниченные силы и возможности небольшой Португалии. Она предусматривала постоянное пребывание эскадры кораблей в Индийском океане, которая служила

мобильным соединением, связывающим эти крепости и стратегически ключевые позиции. За счет этого можно было быстро сконцентрировать имеющиеся силы на нестабильном участке. Так как нести затраты на удержание обширных подвластных территорий не собирались, то организация поселений колонистов, где могли бы на постоянной основе разместиться европейцы, исключалась. В середине XVI века вдоль африканского побережья проживало не более двух-трех сотен белых, а поселение европейцев в Индии и на юго-востоке Азии служило лишь, чтобы укрепить и поддержать португальский контроль над захваченными ключевыми позициями8.

Португальцы несли расходы по контролю за торговым пространством Индийского океана, объявив его mare clausum[47]’9 и действуя на нем как на едином замкнутом пространстве; за пересечение же его акватории следовало платить пошлины и сборы. Для восточноиндийской торговли была образована португальская монополия, связанная с системой оплачиваемых свидетельств на право прохода (cartazes) всех непортугальских торговых судов10. Таким способом португальцы смогли устанавливать цены на высоко ценимые в Европе пряности, в частности на перец, гвоздику и корицу, при этом не подвергаясь риску снижения цен конкурентами, а если они и допускали непортугальских торговцев в восточноиндийские сделки, то только в обмен на лицензии за соответствующую оплату. Курсировавшая в Индийском океане эскадра флота помимо функции охраны торговых факторий и крепостей имела также задачу обеспечения португальской монополии на морскую торговлю.

Баланс португальской морской империи на данном основании оставался в целом положительным на протяжении полутора столетий ее существования. «Бюджет 1574 г. показывает, — писал историк Оливейра Маркес, — что азиатские владения империи (включая крепостные укрепления в Восточной Африке) вовсе не вызывали дефицита, а давали даже профицит более чем в 80 тысяч крузадо. <...> В 1581 г. этот профицит сократился до 40 тысяч крузадо, чтобы в 1588 г. подняться вновь до 108 тысяч крузадо. В 20-е гг. XVII века положение стало устойчиво меняться из-за постоянных расходов на защиту от голландцев, англичан и прочих. Однако и в этих обстоятельствах профицит все же составлял 15 тысяч крузадо в 1620 г. и 40 тысяч крузадо в 1635 г.»11.

Ахиллесовой пятой португальской морской империи было поддержание торговой монополии, и это объясняется не закупкой продукции для доставки в Европу и не действиями арабов, вытесненных из торговли, а наличием европейских конкурентов, которые боролись против

португальской монополии, чтобы установить ее самим или же заменить ее системой торговой конкуренции. Когда нидерландцы захватили позиции морской империи португальцев в Индонезии, они переняли и их организационные принципы, заменив только португальский государственный капитализм частными корпорациями, вроде Ост-Индской компании, которые сумели развернуть куда более энергичную и динамичную деятельность, нежели это позволяла государственная система выдачи лицензий12.

Подобная возможность «приватизирования» отличает коммерческий путь изъятия прибавочного продукта от военного: военная экспансия, которая, как правило, проводится на континенте, политически организована; в центре ее находится один властитель или же военно-политическая элита, которая создает предпосылки для экспансионистских действий, а также возглавляет и организует военные операции. Коммерческая экспансия, напротив, может проводиться и частными лицами, зачастую торговыми компаниями. Они не следуют определенному стратегическому плану, а скорее действуют по обстоятельствам, возникающим на тех или иных участках имперской периферии. В отличие от военной, коммерческая экспансия не создает территориально компактных захваченных областей, а состоит из сфер торговли, включающих самые разнообразные части, связанные только путями сообщения, по которым и происходит налаженный экономический обмен. Поэтому основанные на коммерческом пути изъятия прибавочного продукта империи являются, как правило, империями морскими, причем они не обозначаются на карте единым и соответствующим образом закрашенным пространством, а состоят из целого сонма опорных пунктов и коммуникаций между ними. Чарльз Майер свел это различие к следующей формуле: на одной стороне находятся государства, разросшиеся в империи, а на другой — государства, поддерживающие свою империю13.

Португальская и нидерландская морские империи основывались в основном на том, что метрополиям удалось заполучить контроль над крупными торговыми потоками. Для таких по-имперски оформленных торговых структур характерно, что центр систематически получает предпочтение перед периферией. Они основываются на сети неравных договоров, которые продиктованы интересами центра. Это, конечно, не значит, что принадлежность к подобной системе для периферии не имеет ничего, кроме минусов, однако центр получает большую прибыль, нежели периферия: его доходы должны быть постоянно настолько велики, чтобы из них можно было уравновесить расходы на поддержание всей системы.

Таким образом, центр стремится установить terms of trade[48], чтобы не быть вынужденным постоянно инвестировать в имперское торговое пространство, в то время как остальные будут получать выгоду от установленных тем самым безопасности и порядка14.

Можно ли оценить размеры прибылей, получаемых центром от контроля над своим «мировым хозяйством»? Вероятно, при этом более важное значение имеет не доля центра в размерах мировой экономики (те же США в настоящий момент составляют около четверти, однако вследствие роста восточноазиатских экономик в среднесрочной перспективе она сократится еще более)15, а его контроль над потоками капиталов и товаров. В пору расцвета Британской мировой империи фунт стерлингов был ведущей валютой мировой экономики, и решения относительно величины ссудного процента, а также курс акций определялись в лондонском Сити. Британские банки были сердцем мировой экономики, поддерживая движение товаров и капитала и направляя его, — это был прежде всего контроль над финансовой системой, посредничая в которой британцы господствовали в капиталистическом мировом хозяйстве XIX и начала XX столетия16. Пока это оставалось так, имелись прибыли, благодаря которым можно было оправдывать затраты на контроль за торговым пространством, в частности на флот и на военные опорные пункты вдоль морского пути в Индию. Когда же Великобритания утратила свою доминирующую позицию в рамках международной финансовой системы, стоимость господства над имперским пространством существенно возросла, так как на периферии стало драматически нарастать сопротивление населения имперскому владычеству и Великобритания вступила в две крупные войны с гегемонистскими конкурентами (Германией и, в конце концов, Японией), что было равносильно концу империи.

По аналогии с Британской империей следует оценивать и имперскую позицию США, чей экономический потенциал, однако, значительно больше того, который когда бы то ни был у британцев, а их военная мощь так же очевидно превосходит британскую. Однако решающими в вопросе стабильности и долговременности американской империи будет не производительность американской экономики, не глобальная система военных опорных пунктов американцев, которые во многих отношениях напоминают модель военного обеспечения торговых пространств британцами, а лишь способность США направлять потоки капиталов в мировой экономике, регулировать ценность прочих валют по отношению к доллару и готовность определять ритмы мирового хозяйства за счет все

новых инноваций. Инструментами здесь являются контроль над мировыми банками и всемирными валютными фондами, а также привлекательность американских исследовательских институтов и технологических центров, обеспечивающая постоянный «приток мозгов» в США. Все это дает уверенность в том, что периферия платит, а США получают прибыль. Стоимость военного аппарата при этом лишь снижает объемы возможной выгоды.

Принципиальной альтернативой коммерческому методу изъятия прибавочного продукта является военный, нашедший свое наиболее резкое отражение в том, что вооруженные силы империи могут быть профинансированы только за счет регулярных походов за добычей и данью в окраинные регионы имперского пространства. Тем самым военный аппарат поначалу финансирует сам себя, однако параллельно еще и предпринимаемые в метрополии масштабные проекты, свидетельствующие о блеске империи и ее властителя и порой приводящие и к тому, что военная власть дополняется культурной, а то и идеологической, снимающей с первой часть бремени. Такая манера строительства может приводить к трансформации «жесткой» силы в «мягкую», и в этом отношении постройка Акрополя в Афинах во времена Перикла или же архитектурное обновление Рима под эгидой Августа представляют собой проекты по превращению военной в культурную или же идеологическую мощи. Фукидид был, безусловно, убежден в том, что мощь Афин после постройки величественного Акрополя стала считаться вдвое большей, нежели она была в действительности17. Финансируемое за счет ограбления периферии развитие имперских центров, таким образом, в среднесрочной перспективе может привести к снижению стоимости владычества и тем самым к укреплению имперского господства.

В чистом виде военный путь изъятия прибавочного продукта в этом окультуривании власти играет весьма второстепенную роль или же вообще не играет никакой роли. Примером чистой формы военного изъятия является Ассирийская империя. Опираясь на свои передовые военные технологии, прежде всего применяя боевые и серпоносные колесницы, она добилась господствующего положения на пространстве Месопотамии18. Однако средства, которые были в распоряжении ассирийских властителей, оказались недостаточны для того, чтобы постоянно финансировать дорогостоящий военный аппарат. Одновременно ассирийцы были не в состоянии перманентно контролировать периферию своей империи и там сравнительно регулярно взимать подати. Обложенные данью властители пытались избежать своих обязательств по выплатам, как только могли.

Таким образом, на долю ассирийской армии выпадала задача в ходе ежегодных военных походов добывать себе необходимые ресурсы. Какому-либо городу или правителю при этом оставалось лишь две возможности: или при приближении ассирийских вооруженных сил они платили требуемый размер дани, снабжая и кормя войска из своих запасов, заверяя в своей преданности Ашшуру, или же дань, которую отказывались платить, бралась насильно в форме трофеев. Чтобы гарантировать то, что регулярная выплата дани казалась бы подчиненным куда выгоднее, нежели война, ассирийцы практиковали политику систематического опустошения, за которую и пользовались дурной славой у последующих поколений. Их чрезмерная жестокость, конечно же, не являлась самоцелью; она представляла собой специфическую форму поддержания империи — должна была повысить для правителей окраинных округов империи степень риска, связанного с попыткой отделиться от державы. Формой отпадения являлся отказ в выплате дани, формой наказания было взятие трофеев. Это была дань значительно больших размеров, ведь в пепел обращались целые города, а следствием становилось разорение сельской округи и истребление местного населения. Военный аппарат был и угрозой, и средством проведения такой политики.

Ассирийский пример является парадигмальным для классической формы имперского проекта, хотя позднее ради гарантирования выплаты дани очень редко обращались к настолько безграничной жестокости; вероятно, лишь монголы вновь стали с той же решимостью обращаться к таким методам. Стратегический недостаток такой политики состоял в том, что подобная империя в принципе была не в состоянии перейти «августовский барьер». Это касается и степных империй, наследовавших скифам, когда кочующие народы свои регулярные переходы на летние и зимние пастбища расширяли до пределов мира и порой, конечно, образовывали недолговечные огромные империи. Недолговечными степные империи оставались потому, что им, как правило, не удавалось освободиться от стремления к военной экспансии и заменить регулярными податями выгоду, получаемую за счет дани и трофеев. При строгом следовании имперским дефинициям степные империи на основании их недолговечности должны получить статус лишь некоего приложения к основному варианту. Они образуют особую форму империй, которой здесь будет уделено особое внимание потому, что она позволяет изучить военную форму изъятия прибавочного продукта в почти чистом виде.

История степных империй довольно продолжительна, даже если она и занимает в западной историографии маргинальное место[49], а

появляющиеся из-за центрально-азиатских степей конные кочевники воспринимаются лишь как помеха и разрушители упорядоченного политического и экономического развития. От скифов через сарматов, аланов и гуннов, аваров, венгров и хазар вплоть до монголов19—раз за разом велось строительство громадной империи[50], которая, как правило, начиналась с того, что конные кочевники обкладывали данью граничащих с их зимними пастбищами землепашцев и получали ресурсы для масштабных экспансионистских походов. Непредсказуемость условий жизни кочевников, для которых значительную роль играют климатические колебания и эпизоотии, вынуждала номадов страховать свои шансы на выживание. Ради этого они добывали продовольствие из земледельческих зон на окраинах степи в виде дани. Походы за трофеями в принципе являлись одной из составляющих их жизни. Как только добыча трофеев получала больший радиус и оказывалась уже не связанной лишь с проблемой выживания, становясь средством обогащения, начиналось строительство новой империи.

В гуннском имперском проекте при Рутиле и Аттиле в V столетии нашей эры можно проследить важнейшие основные черты развития огромных кочевых империй20, которые более или менее отчетливо проявляются во всех степных империях. Прежде всего это этногенез, при котором из многих племен складывается один господствующий народ. Решающей для успеха или неудачи является харизма (монг. qut) предводителя, который осознанно стремится ее усилить. Аттила почитался своими подданными как бог, и боялись его как бога. Но и сам он был убежден в своей божественной миссии и на этом основании строил притязания на установление своего владычества над всем миром. Текшие к нему рекой трофеи, откупы и дань он раздавал военной элите своей империи, тем самым принуждая ее к лояльности. Только он один определял последовательность рангов внутри элиты, делая это посредством подарков и распределения мест на заседаниях в его шатре. Традиционные функции предводителя как главы клана и вождя племени были изменены в пользу харизматического лидера.

Переход в социально-политическом устройстве кочевников от традиции к харизме — «выходящему за рамки обычного стремлению подчеркнуть святость или же героизм и образцовость конкретного человека», как определял харизматический тип лидерства Макс Вебер21, — привел к повышению динамизма во внутренней организации племен и кланов, что опять же стало основанием для имперской экспансии. Только так можно объяснить ту чудовищную ярость, с которой конные кочевники,

уступавшие по численности, сумели покорить огромные территории и поставить под ярмо другие империи. Из этого же, однако, проистекала и хрупкость степных империй, которые часто не протягивали дольше срока жизни своего харизматического лидера22.

То, что иерархия по происхождению была сменена таким признаком, как военные успехи, объединило до того враждовавшие кочевые племена и сделало их способными к распространившейся на огромные пространства экспансии. Особенно сильно укрепились лояльность и дисциплина, которых всегда так не хватало кочевому миру. Средства, которыми при этом пользовался хан монголов Темучин, затем называвший себя Чингисханом[51], — реорганизация армии, связанная с разросшимися до тысяч подчиненными ему этническими общностями. Их объединяла только лояльность к вождю, а по своим масштабам и составу они были ориентированы в основном на потребности весьма далеких завоевательных походов23. Строптивые кланы и племена могли быть разделены между множеством военных подразделений и тем самым приведены к покорности. Сопротивление приверженцев традиционной родовой иерархии Чингисхан приказывал безжалостно подавлять. Так, консервативные главные шаманы, противившиеся его планам, были поголовно казнены. Присягнувшие на верность хану сообщества должны были также вести войну, чтобы иметь возможность выжить. Они вели отбор трофеев без всякого ограничения, ведь только если была взята богатая добыча, вождь мог распределить дары и пожалования так, чтобы купить на них лояльность своих военачальников. Поэтому Чингисхану пришлось пойти на целую серию рискованных кампаний, а возможности насладиться плодами своей победы у него не было никогда[52].

Чингисхан в целом вполне осознавал вызванную им же самим обязанность завоевывать: «Монголы должны покорить все земли и не должны заключать мир ни с одним народом до тех пор, пока он либо не будет уничтожен, либо не подчинится им»24. И действительно, единство Монгольской империи во главе с великим ханом (каганом), которому обязаны были подчиняться другие ханы, владеющие своей частью империи, могло обеспечиваться лишь до тех пор, пока будет продолжаться экспансионистская политика. Со смертью внука

Чингисхана Мункэ в 1259 г. Монгольская мировая империя распалась на несколько частей, вступивших в схватку друг с другом*.

Коммерческий и военный способы изъятия прибавочного продукта являются крайними точками серии возможностей, при которых наиболее

вероятными в истории оказываются не экстремумы, а смешанные формы. Они могут быть ближе к коммерческому или к военному полюсу в этом ряду, причем ситуация, как правило, меняется по ходу истории той или иной империи. Так, Британская мировая империя на исходе XIX столетия обнаружила, что вынуждена все чаще обращаться к военным средствам вмешательства, чтобы обеспечить коммерческое изъятие прибавочного продукта, а части Монгольской империи, образовавшиеся в Китае и Восточной Сибири (так называемый Центральный каганат), а также в Иране, Ираке и Сирии (так называемый Ильханат)**, сумели ослабить влияние военных и усилить обеспечение имперского владычества за счет административного контроля над экономикой25.

Не следует полагать, что у основателей империй есть выбор между более коммерческим или преимущественно военным способом изъятия прибавочного продукта. Здесь играют роль предпосылки, среди которых решающими являются география, уровень цивилизационного развития центра, менталитет и компетентность элит, исторические образы и коллективная память, наконец, реакция периферии на обнаруживающиеся экспансионистские устремления. Представляется, что многие столетия действовал

*** Справедливости ради следует отметить, что экспансия монголов, пусть и не всегда удачная, продолжалась на многих направлениях и при Хубилае, вплоть до самого конца XIII в., так что тезис автора о целостности при продолжении экспансии здесь оправдывается лишь с некоторыми оговорками.**

**** Термина «улус» автор, по-видимому, не знает. Под «Центральным каганатом» подразумевается улус Великого Хана, ядром которого постепенно стал Китай, улус Хулагу действительно называют еще «государством ильханов». Другие улусы, в том числе Золотую Орду, автор не упоминает вовсе.**

ш

закон, что кочевые племена всадников Центральной Азии через определенные интервалы основывали степные империи, которые за небольшой период достигали громадных размеров, однако затем так же быстро разваливались, исчезая со страниц истории[53]. Следы, оставленные ими, состоят не в свидетельствах их свершений, не в блестящих городах, храмах или церквях, а в разрушении тех цивилизаций, которые встали на

пути их экспансии. Крушение Римской империи на Западе не в последнюю очередь было следствием прорыва гуннов из Центральной Азии: именно он привел в движение германские племена в южнорусских областях, так что возникло возросшее давление на границы Римской империи, которому она в конце концов поддалась. То же верно и для Багдадского халифата, арабо-мусульманской великой империи, времена расцвета которой к моменту штурма монголов уже миновали[54]26. Его уничтожение в 1258 г. было необычайно важно для политической истории ислама, ведь после этого до образования Арабской империи уже никогда не доходило. Арабский мир был разделен между Османской империей и династией Сефевидов. То же можно наблюдать и в центральноазиатском регионе, где империя Хорезма, включавшая в себя современный Иран, Афганистан и часть центральноазиатских республик, была разгромлена монголами Чингисхана, а ее культурно-экономический базис уничтожен27. Только лишь Китайская империя сравнительно безболезненно пережила времена монгольского владычества[55]: после примерно столетнего господства чужеземцев она была восстановлена.

Степные империи имели в основном эксплуататорский характер: они не создали собственной высокой культуры и не являлись центрами цивилизации, а ограничивались тем, что присваивали себе богатства и достижения периферии. В связи с их цивилизационно-технологической отсталостью они должны были концентрироваться на одной-единствен-ной отрасли, где они явно превосходили: на военной сфере. Стремительность конных соединений, их огромный радиус действия при незначительности расходов на снабжение, боеспособность каждого всадника в отдельности, дальность и меткость его лука, а также способность его предводителя к масштабному стратегическому мышлению, проистекающему из самого образа жизни кочевников и их противников в целом, приводили эти немногочисленные народы к тому, что они оказывались способны построить громадные империи, каких мир еще не видел. В то время как цивилизирующие империи Рима и Китая интегрировали в державу только что завоеванные территории административно-техническими методами, имея возможность расширяться лишь медленно, шаг за шагом, и достигая, в конце концов, пункта, за которым цивилизирующее воздействие империи истощалось, территориальная экспансия степных империй не знала иных ограничений, кроме дальности оперативных действий их военных соединений. Соответственно и целостность таких империй была хрупкой, зачастую

базируясь только на страхе периферии перед возвращением воинственных орд дикарей из степи28.

Чуть ли не безграничное расширение имперского пространства и весьма слабая форма интеграции — в принципе контрастирующие полюса коммерческого и военного спосо- ба изъятия прибавочного продукта. Но и большие морские империи, возникшие в начале европейских Великих географических открытий в середине XV столетия, а именно Португалия, Нидерланды и Англия (Испания изначально ставила на торговлю меньше, чем на территориальные приобретения), были интегрированы лишь поверхностно и не проявляли единства ни в администрировании, ни в правовом порядке29.

Морские империи похожи на степные в том, что периферии в основном лишь эксплуатируются, не предпринимается никаких специальных усилий для того, чтобы распространять завоевания цивилизации. По меньшей мере, в фазе возникновения торговые империи, поддерживаемые с моря, ограничиваются лишь установлением экономических связей между центром и периферией. Существующие социально-политические структуры в новых пространствах торговли они в основном оставляют в неприкосновенности. Зачастую они кооперируются с местными властителями или же изображают соперничество с ними, однако по сути их интересуют лишь определенные товары. Чем меньше инвестиции в периферию, тем выше прибыли — такова была калькуляция имперского проекта на основе коммерческого изъятия прибавочного продукта.

Может ли такой расчет срабатывать на долгую перспективу или же он наталкивается на противодействующие силы, в итоге изменяющие баланс сил, не ясно. Торговый контакт с чужеземцами надолго подрывает социально-политический порядок страны аналогично постепенному ее истощению вследствие постоянного ограбления вооруженными силами степных империй. Империи, которые полагаются только на коммерческий или только на военный способ эксплуатации, отказываясь от крупных инвестиций в свои окраины, едва ли располагают возможностью надежно встроить их в свой «мировой порядок». Для их стабильности и долговечности, одна

ко, решающим становится тот факт, удалось ли это сделать. Империи, в которых центр и периферия связаны друг с другом только процессом изъятия прибавочного продукта, будут всегда распадаться быстрее, нежели те, которые перешли к регулярному администрированию своих провинций, то есть не только изымают ресурсы со своей периферии, но и инвестируют

в них. Ни одна из seaborn empires и ни одна из степных империй не достигли по своей долговечности и стабильности уровня Римской или Китайской. Секрет устойчивости долговечных империй, видимо, заключался в том, что они в кризисных или катастрофических для периферии ситуациях ее спасали или давали ей новый жизненный импульс. При этом внешние области империи были к этому готовы лишь тогда, когда у них было четкое осознание своей принадлежности к империи и они были убеждены, что развал ее будет им скорее во вред, нежели на пользу30.

Отказ от безостановочного опустошения периферии и решение инвестировать в нее как цивилизирующими, так и инфраструктурными проектами, конечно, не означает, что теперь отношения между центром и периферией изменятся с точностью до наоборот и последняя превратится только в пользователя всех благ империи. Тем не менее с переходом через «августовский барьер» империя сможет распределить связанные с ее содержанием тяготы более равномерно, искусно возложив их и на тех, кто до сих пор только получал выгоды от империи: дорогой военный аппарат и вновь образованные административные структуры теперь уже не будут оплачены только лишь за счет дани и податей, собранных с покоренных провинций на периферии империи; для финансирования империи теперь будут привлекаться — в виде плательщиков налога — и жители имперского центра. Это, конечно, нередко вызывает сопротивление, и, соответственно, в центре возникает опасное стремление к путчам и восстаниям, которые обещают смягчение всех этих тягот. За стабилизацию империи на периферии, таким образом, приходится платить растущим недовольством в центре. Это является и решающей причиной того, что многие империи никогда не переступали через «августовский барьер»: нестабильность на периферии, очевидно, переносится значительно легче, нежели перманентное недовольство в центре, и представляется, что возможное отпадение одной из провинций скорее усилит центр, нежели продолжающиеся беспорядки в столице. В исторической ретроспективе, конечно, кажется, что было наоборот: ненадежные провинции якобы чаще приводят к краху империи, нежели беспорядки в центре. Так или иначе, в большинстве случаев сравнительно сбалансированный бю- рократически-административный способ изъятия прибавочного продукта на всем имперском пространстве повышает стабильность последнего.

Две (как минимум) стороны империй

Помимо географических факторов, которые определяют манеру экспансии ядра империи, наличествует еще и ограниченное пространство решений для элит, в рамках которого они могут определять характер и структуру распростране- ния имперского владычества. Их решения нередко находятся под влиянием исторических образцов или политических мифов. Так, Англия в течение всего XVII столетия колебалась, считать ли себя наследницей Рима или Карфагена, при этом карфагенская торговая мощь противопоставлялась римской территориальной империи31. За отказом от римского варианта стояло мнение, что подобная империя с неизбежностью будет управляться одним-единственным человеком, что и было показано Римом эпохи перехода от республики к принципату, в то время как Карфаген до последнего оставался олигархией крупных и богатых фамилий, стоящих у власти.

Континентальная экспансия рассматривалась, соответственно, как связанная с милитаризмом, относительно которого предполагали, что он приведет к диктатуре или деспотии и тем самым отменит успешное конституционализирование Англии, прошедшее в 1688-1689 гг.[56] Напротив, развитие охватывающей весь мир торговой державы, основанной на informal rule[57], вполне сочетается с аристократической формой правления: так как она лишь иногда обязана обращаться к военным отрядам, принципиально используемым только за пределами родины, военные не смогут стать опасным внутриполитическим фактором. Ограничение ролью морской торговой державы оказалось спасительным щитом против нежелательных с внутриполитической точки зрения вариантов развития.

Конечно, можно рассматривать это и строго наоборот и в случае Рима как прямую угрозу республике расценивать не территориальную, а как раз морскую экспансию. Тогда решение сената отойти в противостоянии с Карфагеном от прежней политики постепенного расширения территории небольшими аннексиями и маркирует начало конца Римской республики. Лишь вследствие новой, широкого размаха морской политики, собственно, и получили власть и влияние те люди, которым рамки республиканского государственного устройства оказались слишком тесны. За счет применения легионов за морями срок службы солдат так растянулся, что они уже не могли хозяйствовать в своих мелких крестьянских усадьбах,

откуда вырос взрывчатый революционный потенциал проблемы ветеранов. При этом сроки командования войсками приходилось продлевать раз за разом, так что между солдатами и их командирами складывались отношения доверия и ожиданий, а это вступало в противоречие с республиканским принципом ротации32. Таким образом, завоевание новых территорий приводило к образованию новых элит, честолюбие которых можно было бы удовлетворить только лишь дальнейшими захватами.

В период между 1-й и 3-й Пуническими войнами этот процесс начался, а затем между 67 г. до н. э. и 85 г. н. э. последовала величайшая морская экспансия в истории античного мира33. Начало ей положил Помпей, получивший задание «очистить» Средиземное море от пиратов и тем самым сделать возможной торговлю между Востоком и Западом, Севером и Югом. Это было вызвано уже не необходимостью защиты Рима от непосредственной угрозы со стороны агрессивных конкурентов, скорее дело здесь было в создании универсального морского господства в Средиземном море, которое следовало сделать частью империи. До сих пор империя состояла из ряда территорий, теперь же исходили из соображений морской стратегии с новым центром притяжения, что принципиально меняло динамику экспансии и представления об имперском порядке. Вызванное действиями Помпея значительное расширение римской территории теперь предстояло компенсировать всем конкурирующим с ним политикам: Цезарь стилизовал свой удар по Британии как шаг к господству в океане, то есть средиземноморские завоевания Помпея теперь противопоставлялись океанским амбициям Цезаря, тогда как Август в пику свершениям Помпея и Цезаря сформулировал свои «Res gestae»[58]. Его решение основать свою посмертную славу не на внешней экспансии, а на внутренней консолидации империи имело большие последствия, ведь оно и стало ядром того явления, которое здесь обозначалось как «августовский барьер».

Наблюдавшееся на протяжении столетия ускорение римской экспансии, таким образом, покоилось на связи ари

стократических представлений о мире с универсалистской идеологией мирового господства. При этом навигация стала символом победы человеческого разума над недалекой силой привязанности к земле, характерной для прежних столетий. Английская аристократия в своем дистанцировании от римской территориальной империи и в идеологических отсылках к опыту Карфагена, таким образом, в буквальном смысле ставила не на ту лошадь: не подозревая о том, она уже давно шла

по следам Рима[59].

В римском ритуале самопрославления, когда военно-политический триумф расценивался как победа цивилизации, отражалось и имперское самосознание, которое не могло вырасти из столкновения с эллинистическим Востоком — здесь была обнаружена цивилизация, которую римляне превосходили в военном отношении, но отнюдь не в культурном. Иначе было на Западе: уже в Испании, затем прежде всего в Галлии, Германии и Британии римляне были убеждены, что стоят на более высокой ступени развития цивилизации, нежели обитавшие там «варварские» племена, у которых не было крупных городов, а ремесло и торговля были едва развиты34. Поэтому военное умиротворение этих пространств было почти вынужденным и было связано с интеграцией в единую цивилизацию. На Западе Рим, таким образом, должен был с самого начала инвестировать в периферию, на Востоке же он выступал скорее пользователем его богатств[60]. Ресурсы для своего экспансионистского расширения Рим получал главным образом с Востока, однако цивилизаторское самосознание было воспитано в нем в первую очередь в столкновении с Западом. Опыт господства над этими двумя периферияами, которые вряд ли могли быть еще более различными, в политическом отношении также имел значительные последствия: на Востоке Рим выступал в качестве гегемона, в то время как на Западе и на Севере он осуществлял прямое имперское владычество35. Вопрос о том, следовало ли действовать имперским образом или гегемонистским, решался не в центре, а на периферии.

Разница между Востоком и Западом долгое время определяла римскую политику и раз за разом приводила к соперничеству и недопониманию между обеими частями империи — прежде всего, если речь шла о вопросе, имеют ли право легионы Запада или же Востока провозгласить императором своего командующего. Реформа империи при Диоклетиане и, наконец, разделение ее при Константине пытались учесть эти различия, однако тем самым они смирялись с той разницей, из преодоления которой Римская империя как раз и черпала свою силу и легитимность. Когда в течение V в. Запад был потерян, Восток, не считая временных усилий при императоре Юстиниане, не предпринимал никаких серьезных действий, чтобы восстановить господство над западной половиной империи. Казалось, что недовольства расставанием с Западом нет, ведь его военная поддержка превратилась в бездонную бочку: Восток платил Римской империи около 65 % всех податей, в основном уходивших на армию, из

которой две трети размещалось на Западе36.

В известном отношении ситуация в царской России была схожа с положением в Римской империи, только здесь областью, которую цивилизовали, выступал Восток, в то время как по отношению к Западу русские ощущали некоторую неполноценность и пытались выйти на достигнутый там уровень развития. Соответственно на Западе русских воспринимали как полуварварских завоевателей, а на Востоке, напротив, как цивилизаторскую власть. В 1864 г. министр иностранных дел князь Горчаков в циркулярной депеше о вступлении русских в Ташкент обосновал, что положение России сравнимо с ситуацией во всех цивилизованных государствах, конфрон- тирующих на своих окраинах с грубыми кочевыми народами и потому против своей воли вынужденных к экспансии37. Это использовалось в качестве оправдания перед европейскими державами, которые должны были избавиться от подозрения, что Россия вступила на путь империалистической конфронтации с Великобританией, а также как призыв к собственной аристократии поддержать экспансионистский курс в Азии. Однако у населения России завоевания в Азии вызывали лишь ограниченный резонанс, поскольку повсеместно господствовало представление, что русская история протекает и решается в Европе, а не в Азии. Россия — в отличие от Рима — едва ли могла бы составить политический капитал из своих претензий на цивилизованность.

Две стороны русской империи в течение XIX столетия привели к проблеме русского дворянства и интеллигенции[61], которые колебались между ориентацией на Запад и раз за разом прорывающейся тоской по Востоку. Известные и многократно описанные противоречия между западниками и славянофилами38 стали выражением этого конфликта, в котором речь шла в принципе о выборе политических образцов и культурной перспективы на будущее. Другие государства и нации тоже сталкивались с такими дебатами, однако в той антагонистической форме, которую приняли они в России, следует видеть типичную внутриимперскую контроверсию, в которой (по меньшей мере) две стороны великой державы ведут борьбу за власть в определении ее будущего.

Со времен Петра Великого русское дворянство — главный носитель имперскости и «единственный слой общества, который олицетворял ее дух и был в состоянии ее защищать и управлять ею»39, — должно было играть чуть ли не шизофреническую двойную роль: азиатского сатрапа и европейского джентльмена. Многие русские дворяне и, начиная с конца XIX века, большинство представителей интеллигенции пытались избежать

этого, приняв одну из двух сторон, и вынужденно вступали в конфликт с противоположными императивами. Следствием этого стали хронические оппозиционные настроения у многих представителей правящих слоев, что ослабляло имперскую мощь России и в конце концов содействовало крушению империи. Наследовавшему царской России Советскому Союзу на некоторое время удалось совместить две этих перспективы. Тем не менее в итоге цена, которую за это пришлось заплатить, оказалась слишком высока40. Советский Союз также провалился на оставленном ему в наследство царской Россией требовании интеграции.

Штрихи к феномену по-разному развитых в политически-цивилизационном отношении окраин империи, приведенные на примерах Римской империи и царской России, указывают на базовую проблему крупных империй, которая не встает перед государствами, тем более национальными. В то время как последние внутри себя строят сравнительно единую политически-культурную идентичность, из которой черпают силу и влияние, чтобы противостоять другим странам41, империи должны внутри себя нести бремя противоречий и конфликтов, в ином случае возникающих между государствами, добиваясь их продуктивного решения или терпя крушение.

Хорошей иллюстрацией подобного краха является финал Дунайской монархии и ее распад на серию отдельных государств. Вследствие своего центрального положения между Германией, Италией, Россией и Османской империей Дунайская монархия имела не два, а четыре пограничья и направления воздействия, которые оказывались для нее по-разному опасными. Аналогом римской модели стало разделение в 1867 г. империи на австрийскую и венгерскую половины, которые по реке Лейта были названы Цислейтанией и Транс- лейтанией. Однако из-за этого впоследствии составлявшие славянскую часть населения богемцы[62], моравы и сербы чувствовали себя не репрезентированными в достаточной мере, что усиливало их стремление к независимости. Периодически рассматривавшийся вариант деления на три части, при котором третьей в империи стала бы Богемия со столицей в Праге, так и не был воплощен. Тем не менее уже разделение империи на две части высвободило мощные центробежные силы. Народы жили бок о бок, хранившее единство империи дворянство за счет социально-экономических перемен в современном мире оказалось в стесненном положении, экономическая слабость балканских пространств привела к постоянному дефициту бюджета, и поэтому распространялось ощущение безвыходности и бесперспективности. Надеялись, что большая война покончит с «настроениями конца света». В

ходе нее Дунайская монархия и рухнула42.

Хотя Дунайская монархия не была империей в смысле приводившихся выше дефиниций, все же в ее распаде хорошо видно историческое значение великих держав как циви- лизирующих организационных структур: в течение долгого времени она не только политически и особенно культурно интегрировала центральноевропейское пространство — она стала и мостом между юго-восточным пограничьем Европы и западно- и центральноевропейским пространством. Такую функцию после 1918 г. не смогла принять на себя ни одна другая держава — возможно, за исключением лишь Югославии, однако и там лишь на короткое время и на меньшем пространстве. Сегодня Европейский союз в принципе стоит

перед задачей найти устойчивое решение этой проблемы.

Более успешно проходило распределение задач внутри Османской империи, где еще в XVI столетии дошло до разделения на анатолийскую и румелийскую части, каждая во главе со своим беглербегом43. Каждый из них должен был не только контролировать внутреннюю администрацию своей части империи, но и был ответственен за охрану границ и обязан был добывать необходимые для этого ресурсы. На основании недосягаемой позиции султана и более серьезной централизации Османской империи до превращения двух отдельных частей в самостоятельные государства не дошло — в отличие от Римской империи или Дунайской монархии. Крушение Османской империи стало следствием не центробежных тенденций[63], но проистекало из дефицитов иного рода.

Китайской империи удалось еще более эффективно противодействовать различным вызовам на своей периферии, не ставя под угрозу завоеванное династией Цинь (221-206 до н. э.) единство Китая. При этом изначально речь шла о проблемах вторжений варваров с севера, с чем приходилось считаться, в то время как на юге образовался целый ряд зависимых государств, с которыми империя поддерживала отношения совершенно иного рода, нежели с кочевыми племенами всадников на севере. Разное развитие севера и юга Китай обеспечивал за счет статуса «Срединной империи». Он действовал как противовес постоянно наличествовавшим центробежным тенденциям, которые в периоды крушения и распада раз за разом приводили к тому, что север и юг отделялись друг от друга. Периоды же нового взлета всегда были связаны с их «воссоединением»44.

Вероятно, весьма серьезные последствия имело и решение отказаться от морской навигации после крупных и весьма дорогих операций флота под предводительством адмирала

Чжэн Хэ (1405-1433), сжечь флот и ограничиться лишь таким количеством кораблей, чтобы гарантировать по возможности отрегулированную государством торговлю на побережье45, что было следствием сильно связанного с понятием середины имперского самосознания китайцев. За счет морской экспансии и последствий интенсивной заморской торговли оно могло быть довольно легко выведено из равновесия46.

Более отчетливо, чем в классических континентальных империях, проблема развитых в разной степени в политическом, экономическом и культурном отношении периферий стояла для европейских морских империй — Португалии, Испании, Нидерландов и Англии47. В Индии, Китае и Японии они столкнулись с государствами и империями, которые были вполне развиты экономически и обладали политической устойчивостью. Здесь имперская экспансия поначалу ограничивалась обменом товарами и приобретением рынков. В возникшем таким образом торговом пространстве следовало добиться значительных успехов, однако существование там более мощных держав привело к политическому влиянию лишь в незначительном масштабе. Лишь с крушением империи Великих Моголов в Индии (1739)[64] и закатом Цинской династии в Китае во второй половине XIX в. прежнее торговое пространство стало превращаться в постепенно расширяющиеся владения.

Совершенно иной была ситуация на западной периферии морских империй: в Северной и Южной Америке стали развиваться поселения колонистов, в которые постоянно направлялся поток людей. Каковы бы ни были их мотивы, побудившие оставить Европу, — желание быстро разбогатеть, что обещало золото инков и ацтеков, или же стремление исповедовать одну из тех конфессий, принадлежать к которой в

Старом Свете было невозможно, — их формы ведения хозяйства пробились сквозь уже существовавшие структуры. Военно-техническое превосходство вновь прибывших сделало все остальное, и так возникло пространство для имперской экспансии, которое политически оставалось под прямым контролем центра.

Восточная и западная стороны Испанской и Британской империй, таким образом, весьма сильно отличались друг от друга, соответственно и история их приняла совершенно разный ход. Однако, поскольку эти части империй были отделены океаном от своих центров, социально-культурная гетерогенность периферий в морских империях имела существенное меньшее воздействие на центр, нежели в континентальных. Морские империи очевидно были более способны ставить перед своими владениями

самые разнообразные требования и легче могли справиться с потерей той или иной периферийной территории. Примером тому служит Великобритания, которая после утраты колоний в Новой Англии вступила в новый империалистический цикл.

Имперские циклы и «августовский барьер»

Во взлете и закате империи сильнее, нежели в истории государств, проявляется взаимодействие различных источников и форм власти: если в структурах государственного уровня, основанных на принципе обоюдности, они вынужденно приходят к тому, что четыре источника власти48 внутри государства становятся примерно равными друг другу, то неоднородные периферии империй требуют, чтобы до сих пор бывшая более сильной военная или политическая, а в других случаях экономическая или идеологическая мощь проявляла себя. Военные дефициты могли здесь компенсироваться тем, что зачарованные имперским блеском народы все отдадут за

то, чтобы стать частью империи и поставить свои военные способности на службу ей. За это они хотели бы получить вознаграждение, однако на него потребуются куда более скромные средства, нежели могут понадобиться для собственно имперских вооруженных сил.

Охрана границ империи редко сталкивается с равным противником, поэтому торговцы и военные советники, этнографы и агенты влияния выполняют зачастую более важные функции, нежели действительно присутствующие военные силы империи. Это можно наблюдать как в случае с римской «варварской границей» с германцами, так и в действиях британцев и американцев на их «индейских границах», в просачивании европейских колониальных держав на так называемые свободные, не имеющие владельца территории, а также в свержении режима талибов в Афганистане Соединенными Штатами, которые изменили всю систему власти в регионе в считанные дни, фактически купив региональных полевых командиров парой миллионов долларов.

Помимо денег, то есть в конце концов экономической мощи, цивилизаторская привлекательность, то есть мощь идеологическая, решающим образом воздействует на то, чтобы привлечь на сторону империи население пограничных регионов. Это видно в описанной еще римским историком Тацитом ссоре между Арминием и Флавом, двумя братьями из племени херусков, которых Арминий замышлял поднять на имевшее большие последствия антиримское восстание, в то время как Флав оставался на службе у римлян. Диспут, ведшийся по дороге к Везеру, начался с того, что Арминий пожелал узнать у своего брата, лишившегося глаза в бою на службе у римлян, какую благодарность за свое увечье он

получил. «Флав перечислил повышение жалования, почетную цепь, венок и другие военные награды. Арминий поднял его на смех из-за убогой платы за такое рабство»49. Конфликт между братьями стал обостряться, ведь дело шло о столкновении между лояльностью имперским властям и этническим происхождением; несмотря на аргументы Арминия об отечестве, старых унаследованных свободах и родных богах, Флав остался при своей верности Риму, обосновывая это величием империи и власти ее правителя. Помимо политической мощи проримскую ориентацию Флава определяет идеологическая власть Рима, а также не терпевшая до этого серьезных потрясений военная его составляющая.

Среди прочего взлет и долговечность империи определяются еще и условиями обмена и формами обращения ресурсов власти. Кроме того, они регулируют циклы, которые многократно проходят долговечные империи. При этом речь идет не только об уже обсуждавшейся проблеме затрат и выборе определенного и самого подходящего из ресурсов власти, но и о том, чтобы он оказался доступен в нужное время и в нужном месте. Сколь долго империя сможет оставаться в верхней фазе цикла, зависит от того, сумеет ли она компенсировать дефицит одного из ресурсов власти за счет избытка другого.

Своим взлетом, своим превращением в европейскую ге- гемонистскую державу и в охватывающую мир империю Испания обязана главным образом современному и боеспособному военному аппарату, который включал в себя дисциплинированную пехоту и способный к навигации в океанах военный флот. Военная мощь дополнялась политической, проистекавшей из того, что Испания была мирной страной с хорошо функционирующей администрацией. Установившееся после окончания восстания комунерос в 1521 г. спокойствие дало перевес в силах над Францией, которая оказалась втянутой с 1540-х гг. в череду внутренних конфликтов и в конце концов была парализована затяжной гражданской войной[65]. Конечно, чего не хватало Испании, так это собственного экономического динамизма; она была лишена, как писал историк Вальтер Бернекер, «банковской сферы с международными связями и прежде всего динамичного слоя предпринимателей и купцов, которые бы при взаимодействии с государством смогли развить помимо политической и военной еще и экономическую силу страны»50. В основном лишь американское золото и серебро и позволило испанским королям создать дорогую военную инфраструктуру своей империи, а также поддерживать ее в дальнейшем. Однако, несмотря на постоянный поток драгоценных металлов из Нового Света — только в XVI столетии общая их стоимость

составила около 3000 миллиардов талеров51, — расходы регулярно превосходили доходы примерно на 20 %. Испанская мощь была сокрушена так и не решенной финансовой проблемой.

Еще одним сложно компенсируемым минусом испанской мировой империи был хрупкий демографический базис, на котором она покоилась: по сравнению со своими конкурентами в борьбе за гегемонию — Францией и Османской империей — в ней проживало существенно меньше людей, да еще в XVI в. пришлось пережить убыль населения примерно на 20 %52. В борьбе за гегемонию в Европе этот дефицит поначалу еще не так сильно сказывался, ведь внутренние конфликты во Франции парализовали ее внешнеполитические амбиции, а силы османов были заняты на Востоке. К тому же Испания за счет тесной связи с немецкой ветвью Габсбургов получила возможность рекрутировать солдат внутри Германии, чем она широко пользовалась.

Наконец, случилось и еще удачное стечение обстоятельств, которое просто обязано было существенно продлить имперский цикл Испании: переход к испанской короне в 1580 г. Португалии, вместе с которой Испании достались и значительные колониальные владения. Теперь она располагала крупнейшим торговым флотом в мире. В краткосрочной перспективе тем самым были компенсированы потери, понесенные Испанией в результате отпадения Нидерландов.

В продолжавшейся восемь десятилетий войне за отвоевание отделившихся провинций[66] были, однако, растрачены все ресурсы, но без того, чтобы был достигнут какой-либо устойчивый результат. С началом XVII столетия нидерландцы перешли в наступление; их Ост- и Вест-Индской компаниям удалось захватить часть португальских колоний и долю в их торговле с Востоком. Мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке и затем Пиренейский мир 1659 г. обозначили конец первого имперского цикла Испании[67]. Реформы Бурбонов позволили ей в течение XVIII столетия даже перейти к еще одному имперскому циклу, однако он был существенно скромнее и прошел почти без изменений.

Первый цикл существования Испанской империи, как можно констатировать, был основан главным образом на военном превосходстве. Он стал результатом военно-организационных реформ и военно-технических инноваций53, что привело к существенному росту военных расходов. Когда армию уже не могли финансировать и, более того, противники и конкуренты сравнялись в военной сфере как организационно, так и технически, испанское преобладание в Европе рухнуло. То, что

Испания лишилась своего военного превосходства, имело драматические последствия еще и потому, что никакого иного источника власти в достаточном объеме в ее распоряжении не было, а потому нечем было и компенсировать ситуацию:

экономическая мощь Испании была и без того меньшей, чем у европейских конкурентов; ее политическая мощь — особенно умение заключать союзы и проводить в их пределах свою волю — была ограничена вследствие разделения Европы между двумя конфессиями и из-за конфликтов интересов с развивающейся Англией; идеологическую же мощь можно было черпать только из проекта Контрреформации, которая приносила Испании, по меньшей мере, столько же враждебности, сколько симпатий и поддержки. За счет возникшей в Нидерландах и затем распространившейся во всей Европе «черной легевды» противники Испании получили еще и весьма действенную контридеологию, которая привела к тому, что господствующее положение Испании в Европе казалось теперь более чем непривлекательным54. В этой легенде речь шла о жестокости и произволе инквизиции, неизмеримых пороках Филиппа II, нравственной и моральной ущербности испанского национального характера и, наконец, о том, что Испания хотела бы стать универсальной монархией, то есть охватывающей весь мир империей, которая загонит под ярмо все прочие народы. В этой картине ужасов можно усмотреть первую надгосударственную антиимпериалистическую идеологию Европы Нового времени. Против нее испанская пропаганда была бессильна55.

Дефицит мощи у Испании поначалу сказывался, конечно, только в Европе, но вовсе не во внеевропейских областях империи. Под угрозой оказывалась ее позиция европейского гегемона, но не ее внеевропейская империя. Поэтому конец господствующего положения Испании в Европе вовсе не означал крушения Испанской мировой империи, просуществовавшей в Латинской Америке еще полтора столетия, а на островах Тихого океана и в Карибском регионе еще почти два столетия. Вряд ли этот длительный период кто-то захочет описывать лишь как время упадка и заката.

Если следовать модели взлета и падения, то цикл почти всех империй характеризуется короткой и динамичной фазой взлета и длительным периодом заката. При этом первая в основном идентична времени военной экспансии, в то время как реформы, предпринимаемые после прохождения зенита в развитии имперского владычества, в общем и целом рассматриваются с точки зрения более или менее медленного распада. Подобная модель истории империй вынужденно концентрируется на их

военной стороне и при этом недооценивает их способность к политическому обновлению. Реформы администрации, экономической модели, налоговой, финансовой и собственно военной сферы в этом случае воспринимаются как попытки приостановить в принципе неизбежное крушение империи или по меньшей мере замедлить его.

К этой модели раз за разом обращаются прежде всего в отношении римской истории, в контексте которой исторический рассказ и теоретическая модель с ее предположениями могут стать почти неотделимы друг от друга: свой зенит империя, согласно этому подходу, миновала не позднее чем в начале II в. н. э., во времена императоров, которые усыновляли своих преемников[68], к тому же при Траяне имперские владения достигли максимальной протяженности, и лишь затем начался затяжной процесс заката56. Реорганизация империи в конце III в. н. э. Диоклетианом, последовавшее вскоре за этим разделение империи при Константине и его наследниках, наконец, смена идеологических основ в связи с провозглашением христианства государственной религией в 380 г. н. э. при Феодосии57“всему этому в рамках течения имперской истории решающего значения не придается, и так, в случае Испании, можно на скорую руку объяснить два с половиной столетия имперской истории. При этом выпадают из поля зрения — не обязательно в историческом изложении, но непременно в историческом сознании — циклические колебания «вверх-вниз» в ходе длительного периода предполагаемого заката. В рамках модели взлета и заката вводится прежде всего представление об исторической неизбежности, которое позволяет представить деятельность имперских по- литиков-реформаторов в трагических тонах: при попытке приостановить падение они якобы только ускоряют приближение окончательного финала.

Здесь мы могли бы противопоставить модели взлета, зенита и заката циклическую модель политической истории, которую еще в античное время разрабатывал греко-римский историк Полибий, а в начале Нового времени ее возродил итальянский политический теоретик Никколо Макиавелли58. Согласно этой модели, политические общности по ходу своей истории проходят множество циклов, где есть свои взлеты и падения, количество же циклов, а также продолжительность нахождения в верхнем сегменте цикла зависит главным образом от умения и дальновидности ведущих ПОЛИТИКОВ59.

Циклическая модель имеет множество преимуществ в плане реконструкции истории империй. Во-первых, она может куда точнее описать все взлеты и падения империй, нежели основанная лишь на двух

направлениях развития соответствующая модель; во-вторых, она уделяет основное внимание преодолению кризисов, то есть прохождению через самое дно падения и возвышению до зенита в верхнем сегменте цикла, чем, в-третьих, придает больший вес политическим (и общественным) действующим силам. Они — разумеется, в рамках имеющихся у них ресурсов и источников власти — могут ограничить действие факторов, приводящих к закату, реформами, а также усилить импульсы к подъему60.

В последние годы вместе с теорией гегемониальных циклов разрабатывалась модель анализа61, которая лучше сможет описать переменчивую историю империй, чем привычная модель «взлет-падение». Согласно Джорджу Модельски и Уильяму Р. Томпсону, США к началу XX в. на основании своего превосходства в ведущих отраслях промышленности — ста- лелитейной, химической и электротехнической — добились лидирующей позиции в мировой экономике, на этом основании они и строили перспективу политически преобладающей державы. Этот гегемониальный цикл, в котором сошлось экономическое и политическое развитие, продолжался с 1850 до 1973 г. Вследствие своего превосходства в ведущих отраслях новой экономики — информационных технологиях и микроэлектронике — США будто бы сразу вступили в еще один гегемониальный цикл, который после краткого промежутка ослабления сделал их победителями над Советским Союзом и единственной оставшейся мировой державой.

Конечно, проблемой этой теории является сильная детерминированность экономическими факторами. В контексте концепции источников власти она отводит решающую роль силе экономической, а об обмене источниками власти не может идти и речи. Вследствие этого представители теории ге- гемониальных циклов исходят из того, что до США только Великобритании удавалось пройти сразу два подобных цикла, причем один был вызван ее преимуществом в навигации и коммерции, а второй покоился на ее лидирующих позициях в ходе промышленной революции. Экономическое детерминирование гегемониальных циклов не оставляет пространства для политических решений. По сравнению с политической теорией циклов классического республиканства она представляется вовсе не комплексной, так как первая все же полагает определяющими социально-моральные факторы и структурное устройство общества.

Таким образом, при рассмотрении истории империй следует сочетать концепцию различных источников власти и обе циклические теории, чтобы избежать детерминизма и признать за элитами, принимающими решения,

более значимую роль в особенностях прохождения цикла — при преодолении кризисов и в отношении продолжительности верхнего

сегмента цикла. При этих обстоятельствах не следует делать предположений относительно средней продолжительности цикла вообще. Так же и империи, прошедшие лишь один цикл за сравнительно короткое время, следует отличать от сумевших пережить множество циклов, при этом сравнительно долго оставаясь в верхних их сегментах. Примером первого варианта может быть Монгольская империя или же Франция Наполеона I, последнего — Китай и Рим, однако так же и империи османов, испанцев и британцев. При этом чем меньше источников власти есть в распоряжении империи или же чем меньшим количеством этих источников она превосходит своих прямых конкурентов, тем короче представляется цикл; с другой стороны, продолжительность пребывания в верхнем сегменте цикла тем больше, чем больше источников власти предоставляется на выбор. Вместе с вариативностью источников власти одновременно возрастают возможности и принимающих решения элит, которые могут направлять течение циклов и воздействовать на них, ускоряя или замедляя процесс62. Естественно, при этом не следует переоценивать пространство действий элит: то, на что они могут влиять, — это прохождение цикла; выйти из него или же остановить процесс они не в силах.

Ключевую роль для длительного пребывания в верхнем сегменте цикла играет и то, что здесь вслед за Майклом Дойлом мы назовем «августовским барьером»63. Начатые Окта- вианом реформы состояли в основном из трех элементов: Октавиан пытался завоевать доверие римской земельной аристократии, чтобы с ее помощью сломить силу городской олигархии; он имел влияние на административные и конституционные порядки, которые теперь надо было изменить, не вызвав политических кризисов; и он же реорганизовал системы администрации так, чтобы провинции из территорий для самообогащения олигархии превратились в эффективно управляемые части империи. Это была программа, которой

Октавиан укреплял собственную власть и которой собирался покончить с гражданскими войнами, из нее же развивались и фундаментальные основы политического устройства Рима, которые повсеместно считаются концом Республики и началом императорского принципата. Одновременно, однако, он создал и структуры, которые помогли Imperium Romanum просуществовать долгое время. С переходом через «августовский барьер» фаза дикой, бесплановой экспансии империи, а также все связанные с этим внутренние конфликты и гражданские войны

были окончены, и римское владычество перешло в состояние стабильности.

То, что Рим по меньшей мере два столетия сможет оставаться в верхнем сегменте цикла, поначалу было менее вероятно, нежели все прочие варианты. После многих десятилетий опустошительных гражданских войн, в которых периферия использовалась как база для завоевания власти в центре, Римская империя постоянно оказывалась в опасности распасться на серию мелких империй, как это было с Македонской империей после смерти Александра. Система триумвирата, к которой Рим многократно обращался, чтобы закончить гражданские войны, указывала на связанные с тремя властителями провинции, бывшие под их владычеством, а из этого нетрудно было дойти и до государств диадохов по македонскому образцу. Напряжение между западом и востоком империи было более чем мыслительной конструкцией. Октавиану, тем не менее, удалось создать для населения провинций внутреннюю связь с империей. Количество войск империи смогли существенно сократить64, а из-за этого упали и затраты на охрану имперского пространства, что сделало возможным облегчение налогового бремени65. Из экспансионистского центра силы в Риме, который после окончательной победы над Карфагеном распространил власть на все средиземноморское пространство со значительными приращениями на северо-западе и юго-востоке, теперь возникла Impe- rium Romanum в качестве гаранта Pax Romana.

В успехе реформ Октавиана, получившего в 27 г. до н. э. от Сената почетное прозвище Август («Возвышенный»), ключевым было создание устойчивой к коррупции административной элиты, при этом он ставил не только на институциональные перемены, но и на глубокие нравственные реформы внутри имперского высшего общества. В новейшей литературе религиозной политике Октавиана и его мерам в отношении нравственности часто придают оттенок глубоко засевшего в нем консерватизма, связывая его с личной системой ценностей императора. Другие указывают на то, что он пришел к власти именно теми методами, с которыми сам же потом так упорно боролся. Связанное с этим обвинение в лживости вполне может быть оправдано с точки зрения моральной когерентности. Но при обновлении и консолидации империи речь идет не о моральной последовательности, а о политическом эффекте66. Устранение коррупции, которая сильно распространилась в республиканской олигархии67, было предпосылкой к тому, чтобы имперский способ изъятия прибавочного продукта, предполагающий механизм захвата трофеев полководцами в своих регионах, а также проконсульскими чиновниками, сменить на

регулярное, упорядоченное налогообложение. При этом следовало обеспечить ситуацию, при которой необходимый для этого персонал обладал бы иммунитетом к желанию обогатиться за счет затрат государственной власти и к намерению увеличить свое личное влияние. Именно в этой сопротивляемости коррупции имперской административной элиты и заключалась цель августовских реформ в области религии и общественной нравственности. Данной цели послужили и многочисленные «чистки» в Сенате (конечно, при этом были устранены и не запятнанные пороками противники Октавиана), а также lex Iulia de ambitu[69], который карал чиновников, уличенных в продажности, отстранением от карьеры на срок до пяти лет68.

Октавиан, однако, заботился не только о политической лояльности и административной надежности имперских элит, но и об их физической репродукции. В первые годы после окончания гражданских войн он обновил политический класс Рима, привлекая в столицу граждан из италийских провинций, делая всадников патрициями и назначив многих новых сенаторов. Но насколько эта политика оказалась верным средством для увеличения количества его сторонников на руководящих должностях? Октавиан не собирался постоянно пользоваться таким способом рекрутирования имперской элиты, а полагал ее вынужденным средством для исключительных случаев. Вместо этого он делал ставку на физическое самовоспроизводство элиты, неважно, будет ли это обзаведение своими детьми или же, что было широко распространено в Риме, усыновление. Для не состоящих в браке персон были ограничены права наследования, а притязания государства на имущество умерших бездетными были усилены. Император приказал поддерживать семьи более чем с двумя детьми и ввел жесткие штрафы за развод и безнравственное поведение. Консул, имевший многочисленных детей, получал преимущество перед не столь плодовитым коллегой и мог выбрать себе проконсульскую провинцию, вместо того чтобы просто получить ту, которую дают69. Август, таким образом, ставил не на «целибатствующую» элиту, которую пришлось бы постоянно пополнять и обновлять, а на самовоспроизводящу- юся, что имело следствием ограничение его влияния на ее персональный состав. Это можно рассматривать как этап его программы превращения рогезіає в аисшгпаз (власти в авторитет)70, в котором видится попытка обеспечить демографическую стабильность в империи (проблема, которая заботила императоров и впоследствии), при этом элита должна была послужить образцом ее населению. Наконец, это можно интерпретировать и как меру, которая должна была повысить сопротивляемость коррупции

административной и военной элиты. Те, кто оказывался связан цепью поколений в рамках семьи, были бы менее уязвимы при попытках подкупа, нежели карьеристы-индивидуалисты, которые при любых обстоятельствах будут вынуждены заботиться о своей славе, а не о судьбе своих детей и внуков[70].

«Августовский барьер», таким образом, представляет собой сочетание решительных реформ, за счет которых империя заканчивает фазу своей экспансии и переходит в следующую фазу упорядоченной стабильности, длительного поддержания своего состояния. При этом, в контексте циклической теории, дело заключается в продлении ее пребывания в верхнем сегмента цикла, насколько возможно. В случае с Римской империей это в конце концов привело к тому, что республиканское циклическое представление об истории, господствовавшее от Полибия до Саллюстия, сменилось имперским представлением об Roma aeterna[71], о вечной продолжительности существования империи71. Если рассматривать реформы вообще, то переход через «августовский барьер» был равносилен глубокому обмену источников власти: востребованность военной мощи существенно снизилась, из-за чего Октавиан и сократил весьма значительно количество войск, а параллельно с этим возрос вес политической, экономической, но прежде всего идеологической власти. Последняя помимо идеологии вечности особенно проявилась в идее мира, Pax Romana, как новой легитимной модели империи: до тех пор, пока существует Римская империя, будет господствовать мир, и чем прочнее она будет, тем более надежным будет мир.

С переходом через «августовский барьер» империя перешла от эксплуатационной к цивилизирующей форме отношений между центром и периферией, предполагающей формирование устойчивой бюрократии, выводящей управление империей из- под произвола олигархии города Рима, за чем последовало постепенное распространение прав гражданства имперского центра на часть населения провинций. Так, проведенный в 70 г. до н. э. ценз насчитал в римских владениях 910 тысяч граждан мужского пола. При переписи населения 28 г. до н. э. насчитывалось до 4063 тысяч римских граждан — увеличение, которое никак нельзя свести только к тому обстоятельству, что теперь учитывались также женщины и дети. 20 лет спустя количество римских граждан возросло на 170 тысяч—до 4233 тысяч человек72. Конечно, это отнюдь не роковые перемены, однако они маркируют начало развития процесса, который окончился в 212-213 гг. эдиктом Каракаллы, даровавшим всем свободным людям империи права

римского гражданства[72].

Таким образом, и в формальном отношении к завершению пришел процесс, в ходе которого различия между центром и периферией империи становились все меньше и все незначительнее. Уже Адриан покончил с политическими и экономическими предпочтениями для Италии, обращаясь с нею просто как с провинцией империи. К этому моменту центр тяжести экономики империи уже переместился в провинции, а Италия, центр империи, вступила в фазу экономической стагнации, что нашло самое явное отражение в запустении юга73. Имперские войска теперь рекрутировались преимущественно в тех провинциях, где они размещались. Военная мощь уже более не была инструментом, которым имперский центр осуществлял господство на периферии; скорее периферия теперь сама предоставляла военную силу, становившуюся гарантом продолжения существования империи. Так появились императоры не из Италии, а из провинции Африка, Северы, сделавшие, в свою очередь, центральным пунктом

имперской политики заботу об армии.

Переход через «августовский барьер» особенно проявился в том, что политические и экономические различия между центром и периферией стали исчезать, постепенно были отменены и правовые привилегии, которыми когда-то пользовался народ-завоеватель в качестве плодов своих побед. В Риме распространение прав гражданства Каракаллой было дополнено налоговой реформой Диоклетиана, в рамках которой были убраны все действовавшие до тех пор налоговые льготы для италиков74. В самом факте переноса столицы из Рима в Константинополь получила в конце концов свой финал и децентрализация империи. Вскоре прежний главный город уже перестал быть центром и для западной половины империи — в 293 г. столица была перенесена в Милан, а затем с 402 г. ею оставалась Равенна, которая была лучше защищена от вражеских вторжений.

Преодолели ли «августовский барьер» и другие империи? Сравнительное рассмотрение истории империй показывает, что следует проводить различие между остановкой на барьере и решительным вступлением в ведущий за ним коридор. При этом примером вновь может послужить Испания: с отречением от испанского престола Карла V в 1556 г. и разделением империи между германской и испанской линиями окончилась и практика чужеземного господства, осуществлявшаяся Карлом и позволявшая ему как быть рядом со своими войсками, так и в выгодном свете представлять свою харизму властителя в отдельных частях империи.

В 1561 г. Филипп II сделал Мадрид центром администрации империи и создал там весьма современную по тем временем бюрократию75. На этом времена необузданного рвения к завоеваниям и столь же неорганизованного, сколь и насильственного изъятия прибавочного продукта на периферии отошли в прошлое. Так как, однако, значение военной силы не смогли компенсировать нарастающим весом политической, экономической и идеологической мощи, переход от эксплуатационной к ци- вилизирующей роли в мировой политике в Испании в действительности не удался76. Прежде всего там никогда не дошли до такой сильной децентрализации империи, как в Риме, и соответственно в Испании, в отличие от Рима, никакого возрождения империи, спровоцированного периферией, не последовало.

Причины остановки Испании перед «августовским барьером» следует искать не столько в отношении метрополии к колониям, сколько в конкуренции с другими европейскими гегемонистскими державами. В лице Испании потерпела крушение не столько имперская, сколько гегемониальная власть. Иначе говоря, она пошла ко дну как империя потому, что в борьбе за лидерство в Европе были потрачены те ресурсы, которые могли быть направлены на пользу имперской периферии, да и роковая фиксация на военной мощи объясняется постоянными гегемониальными войнами.

Обстоятельствами, позволившими Риму после разгрома Карфагена и образования империи на Востоке уже не встречаться с другими гегемониальными конкурентами, являлись благоприятное географическое положение и удачная политическая ситуация, что привело к тому, что дивиденды мирного времени были получены в полном объеме, а потому они были направлены на цивилизирующую миссию империи. Ничего похожего с Испанией не произошло. В конфронтации с Османской империей и, прежде всего, со своей непосредственной соседкой Францией она была вынуждена оборудовать протяженную систему укреплений, которая из-за инноваций в технологиях фортификации с начала XVI столетия потребовала значительных сумм77. Наконец, 65 % всего бюджета Испании пришлось тратить на погашение долговых обязательств78. Содержание огромной армии оказалось не по карману, в то время как военно-морские силы Испании были поглощены борьбой с так называемыми берберийскими государствами на североафриканском побережье, а также с корсарами и пиратами в карибском и центральноамериканском регионе, которых тайно поддерживали английские конкуренты, что существенно осложняло экономический обмен

между частями империи.

Чтобы удержать потери в пределах допустимого, в сообщении между Америкой и Европой уже довольно рано была введена система конвоев, получившая главную защиту в лице Атлантической армады. С военной точки зрения эта мера оказалась в целом успешной, ведь при 15 тысячах рейсов кораблей между 1560 и 1650 гг. было потеряно лишь 62 судна79. Однако по причине связанных с этим огромными затратами в Испании не сумел сформироваться слой частных предпринимателей, сравнимый с английскими merchant adventurers[73], — трансатлантическая торговля осталась под контролем государства. Испанская мировая империя вынуждена была всегда организовывать свое торговое пространство в форме владений, а следствием было то, что соответствующее понижение затрат на господство не удалось.

Еще одним примером остановки на «августовском барьере» является царская Россия. Петр I, которому был пожалован почетный титул «Великого», вполне осознавал, что империя может быть обеспечена в долгосрочной перспективе, только если будет проведена профессионализация вооруженных сил по западному образцу, а также формирование бюрократического аппарата, что приведет к всеохватывающей мобилизации населения и ресурсов страны80. Однако это было возможно лишь в случае, если экспансия имперской Московии, до сих пор организованная по феодальному способу, будет пущена уже по управляемому государством пути. Петр заменил распускавшуюся каждую зиму феодальную армию постоянным войском, которое прошло проверку на прочность, одержав в 1709 г. победу под Полтавой. В созданных Петром административных структурах, неизменных в корне своем вплоть до 1917 г., оставалось отделение бюрократического аппарата от личности правителя и, прежде всего, от светской и духовной сферы. Петр дополнил реформирование армии и администрации созданием новой имперской элиты, в которой он сплавил воедино до того разделенное придворное и служилое дворянство в новое единое благородное сословие[74]. В введенной в 1722 г. «Табели о рангах» для дворянства личные достижения ценились выше, чем происхождение. Помимо этого царь пытался — следуя совету Готфрида Вильгельма Лейбница — обзавестись и ученой элитой, которая могла бы поставить под сомнение претензии на господство в интеллектуальной сфере православного духовенства. Эта базовая реорганизация империи Петром, принявшим титул властителя Imperator Russorum[75] латинского образца, была символизирована за счет переноса

столицы из Москвы в Санкт-Петербург, в буквальном смысле созданный из болот и топей новый центр империи81, На место Москвы, несшей на себе византийский отпечаток Третьего Рима, идея которого со времени имперской экспансии при Иване IV (Грозном) выполняла центральную функцию легитимации82, заступал Новый Амстердам, обязанный подчеркнуть претензии России на морское владычество и мировое признание, а также призванный придать империи культурный блеск. В Петровских реформах, таким образом, видна серия признаков, вполне характерных для империи, которая вступает на «августовский барьер».

В петровской России дальнейшая трансформация империи приняла, конечно, иной ход, нежели в Римской империи. Этим она обязана как иным географическим условиям и цивилизационным рамкам, так и актуальным для нее политическим установкам и целям. Когда Октавиан начинал свои реформы, он был убежден, что империя не нуждается в дальнейшей экспансии. К тому же более не было и конкурентов, которые могли бы стать опасными для Рима или поставить под сомнение его притязания на лидерство. Вероятно, и Филипп II после включения в состав Испанской империи португальских колониальных владений мог бы констатировать свое удовлетворение этим, однако внутри Европы позиция Испании как лидирующей державы была, как и прежде, хрупкой. Петр I опять же подошел к «августовскому барьеру», чтобы придать импульс дальнейшей имперской экспансии России и одновременно чтобы получить возможность наступательно вести схватку с конкурентами в борьбе за гегемонию — особенно со Швецией, но так же и с Османской империей. Таким образом, он вовсе не исходил из понижения стоимости имперского господства, скорее дело было в мобилизации ресурсов и энергии для контроля и дальнейшего расширения имперского пространства. Чтобы достичь этой цели, царская Россия ни в один из моментов своей истории не ограничивалась усиленным изъятием прибавочного продукта на периферии, а постоянно все более отягощала население имперского центра. Петровский проект поэтому заключался в самоколонизации центра с целью растягивания имперской периферии.

И вновь совсем иначе выглядит вступление на «августовский барьер», если описывать его последствия в случае с Османской империей, где параллельно следовало еще и осуществлять переход от кочевничества к оседлому крестьянскому способу хозяйства83, — в ином случае Османская империя, очевидно, оказалась бы столь же недолговечной, сколь и многочисленные степные империи до нее. Поскольку кочевые завоеватели так и не смогли развить свои собственные управленческие структуры, они

быстро переняли для своих целей византийскую административную систему, с которой столкнулись во вновь завоеванных регионах, распространив ее на всю империю84. Оба явления — обустройство имперской администрации и эмансипация от вынужденной экспансии и захвата трофеев — были тесно связаны; упорядоченная администрация оказалась возможна лишь при поддержании известной преемственности и постоянства в образе жизни элиты империи и ее аппарата принуждения, а это, в свою очередь, требовало, чтобы вооруженные силы финансировались не только за счет войн. На военных границах империи звон оружия не смолкал никогда85, но снабжение вооруженных сил теперь было основано либо (как у спагов, тяжелой конницы империи) на раздаче государственных земель в качестве поместий, либо (как у янычар) на поступлениях от пошлин и аренды.

Несмотря на эти меры, военная мощь в течение всего существования Османской империи оставалась главной ее основой: из боеспособности и дисциплины янычар, размещенных в казармах и потому готовых отправиться в поход в любой момент, проистекало ее превосходство над Западом. Когда оно исчезло (в этом сыграли роль военно-технические инновации и военно-организационные реформы), Османская империя, мощь которой внушала страх, превратилась в «больного человека на Босфоре».

Помимо военной имела место, конечно, и известная политическая мощь: Османская империя долгое время оставалась не затронутой внутренними конфликтами и беспорядками и — если и не официально, то все же фактически — стала для некоторых европейских государств важным партнером в борьбе за внутриевропейскую гегемонию. Прежде всего с помощью турок раз за разом пыталась открыть «второй фронт» против Габсбургов Франция. Идеологическая мощь османов, напротив, имела двойственное воздействие. В то время как с ее помощью в исламском мире на некоторое время установились лояльность и готовность подчиняться, в христианском

мире она вызвала более интенсивное ощущение враждебности: с 1453 г., с завоевания Константинополя, в бесчисленных «турецких листовках» призывали к крестовому походу против этой новой опасности с Востока, при этом все политические противоречия между западными христианами должны были быть отодвинуты на второй план ради того, чтобы выступить единым фронтом против наседающих турок.

Однако с самого начала основным слабым местом Османской империи был недостаток у нее экономической мощи, и в этом переход от

кочевничества к оседлому крестьянскому хозяйству изменить ничего не смог. Так, почти вся морская торговля, а она вследствие контроля над проливами была довольно значительна, находилась в руках иностранных предпринимателей. Империя от их оборотов получала прибыль только за счет соответствующих таможенных пошлин86. Ресурсы империи ограничивались тем, что можно бьио забрать административным путем, из-за чего в этом деле была проявлена солидная изобретательность, однако не наблюдалось ни активной экономической политики, ни каких-либо предпосылок появления собственно имперского предпринимательского сообщества.

Из неравного распределения политическо-военной и иде- ологически-экономической власти и вырастала различная способность к преодолению кризисов и обновлению империи после тяжелых поражений: так, после сокрушительного разгрома, который устроили Османской империи в сражении при Ангоре (Анкаре) в 1402 г. войска Тамерлана (Тимура)87, она не была сломлена, а смогла оправиться и перейти в новый цикл. Конечно, этому благоприятствовало то, что после смерти Тамерлана его империя так же быстро вновь распалась, как и возникла. И все же империя султана Мехмеда I составляла лишь половину по величине от владений его предшественника Баязида I, угодившего в плен к Тамерлану и там и скончавшегося. Конечно, с Мехмеда можно начинать новый имперский цикл88, в котором империя в течение XV столетия пережила весьма существенный подъем, в конце концов завоевав Константинополь и тем самым окончательно став наследником Византии на стыке Европы и Азии.

В противостоянии с Тимуром экономическая мощь значения не имела; речь шла лишь о том, чтобы сравняться по военной силе. В конфронтации с Западом было иначе: там долгое время удача в сражении лишь колебала чаши весов. Тем самым выдающееся значение приобретала экономическая мощь, при этом стратегические слабости Османской империи усугублялись. Постоянно возникающее представление о том, что в истории Османской империи фазы подъема сразу же сменяются фазами падения, так и не проходя длительное пребывание в верхнем сегменте цикла89, может вызываться весьма ощутимым дефицитом экономической мощи. Но все же это мнение не оправдывается, ведь Османская империя в XVI и XVII столетиях все-таки находилась в верхнем сегменте.

Помимо Римской империи, безусловно, интереснейший и важнейший пример перехода через «августовский барьер» продемонстрировал Китай. При этом следует с самого начала отметить, что Китай имел в своем распоряжении куда больший промежуток времени, нежели все прочие

империи. При династии Цинь (221-206 г до н. э.) были очерчены географические пределы сердца этой страны, которые во многом соответствуют современным границам Китая[76]. В отличие от пространственных смещений, которые познала Британская империя между первым и вторым циклами, когда вместо расширения на Запад пришло расширение на Восток, имперские циклы Китая всегда приходились на один и тот же географический регион. В период Цинь завоеванные ранее регионы были сведены воедино административно. Император Цинь Шихуанди разделил империю на 36 провинций, те, в свою очередь, на множество округов, передав управление ими чиновникам, подчинявшимся непосредственно центру90. При династии Хань (до 220 г. н. э.) гражданские компоненты империи продолжали усиливаться: двор превратился в культурный центр империи, а лояльность чиновничества была подкреплена развитием конфуцианской этики. На базе конфуцианства91 администрация империи полагалась менее на легитимистские принципы, законы или предписания, а скорее на четко сформулированные этические нормы элиты. Для протекания имперских циклов выдающееся значение имело то, смогут ли они быть разрушены или же обновлены. В то время как судьба степных империй зависела в первую очередь от военной мощи, в Китае были издавна важнее другие источники силы.

При этом на пользу китайскому имперскому проекту пошло то, что после завершения завоеваний некоторая военная угроза оставалась только на севере. В конфронтации с проживавшими там племенами кочевников «Срединное государство» использовало смесь политики умиротворения и превентивных военных походов, которые были направлены не на расширение имперской территории, а на устрашение противника и разгром способных к нападениям племенных союзов. Уже император Цинь Шихуанди начал возведение системы Великой Китайской стены, которая должна была бы помешать кочевникам вторгаться на территорию империи. Император У-ди впоследствии проводил наступательную политику, в ходе чего предпринимались военные походы глубоко в пределы варварской территории. В целом, однако, ограничивались тем, что удерживали кочевые племена от перехода границ империи за счет регулярных выплат дани. В обмен в качестве заложников в Китай поставлялись принцы, которым следовало дать китайское образование, таким образом их «цивилизовав» и за счет этого попытавшись привязать их к империи. Политика умиротворения в связи с этим оказывалась более связана с идеологической, а не с военной властью. А значит, китайские императоры избирали тот же путь, к которому перешли с III в. н. э. римские их коллеги в своей политике

по отношению к германцам92.

Ограничение военной власти, столь типичное для истории Китайской империи, конечно, было возможно лишь потому, что Китай не вступал в конфронтацию с конкурентами за гегемонию в контролируемом им «мире», а смог сконцентрироваться на охране «имперских варварских границ» (Юрген Остерхаммель). Этим геополитическим базовым условиям благоприятствовало одновременно и внедрение конфуцианской чиновной этики: из-за своих базовых положений конфуцианство было не подходящим для активистской политики, которая потребовалась бы при условиях гегемониальной конкуренции, а агрессивную внешнюю политику оно отвергало из принципа.

В течение длительного времени главные угрозы для Китайской империи исходили не извне, а изнутри. Так, в конце эпохи Хань это привело к свержению центральной власти и возвышению потомственного дворянства, разделившего единую административную структуру империи93. Торговля и обращение золота, важнейшие средства интеграции имперского пространства, рухнули, и Китай распался на северную и южную части[77]. Характерно, что восстановление единства империи при династии Суй и ранней династии Тан (618-907)94 было связано с обновлением конфуцианской чиновной этики: при Суй были введены письменные экзамены на звание чиновника, таким образом, внутри бюрократии создали элиту, выделявшуюся своими научными познаниями. В финале правления династии Тан из-за возвышения местных командующих

войсками военная власть опять приобрела более серьезное значение, и империя развалилась вновь. Последовали времена «десяти династий», когда особенно сильную политическую раздробленность испытал Юг, пока династии Сун (960-1279) не удалось восстановить единство империи95. Тогда это вновь было связано с интенсификацией торговли и усилившимися денежными потоками, обновлением чиновной этики96. Этот образец цикла повторялся вплоть до столкновения Китая с европейскими державами. В их лице, а также в лице модернизированной по западному образцу Японии проявились затем и конкуренты Китая в борьбе за гегемонию, что требовало придания куда большего значения военной власти, нежели это до сих пор делалось на протяжении двух тысячелетий.

Какие именно источники власти имеют решающее значение для взлета и стабильности империи, таким образом, зависит как от внутренних факторов, так и от внешних обстоятельств. Между ними существует асимметричная связь, которая и оказывается соответствующим «резоном»

для империи. Пространство действий, в пределах которого успешно функционируют или терпят крах имперские элиты, определяется именно этим специфическим имперским резоном. Он является конкретизацией того, что здесь повсеместно обозначается как логика мирового господства.

Процесс цивилизирования и варварская граница: признаки и задачи имперского порядка

Огромные, а теперь по-настоящему глобальные политические структуры сталкиваются с усиливающимся требованием их оправдания. Если же пространство структур невелико, как, например, у городов или же у мелких и средних государств, то оказываются спорными многочисленные участки границы, в связи с чем могут вестись войны, однако базовая структура политического порядка под сомнение не ставится. Небольшие политические структуры получают дивиденды от осознания того, что они являются чем-то естественным и само собой разумеющимся; для крупных систем это не подходит. Там сказывается разница в уровне развития центра и периферии, что тем более бросается в глаза, чем большую территорию предстоит объединить политически или экономически.

Вполне нагляден при этом момент господства в рамках данного порядка. Теми, кто внутри него являются подчиненными, он воспринимается совершенно иначе по целям и смыслу, нежели в тех небольших структурах, где центры власти взаимно сбалансированы за счет их большого количества: существование иных политических объединений избавляет каждого из них от необходимости специального самооправдания1.

Напротив, в крупных структурах претензия центра на господство и владычество над периферией приводит раз за разом к вопросам, если вообще не к отрицанию главенства центра. Примером тому является вопрос, который Иоанн Солсберий- ский задавал императору из Штауфенов Фридриху I[79]: «Кто назначил немцев судьями наций? Кто дал этим неотесанным и диким людям право по прихоти своих властителей мнить себя выше смертных?»2 Тут же данный ответ гласил: никто; немцы сами заняли такое место, им не принадлежащее, и чем раньше будет покончено с их дерзостью, тем лучше. Совершенно так же, должно быть, согласно версии Тита Ливия, Ганнибал высказывался о римлянах, когда они собрались поставить перед ним такие же политические ограничения, как и перед его предшественником Гасдрубалом: «Этот в высшей степени

бесчеловечный и очень высокомерный народ хочет властвовать повсюду, решать везде. Он всегда намерен за нас решать, с кем нам воевать, а с кем мы должны быть в мире. Он стесняет и загоняет нас в границы к горам и рекам, которые мы не должны пересекать; а сам границ, установленных им же, не соблюдает»3.

Когда порядок, установленный на обширном пространстве, обеспечивается и направляется имперским центром, последний подвергается нападкам за своеволие и получение односторонней выгоды. Вне зависимости от того, справедливы ли эти упреки или же нет, следует спросить, как могут быть легитимизированы имперские порядки на фоне антиимпер- ской критики?

Мир как оправдание имперского владычества

Состояние мира постоянно делается оправданием для существования имперского порядка: только обширная, централизованно управляемая политическая система могла бы избежать перманентной войны ради удержания или же передвижения границ, с чем вынужденно связана деятельность небольших по размерам политических структур. Против изначальной естественности мелких политических структур имперская идеология выдвигает указание на их неизбежную неспособность к миру. Наиболее известная из подобных легитимаций содержится в «Энеиде» Вергилия в пророчестве Юпитера о выросшем из последователей Энея будущем римском народе — о «Владыке мира», как заявляет у Вергилия отец богов Юпитер: «Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится, / С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста / Людям законы дадут; войны проклятые двери / Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость, / Связана сотней узлов, восседая на груде оружья, / Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой»[80]4.

И Данте, для которого «высшее из благ, однако, то... чтобы люди жили в мире», был убежден, что это было бы возможно, лишь если род людской «будет подвластен весь единственному властителю. ...Так что человечество, если оно будет подчиняться одному-единственному князю, будет более всего близко к Богу. Из этого следует и то, что такое подчинение наиболее соответствует Господнему замыслу. Это равнозначно его благоволению и процветанию»5. Для Данте без обустройства универсальной монархии, как называли в Средние века и раннее Новое время огромный имперский проект, охватывающий всю Европу, был немыслим прочный мир, потому что там, где властвуют друг подле друга двое, всегда дойдет до ссоры. Тем самым он обращался против аргументации публицистов французского короля Филиппа Красивого и союзных ему итальянских гвельфов, которые оспаривали необходимость универсальной монархии и выступали за систему независимых государств и отдельных городов. Им Данте бросал упрек, что их речи о справедливости лишь голое притворство, потому что они не хотели бы, чтобы кто-либо действительно мог победить по справедливости.

В истории политической мысли Европы было мало теоретиков, которые с той же решительностью, что и Данте, связывали желание мира и организацию имперского порядка. Лишь Томмазо Кампанелла и — с

оговорками — Джованни Ботеро примерно так же указывали на имперский мир, пропагандируя для Европы и, исходя из этого, для всего земного шара такой политический порядок, который мог быть создан под главенством Испании6. Основной же нитью в политической мысли Европы было выражение предпочтения не имперскому «господскому миру», а установленному между государствами «миру по договору»: вместо одной превосходящей силы в центре мирного пространства мир гарантировался коллективными самоограничениями принципиально равных в своих правах акторов. В труде Иммануила Канта «К вечному миру» (1795) это представление нашло свое самое известное и одновременно наиболее эффектное отражение7. Концепция межгосударственного мира по договору, который будет охраняться созданием союза государств, отрицает реализацию мира любой ценой и критикует имперский мир как кладбищенское спокойствие. Политическая несвобода и экономическая стагнация всегда будут той ценой, которую придется заплатить, и эта цена очевидно слишком высока. Кроме того, подобный мирный порядок долго не продержится; спустя некоторое время он будет неизбежно уничтожен мятежами и восстаниями — не в последнюю очередь из-за жестокого ограбления периферии, которое станет необходимо, чтобы иметь возможность вознаградить население имперского центра материальными преимуществами за утрату им его свободы.

Примером подобной аргументации, содержащей указание на стоимость имперского порядка для его периферии, является критика универсальной монархии, которая была представлена Монтескьё в его «Reflexiones sur la monarchie universelle»[81] (около 1727): даже римляне, которые якобы опустошили весь мир, чтобы основать первую универсальную монархию, не поступали так же варварски, как испанцы, уничтожавшие все, чтобы все сохранить8. Критика империи со стороны Монтескьё отличалась тем, что он не долго думая перевернул с ног на голову представления об отношениях между цивилизацией и варварами в имперском их изображении, объявив варварской политику империи, а не наоборот. Однако ни одна держава не может смириться с репутацией варварской без того, чтобы это не сказывалось на ее центре, где спустя некоторое время начинают применяться те же формы господства и угнетения, что и на периферии. Империи, по Монтескьё, вследствие имманентной закономерности стремятся к саморазрушению, и потому тот мир, который они, без сомнения, защищают, не будет долгим. При взгляде на чудовищные с социально-экономической точки зрения последствия испанского владычества в Южной Италии Монтескьё задавался вопросом,

могут ли в новом мире, мире торговли, еще иметь место империи, основанные только на деспотической власти.

В XVIII столетии Испания стала примером противоположности просвещенного commercial society[82] и крупнейшим про

тивником всякого человеческого прогресса9. С тех пор как в политической и в экономической теории все чаще стало встречаться мнение, что большие пространства можно эффективнее интегрировать за счет торговли, нежели политической властью, долгое время первый способ интеграции полагался неимперским. Благодаря кантовскому произведению новые представления об интеграции больших пространств вследствие экономического обмена были объединены с императивами обеспечения мира и свободы. Теория демократического мира стала моделью обратной концепции имперского мира: она исходила из системы, состоящей из многих государств, стремящихся к мирному сосуществованию путем установления в них определенного политического порядка, а именно демократии10.

Роберт Купер недавно развил эту теорию в модель постмодернистского государственного порядка, однако одновременно сделал относительными ее притязания на действенность11. «Мир» постмодернистской государственности, по мнению Купера, преимущественно ограничивается лишь Европой. Помимо него остаются те «миры», в которых, как и прежде, действуют правила государства эпохи модернизма: постоянная борьба за выживание против акторов, существующих по тем же правилам. Эти правила были сформулированы Джоном Миршаймером так, что лишь глобальное господство одной из великих держав действительно могло бы положить конец угрозе гегемониальных войн12. Тем самым Миршаймер, пусть и ex negativo[83], привел доводы самооправдания империи, переформулировав их с точки зрения «реалистической школы» международной политики. Будто бы являющейся единственным надежным гарантом устойчивого мира.

В своем провокационном эссе «Власть и безвластие» (2003) Роберт Каган противопоставил друг другу миры политики эпохи постмодернизма и эпохи модернизма в том виде, в каком описывал их Купер, обозначив их как миры Иммануила Канта и Томаса Гоббса соответственно, а также заявил, что США должны будут в дальнейшем действовать в гоббсовском (анархическом) мире взаимного недоверия и постоянной готовности к войне, в то время как европейцы останутся в мире-парадизе Канта. Центром рассуждений Кагана является, тем не менее, мысль, что оба мира

не могут существовать отдельно, а мир в Европе будет гарантирован лишь способностью США вести войну13.

Таким образом, и здесь США выступают наследниками великой империи, которая принимает на себя гарантию мира на огромных пространствах в качестве центральной легитимации своей претензии на господствующее положение — только этот мир в случае демократической империи существует за счет отстаивания и поддержания прав человека. Они пришли на смену претензиям на цивилизирование, которые в прошлом зачастую выдвигались империями. При этом без изменений продолжают существовать обещания процветания, которые также имеют давнюю традицию. Эти ценности всегда стоят в центре, но их можно обеспечить, только если установлен мир; таким образом, установление имперского мира служит тому, чтобы реализовать эти ценности на практике. Следовательно, почти все империи не ограничивают оправдание своего существования лишь миром, а квалифицируют его, связывая с ним и другие свои миссии.

Имперская миссия и сакралъностъ державы

Все империи, существовавшие длительное время, ради оправдания своих действий избирали некую всемирно-историческую задачу, миссию, которая претендовала на космологическое или божественно-историческое значение. Ге- гемониальные державы ни в какой миссии не нуждались, империи же, напротив, не могли без нее обойтись. Идеологическая мощь использовалась гегемониальными державами в противостоянии с конкурентами и имела прежде всего внешнеполитическую функцию. Имперская миссия, напротив, была обращена к людям внутри империи, в первую очередь в ее центре. Более, чем что бы то ни было, однако, она являлась самовнушением для политических элит, из которого они черпали убежденность и энергию для продолжения имперского проекта.

Имперскую миссию, святую историческую задачу или же теологически оформленную миссию мировой империи, конечно, можно рассматривать под рубрикой «идеология» и пытаться обнаружить здесь ядро империалистического проекта, ведь затем оно будет, как правило, идентифицироваться лишь как низкий, чисто материальный интерес. Если же понимать под идеологией необходимый самообман политических и общественных акторов относительно ограниченности их целей и устремлений, как это предлагал сделать Карл Маркс во вступительных замечаниях к своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»14, то рассмотрение имперских миссий с позиции критики идеологии может быть продуктивным и многое разъясняющим. Однако идеология может быть легко идентифицирована и как обманные или маскирующие маневры15, предпринимаемые небольшой группой власть предержащих, чтобы ввести в заблуждение широкие массы относительно истинных целей и намерений имперской политики. Так как амбициозная идеологическая концепция марксовской теории в этой перспективе восходит к теории эпохи французского Просвещения о священниках- лицемерах, она в данном случае принципиально отказывается от понимания имперских миссий как идеологии. Критика идеологии в связи с теориями экономического империализма регулярно приводит к тому, что вся сложность имперской политики редуцируется до простого отстаивания своих интересов некоторыми из акторов.

В противовес обычной критике идеологии из имперских миссий также произрастают взятые на себя обязательства и принятые долги, которые

нельзя объяснить прямыми материальными интересами имперских акторов, даже более того, с этой точки зрения почти всегда они представляются растратой ресурсов. Миссия империи находит своих протагонистов в рамках долга перед проектом, который уже на основании своей долговечности значительно превосходит горизонт интересов отдельных лиц. Поэтому имперскую миссию можно понимать лишь как средство, которым строящая свои планы на столетия вперед империя навязывает свою логику действий тем, кто лишь на ограниченный период получил в ней власть и влияние: она вынуждает их отодвинуть свои интересы на задний план, если те хотят проводить имперскую политику. В этом смысле имперская миссия специально направлена на имперскую элиту.

То, что империя, выражаясь метафорически, посредством своей миссии накладывает обязанности на политические и общественные элиты и не дает им пожертвовать долговечностью существования империи ради преходящих материальных интересов, может быть описано и как взаимодействие и динамическое равновесие между частями имперской элиты: в этом случае имперская элита, принимающая решения, в краткосрочной перспективе имеет дело с тем, что она получает от элиты мыслящей, то есть от интеллектуалов, писателей, ученых, журналистов и так далее, в качестве поддержки в форме перспектив и образов, которые бы оправдывали и расширяли ее власть. Однако эти перспективы и образы раскрывают свое политическое значение не только как обеспечивающая власть легитимация, но и как ограничивающее пространство решений самоограничение. Ведь таким образом лишенные власти интеллектуалы получают значительное влияние. В Риме подобную роль играл кружок поэтов вокруг

Гая Цильния Мецената, в Китае это были Конфуций и те, кто распространял его идеи, в Испании — неосхоластики сала- манкской школы, в Великобритании — поэты викторианской эпохи, в Советском Союзе — интеллектуалы-марксисты, а в США соответствующую функцию взяли на себя неоконсервативные теоретики и публицисты: прежде всего они занялись вопросом о всемирно-исторической задаче США после окончания конфликта Восток — Запад и, вне зависимости от того, верны их ответы или нет, добились компетенции определять проблемы и вызовы, стоящие перед США.

Имперская миссия является чем-то большим, нежели само-легитимация мировой империи, хотя в целом она выполняет именно эту миссию. Сформулируем более четко: с помощью имперской миссии

самолегитимация империи превращается в самосакрализацию. Квазирелигиозная постановка целей следует из изменчивых решений политических властителей и влиятельных в обществе кругов. И если они обладают властью в империи, то в конце концов империя начинает властвовать ими. Чтобы добиться такой неприкосновенности, миссия империи должна рассматриваться с определенным благоговением, которое существенно превосходит требования политической повседневности. Это можно хорошо продемонстрировать на примере Римской империи, организовавшей и поддерживавшей pax Romana в средиземноморском регионе и в прилегающих областях.

Само собой разумеется, можно также считать, что это делалось в интересах римско-италийских купцов и банкиров, ведь было покончено с пиратством в Средиземном море и с гегемониальными войнами на Востоке — торговые риски минимизировались и вложения капитала стали более надежными. Однако, могло быть и так, что купцы кооперировались с пиратами16, а банкиры наживались на войнах. Безопасность судоходства и стабильность мира находились, таким образом, в зависимости от групповых интересов и конъюнктуры.

На столь хрупких раскладах империя не могла обосновывать свою центральную легитимацию. Имперская миссия должна была миновать все колебания интересов акторов, и для этого служило ее сакральное возвышение. В случае с Римом оно последовало в форме обожествления мира, которое уже при Ок- тавиане привело к постройке ага раав[84]. Тем самым принцепс связывал себя и своих преемников с проектом, который стал бы образцом для всякого императора, захотевшего получить признание сената и народа.

Имперская миссия коренится скорее в глубинном ощущении себя империей, однако она может быть также раз за разом инсценирована или возрождена. Первое происходит в основном в периоды стабильности, последнее — во времена кризиса. В Риме с середины III в. н. э., когда положение на некоторых участках границы империи становилось все более угрожающим, мирная жизнь стала еще сильнее осознаваться как всемирно-историческая миссия империи. Ведь следовало подчеркивать, что будет потеряно, если империя падет17. То, что до того было взятым на себя обязательством и долгом политической элиты, теперь следовало довести до сознания всего населения, чтобы пробудить в нем готовность к самопожертвованию, необходимому для продолжения существования империи. Даже один из отцов Церкви Августин в конце концов поучаствовал в этой обороне Римской империи, когда он попытался

разъяснить христианам в пределах империи, что обеспечиваемый ею мир был бы благом для распространения веры и для христианского образа жизни. А потому в интересах христиан, чтобы Римская империя, несмотря на все ее слабости и мрачное прошлое, продолжала существовать; из этого будто бы и возникает долг ее защищать18.

Однако решающий вклад в сакрализацию имперской миссии внесли скорее не политические теоретики, а литераторы и живописцы. В то время как архитекторы и скульпторы воз-

водили алтарь Мира, где было наглядно показано воздействие римского владычества, именно собранный вокруг Мецената кружок литераторов, в который входили и оба значительнейших поэта эпохи — Гораций и Вергилий, — прославлял программу реформ Августа в качестве возобновления мира, который будет существовать до тех пор, пока есть Римская империя. Для Октавиана поддержка со стороны литераторов имела огромное значение, ведь только законами и распоряжениями его программу было не воплотить. Она требовала как культурного блеска, так и новых смысловых горизонтов, которые не могли быть сформулированы бюрократией.

Особенно прочно увязывал с программой реформ Октавиана свои труды Вергилий. Так, его эклоги, собранные под заглавием «Буколики», направлены против падения нравов городских элит, которое сравнивалось с жизнью на селе — источником обновления mos maiorum, то есть нравственности предков. С возрождением mos maiorum Вергилий связывал надежду, что наступивший Железный век будет пройден и вновь вернется Золотой век времен начала человеческой истории. Схожей программе он следует и в своих «Георги- ках»19, и, наконец, в «Энеиде», которая осталась незавершенной из-за внезапной смерти Вергилия (и поэму по воле поэта должны были уничтожить), где во время рассказа о странствиях Энея после его бегства из горящей Трои начинаются пророчества, указывающие на «охватывающее весь мир» господство мирной жизни при Августе. Вергилий здесь набросал эскиз универсального мирного порядка, где Эней представляется как предтеча и образец для Августа. Его победы одержаны ради торжества над демоническими силами на пути к миру. Римская империя тем самым обращалась не только к миру, но и к гуманности. Увенчанная Вергилием религиозными символами миссия Рима заключалась в умиротворении и гуманизации мира, из чего затем и последует обещанная Юпитером imperium sine fine[85], вечность для Рима: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, / Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона, / Страх пред которой гнетет и море, и

землю, и небо, / Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея / Римлян, мира владык, облаченное тогою племя»[86]20.

Римское владычество над пространством Средиземноморья было оправдано потому, что оно обеспечивало всеобщий мир, а интеграция в империю открывала возможность доступа к благам цивилизации. За пределами имперских границ господствует варварство и продолжает свирепствовать война. Однако это еще не все: имперский мир связывается с мифом о Золотом веке и тем самым делается сакральным. При этом речь идет, ни много ни мало, о возвращении в рай средствами империи. Оба тезиса, идея Золотого века, а также идея рая, защищенного от враждебного окружения сада («Эдемского сада»), пришли с Востока и были первоначально чужды куда более жесткой политической парадигме римлян. За счет того, что Вергилий сплавил воедино эти представления в своем наброске римской истории, он внес важный вклад в культурную интеграцию империи. Рим теперь правил Востоком не только политической властью, но оказался также готов вступить в его культурное и идейно-политическое наследство. Путь Энея из Трои в Италию был шифром для обозначения самоуничтожения восточного культурного пространства в ходе войн и конфликтов, а с Запада пришло спасение в виде римско-имперского мира, — теперь вполне можно понять, почему Август позаботился о том, чтобы «Энеида» была спасена, взята из наследия Вергилия и опубликована.

Гораций также21, пусть и частично, поставил свою лиру на службу имперской миссии Рима. В центре его ранних работ стоят ужасы гражданской войны, а надежда обращена к тому, кто должен избавить от них: Октавиану/Августу. Для Гора

ция кризис римской государственности имеет скорее моральную, нежели конституционную природу; в этом он согласен с программой реформ Августа. Он прославляет староримские доблести moderatio, virtus, pietas и iustitia[87], выступая против сексуальной распущенности и разрушения семьи, алчности и обмана, роскоши и изнеженности. Там, где обеспечены первые, будет гарантировано и продолжение Золотого века. Империя здесь получает функцию предотвращения заката и гибели, причем она заботится о том, чтобы вновь возобладали нравственность, приличия и справедливость. Такой империи и посвящена известнейшая строфа Горация: «Dulce et decorum est pro patria mori», то есть «Сладостно и почетно умереть за Отечество»22.

Взгляд на творчество Вергилия и Горация показывает, что имперский мир задумывался не только как особое качественное состояние обширных

покоренных пространств. Одновременно он был и эпохой возобновления и поворота прочь от гибели. Не только в политическом, но и в космологическо-религиозном смысле империи придавалось всемирно-историческое значение. Это отличало ее от государств и гегемониальных держав, которые действовали во времени в зависимости от самовосприятия, в то время как империи претендовали на то, чтобы направлять сам ход времен. Более сильным выражением этого является сакральная формулировка имперской миссии. Золотой век, о котором говорили Вергилий и Гораций, воспринимался не просто как начало новой эпохи в мировой истории; в основе его идеи лежит представление о том, что сама смена эпох в истории мира поддается имперскому влиянию. Бег времени начинается заново, однако мощь имперской власти удерживает его в самом начале, и, вообще говоря, неизбежное его скатывание через Серебряный и Бронзовый века к Железному остановлено. Во времена, когда закат и гибель воспринимаются как естественная тенденция истории, всемирно-историческая роль империи видится в следующем: она останавливает за- кат и предотвращает гибель мира. После того как в течение XVIII столетия возобладало базовое представление о ходе истории как о прогрессе, империи, напротив, стали глобальными ускорителями мировой истории: они цивилизовали мир и распространяли прогресс, а если они терпели неудачу, то это должно было иметь глобальные последствия. Такая позиция отличала как британцев, так и американцев.

Далеко не всех империй касается подобная масштабная космологически-религиозная модель самосакрализации. В случае Рима она, как уже говорилось, была упрочена за счет исторических спекуляций на тему Востока. Получив христианство в качестве государственной религии, некоторые сакральные компоненты этой имперской миссии пришлось оставить в прошлом, ведь уже Августин проводил различие между «градом земным» и «градом Божиим» (civitas terrena — civitas Dei). Сколь прочным, однако, оставалось представление о сакральности империи, проявилось в XI столетии, когда штауфеновская[88] канцелярия провозгласила sacrum imperium, что перешло затем в название Священной Римской империи (германской нации)23. Эта формула основывалась на святости империи при ее всемирно-исторической роли катехона (то есть «держателя, спасителя») от конца света, который неизбежно наступит, если империя погибнет24.

Для испанской мировой империи военная форма Контрреформации могла стать ее имперской миссией, и она вовсе не была спровоцирована Реформацией как таковой. Корни ее видны в Реконкисте, в ходе которой

испанцы шаг за шагом отвоевали у мавров захваченные ими земли на Пиренейском полуострове. Но дух Реконкисты проявился не только в позднейшей Конкисте — завоевании Нового Света, — но и также в изгнании евреев и мавров из Испании. Враждебное отношение к евреям, инквизиция и преследование протестантов в Нидерландах превратились в имперскую миссию Испании, которая к концу XVI столетия уже обладала менталитетом осажденной крепости. Характерным для этого оборонительного варианта имперской миссии является представление о распространившемся на весь свет протестантском заговоре, который имеет целью свержение Испанской империи. Наиболее сильное отражение в христианско-католической формулировке имперской миссии Испании нашла, однако, идея, что «дикари» в Новом Свете должны быть обращены в христианскую веру. На этом и основывалась динамика испанской экспансии на широких просторах Центральной и Южной Америки25.

Вполне логично рассматривать Османскую империю как исламский антипод Испании; при этом, однако, можно недооценить ее религиозно-политическую либеральность, которая резко контрастировала с насаждением католичества во владениях испанцев с помощью инквизиции. Османская империя была пестрым ковром общин (миллет) с выстроенной иерархией отношений зависимости, куда входили еврейские и христианские общины со своей особой организацией. В имеющейся литературе идет ожесточенный спор о том, можно ли полагать многоконфессиональность важным компонентом османского самосознания или же империя после завоевания к началу XVI столетия арабских территорий[89] стала считать себя исламской мировой империей, миссия которой заключается в защите от неверных26. В продолжение уже изложенных выше размышлений о различных перифериях великих держав можно было бы скорее говорить о том, что тюркские народы, которые когда-то создали Османскую империю и не располагали ни компетентностью организовать ее, ни какой-либо миссией, на пространстве своей экспансии наткнулись на два конкурирующих имперских проекта, которые они на скорую руку и попытались связать между собой: с одной стороны, это был арабско-исламский проект, для каждого проводника которого образом действий было распространение ислама огнем и мечом, а основным долгом, как и прежде, оставалось формирование великой и именно исламской империи27; с другой — скорее консервативная практика Византийской империи, которая во многом была перенята османами для того, чтобы поставить завоеванные территории под прочный контроль28.

На этом основании в конце концов дошло даже до частичного союза

османов с православной церковью, направленного прежде всего против «латинствующего» христианства и претензий на супрематию римского папы. На европейской территории, на Балканах, Османская империя поэтому порой выступала в качестве защитника христианских общин и групп, независимость и самоуправление которых могло быть обеспечено только в империи османов. Это приводило к тому, что в составе турецких войск воевали и многочисленные христиане. Естественно, из этого имперскую миссию не составишь. Цена, которую османам пришлось заплатить за идеологическую двойственность своей империи, состояла в уязвимости имперской миссии, которая так никогда и не стала фактором власти, сравнимым с миссиями других империй. То, что Османская империя после начала своего заката так и не смогла вступить в новый имперский цикл, было также следствием ее слабо оформленной имперской идеи.

И опять-таки еще более сильную религиозную окраску получила имперская миссия царской России: в то время как Османская империя вступила в организационное наследие

Византии, Россия переняла ее миссию защитника Православной церкви. У истоков этой преемственности стояло заключение в 1472 г. брака между Иваном III и Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, а эта связь очень быстро стала восприниматься как отсылка также и к Римской империи. В письмах монаха Филофея из Пскова легитимность передачи миссии была переработана в идею Третьего Рима29. Войны со степными кочевниками-та- тарами были интерпретированы как защита христиан от их врагов, что поставило экспансионистскую политику царей в рамки римско-византийской традиции еще и с политикопрактической точки зрения. Московский собор Василия Блаженного, построенный при Иване IV, был архитектурным воплощением имперской миссии и ее успешности30. Тот факт, что имперская миссия, конечно, не полностью определяла историю империи, а могла рассматриваться реформаторами как блокирующая модернизацию, доказывает политика Петра I, заменившего обращенную преимущественно на Восток миссию России ориентацией на уровень развития западных соседей.

Наблюдаемое уже в случае с Османской империей противоречие между эффективной административной организацией империи и имперской миссией, как мотивирующим обязательством элиты, таким образом, теперь проявляется и в царской России: пока Петр отбрасывал имперскую миссию его предшественников, чтобы найти точки

соприкосновения с Западом, он закладывал базу для уже упоминавшегося напряжения между ориентацией и на Запад, и на Восток, которое характерно для истории России вплоть до сегодняшнего дня. В ходе Петровских реформ представление о том, что Россия якобы является защитницей христианской веры, не исчезло, но было заменено новой миссией. Позднее, в кризисные времена, это представление возникало вновь и вновь. Так случилось в ходе войны с Наполеоном, после окончания которой русскую победу приписывали глубокой религиозности русского крестьянства. Направленная до того исключительно на Восток имперская миссия теперь, развернувшись на Запад, обратилась в представление об избавлении земель Запада от материалистических убеждений31. Царь Александр I был твердо убежден, что он является носителем священной идеи переустройства Европы в духе христианской морали. Его занимала мысль о синтезе христианских конфессий в единое универсальное христианство. Основанный в 1815 г. на Венском конгрессе Священный союз должен был дать старт процессу оздоровления европейских народов32. Однако, по крайней мере, при завершении Крымской войны в 1856 г. вновь последовало усиление ориентации на западный образец развития, неизбежное еще и потому, что Россия не хотела попасть в то же положение, что и Османская империя. Напротив, она собиралась вступить в ее наследство в Юго-Восточной Европе и в проливах между Черным и Средиземным морями, что было бы осуществлением идеи Третьего Рима. Однако для этого следовало вестернизироваться. Так что в истории России очевидны периодические колебания между имперской миссией и ориентацией на ритмы развития Запада.

Сколь опасным для России было отставание в развитии от Запада, столь роковым образом оно действовало в ходе постепенного разложения имперской миссии на внутреннюю стабильность империи: в обеих революциях 1917 г. старый режим потому и был свергнут, а сторонники его изгнаны, что у них пропала связующая сила общей идеи о всемирно-исторической миссии империи, кроме того, эта идея уже не находила должного отклика у населения. Это повторилось и при крушении Советского Союза: его имперская миссия, как это утверждалось в Конституции 1977 г., состояла в том, чтобы «объединить все нации и народности в деле совместного строительства коммунизма»33. Однако к моменту вступления

в силу этой конституции это уже была только фраза. К явственным признакам дегенерации Советского Союза принадлежит утрата им его миссии или, по меньшей мере, циничное обращение с ней. Из внутреннего

источника силы она превратилась лишь в задник Советской империи34, а следовательно, исчезли и рычаги давления, на которые еще пытались опереться в ходе реформаторской политики Михаила Горбачева, чтобы она смогла увенчаться успехом.

Что касается обеих западных империй, Британской и Американской, они отказались от узкой религиозной формулировки миссии, хотя, излагая ее, и обращались порой к религиозно-окрашенной риторике. Если считать британцев наследниками Испанской мировой империи, то, что соответствует и истории развития идей в Европе с XVI по XIX столетие, на место католической веры пришел цивилизационный прогресс: имперская миссия британцев заключалась в распространении в мире цивилизации, даже если их политика зачастую и ограничивалась лишь открытием страны для британских товаров35. В известных строках Редьярда Киплинга — «Неси же бремя белых... / И для себя в том деле / Ты пользы не ищи»[90] 36 — материальные интересы совершенно исчезают на фоне цивилизаторской миссии империи, что, естественно, привлекает критиков идеологии. Однако даже такой неожиданно невнимательный к материальным интересам наблюдатель Британской империи, как Карл Маркс, аттестовал британскую экспансию как объективно цивили- зирующую функцию.

В статье «Британское владычество в Индии» в середине 1853 г. Маркс поначалу констатирует: «Англия сокрушила всю структуру индийского общества еще до того, как могли стать заметными следы его переустройства по-новому»37. Он связывал разрушительные эффекты от британского вторжения в жизнь индийского общества со столкновением прогрессивных и отсталых производительных сил: ручной ткацкий станок и прялка, которые в Индии столетиями оставались связующим звеном между сельским хозяйством и ремеслом, с открытием индийского рынка для британских товаров оказались уже неконкурентоспособны38. Однако британцы вызвали величайшую социальную революцию из тех, что переживала Азия, «не столько вследствие жесткого вмешательства британских сборщиков податей и британских солдат, сколько действием английского парового двигателя и английской свободной торговли»39. То, что это одновременно была первая и единственная социальная революция в Азии, служило Марксу лишь оправданием британского проникновения в Индию, а ее подчинение законам мирового рынка для него было актом цивилизирования: «Мы не должны забывать, что эти мелкие сообщества были запятнаны системой кастовых различий и рабством, вынуждавших людей находиться под игом внешних обстоятельств, вместо того чтобы делать себя хозяевами их, что они трансформировали развившееся

самобытное состояние общества в неизменную, естественную судьбу и так дошли до почти звериного по грубости поклонения природе, что и выразилось в том явлении, когда человек, хозяин природы, благоговейно падает на колени перед Хануманом, обезьяной, и Сабалой, коровой»40.

Однако не стоит, как Маркс, рассматривать цивилизирую- щий эффект британской мировой империи лишь как непрямой, ненамеренный результат ее действий: не в последнюю очередь под влиянием именно британцев оказались если не уничтожены, то по меньшей мере подавлены рабство и торговля рабами, которые были весьма сильно распространены в первой фазе строительства европейских империй, и это был вовсе не косвенный эффект британского морского владычества, а одна из его непосредственных и прямых целей41. Множество британских эскадр в XIX столетии патрулировали воды вдоль западноафриканского побережья, чтобы покончить с процветавшей, как и прежде, торговлей рабами, а в Великобритании центральными проводниками имперской миссии стали прежде всего англиканское духовенство и квакеры, выступавшие за отмену рабства. Они позаботились о том, чтобы такой товар, как человек, в контролируемой британцами мировой торговле стал товаром нелегальным и против торговли им применялись все средства имперской мощи42. Это одновременно объясняет и то, почему британцы не вмешались в Гражданскую войну в Америке на стороне южных штатов, как того требовала бы логика борьбы великих держав, чтобы ослабить все более грозного конкурента в лице США и указать ему его границы: в этом случае британцам пришлось бы выступить против своей собственной имперской миссии.

Имперская миссия США может быть описана как дальнейшее развитие британской: рыночная экономика, демократия и права человека стали ее исходными пунктами, которые в зависимости от региональных вызовов и расстановки сил на мировой арене могут получать различную степень приоритета. Это не означает, что политика США может быть редуцирована до имперской миссии. Императивы политики обеспечения безопасности для них столь же важны, сколь и экономические интересы, и, как правило, они имеют преимущество в случае столкновения с задачами имперской миссии43. Из такого положения и вырастает столь часто критикуемая американская политика двойных стандартов, а именно раз за разом наблюдаемое явление, когда лишенными силы оказываются требования имперской миссии к акторам, представляющим для США экономический интерес или связанным с интересами их безопасности.

Напряженное соотношение между имперской миссией и императивами

самосохранения или самовозвышения в истории империй не новы; они красной нитью пронизывают ее — безусловно, в тех мировых империях, чья миссия не исчер

пывается брутальным отстаиванием своих интересов. Скорее всего, идентичность миссии и обеспечения своих интересов можно разглядеть еще у степных империй, однако они должны были заплатить за этой своей недолговечностью. В демократически организованных в центре империях самоограничения в рамках имперской миссии особенно высоки, и они достигают большего уровня, нежели в империях, управляемых автократически или аристократически44. Элиты, неподотчетные никому, могут быстрее и легче уклониться от взятых на себя обязательств, нежели политики, борющиеся за поддержку своих интересов через регулярные промежутки времени и при этом вынужденные выдерживать конкуренцию резервных элит. Увеличившийся поток информации об имперской политике — и связанное с этим сворачивание arcane imperii[91], бывшего до того в распоряжении исключительно правящих элит, — имеет существенное воздействие на характер и значение имперской миссии. Таким образом, она изменяется вследствие не только демократической, но и медийной революции. Имеющее право голоса население имперского центра тем самым привлекается к сглаживанию противоречий между миссией и отстаиванием интересов, а население периферии теперь может требовать реализации имперской миссии в рамках проводящейся в действительности политики империи.

Показательным для спектра возможностей, в который может быть превращено противоречие между миссией и отстаиванием интересов в демократической империи, является разница между президентами США Теодором Рузвельтом и Вудро Вильсоном. Рузвельт, которого считают классическим империалистом в ряду американских президентов, придавал отстаиванию интересов больший вес, нежели обязательствам в рамках миссии. Симптоматичным для этого является сформулированное им дополнение к доктрине Монро от 1904 г., которое грозило интервенцией везде, где политические процессы угрожали денежным выплатам по долгам Америке: США в качестве «международной полицейской силы» принимали на себя обязательство остановить «продолжающиеся ошибочные действия». Одновременно в тихоокеанском регионе Рузвельт проводил политику равновесия, которая была весьма далека от того, чтобы проявлять американские претензии на господство, в частности относительно Японии45. На идею равновесия между державами было ориентировано его посредничество в Русско-японской войне, за что ему в 1905 г. была

присуждена Нобелевская премия мира. Рузвельт, таким образом, стремился ограничить имперскую миссию США. Если он и говорил о США как о «международной полицейской силе», то хотел ограничить эту роль непосредственно американскими интересами.

Политика Вудро Вильсона, напротив, ставила перед США глобальные задачи, и для этого Вильсон должен был соответствующим образом оформить имперскую миссию Америки. Без представления о такой миссии, которая бы выходила далеко за рамки экономических и политических интересов США, военное вмешательство Штатов в Первую мировую войну, а в ней следовало быть готовыми к значительным людским потерям, оказалось бы невозможно по внутриполитическим причинам. Лишь проект установления прочного мира во всем мире («a war to end all wars»[92]), реализация принципа самоопределения народов и, наконец, гарантия его в форме демократии («to make world safe for democracy»[93]) дали Вильсону возможность вмешаться в дела того региона, в котором до сих пор американская внешняя политика придерживалась абстрагирования в качестве базового принципа46. Эта поддержка, конечно, не была прочной настолько, чтобы позволить США обзавестись долгосрочными обязательствами на европейском континенте, и Вильсон в Версальском мире потерпел политический крах. Имперская миссия, которую он задумывал для США, слишком превосходила готовность американских граждан взять ее на себя.

Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон являются исходными точками в противопоставлении широкомасштабной политики отстаивания интересов и имперской миссии, и эти противоречия у США сохранились по сей день. Это касается той или иной ориентации президентов и их советников в штабах, а также сообщения соответствующих решений американской прессе, их комментирования журналистами или обозревателями из ученой среды. Здесь также есть два крайних варианта, которые связывает длинная цепь возможностей: на одной стороне находится преимущественно ориентированная на свои интересы политика, подаваемая так, словно она направлена на нормативные задачи имперской миссии, на другой — собственные интересы вдруг обнаруживаются там, где имперские действия приводят в основном к отстаиванию коллективных ценностей или даже к обеспечению прав человека в маргинальных с геополитической точки зрения регионах. Последнее, кстати, вовсе не является доменом одних только антиимпериалистических критиков идеологии47. Политики, полагающие, что они лишь тогда найдут достаточную поддержку, когда

будут декларировать отстаивание норм в качестве защиты интересов, также привязаны к этой стратегии.

Имперские миссии склоняются к тому, чтобы быть сформулированными с помощью религиозных терминов и соответствующего пафоса. Пресловутое непонимание многими европейцами такой религиозной риторики в американской политике показывает и неосознанность ими имперской миссии США. Эта риторика не может быть редуцирована ни к стратегическому расчету на получение большего числа голосов в регионах с сильным влиянием христианской церкви, ни к чистой иррациональности, как зачастую утверждают европейские комментаторы. В данном случае речь идет о ядре

политического самосознания США, выражавшемся в формуле «Крестовый поход в Европу», в частности, во время постановки целей Вудро Вильсоном при вступлении Америки в Первую мировую войну и Дуайтом Эйзенхауэром при начале высадки в Нормандию, а также в характеристике Рональдом Рейганом Советского Союза как «империи зла» и введенном Джорждем Бушем-младшим понятии «ось зла», соединившем Ирак и Северную Корею48.

Отчетливая сакрализация самой себя со стороны империи провоцирует и все более сильную антиимперскую реакцию. Наиболее действенным с идейно-политической точки зрения ее проявлением была Книга Даниила из Ветхого Завета, где претензия господствовавших на Ближнем Востоке Селевки- дов на то, чтобы стать империей, которой не будет конца, оспаривалась в виде толкования Даниилом сна Навуходоносора в словах о ряде из четырех великих империй и о близком конце последней из них49. Апокалиптические представления о приближающемся Царстве Божием были в данном случае использованы против утверждений о вечности земной империи. Поэтому отнюдь не будет преувеличением сказать, что именно сон Навуходоносора и его толкование Даниилом раз за разом будут всплывать и распространяться во все новых вариантах и переложениях при антиимпериалистических восстаниях и революциях.

Проявляющийся при этом базовый образец, по которому имперская риторика, опирающаяся на квазирелигиозные представления, провоцирует ответную риторику, уже антиимперскую, использующую религиозное сознание, характерен и для современных дебатов относительно статуса и мощи American Empire: чем сильнее американская политика завязана на квазирелигиозных представлениях, когда ее противник демонизируется или представляется чем-то сатанинским, тем упорнее стремятся перехватить инициативу те из анти- имперских игроков, кто также имеет возможность

оперировать религиозными категориями. Отнюдь не случайно уже некоторое время такой силой являются исламисты. При сложившейся ситуации, несмотря на экономическое усиление Китая, в ближайшее время ничего не изменится. Исламизм является наиболее действенным вызовом американской империи, потому что он оспаривает саму ее миссию и в свою очередь называет США «большим сатаной»50.

Имперская демонология в принципе является стадией дошедшего до религиозных формулировок дискурса о варварстве, в ходе которого народы, не включенные в состав имперских владений, ставятся на низшую ступень и делаются потенциальным объектом цивилизирования со стороны империи. Антиимперская демонология платит той же монетой, полагая имперский центр цитаделью греха и падения нравов.

Дискурс о варварстве и конструирование имперского пространства

Большое значение для убедительности имперской миссии имеет дискурсивная сущность того, против чего эта миссия направлена, то есть, соответственно, политическому доминированию чего она должна воспрепятствовать: здесь это будет обозначено общим понятием варваров или варварства.

Дискурс о варварстве является характерной чертой по меньшей мере тех империй, которые сделали своей задачей цивилизирование покоренных ими территорий51. Центральная его функция состоит в том, чтобы маркировать границы империи, отделяющие асимметричные миры. Здесь речь не идет, как в случае с межгосударственными границами, о принципиальной однородности. На границе империи закачивается мир хорошего и высокоразвитого и начинается область беспорядка и непредсказуемости, где постоянно надо быть настороже. Имперские границы поэтому также являются границей между Космосом и Хаосом. То, что империи, как уже однажды упоминалось, придают значение обеспечению полупрозрачности своих внешних границ, становится понятным именно через такое их понимание.

Проявляющаяся в рамках дискурса о варварстве асимметрия дает о себе знать прежде всего в том, что она описывает одного как субъект, а другого как объект политики и соответствующим образом вписывает в мир политических представлений. На это, конечно, можно было бы возразить, что разделение субъектов и объектов на периферии империй вытекает из действий власти и не требует никакого обсуждения. Однако то, что без дискурса о варварстве было бы простым обращением к власти или же только различием между хорошо организованным военным аппаратом и рыхлыми союзами племен, в рамках этого дискурса превращается в легитимизированное различие, которое может быть смягчено, только если варвары будут подвластны цивилизирующим усилиям империи, то есть если они окажутся готовыми к тому, чтобы «разварваризироваться». Они должны стать такими же, как жители империи, чтобы получить в нее доступ. Иначе вход для них будет открыт только в качестве пленных, которых будут выставлять на всеобщее обозрение, чтобы одновременно показать мощь империи и лишний раз осведомить об имеющейся угрозе со стороны варваров. Эта традиция, восходящая к триумфальным шествиям

победоносных римских полководцев и императоров, продолжается в этнографических экспозициях европейских колониальных держав и доходит до изображений пленных талибов после недавней войны в Афганистане.

Принципиально асимметричный по сути дискурс о варварах может принимать различные формы: он может быть этнографическим, причем в любое время открыт путь к са- моцивилизированию за счет политического и социального сближения с империей; он может быть обоснован религиозно, что означает, что «разварваризация» происходит при переходе в религию империи; наконец, он может обращаться к расистским категориям, как это часто случалось при колониализме, а потому «разварваризация» полностью исключалась. Впрочем, лишь очень редко дискурс о варварах ограничивался лишь этими формами. По большей части его формы были связаны или накладывались друг на друга, что могло привести как к большей напряженности на границах, так и к смягчению пограничного режима. Асимметричная базовая основа оставалась, тем не менее, в силе в любом случае. Одновременно дискурс о варварах вызывал на имперской периферии различие между внутри и внешне ориентированным империализмом, что в действительности случается довольно редко. В протяженных приграничных областях империй переходы от внутреннего в внешнему бывают сильно размытыми, поэтому не предопределено, в каком отношении и в какой степени то или иное племя или клан будут настроены про- или антиимперски. В связи с этим дискурс о варварстве раз за разом используется и для семантического укрепления границы, которая иначе попросту была бы смыта или же стала бы неразличимой. Он вводит воображаемую линию разграничения, которая должна компенсировать фактическое отсутствие контуров у империи. Сообщаемая при этом асимметрия не определяется в приграничных регионах империи, но она дает центру уверенность, что границы его владений находятся под контролем.

Понятие варварства было впервые политически осмыслено под впечатлением от греко-персидских войн и от претензий Афин на гегемонию в античной Греции. Варвар стал олицетворением цивилизации, противопоставляемой греческому образцу, за счет чего завоевательная политика афинян приобретала цивилизирующую функцию52. У Геродота варвар характеризуется кочевым образом жизни и беспорядочным сексуальным поведением; он пьет неразбавленное вино, ест сырое мясо и не останавливается перед каннибализмом. Таким образом, имперское цивилизирование означает переход кочевников в приграничных регионах к

оседлости, а также прекращение у них практики человеческих жертвоприношений и каннибализма53. В мире коллективных представлений населения империи именно последнее раз за разом ставится в центр внимания. Помимо рассказов о принесении в жертву людей и о каннибализме имперскую картинку варварства определяет еще и распространенное у кочевников похищение женщин[94].

Как только империя пересекает «августовский барьер», тем самым переходя от экспансионистской к цивилизирую- щей фазе, ощущение угрозы, исходящей от варварства, нарастает, конкретизируясь особенно в образах чисто женской уязвимости. Эта линия может прослеживаться как у римлян и китайцев, так и в европейских колониальных империях — и так вплоть до США времен континентальной экспансии на запад. В модифицированной форме она видна и в начале XXI столетия в картинках и рассказах о порабощенных и насилуемых женщинах, что особенно характерно для оценки этнических (варварских) войн на окраинах зон благополучия54. Такие сообщения ставят перед цивилизованным миром требование при необходимости вмешаться в ситуацию и военными средствами, чтобы добиться соблюдения хотя бы минимальных прав человека в проблемных регионах.

В то время как сообщения о варварской жестокости накладывают свой отпечаток на мир коллективных представлений населения и должны усилить его готовность выступить в защиту имперских границ, оперативная политика империи характеризуется постоянными усилиями по навязыванию ко- чевникам оседлого образа жизни. Их превращение из охотников в крестьян всегда имеет целью создание по ту сторону имперских границ зоны стабильности и мира, снижающее издержки военной защиты от грабящих орд кочевников. Охрана имперских границ теперь возлагается на «разваррвари- зировавшихся варваров».

Альтернативой умиротворению за счет перехода к оседлости является принятие воинственных варваров на службу империи, где они тут же получают задачу по охране имперской границы. В классических мировых империях чаще всего к этому прибегали римляне, а реже всего китайцы. Еще одним примером являются казаки в царской России, а также набранные в колониях военные части европейских колониальных держав. Использование Соединенными Штатами афганских полевых командиров для свержения режима талибов в Кабуле может быть рассмотрено как современный вариант такой рискованной политики по охране имперских границ. Рискованной потому, что кооперация может быстро смениться конфронтацией, ставящей под сомнение претензии империи на

цивилизирование и, наконец, создающей опасность, что поставленные ей на службу и вооруженные ее средствами варвары будут разбиты или частью перейдут на другую сторону. Римская империя, которая в ходе «варваризации армии» дальше всех прошла по этому пути, затем — правда, на Западе, — потерпела военно-политический крах: в VI в. западная половина империи превратилась в мозаику из германских королевств, которые и должны были определить дальнейший ход европейской истории55. Огромное имперское пространство распалось на ряд мелких объединений. Напротив, в Китае в ходе варваризации империи монгольскими завоевателями процесс на долгое время принял совершенно иное течение: ассимиляция варваров там достигла значительно больших масштабов, нежели на западе Римской империи; единство империи в целом сохранилось, вследствие чего завоеватели положились на административный аппарат, многие посты в котором им пришлось отдать представителям покоренного населения56.

У истоков ассимиляции монголов превосходившей их китайской цивилизацией стояло решение монгольского великого хана Угэдэя, сына Чингисхана, о том, что завоеванные китайские территории не будут — как изначально предполагалось — превращены в пастбища для монгольских стад, а с населяющих их китайцев будут взиматься подати, что обещает больше прибыли57. Конечно, монголы и сами не были в состоянии реализовать первый вариант. Но чтобы не попасть в полную зависимость от покоренного в войнах населения, они использовали мусульманских откупщиков, в основном купцов, поддерживавших торговые связи на Шелковом пути между Китаем и Передней Азией; эти откупщики и занимались только обширными регионами, чтобы получить с них большие суммы. Следствием их действий стали тяжелейшие экономические проблемы в Северном Китае. Наконец, откупщиков возненавидели и стали опасаться так же, как и монгольских воинов. То, чем занимались монголы, было формой изъятия прибавочного продукта, при котором имевшиеся социально-экономические структуры не уничтожались одним ударом, а разрушались за счет непрерывного и чрезмерного использования.

С завоеванием империи Сун на юге страны внуком Чингисхана Хубилаем монгольская династия приняла китайское имя Юань и ввела при своем дворе китайский церемониал. Вследствие расширения территорий империи монголы попадали во все большую зависимость от китайских писцов, без них они просто не были способны обеспечить бюрократический порядок на огромных пространствах. Наконец, в 1315 г. в империи вернулись к системе традиционных экзаменов на чин, конечно,

допуская к ним представителей и других этносов, чтобы не попасть в полную зависимость от китайцев хань. Одновременно монголы пытались избежать полной ассимиляции более высокой китайской культурой. Они запретили заключение браков с китайскими женщинами, вели правительственную переписку на монгольском языке и на летние месяцы возвращались назад в Монголию58. С китайской стороны этому противостояла конфуцианская уверенность в преобразующем эффекте культуры, который со временем цивилизует и варварских завоевателей с севера. После краха династии Юань и отступления монголов на север китайское общество все же принципиально поменялось: насилию как средству господства стали придавать большую ценность, а потребность в военной защите против варваров с севера стала ощущаться более отчетливо.

Совершенно иной ситуация была у испанцев, империи которых не угрожало вторжение варваров; «дикари» во вновь открытом Новом Свете воспринимались лишь как объект для цивилизирующих усилий. Цивилизирование их в соот- вет-ствии с имперской миссией Испании заключалось прежде всего в христианизации. Здесь дело было не в том, чтобы сделать кочевников оседлыми, а в том, чтобы покончить с человеческими жертвоприношениями. Каннибальские ритуалы были приемлемы в большинстве индейских сообществ, поэтому испанцы, как аргументировал Франсиско Витория в своем труде «De jure belli Hispanorum in Barbaras»[95] (1539), не просто вмешивались, чтобы освободить возможных жертв, но и добивались владычества, чтобы покончить с продолжением такой практики у местных59. Угрозы для испанской власти «дикари», конечно, никогда не представляли. С начала и до конца Испанской мировой империи они были и оставались объектом империалистической политики60.

Казаки в царской России занимали промежуточное положение по сравнению с римским и испанским методом обращения с варварами соответственно. Так как именно их кочевой образ жизни[96] был предпосылкой для того, чтобы они могли защищать теряющиеся на просторах степей границы империи от атак и набегов извне со стороны кочевых народов, едва ли был интерес в том, чтобы сделать их оседлыми. Риск, на который цари шли при привлечении полуварварских народностей для охраны империи, заключался в сильном тяготении последних к волнениям и грабежам внутри имперского пространства; именно поддержка казачества придала динамику и опасность крестьянским

восстаниям в начале XVIII в.[97] Однако и после более прочного включения казаков в состав русской армии с 1750-х гг. они с точки зрения имперской миссии оставались сомнительным элементом: в связи с их манерой ведения боевых действий у многих русских наблюдателей возникал вопрос, не является ли якобы циви- лизирующая сила Российской империи более варварской, нежели образ жизни населения покоренных областей Кавказа и Средней Азии61.

В течение XIX столетия арабские охотники за рабами и работорговцы в представлениях европейцев заняли позицию варваров, против которых и направлена имперская миссия колониальных держав. Существовавшие уже долгое время формы охоты за людьми и торговли ими, распространившиеся из арабских регионов африканского континента далеко в глубь Черной Африки, использовались для оправдания, а по меньшей мере как предлог захвата европейцами власти в западно- и восточноафриканских регионах62. В ходе своих

притязаний на лидерство европейские державы также обменивались упреками относительно варварской манеры действий своих конкурентов. Так, в Первую мировую войну немцы выдвигали обвинение Антанте в том, что она применяет колониальные войска на европейском театре военных действий и тем самым привносит элемент варварства в боевые действия. Антанта, со своей стороны, обвиняла немцев, так как в ходе вторжения в Бельгию они варварским образом обращались с гражданским населением этой страны63.

Чем сильнее в имперских миссиях выражен цивилизирую- щий компонент, тем резче проступает образ варварства как антипод. Это проявилось и в недавних дебатах о терроризме, особенно о террористах-смертниках. Однако прежде всего угроза варварства сегодня усматривается в резне, связанной с этническими войнами64. Против обоих феноменов— как этнических войн на истребление на периферии благополучных зон, так и прорывающихся в последние террористах — в общественном дискурсе и осмысливалась новая империя, понимаемая как цивилизирующая сила. Однако варвар не только избегает цивилизованных образцов. Если ему удается прорыв в имперское пространство, он одновременно становится угрозой миру и благосостоянию.

Процветание как оправдание и программа имперского господства

Имперская миссия ориентирована прежде всего на элиты центра империи и за счет дискурса о варварстве отграничивает порядок на имперском пространстве от его хаотического окружения, но она же должна обещать процветание и для всего населения империи. При этом исходят не из долговременных задач и воображаемых конструкций, а из реально ощутимых преимуществ, которые империя обещает всем, кто проживает внутри ее границ: имперское пространство объявляется зоной процветания, которую обходят стороной бедность и нищета. Поэтому если имперский порядок распространяется и на периферию, то это является направленным на нее имперским благодеянием. В действительности обещание процветания является одним из самых убедительных аргументов, с которыми империя может оправдать свое существование, ведь во многих случаях ее приграничные регионы являются также и местом перехода от благосостояния к бедности. Действительно ли это именно так, зависит от типа империи и типа осуществления ею своего владычества.

Для степных империй типичным является то, что они не переходят от эксплуатационной к инвестирующей или же к цивилизирующей форме имперского господства. Для них завоеванное пространство остается главным образом трофеем, соответственно с ним и обращаются. Так как завоеванное кочевниками цивилизационно почти всегда преобладает над ними, последние могут основывать свое владычество только на насилии и на грабеже. В таких обстоятельствах сложным оказывается уже укрепление господства; как правило, оно ограничивается более или менее регулярными грабительскими набегами. Здесь едва ли можно построить убедительное оправдание империи на основе обещаний процветания[98].

Однако преимущественно эксплуатационные связи между центром и периферией, как мы уже видели, ни в коем случае не ограничиваются кратковременным господством над территориями в случае степных империй, а вполне могут наблюдаться и на ранних стадиях существования морских империй. Португальское, а также нидерландское торговые владычества в индийском регионе и на юго-востоке Азии имели в основном эксплуатационный и едва ли инвестирующий характер.

В любом случае они основывались на сохранении, а не на уничтожении имевшихся отношений господства и социальных структур, а

формой объединения новых земель был обмен, но не сила. Степные кочевники побеждали и уничтожали существовавший порядок, чтобы завладеть его ценностями и сокровищами; купцы-авантюристы, следовавшие за великими первооткрывателями и создававшие морские империи, примыкали к действующим политическим структурам и производственным отношениям, выстраивая связи между ними, забирая под свой контроль межрегиональную торговлю и организуя экономический обмен на огромных пространствах, устанавливая там для своей выгоды terms of trade65.

Разумеется, сохранившееся длительное время при постепенном возрастании объемов торговли господство европейцев в торговой сфере подрывало обнаруженные ими на периферии социальные и иерархические структуры. Незаметно, но неуклонно подвергались эрозии те условия, от которых были зависимы торговые империи. Они в известной степени подрывались ими самими, и рано или поздно оказывались уничтоженными. Тогда, если империя хотела существовать и впредь, следовало начинать инвестировать ради стабилизации властных отношений и социальной структуры. Эти инвестиции могли быть направлены на развитие инфраструктуры, дальнейшее развитие производственных технологий или на оборудование индустрии, на содержание гарнизонов в крупных городах и на стратегически важных позициях или же на отправку в регионы административного персонала, который обеспечил бы формирование современной системы управления. Тем самым вынужденно повышались и затраты на империю, и центр, проводящий имперскую политику, чтобы заработать больше средств, в этих обстоятельствах почти всегда принимал решение отказаться от прямой ответственности за территории, контролируемые технически и через торговлю, усматривая больше выгоды в коммерции.

Если принять во внимание глобальные закономерности истории мировой экономики, то морские и торговые империи во второй половине XX в. были сменены глобальной экономикой, которая поначалу и в течение некоторого времени функционировала при куда меньших затратах. Могло ли так продолжаться и в дальнейшем, это другой вопрос. К нему мы еще вернемся66.

Переход через «августовский барьер» можно понимать как альтернативу постепенной утраты периферии центром: при этом следует сравнительно рано начать инвестировать в периферию, чтобы заинтересовать ее в сохранении имперского порядка. При этом для имперской политики есть три опции, которые могут быть использованы как

поодиночке, так и, что бывает чаще, в сочетании друг с другом: первая возможность состоит в предоставлении коллективных благ — мира внутри имперского пространства, гарантий законности и верных шансов на развитие и процветание хозяйства, — в чем живущие на имперской периферии принимают участие в той же мере, что и граждане центра, так что из наслаждения преимуществами не может быть исключен ни один из жителей империи.

Кроме предоставления коллективных благ можно повысить и уровень жизни на имперском пространстве, а также сам способ экономических взаимосвязей на этой территории. Предпосылкой этого является значительная диверсификация изготавливаемой в различных областях империи продукции, которой затем можно будет обмениваться внутри имперского пространства. В случае с Римом помимо прочего это проявлялось и в импорте зерна из Сицилии, Египта, Северной Африки, навстречу шел экспорт вина и оливкового масла из Италии67. Экономическая взаимозависимость на имперском пространстве таким образом покоится на том, что региональные натуральные хозяйства сменяются производством в большем объеме, чем увеличивается объем обмениваемой продукции, а сама торговля становится более постоянной. Масштабы, в которых развиваются производство излишков продукции и торговля ими, конечно, в решающей степени зависят от безопасности морских коммуникаций и торговых путей. Предоставление коллективных благ и повышение степени экономической взаимозависимости поэтому теснейшим образом связаны между собой.

Однако империя несет ответственность не только за безопасность торгового пространства; по большей части оно вообще является лишь следствием имперской экспансии: за войсками следуют строители и инженеры, имеющиеся гавани расширяются, закладываются новые, а за счет постройки дорог и мостов имперское пространство превращается в единое экономическое. Крупные программы римлян по строительству дорог во II столетии до н. э., via Appia, via Flaminia и via Aemilia[99], не только основывались на хорошо продуманном взаимодействии между экономическими и военными функциями, но продемонстрировали, что Рим обладает способностями учиться и развиваться для обустройства своей империи. Предпосылками для дорожно-строительных программ были их достижения в строительстве мостов, что позволило проводить идеально ровные дороги. Извилистые тропы старых торговых путей, где можно было обойтись только вьючными животными, а на телеге было не проехать, заменили на прямые и мощеные (то есть проходимые в любое время года)

дороги, что и стало знаком цивилизационных достижений империи. Помимо военных и экономических функций дороги послужили еще и романизации и культурному объединению имперского пространства. При императоре Диоклетиане общая протяженность дорожной сети в Римской империи составила 85 тысяч километров68.

Такое же значение, как для римлян дорожная сеть, для

Британской империи имела железная дорога (а также телеграф, служивший для передачи информации): теперь товары массового потребления могли перевозиться уже не только морским путем, но и по суше, причем быстро и сравнительно дешево. Остальные европейские колониальные державы тоже использовали железные дороги, чтобы экономически привязать центр страны к тем территориям, на которые они претендовали. Торговые пути с моря были продлены в глубь континента и теперь соединяли с экономическим центром империи уже не только прибрежные территории69. (В этой связи заслуживает упоминания то, что система железных дорог, оставленная в колониях европейцами, как правило, была куда больше и современнее той, которой даже несколькими десятилетиями позже располагали страны, сохранявшие независимость.) Причины такого развития событий могут иметь самую разную природу, однако один фактор здесь играет роль всегда: железнодорожные линии были артериями и нервными окончаниями тела империи, и когда она разваливалась, распадалась и ориентированная на нее инфраструктура. В недавнее время можно было наблюдать, как таким крушением инфраструктуры сопровождался распад организованного и контролируемого Советским Союзом торгово- экономического пространства70.

Для царской России рубеж XIX и XX столетий был временем транспортно-технического сплочения громадных пространств, а именно территорий Сибири, что являлось решающим фактором получения возможности успешно выстоять в империалистической конкуренции с западными державами. Министр финансов Сергей Витте был глубочайшим образом убежден, что политическая независимость России во все больших масштабах находится под угрозой из-за ее экономической слабости и что Российская империя в кратчайшее время станет колонией, которую опустошат западные державы, если ей не удастся самостоятельно превратиться в один из экономических центров71. Отстаиваемый Витте проект, таким образом, имел целью большее экономическое процветание, а средством к этому была протянутая на огромных пространствах железнодорожная сеть. Прежде всего в фокусе его размышлений

находилась замена среднеазиатской караванной торговли эффективной рельсовой коммуникацией. Вместе с той идеей, что Россия должна выйти через Сибирь к источникам сырья и рынкам сбыта в Восточной Азии, к которым не имели доступа более развитые экономически конкуренты, развивался и масштабный проект Транссибирской магистрали — центральной соединительной артерии между европейской и восточноазиатской частью России.

Как столь часто бывает, при этом вместе с экономическими свою роль играли и военные соображения: со времен Крымской войны в середине XIX столетия было ясно, что военный потенциал России следует увеличивать не за счет наращивания ее вооруженных сил, а с помощью повышения их мобильности. Так, в ходе Крымской войны перемещение русских резервов из московского региона в Крым продолжалось вдвое дольше, чем перевозка союзной армии из Англии и Франции72. Прусский Генеральный штаб в Берлине опасался повысившейся мобильности русских войск куда больше, нежели их количественного роста. Таким образом, и военные расчеты говорили в пользу форсированной постройки железнодорожной сети, с помощью которой впервые станет возможно быстро перебрасывать крупные массы войск на большие расстояния, а также их снабжать73. Однако вскоре особенно сильно стали сказываться экономические последствия: стоимость транспортировки товаров упала, и так как друг с другом оказались экономически связаны отдаленные регионы, возник импульс к экономическому росту, который повышал уровень процветания империи в целом. При строительстве дорог в Римской империи должно было быть так же: прямым поводом оказались военные соображения о том, что легионы должны иметь возможность как можно быстрее перемещаться вместе со своим снаряжением и продовольствием. Однако в долгосрочной перспективе для империи по меньшей мере столь же важным эффектом от расходящихся словно лучи трасс стала экономическая интеграция, от которой в конечном итоге периферия выигрывала больше, чем центр.

Теперь, конечно, следует добавить, что экономический побочный результат мотивированного военными расчетами развития транспорта сказывается не всегда, а также не всегда в достаточной мере. Именно Россия является тому хорошим примером, ведь ее проникновение на восточноазиатское пространство (в первую очередь попытка поставить под свой контроль север Китая и Корею) привело к столкновению с Японией. Катастрофический для России исход войны 1904- 1905 гг. еще раз продемонстрировал слабость царской империи, причем теперь уже в

военно-морской сфере. Следствием этого была революция 1905 г.[100], которая повсеместно рассматривалась как предвестник предстоящего крушения царской России.

Сравнимое с этим развитие событий можно наблюдать и в случае с Испанией. Здесь проблемой были не протяженные внешние границы империи, а безопасность судоходства через Атлантику. Введение системы конвоев принесло с собой негибкость в экономике, во многом блокировав частную инициативу, ведь Испания — а в этом она напоминает царскую Россию XIX и начала XX в. — в течение XVI и XVII столетий лишь в недостаточной мере сумела экономически интегрировать покоренные ею пространства. Фактически же Испания в западноевропейской экономической системе докатилась до статуса страны, через которую идет транзит в европейскоюжноамериканской торговле74.

Это следовало изменить в ходе ведшихся по неомеркан- тилистской модели реформ. Программа экономического переориентирования была изложена уже в труде Хосе де Кам- пильо-и-Коссио «Nuevo sistema de dobierno economico para la America»[101], рукопись которого была окончена в 1743 г.75Кам- пильо констатировал в своей оценке, что большая часть богатств Латинской Америки остается там же, а связь тамошних хозяйств с метрополией становится все слабее. Таким образом, чтобы повысить способность империи к выживанию, нужно сильнее интегрировать имперское экономическое пространство. Как и Сергей Витте, Хосе де Кампильо исходил из того, что империю можно было бы спасти только за счет реорганизации ее экономических структур, и как министр финансов он содействовал тому, чтобы начались соответствующие реформы. В качестве первой из них он ликвидировал андалусийскую торговую монополию с ее обязательной конвойной системой. За счет либерализации торговли Кампильо хотел увеличить мануфактурное производство в Испании и ослабить контрабандную торговлю. Его главной целью, однако, было то, чтобы испанская Америка превратилась в поставщика сырья и потребителя готовой продукции из метрополии. Тем самым объемы торговли между двумя частями империи резко возросли бы, происходило бы накопление капитала в испанском центре.

Таким образом, Кампильо ставил на диверсификацию товара, которая, однако, должна было лечь грузом на американскую часть империи. В высших креольских слоях Америки это привело к постепенному отделению от испанской метрополии, которая воспринималась не как мотор преобразований, а как тормоз развития. Политическая самостоятельность

обещала лучшие экономические перспективы, нежели это было бы возможно при дальнейшем пребывании в соста-

ве Испанской империи. Таким образом, теперь ждали первой же возможности, чтобы добиться независимости. Предпринимавшиеся в 1780-х гг. попытки более прочной экономической интеграции Испанской империи окончились ее политическим распадом.

Кроме Римской и Британской империй взаимодействие между имперским порядком и экономическим процветанием лучше всего прослеживается на примере Китайской империи: во времена ее распада с III по VI в. торговля, ремесла, а также оборот золота сокращались76, а значит, утрачивало значение и важнейшее средство поддержания общеимперского экономического пространства. После восстановления единства империи начиналось развитие в строго обратном направлении, причем выстраиванием инфраструктуры внутри империи активно занималась в первую очередь династия Тан. За счет прокладывания каналов и дорог она усиливала экономическое взаимопроникновение и тем самым обеспечивала то, что Китай обретал не только политически, но и экономически единое пространство.

Со свержением Тан вновь последовала дезинтеграция экономического пространства, после чего при династии Сун опять-таки дошло до регулируемого подъема за счет углубления внутриторговых связей и увеличения денежного оборота. В течение этого времени был впервые поставлен эксперимент с заменой металлических денег бумажными77. Вероятно, нигде более взаимосвязь между имперским порядком и экономическим процветанием столь прямо и столь отчетливо не проявлялась, как в Китае, что можно было бы объяснить долговечностью империи и ее регулярным восстановлением после периодов крушения и распада.

Введение единой, принимаемой на всем пространстве империи валюты может оказать существенное благотворное воздействие на процветание имперских владений. Конечно, это еще не является предпосылкой для внешней торговли, однако же существенно облегчает последнюю и тем самым приводит к ее распространению и интенсификации. Условием для этого, разумеется, является стабильность валюты и платежеспособность имперского центра. В случаях с Римской и Китайской империями периодически вспыхивающая инфляция имела крайне негативные последствия для торговли на всей территории империи, а также для экономической интеграции имперского пространства, а повторяющиеся государственные банкротства Испании не только обнажили

слабые места империи, но и в значительной мере ослабили ее экономические позиции в Европе.

Конечно, куда большее внимание валюте уделяли британцы, что привело к тому, что фунт стерлингов, выйдя за границы империи, поднялся до положения ведущей валюты в мировой экономике. Именно флот и фунт стерлингов стали костяком империи, и когда британцы в ходе Первой мировой войны превратились из нации кредиторов в нацию должников, это стало началом конца британского мирового владычества. На смену фунту пришел американский доллар, а судьба экономических циклов XX столетия теперь уже решалась не в Лондоне, а в Нью-Йорке.

В качестве третьей опции в гарантировании процветания империи оставались прямые инвестиции в районы периферии, которыми она должна была бы выводиться на экономический и цивилизационный уровень центра. В рамках теорий империализма такие инвестиции объяснить нельзя, а теории империи должны в этом случае обращаться к очень долгосрочным стратегическим расчетам, так как они в любом случае могут быть рассмотрены через имперскую миссию, но не исходя из оперативной политики находящихся у власти элит. Подобные инвестиции, направленные на цивилизирование, в истории империй встречаются постоянно, естественно, не в случае степных империй и не в периоды расцвета морских империй, зато очевидно просто непременно тогда, когда ори

ентированные на морские пути великие державы начинают устанавливать свое господство и на материке или когда про- исходит консолидация континентальных держав. Примером первого случая являются британцы, последнего — китайцы, а Рим вполне можно рассматривать как их смешанный вариант.

Если империям удается решить проблему обещаний процветания, а также за счет дискурса о варварстве возвести воображаемые границы, обеспечив всю силу убедительности имперской миссии и в конце концов гарантировав мир на покоренных ими территориях, то тогда они достигают стабильности и долговечности. Взаимодействие вышеназванных факторов гарантирует продолжение существования империи, и наоборот, если отдельных из них не достает, начинается ее распад. Одновременно к этому прилагают усилия и враги империи.

Крушение империй из-за силы слабых

Целый ряд империй потерпел крушение из-за сильных конкурентов. Они были либо побеждены военными средствами, либо низведены до статуса региональных держав, либо же столь ослаблены, что исчезли с политической карты мира в ходе последовавших за этим революций и гражданских войн. Наполеоновская империя и вильгельмовская Германия — скорее претенденты, нежели уже состоявшиеся империи, — после военного разгрома решением держав-победительниц были сделаны национальными государствами, мощь и силы которых должны были соответствовать функциональным императивам европейской системы равновесия. Их военный крах, пусть и в более драматической форме, являлся повторением крушения Испании в течение первой половины XVII в.1 Напротив, царская Россия, Османская империя, а также Дунайская монархия пошли ко дну вследствие комплекса их внутренних слабостей, военных поражений в борьбе с державными конкурентами и, наконец, восстаний и революций внутри них. В то время как наполеоновская Франция и вильгельмовская Германия были разгромлены непосредственно военным перевесом их противников, в случае России, Австро-Венгрии и Османской империи военные поражения были лишь конечным пунктом уже долгое время шедшего процесса распада, который с помощью вступления в Первую мировую войну собирались, наоборот, приостановить и обратить вспять.

Более показательным, нежели крах империй из-за сильных противников, является случай, когда они были поставлены на колени более слабыми контрагентами, от которых не ожидали сколько-нибудь серьезной угрозы. Если имперские акторы, равные им по силе или даже более сильные, были поставлены на место, это свидетельствует, что они уже не обладали в достаточной мере существенными признаками империалистической державы: мировым господством или же, по меньшей мере, единоличным господством в рамках своего «мира»; они были империями лишь в ограниченном смысле, так как их все же можно определить как державы, у которых в пределах их «мира» нет сравнимых с ними по силе или же даже более сильных конкурентов. То, что мы здесь рассматриваем, является, таким образом, не крахом империй вообще, а лишь взлетом или падением великих держав. Эта проблема разъяснялась в рамках теорий о войнах великих или гегемо- ниальных держав2, однако

они достаточно мало занимались проблемами имперского порядка и его крушения.

Конечно, как уже было показано выше, различия между гегемониальной державой и империей в реальности ни в коем случае не являются столь однозначными и четко выраженными, как того требовал бы терминологический порядок: имперские миры могут пересекаться друг с другом, как это было между Испанией и Англией в XVII столетии или между Англией и Францией в ходе Семилетней войны в борьбе за господство в Северной Америке, а также, наконец, между Англией и Россией на линии конфликта, протянувшейся от Черного моря до Гиндукуша. В зонах наложения миров гегемонист- ские и имперские войны смешивались, и поэтому далеко не всегда ясно, состязались ли здесь между собой за лидерство великие державы или же одна из имперских держав пыталась сломить сопротивление антиимперских акторов. Так называемые опосредованные войны в ходе конфронтации Запад — Восток примерно соответствуют такой схеме: одна из имперских держав рядится в одежды антиимпериалистической и поддерживает движение сопротивления на имперской периферии противника, чтобы тем самым подогревать гегемониальный конфликт, который вследствие наличия у обеих сторон атомного оружия уже нельзя перевести в стадию большой войны.

Таким образом, не всегда ясно, действительно ли империи, вступая в конфликт на своей периферии с более слабыми антиимпериалистическими акторами, имеют дело только лишь с ними или же за ними стоит центр другого имперского «мира», который использует эту возможность, чтобы способствовать поражению мощного конкурента в борьбе за гегемонию в его «мире» или же на ничей территории между «мирами». Приводя здесь лишь самые важные из примеров, можно указать, что с США так поступили во Вьетнаме, а с Советским Союзом — в Афганистане.

Прежде чем конкуренты в борьбе за гегемонию получили в свое распоряжение атомную бомбу, а также соответствующие средства ее доставки, а потому стали невозможными большие войны за гегемонию, мелкие империалистические войны на периферии империи всегда таили в себе опасность, что они перерастут в гегемониальные, если там пересекутся зоны интересов и влияния кандидатов в империи. Это также можно наблюдать в том неприятном положении, в котором оказались европейские державы в Первой мировой войне: для австрийского начальника генерального штаба Конрада фон Гётцендорфа война против Сербии, к которой он стремился целенаправленно, была мелкой империалистической войной, в которой должен был быть поставлен на

место, а то и ликвидирован постоянный нарушитель внутреннего спокойствия в Дунайской монархии. Несмотря на проблемы, которые имели австро-венгерские войска в первый год войны с сербской армией[102], не было никаких сомнений в том, что они в конце концов военным путем разделаются с Сербией; тогда речь шла бы уже о еще одной из многочисленных балканских войн, в которой региональная лидирующая держава пытается изменить расстановку политических сил в зависимости от своих представлений и интересов. Однако Россия, полагая себя защитницей славян на Балканах, а потому далеко раздвинувшая зону своего имперского влияния, начала поддерживать сербскую сторону, объявив для этого общую мобилизацию, что превратило мелкую империалистическую войну в большую и гегемониальную. Вследствие нее лидирующее положение Европы в мире подошло к концу.

Так как империалистические войны по сути своей ограничены пространственно, а гегемониальные, напротив, имеют сильную тенденцию к расширению конфликта и к вовлечению в войну все новых и новых регионов, становится ясно, что антиимпериалистические акторы имеют склонность к тому, чтобы сделать свою борьбу против имперского владычества составной частью какой-либо гегемониальной войны. Если это им удастся, то шансы на успешное отстаивание их политических намерений повысятся.

Как политическое, так и военное руководство Германской империи с самого начала осознавало, что конфликт между Веной и Белградом в случае немецкого вмешательства перерастет в большую гегемониальную войну, которая затем и в территориальном смысле уже не будет ограничиваться обычной для балканского региона империалистической войной. Если же все-таки пришлось бы расширить территориальные рамки войны, то следовало ее ограничить хотя бы по сроку, ведь полагали, что только так ее можно будет выиграть. Это была исходная точка плана начальника немецкого генерального штаба графа Альфреда фон Шлиффена, который предусматривал быстрый разгром Франции, чтобы затем все силы можно было сконцентрировать на противостоянии с Россией. Временное ограничение в перспективе становилось для Германской империи более важным, ведь при затяжной войне по геостратегическим причинам она должна была опасаться неудачи. При принципиально наступательном способе ведения войны в игру вводили дополнительное пространство для того, чтобы удерживать под контролем временной ход войны. Это была крайне рискованная партия, и когда стало ясно, что дело принимает серьезный оборот, в Берлине попытались

остановить ход событий3. Однако в последние дни июля 1914 г. было уже слишком поздно. Австрии была оставлена свобода действий для ее ограниченной империалистической войны против Сербии в целях наведения порядка, однако условия, чтобы последняя не превратилась в гегемониальную войну с совершенно иными измерениями и последствиями, нежели империалистическая война на европейской периферии, в достаточной мере обеспечены не были4. А с переходом от империалистической к гегемониальной войне был утрачен и временной суверенитет.

Как раз на сербском примере еще раз хорошо проявилась разница между шансами на успех империалистической политики в Европе и на других континентах: в то время как США могли вести свои мелкие империалистические войны в Центральной Америке, в Карибском бассейне и, наконец, в акватории Тихого океана, не сталкиваясь с другими великими державами — разумеется, в ходе испано-американской войны 1898 г. они имели дело с одной державой, но не с коалицией великих держав5, — в Европе всякая империалистическая война подвергалась опасности перерасти в большую гегемо-

ниальную. Царская Россия также могла вести свои империалистические войны на Кавказе и в Средней Азии без опасения из-за них быть втянутой в гегемониальный конфликт. Только в Восточной Азии в связи с быстрым превращением Японии в державу с имперскими притязаниями было иначе, и война, которую русские в 1904 г. планировали как империалистическую, уже очень быстро превратилась в более крупную геге- мониальную, в которой они потерпели ряд тяжелых поражений, а позиции России в Европе пошатнулись[103].

Великобритания также могла вести свои империалистические войны так, чтобы при этом не задевать интересы своих гегемониальных конкурентов. Это касается как оккупации Египта, так и последовавшей за нею войны в Судане против Махди из Хартума[104]—этого, если угодно, самого раннего проявления исламизма, — а также англо-бурской войны в Южной Африке, когда германский кайзер в своей «крюгеровской депеше» высказал симпатию делу буров, однако фактической поддержки им не оказал.

Наибольшим для британцев был риск превращения империалистической операции в гегемониальную войну в 1898 г., когда экспедиционный корпус лорда Китченера у деревни Фашода в южном Судане наткнулся на маленький французский отряд капитана Маршана, и

конкурирующие империалистические державы неделями стояли в готовности вступить в бой друг с другом6. Но в Африке компромиссы и отступления были возможны, а в Европе о них никто и думать не смел. Одновременно войны против гражданского населения в Африке, на Кавказе, в Карибском бассейне или же на Филиппинах можно было вести со всей жесткостью, а в Европе это вызвало бы волну протестов. Иначе говоря, в Европе все войны имели тенденцию к симметрии; вне Европы были возможны асимметричные формы боевых действий, в которых в полной мере сказывалось технологическое, а также организационное превосходство империалистических держав. Вследствие этого проблема imperial overstretch[105] стояла прежде всего на внеевропейских пространствах, и она сравнительно быстро оказалась связана с вопросом, есть ли (и при каких обстоятельствах) у антиимпериалистических акторов шансы проводить свою политическую линию вопреки асимметрично превосходящим их империям. При этом антиимпериалистические акторы должны были найти ответ на вопрос, как превратить свои слабые стороны в сильные.

Виды империалистического перенапряжения

Наблюдение за империалистическим перенапряжением и его долгосрочными последствиями для стабильности империй восходит к Эдуарду Гиббону, который в своей монументальной работе «История упадка и разрушения Римской империи»[106] (1776-1788) обращался к примеру Рима, однако постоянно бросал взгляд на современные ему процессы развития Великобритании, видя опаснейший из вызовов всякой империи в ее стремлении к чрезмерному захвату территорий и к принятию на себя почти неограниченных задач и обязательств.

В новейшей литературе это явление называют overstretch overcommitment[107]. В экзистенциальных интересах империй уходить при возможности из тех регионов, которые имеют меньшее значение, и избавляться от решения тех обязательств, которые были приняты лишь при определенных условиях. Именно в этом отношении императивы самосохранения империй и функциональные принципы мира, состоящего из государств, расходятся: империи получают тем больше стабильности, чем менее они связаны пространственно и чем меньше позволяют обязывать себя договорами; система государств, напротив, тем более мирно и стабильно существует, чем прочнее зафиксированы территориально пределы входящих в нее стран и чем больше заключено об этом договоров7.

Классическим для империалистического перенапряжения является чрезмерное расширение контролируемых территорий. Уклонение от перспективы перенапряжения при этих обстоятельствах почти всегда фактически означает то же, что и отказ от новых рубежей и задач на той или иной территории. Однако такое представление о перенапряжении и чрезмерных притязаниях основано главным образом на континентальных империях, а для морских империй прошлого подходит только до некоторой степени. В случае с ними риск территориального перенапряжения появляется лишь тогда, когда они продвигаются от гаваней и торговых центров в глубь континента, где попадают под те же условия, что и классические континентальные империи. У морских империй при этом есть подвижность флота, которая может смягчить проблему чрезмерных пространств8: в отличие от армейских подразделений, применяемых при охране границ, в случае с флотом речь идет о перманентно находящемся в движении инструменте контроля и защиты, у которого растягивание

охраняемых им коммуникаций не ведет к пропорциональному увеличению потребностей и стоимости содержания. Только поэтому такая маленькая страна, как Португалия, вообще оказалась в состоянии настолько расширить сферу своего торгового господства в Индийском и Тихом океанах и поддерживать ее на протяжении более чем столетия. И еще более верно это для Британской мировой империи, мощь которой определялась количеством ее эскадр, а также качеством судов, навигационными навыками их экипажей и компетентностью адмиралов в маневрах военно-морских сил на большие расстояния. Сокращение времени необходимых стоянок судов в гаванях для мощи Британской империи имело почти такое же значение, как ввод в строй новых кораблей.

Подобные резервы эффективности у классических территориальных империй в деле охраны границ и внутреннего пространства отсутствуют, и потому проблема империалистического перенапряжения для морских и континентальных империй соответственно выглядит принципиально по-разному. Подчеркнем: для морских империй решающей проблемой является не пространственная протяженность, а недостаток технологического развития. Поэтому они должны следить за тем, чтобы лишь часть их ресурсов была направлена на современные технологии судостроения и вооружение, а другая часть всегда оставалась бы свободной, чтобы форсировать новые изобретения и иметь возможность их применять в больших масштабах, прежде чем ими завладеют конкуренты. И вовсе не случайно то, что первая крупная гонка вооружений имела место именно в военно-морском деле, причем между Великобританией и кайзеровской Германией9.

Значение технологического превосходства только возросло с включением в сферу имперского господства воздушного пространства, а с выходом в космос оно увеличилось еще больше. Проблема растягивания территориальных границ теперь не играла почти никакой роли. Следовательно, ответом на империалистическое перенапряжение теперь не мог быть возврат к прежним границам. При пристальном взгля

де американская империя располагает лишь виртуальными границами, которые могут быть очерчены оборонными технологиями возможных контрагентов: за счет наличия у них атомного оружия и соответствующих средств доставки. Впрочем, американская империя на основании своего почти неограниченного господства в воздушном пространстве фактически безгранична. Уход с территорий, контролируемых США вследствие технологического превосходства, который согласно территориальной модели мог бы быть описан как выпрямление фронта, теперь невозможен.

Прежде всего в том, что касается воздушного и космического пространства, такой уход был бы равносилен крушению империи.

Остаются риски империалистического перенапряжения на той территории, где технологическое превосходство может быть использовано лишь условно. Поэтому антиимпериалистические акторы в данном случае уверены, что их технологическая отсталость по сравнению с имперскими вооруженными силами может быть компенсирована за счет усиленной боеготовности и самопожертвования. Воспоминания об эпохе партизанских войн, начиная с успехов советских и югославских партизан против германских оккупационных властей и их союзников в разгар Второй мировой войны и заканчивая выводом советских войск из Афганистана10, еще живы, и из них подпитываются надежды антиимпериалистических акторов на то, что таким способом ведения боевых действий можно победить и самую современную и молодую империю. В действительности финал европейских колониальных империй был существенно ускорен партизанскими войнами в Азии и Африке, и ни США, ни Советский Союз во Вьетнаме и Афганистане оказались не в состоянии одолеть ведущего партизанские боевые действия противника; после долгих лет войны они в конце концов вынуждены бьии отступить из-за истощения.

Несмотря на свое громадное превосходство, империи могут быть побеждены в наземной войне, если они встретились с решительным противником, который избегает вступления в решительное сражение и вместо этого затягивает войну, превращая ее в длительное противостояние11. В истории можно найти многочисленные примеры: от сопротивления германских союзов племен продвижению римлян к Везеру и Эльбе и партизанской войны в Испании против наполеоновских войск до антиколониальных войн, в ходе которых распались европейские колониальные империи. В этих войнах антиимпериалистические акторы воспользовались проблемой империалистического перенапряжения и масштабами пространств, на которых действовали империи, для того чтобы выявить их слабости: империалистическое перенапряжение конкретизировалось в растягивании линий снабжения, которые оказывались тем уязвимее, чем длиннее они становились. Чем дальше территориально продвигалась империя, тем многочисленнее становились атаки даже мелкими группами противника, когда можно было нанести существенный урон имперской державе за счет повторяемости таких атак. Не считая редких исключений12, антиимпериалистические акторы делают успехи не на поле боя, а благодаря тому, что они изматывают империи, распыляя их силы и тем самым вынуждая к отступлению.

Военный теоретик Карл фон Клаузевиц в контексте ведения обычных военных действий обозначил проблему перенапряжения термином «кульминационный момент наступления». Этот момент кульминации сопряжен с особой трудностью, которую Клаузевиц обозначил как убывающую силу атаки; для него это «главная категория стратегии»13: чем дальше атакующий продвигается на территорию противника, тем более он лишается своей абсолютной мощи. Это ослабление вполне компенсируется в том случае, если мощь противника вследствие такого продвижения тает быстрее, а потому потеря своей мощи вполне может принести выигрыш в соотношении сил. Однако, как предполагал Клаузевиц, это возможно лишь на ограниченных пространственно театрах военных действий, в то время как там, где противник располагает значительной стратегической глубиной, соотношение сил меняется как раз в строго обратном направлении: там продвижение атакующего стоит ему большего количества ресурсов, нежели его противнику оборона. Но и это может привести атакующего к его цели, конечно, лишь в том случае, если противоположная сторона будет измотана войной, а потерю сданных территорий уже далее нельзя будет компенсировать, из-за чего потребуется быстрое заключение мира. «Атакующий приобретает преимущества для мирных переговоров, которые он мог бы отстаивать, хотя он должен оплачивать их за счет своих вооруженных сил»14.

Меркантильные метафоры Клаузевица в отношении военных событий делают более наглядной проблему перенапряжения. Однако избегать ее при любых обстоятельствах нецелесообразно, порой она может привести и к желаемому успеху; сложность заключается в том, что следует платить заранее, и не ясно, будут ли потом вознаграждены подобные «инвестиции». Многое зависит от реакции противника, которую точно предугадать невозможно. Если он сможет подвести атакующего к кульминационному моменту, то происходит смена ситуации, неудача, «масштабы которой... обычно значительно превосходят силу удара»15. Партизанская война, вне зависимости от ее стратегических и тактических особенностей, позволяет ведущей ее стороне рассматривать политическое решение об отказе от мирных переговоров16. Стратегический расчет последнего состоит в том, что атакующая сторона перманентно вынуждена платить, не получая, однако, взамен никаких предложений о мире или капитуляции; из-за этого она все более истощается и должна спустя некоторое время уже со своей стороны предпринимать попытки вступления в переговоры или же начинать отступление. Генри Киссинджер выразил эту проблему в своем известном выражении, что партизаны выигрывают, если не проиграют, а

обычные вооруженные силы, напротив, проигрывают, если не выиграют17. Риск империалистического перенапряжения заключается в том, что именно такой механизм и приводится в движение.

Сделанные Клаузевицем военно-стратегические умозаключения о кульминационном моменте атаки нашли свое непосредственное отражение в теориях об империалистическом перенапряжении. Есть тезис Чалмерса Джонсона о том, что ЫошЬаск[108] угрожает США особенно в тихоокеанском регионе: ведь там они будто бы уже перешли к кульминационному моменту экспансии, и первые признаки грозящего поражения будто бы уже вполне различимы18. Направленное в адрес США некоторыми аналитиками предупреждение о том, что они должны избегать перехода от гегемонии к империи, так как в случае провала империи они лишатся и гегемонии19, также построено на модели кульминационного момента и неудачи. При этом теорема Клаузевица в данном случае упрощается, ведь решением проблемы, пусть и уже в непосредственной близости от кульминационного момента, становится лишь принципиально сдержанное поведение. Конечно, Клаузевиц так не думал. Его совет не сводился к последовательному избеганию рисков, ведь он был убежден, что некоторые вызовы могут быть парированы только тогда, когда при необходимости принимаются рискованные решения: «Если вдуматься, из скольких элементов образуется соотношение сил, то становится понятно, как тяжело в некоторых случаях обойтись тому, кто из двух сторон обладает превосходством в силах. Зачастую все повисает на тонком волоске воображения»20.

Если абстрагироваться от того, что Клаузевиц строил свои выводы на основе территориальной модели маневра, уже не актуальной для морских империй в современную ему эпоху, а также не принимать во внимание, что за счет выхода в воздушное и космическое пространство дело дошло до «детерри- ториализации» военных навыков, то в принципе его теорема вполне применима и для современной расстановки сил. Особенное значение при этом получает клаузевицевское указание на многочисленные неизвестные в раскладе сил, которые сегодня еще сложнее учесть, нежели в его времена. Соответственно, вопрос о возможном перенапряжении теперь уже не может быть сведен к соотношению между имеющимися вооруженными силами и размерами контролируемых территорий, прежде всего следует учитывать экономический потенциал имперской державы, а также «моральное» состояние его населения. Оба аспекта определяют устойчивость державы, а так как партизанская война концентрируется на том, чтобы измотать противника, политическую волю которого сломить не

удается, оба фактора приобретают определяющее значение.

Риск империалистического перенапряжения, таким образом, заключается в основном в том, что ресурсы империи начинают истощаться, и этот риск становится тем больше, чем более точно знают антиимпериалистические силы, какие из ресурсов у империи особенно ограничены и какие в общем- то могут быть неистощимы. А потому вовсе не случайно, что многие вожди антиимпериалистических войн предварительно проводили долгое время в имперском центре и там могли ознакомиться с сильными и слабыми сторонами империи. Однако еще до того, как дойдет до угрожающего уровня сокращения материальных ресурсов империи, готовность стойко держаться у населения имперского центра уже бывает истощена. Поэтому «моральное» состояние населения империи становится главной целью атак антиимпериалистических акторов, и неважно, придерживаются ли они стратегии партизанской войны или же практикуют терроризм.

Римская и Китайская империи еще могли быть побеждены их противниками военным путем; это также касается и Испанской, и Османской империй, однако уже не верно для Британской державы и, конечно, для царской России. Ни Наполеон, ни Гитлер не сумели атаковать непосредственно Великобританию, а стратегия непрямых действий, примененная в Северной Африке, также не принесла желаемого успеха. Закат Британской империи был экономического рода, и он происходил медленно и постепенно между 1914 и 1956 гг.21 Затраты и потери, которые понесла империя в двух гегемониальных войнах в Европе, а также в войне с Японией за свои восточноазиатские колонии, так ослабили страну, что она уже не могла решиться на растянутую на долгий срок оборону своих колоний, требовавшую сопротивления разнообразнейшим движениям за независимость, и потому, как правило, отступала без боя22. Империалистическая мудрость и предусмотрительность британцев проявилась и еще в одном: они, в отличие от французов, поняли, что границы империи слишком растянуты и придется отодвинуть их назад. То, что в конце концов они почти совпали с границами метрополии, проявилось в принятом в конце 1940-х гг. решении предоставить независимость Индии, ядру империи, что тогда никто и представить себе не мог. Тем самым на долгое время было сохранено представление, что Empire фактически продолжает существовать под видом Commom-wealth[109]23.

Не считая немногочисленных исключений в виде Кении и Бирмы, британцы отказались от того, чтобы сохранять свою империю военными

средствами. Французы, напротив, пытались сделать именно это и в Индокитае потерпели военное поражение, а в Северной Африке — экономическое и психологическое. После капитуляции крепости Дьенбьенфу в болотах на важнейшей линии коммуникаций между Лаосом и Вьетнамом в мае 1954 г. война за Индокитай была проиграна на поле боя — не в последнюю очередь потому, что США отказались предоставить материально-техническую поддержку, что позволило бы продолжить боевые действия24. В Алжире же, наоборот, ситуация была совершенно иной: там было более миллиона французских поселенцев, которые вполне натурализовались в стране, и можно было обратиться за существенной поддержкой со стороны алжирских военных соединений; была известная поддержка и среди средних слоев населения страны, которые поначалу выказывали интерес не к независимости от Франции, а к получению полных политических прав. После продолжавшейся восемь лет войны, приведшей к глубочайшему расколу французского общества, Франция была столь потрясена экономически и деморализована психологически, что в 1962 г. Эвианскими соглашениями приняла независимость Алжира25. Война в Алжире, которая французами велась решительно с политической и компетентно с военной точек зрения, показала, что колониальные державы могут быть политически побеждены и тогда, когда их не могут разбить военными средствами. Францию удалось измотать экономически и психологически средствами партизанской войны26.

Война в Алжире стала образцом для всех антиимпериалистических или антиколониальных войн 1960-1980-х г., от Вьетнама, Мозамбика, Намибии и Анголы до Афганистана. То тут, то там партизаны пытались превратить военное присутствие великих или колониальных держав за пределами их метрополии в форму империалистического перенапряжения. С точки зрения партизанских движений применение военной силы уже не могло служить тому, чтобы, как в классических межгосударственных войнах, сделать противника беззащитным и навязать ему свою политическую волю; оно становилось лишь способом экономически ослабить противника и тем самым медленно изматывать и крушить его политическую волю. Спустя некоторое время, согласно расчетам, в имперском центре обнаружат, что присутствие на периферии стоит существенно больше, нежели приносит, и тем самым будут подкреплены позиции тех политических сил, которые уже более не готовы нести бремя имперского присутствия в отдаленных частях света. Так было в США, где средний класс все сильнее протестовал против политики правительства во Вьетнаме, затем в Португалии, где группа высших офицеров с помощью

военного путча начала процесс ликвидации колониальной империи, и, наконец, в Советском Союзе, где реформаторы вокруг Горбачева настаивали на скорейшем окончании операции в Афганистане, потому что, по их мнению, она блокировала возможность внутренних реформ в СССР.

Империалистическое перенапряжение, таким образом, не является некой конкретной величиной, которая могла бы быть точно подсчитана по теоретическим выкладкам геополитики или же геостратегии. Повторное открытие партизанской стратегии в ходе Второй мировой войны, а также последовавшее за этим желание мира в европейских сообществах и не в последнюю очередь их концентрация на восстановлении разрушенного континента весьма существенно способствовали тому, чтобы линии империалистического напряжения были переосмыслены заново. Кроме того, состоялась еще и политическая мобилизация населения на периферии, и вдруг однажды территории, которые десятилетиями, если не столетиями, оставались надежными частями империи, превратились в регионы империалистического перенапряжения. Именно это и имел в виду британский премьер-министр Гарольд Макмиллан, когда в 1960 г. во время своего турне по Африке говорил, что над империей подул «ветер перемен»'[110]27. Там, где ранее о перенапряжении не было и речи, теперь констатировалось его наличие, и помимо ослабления имперских центров решающее влияние на это оказало усиление периферии.

Ослабление центра можно наблюдать по статистическим данным, а вот усиление периферии вовсе нет: к началу деколонизации ни о каком экономическом рывке колоний, протекторатов и подмандатных территорий говорить не приходится; их усиление проявляется почти исключительно в том, что они демонстрируют развитую волю к независимости и готовность к тому, чтобы принести ради этого значительные жертвы. Остались в прошлом времена, когда британцы несколькими сотнями чиновников администрации и парой тысяч солдат могли контролировать громадные территории. Стремление к самостоятельности на периферии радикально повысило траты на господство над нею, и прежде всего из- за этого линии империалистического перенапряжения были полностью передвинуты.

Те, кто после крушения Советского Союза отстаивал тезис об определенном и явном конце империй28, опирались в основном на приведенную выше схему развития событий. Они, однако, предполагали, что империалистическое перенапряжение есть величина динамическая, которая изменяется не только за счет ресурсов конфликтующих сторон и желания их использовать, но и благодаря форме имперского владычества, позволяющей по-новому оценить и взвесить ресурсы для установления

господства и для сопротивления. Империя Соединенных Штатов перенаправлена с господства над территориями на контроль за потоками (капитала и информации, товаров и технологий), в ходе чего она отказывается захватывать территории на суше, потому что куда эффективнее и дешевле контролировать их с воздуха, а то и из космического пространства. В связи с этим классические формы партизанской войны как инструмента повышения стоимости имперского владычества лишились значительной части их прежней действенности. Они стали скорее средством, используя которое полевые командиры проводят свои войны за ресурсы29, а вот угрозы для инструментов глобального контролирования американской державы они уже не представляют. Бомбардировщики «стеле» и крылатые ракеты для партизан недосягаемы, и упорная поддержка их населением конфликтных регионов мало помогает бойцам сопротивления, ведь их военные цели расположены за пределами этих областей.

Издавна обустройство асимметричного перевеса в силах было средством, за счет которого имперские акторы оказывались в состоянии передвигать линии перенапряжения и тем самым открывать для себя новые пространства, которые иначе остались бы для них закрыты. Это верно уже для классических империй римлян и китайцев: по сравнению с противником их армия была эффективнее организована, лучше вооружена, и, как правило, управлялась более осмотрительно, однако решающим было то, что империя делала данный перевес постоянным, то есть могла провести его своеобразную институционализацию. Конечно, при этом речь шла о довольно слабо оформленной асимметрии30, которая, как правило, вполне могла быть компенсирована за счет соответствующих усилий противника — будь это копирование им имперской военной организации, приглашение им ремесленников и инженеров и использование их знаний и навыков для противостояния империи31.

Куда сильнее было асимметричное превосходство имперских держав в случае морских империй, ведь их снабженные пушками военные суда являли собой технологию, которая для потенциальных противников на периферии была недосягаема, а для управления ими необходимы были такие навигационные навыки, которыми противная сторона не обладала32. После промышленной революции такая огромная асимметрия распространилась и на военные действия на суше. Символом этого стало сражение при Омдурмане (1898), где британский экспедиционный корпус лорда Китченера с помощью своей артиллерии, прежде всего за счет использования новых пулеметов «Максима», разгромил превосходящие его

в разы по численности войска Махди из Хартума. Однако не победа как таковая была отражением асимметричного превосходства, а потери, которые обе стороны понесли в сражении: британцы лишились 48 солдат, а суданцы не досчитались 13 тысяч33.

До тех пор, пока антиимпериалистические акторы на периферии выступают против настолько превосходящего их противника в симметричной форме, их поражение неотвратимо. Лишь когда они начинают уже со своей стороны развивать асимметричные формы ведения боевых действий, избегая сражений, уже не решаясь на фронтальные атаки и вместо этого нападая на колонны снабжения и небольшие отряды, им удается частично компенсировать свое технологическое и организационное отставание. За счет технологического развития, а также стратегической и тактической креативности, за счет перемен в имперском контроле, а также способности антиимпериалистических акторов политически мобилизоваться линии империалистического перенапряжения отодвигаются все дальше. Предположение, что этот процесс в наши дни радикально замедлился или же зафиксировался на границах государств, мало убедительно. Только теперь новые линии империалистического перенапряжения следует искать не на географических картах, а скорее в потоках капитала, информационной конкуренции и овладении результатами технологических революций и стратегическими инновациями. Соревнование между технологической инновацией и стратегическо-тактической изобретательностью по-прежнему продолжается.

Политическая мобилизация и военная асимметрия: стратегии антиимпериалистических акторов

На основании стремления к самосохранению империи стремятся исключить доступ конкурентов, но прежде всего возможных антиимпериалистических акторов, к имеющим военное значение инновациям34. Чем больше их превосходство зависит из технологического преимущества, тем сильнее они задумываются о сохранении тайны и нераспространении. В системе европейских государств этот вариант, однако, никогда не срабатывал; все открывающие новую эру технологии в кратчайшее время распространялись как минимум среди западно- и центральноевропейских конкурентов35. Вероятно, именно поэтому на просторах Европы и не смогла возникнуть ни одна долговечная империя; возможно, однако, и наоборот: здесь никогда так и не дошло до отстранения других стран от технологических достижений, так как не было империи. То, что при условиях обоюдности конкурирующих держав являлось агсапатреги, то есть государственной тайной, к которой принадлежало содержимое военного бюджета, тайные договоры с другими государствами, директивы на случай войны или кризиса и многое другое36, в случае крупных, господствующих в своем «мире» империй оставалось тайной их технологического превосходства, которую следовало защищать при любых обстоятельствах.

Одним из средств здесь является предоставление гарантий безопасности: ими империя обязуется защищать своих друзей и союзников от атак, при этом она воздерживается от приложения серьезных усилий, чтобы поднять их до технологического уровня лидирующей державы. Чем более державы оказываются в состоянии это сделать, тем скорее империя будет пребывать в готовности предоставить им соответствующие гарантии безопасности. Примером является ядерный «зонтик», которым в ходе холодной войны США укрыли Западную Европу и Японию. Империя сохраняет свое преимущество тем, что позволяет и другим получить долю от его позитивных эффектов37. А другие, соответственно, за исключением Франции, с удовольствием «покупают» это своим отказом от развития своей собственной технологии в сфере атомного оружия, так как освободившиеся средства они могут инвестировать в другие отрасли или

же получают возможность направить их на увеличение социальных выплат. Такую форму имперской политики, как уже было показано, можно наблюдать еще в союзной политике афинян, но при этом ее полагают «империей по приглашению»38.

Куда сложнее оказывается ситуация, если более мелкие конкуренты или же, возможно, даже антиимпериалистические акторы пытаются ликвидировать военную асимметрию, овладевая системами вооружений, за счет которых они могли бы впоследствии стать для империи симметричным конкурентом. Именно это и позволяют сделать атомное вооружение и соответствующие средства его доставки: Северная Корея была бы с общемировой точки зрения политически незначительной величиной, в лучшем случае регионального значения, если бы не обладала атомным оружием. Здесь речь шла бы лишь об одной из бедных стран, которую можно всерьез не воспринимать уже потому, что она не имеет никаких природных ресурсов, которые бы представляли интерес для мировой экономики. Атомное оружие, если можно так выразиться, является функциональным эквивалентом стратегических ресурсов. Оно может компенсировать недостаток последних. Но прежде всего оно делает небольшую и слабую в общем-то страну в перспективе неуязвимой для имперской державы, предоставляя этой стране существенный потенциал для угроз. Поэтому целый ряд стран весьма заинтересован в собственном атомном арсенале, вместо того чтобы оставаться под защитой империи или гегемониальной державы.

Подобное развитие событий не может принять ни одна империя, без того чтобы не потерять при этом престиж и власть, а потому она будет стремиться активно этому противодействовать. После окончания конфликта Восток — Запад США, сначала шаг за шагом и осторожно, а затем все более решительно и целеустремленно, стали переходить от политики препятствования распространению за счет договоров к политике активного противодействия распространению (то есть военного разрушения имеющихся атомных потенциалов еще до того, как их смогут применить): кто не соглашался подписать договор о нераспространении атомного оружия, кто тайно или явно полагал, что тем или иным путем вскоре сможет вступить в клуб атомных держав, тот оказывался перед массивным натиском США. Нигде это не проявилось столь же отчетливо как здесь, ведь сообщество государств все же состоит не из равных — это касается не только действительной величины или силы, но и возможности стать равными. Политика нераспространения и в большей степени противодействие распространению являются формами активного

противодействия равным. При этом аргумент, что атомным оружием могут завладеть террористы, зачастую является лишь предлогом к тому, чтобы его не смогли получить в свое распоряжение государства.

Переход от политики атомного устрашения к активному контрраспространению проявляется в первую очередь в изменении арсенала: атомные мини-заряды с взрывной силой меньше чем в одну килотонну, а также специальные мини-заряды для поражения защищенных подземных объектов[111], так называемые «разрушители бункеров», — вот типичное орудие активного противодействия распространению, для которого уже введено было понятие войны за разоружение. Объявленная в сентябре 2002 г. доктрина Буша39 сводила воедино ход событий, который начался задолго до этого, и приспосабливала его для политических директив политики США40.

Существенной предпосылкой для проведения сформулированной в доктрине политики превентивности или активного предотвращения нежелательных последствий было декларирование асимметричного превосходства американских вооруженных сил не только в атомной, но и в сфере конвенционного оружия. Основой для этого превосходства является монопольное положение США в космонавтике, которое американские военные должны более активно использовать для целей ведения боевых действий или же при соприкосновении с противником. Тем самым будут устраняться случаи партизанской войны, направленной против их войск, а противнику не будет оставлено ни одного шанса для атаки обозных частей, постов охранения или мелких отрядов. Прежде всего применение высокотехнологичного вооружения и сил специального назначения должно минимизировать шансы противника на то, чтобы ответить на асимметричное превосходство собственной асимметричной стратегией41. Планируется избегать собственных крупных потерь, но при этом по возможности быстро покончить с боями. В ином случае готовность населения принимать участие в войне может быстро ослабеть, а политическая поддержка применения войск и вовсе исчезнет. Вот ахиллесова пята империй, которые ведут на своих окраинах не грабительские войны, а операции по умиротворению, и в это слабое место целить тем легче, чем сильнее имперские правительства подвержены демократическому контролю и чем более распространен постгероический образ мыслей.

Попытку подчиненных государств за счет разработки или получения атомного оружия и ракет большой дальности встать на позицию относительного военного равенства с империей можно рассматривать как

политику восстановления симметрии, в финале которой — если все страны Земли обзаведутся атомным оружием — вновь будет выстроена симметрически-обоюдная структура мировой политики. Восстановление симметрии за счет распространения атомного оружия восстановит прежнюю обоюдную остроту в мировой политике в куда более радикальной форме, так как обладание атомным оружием сможет сделать неважными все прочие различия между государствами, вроде количества жителей, мощи экономики, наличия конвенционных вооруженных сил, величины территории и так далее. Учитываться в политическом смысле будет лишь разрушительность атомного потенциала государства. Как писал английский политический мыслитель Томас Гоббс, равенство всех людей в естественном состоянии основывается на том обстоятельстве, что там каждый может убить каждого и даже слабейший может лишить жизни сильнейшего с помощью хитрости и коварства42, так что в случае атомного вооружения во всех государствах и в международных отношениях будет господствовать радикальное равенство. Однако для этого состояния будет вполне актуально и еще одно свойство, которое Томас Гоббс относил к естественному состоянию, а именно: жить будут в «постоянном страхе и опасении насильственной смерти», потому «человеческая жизнь будет простой, бедной, противной, зверской и короткой»43.

Лишь получение всеми странами атомного вооружения приведет к восстановлению симметрии в военно-политическом раскладе сил во всем мире, а это вовсе не является приемлемой политической возможностью, если ее вообще стоит принимать во внимание, ведь и в таком случае страны могут развалиться, а вооружение может быть оставлено субгосударственным, а то и частным акторам44. По этой причине политика, основанная на сохранении имперской асимметрии, на нераспространении атомного оружия, а также политика активного контрраспространения находит поддержку там, где в иных случаях к имперскому доминированию США было бы мало симпатии. Направляемая собственными военно-политическими интересами империи политика нераспространения создает и сохраняет для нее то коллективное благо, которое без имперского доминирования вообще не может быть с уверенностью гарантировано: относительную безопасность перед перспективой атомной войны.

Так как путь к восстановлению симметрии закрыт, антиимпериалистические акторы — если они не желают ограничиваться декларациями и демонстрациями, таким образом мобилизуя мировое общественное мнение против имперского центра, а собираются вести против него борьбу насильственными методами, — оказываются обречены

на систематический поиск асимметричного ответа45. И так как они вновь не в состоянии победить имперскую державу ни имеющимися у них военными технологиями, ни вследствие их уровня военной организации, то им приходится пытаться измотать и истощить ее в ходе затяжной локальной войны. Во второй половине XX столетия партизанская война стала основной технологией асимметричного ответа. Между тем создается впечатление, что она в настоящий момент заменяется терроризмом46. К политико-стратегическому различию между партизанской войной и терроризмом следует позднее вернуться; но сначала нужно рассмотреть их совместно.

Партизанская война и терроризм избегают прямой конфронтации с профессиональным аппаратом принуждения атакуемой державы; они обходят его, чтобы, образно выражаясь, активно действовать в тылу противника и изматывать его за счет перманентных мелких атак на его нервы и пути снабжения. Стратегия асимметричного ответа имеет целью повышение расходов ресурсов атакуемой державы на тех участках, где она может быть наиболее чувствительно этим задета. Повышенный расход ресурсов вызывают не только прямые атаки и физические потери, но и стратегии провокации, приводящие к преувеличенно сильной реакции атакованной стороны и тем самым ставящие ее в ситуацию империалистического перенапряжения.

В совсем общем смысле партизанская война и терроризм являются асимметричными формами ведения антиимпериалистической войны, которые демонтируют обещания мира со стороны империи и связанные с этим гарантии безопасности. То, что делает привлекательным имперский порядок не только для центра, но и для периферии и даже за ее пределами, следует уничтожить, чтобы в средне- и долгосрочной перспективе свести на нет приемлемость имперского порядка. Если империя уже не может обеспечить то, что обещала, или же делает это только за счет громадного повышения соответствующих затрат и при значительном ограничении гражданских свобод, то исчезает и согласие на имперский порядок, и спустя некоторое время поддержка империи становится хрупкой даже в центре. Иными словами, целью асимметричных насильственных стратегий является стимулирование поиска альтернатив имперскому порядку; их стратегическая задача — экономическое, а также физическое истощение населения имперского пространства; а средством к этому становится насилие, применяемое в неопределенной форме по отношению к политическому, социальному и экономическому порядку в империи47.

Сила слабых, выражающаяся в стратегиях поиска асимметричного

ответа, состоит, таким образом, в основном из двух компонентов: в попытке представить империю не такой сильной, какой бы она хотела себя показать, а также в оказании на нее такого давления, чтобы определенные силы продолжали укрепляться и было спровоцировано перенапряжение, overstretch и overcommitment. Первый компонент является скорее символическим, второй имеет преимущественно инструментальный характер. Оба, однако, исходят из того, что — если выражаться в терминах Джозефа Ная — soft- power будет заменена на hardpower[112], а стоимость владычества будет постоянно расти. Наконец, асимметричная стратегия нацелена и на то, что империя будет вновь отброшена к «августовскому барьеру», который она уже когда-то переступила, чтобы минимизировать затраты на господство48. Если противникам империи удастся это, то они ускорят выход мировой империи из зенита ее могущества и позаботятся о том, чтобы фаза заката была пройдена не слишком медленно, а наоборот, чтобы падение превратилось в ускоряющий сам себя процесс. Однако перспективы их успеха зависят не только от них, от их умений и способностей, но и от реакции империи. Асимметричные конфликты проходят так же, как и симметричные, по модели мер и контрмер, и каждая из сторон при этом имеет шанс перечеркнуть планы и намерения противной стороны — только асимметричный конфликт не может быть проведен на том же поле и по тем же правилам.

Асимметрия конфликта проявляется не в последнюю очередь в той или иной легитимации применения насилия, при котором каждая сторона стремится представить противника как воплощение зла. Имперская демонология, о которой уже была речь49, вполне коррелирует с похожей структурно демонологией антиимпериалистической, превращающей врагов в чертей, а свое дело — в святое. Недостаток симметрии и обоюдности находит свое отражение в более интенсивной враждебности.

В глазах антиимпериалистических акторов империи в принципе являются формой подавления и ограбления, и те якобы предоставляемые ими коллективные блага, вроде мира и безопасности, служат исключительно тому, чтобы дать преимущества имперскому центру, в то время как периферия систематически терпит от этого убытки. Такая аргументация применялась еще в классической антиимпериалистической идеологии, в национализме, называвшем имперские порядки «тюрьмой народов»50. Его силами были в XX в. сокрушены многие империи. Однако и национализм с его излюбленной моделью национальных государств так и не смог создать стабильного мирового порядка. Как раз в тех пространствах, из которых он изгнал империи, он и провалился: на

Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Субсахарской Африке. Однако до этого национализм, указывая ца подавление права на национальное самоопределение, смог высвободить значительные силы и энергию, жертвами которых стали не только царская Россия, Османская империя и Дунайская монархия, но и европейские колониальные державы.

Националистическая критика империй была, как правило, фланкирована и социалистической, в которой в центре внимания стояло не порабощение империями наций, а ограбление ими регионов и иерархия распределения награбленного по этническому признаку в центре. И там, где империя принимала на себя роль модернизатора, подрывая традиционный образ жизни на своей периферии, партизаны смогли выступать в качестве защитников угнетенных и из-за этой претензии получали значительную поддержку51. Все критики имперского порядка дружно избегали легитимации и приводили население на окраинах той или иной империи к тому, чтобы оно настраивалось против нее и в конце концов взялось за активную борьбу с ней. Спровоцированные этим войны и восстания приобретали вес как борьба за освобождение, а в связи с той высокой ценностью, которую приобрело в современную эпоху понятие «свобода», восставшие получили возможность повсеместно получать симпатии и поддержку.

С точки зрения империи в ходе этих беспорядков и войн дело заключалось в помехе порядку, который следовало защищать в интересах всех благоразумных жителей имперского пространства. Таким образом, это становилось чуть ли не долгом, за который следовало наброситься на врагов со всей решительностью и крайним ожесточением. Войны

за умиротворение империи полагались оправданными, да еще и идея справедливой войны теперь самым тесным образом связывалась с имперским порядком. В Риме, к примеру, так стали полагать после сражения при Заме, где был повержен Карфаген, последний конкурент в борьбе за гегемонию в Западном Средиземноморье. И всегда речь шла лишь о том, чтобы пацифицировать или же покорить нарушителей имперского мира.

В идейно-историческом смысле возникновение концепции справедливой войны может быть отнесено к влиянию прибывших в Рим стоиков, а именно Панетия и Полибия, идеи которых Цицерон развил в теорию52. С точки зрения реальной политики такая война, конечно, рассматривалась как реакция на имперскую позицию, которой добился для себя Рим в Средиземноморье. Имперские войны, согласно данной концепции, основываются не на симметричных правовых основаниях — на

манер дуэли, — а считаются формой выступления против нарушителей законов. Идея справедливой войны опирается на асимметрию в правовых основах. Эта мысль красной нитью проходит через всю историю ведения войн империями: она поддерживалась в Испании учеными сала- манкской школы, но прежде всего Томмазо Кампанеллой53, а затем вновь использовалась интеллектуалами в партийных кругах Британской мировой империи, в идеологии Советского Союза и, наконец, неоконсерваторами в США54.

Асимметричная расстановка сил в империалистических или же антиимпериалистических войнах поэтому вполне соответствует асимметричному образцу легитимации: в таких войнах проявляется сильная тенденция к криминализирова- нию противника; последний в принципе не рассматривается как равный, а значит, не признается в качестве законной противной стороны, вследствие чего с ним редко воюют согласно законам международного военного права. Это связано с тем, что в имперских или же антиимпериалистических войнах воюют неравными силами за неравнозначные цели и по несравнимым принципам. Партизаны и уж тем более террористы черпают свои силы именно из того, что они избегают обоюдной системы правил, характерной для межгосударственных войн; у них не было бы ни одного шанса в борьбе против контрагентов, если бы они их придерживались. Однако и имперские вооруженные силы в противостоянии с антиимпериалистическими акторами не чувствуют себя связанными узами международного военного права и в ответ на постоянные булавочные уколы со стороны едва уловимого противника нередко слоняются к чрезмерным ответным мерам. История как имперской, так и антиимпериалистической манеры ведения боевых действий фактически представляет собой вереницу случаев резни и бойни, и если эти убийства не имели военного смысла, а добивались этим лишь чистой паники, то воюющие стороны должны были искать в этом ужасе средство, которое удержит население от дальнейшей поддержки противной стороны.

Асимметрия имперских или же антиимпериалистических войн проявляется не в последнюю очередь и в различных способах вовлечения гражданского населения в перипетии войны. Если с точки зрения центра дело заключается поначалу лишь в беспокойстве на окраинах, с которым в ближайшем будущем справится имперский военный аппарат, а население самой империи это не должно обеспокоить и вовсе, то антиимпериалистические акторы как раз стремятся взбудоражить население региона, избранного ими как зона военных действий и операций. Они должны мобилизовать людей этой области для своих целей, и если им

это не удалось сделать средствами агитации, то они обречены на провоцирование сил имперского порядка на репрессивные меры, тем самым подтверждая свои заявления о том, что имперский порядок попросту невыносим. В противном случае начать антиимпериалистическую борьбу не удастся вовсе. Однако если идеи о необходимости антиимпериалистической войны среди части населения имперской периферии упадут на благодатную почву, то отсюда и будет развиваться противостояние, которое вскоре из-за своей продолжительности превратится в воспалившуюся рану империи.

Как партизанская война, так и терроризм нацелены на ресурсы, которые у империи есть лишь в ограниченном объеме. Ресурсы, оказывающиеся под ударом, по ходу истории антиимпериалистических войн постоянно меняются, однако некоторые общие выводы по этому поводу сделать все-таки можно. Политическое внимание в соединении с мудростью и осмотрительностью является принципиально ограниченным ресурсом, который по способности перерабатывать и анализировать информацию в имперском центре быстро находит свои пределы. И это особенно верно, если империя на многих участках своей периферии наталкивается на различных антиимпериалистических акторов.

Хорошим примером такой когнитивной перегрузки являются те способ и манера, которыми была вовлечена во войну во Вьетнаме администрация Кеннеди, вовсе не имевшая ясного представления о том, кто в действительности является ее врагом и какого рода войну при этом придется вести55. Для президентов Кеннеди и Джонсона, как и для министра обороны Макнамары, конфликт во Вьетнаме был составной частью конфронтации Восток — Запад. Однако в действительности он стал таковым лишь тогда, когда США вмешались в дела Вьетнама сначала с помощью военных советников, затем ВВС и, наконец, своих сухопутных войск. Только тогда Советский Союз и Китай разглядели возможность за счет поддержки Северного Вьетнама вовлечь США в растрачивающий их силы конфликт, в котором сами они участвовали лишь опосредованно. Для большей части вьетнамцев противостояние Восток — Запад вовсе не находилось в центре внимания. Они вели свою освободительную войну, в ходе которой США рассматривались как наследники французской колониальной державы. Поэтому они и были готовы нести громадные нагрузки, приносить большие жертвы и идти на любой последующий шаг по эскалации без соответствующих политических условий. США опять же полагали, что если они увеличат затраты, которые Северу придется платить за поддержку Вьет- конга, то они смогут их заставить прекратить помощь и

поставки — тогда противник на юге окажется отрезан от линий снабжения и будет легко побежден. Но это оказалось полной иллюзией.

Для США и прежде всего для их министра обороны Роберта Макнамары Вьетнамская война была войной инструментальной, смысл которой был в том, чтобы добиться определенной политической цели: поддержания status quo, в котором Северный Вьетнам входил в Восточный блок, а Южный Вьетнам — в Западный. Для вьетнамцев, напротив, здесь дело было в войне экзистенциальной, в которой решался вопрос об их существовании как нации56. Именно это и не осознавала в достаточной мере американская администрация, фиксируясь на конфликте Восток — Запад. Когнитивная перегрузка имперской элиты особенно сказывается, когда различные конфликты, в которые оказывается втянутой империя на ее широко растянутых границах и на периферии, воспринимаются и анализируются ею по одному и тому же образцу. В конце 1970-х гг. советское руководство совершило похожую ошибку в Афганистане. Однако если Вьетнам для располагающих большими ресурсами Соединенных Штатов был лишь серьезной неудачей, то Афганистан для Советского Союза стал началом конца империи57. Во Вьетнаме, как и в Афганистане, мощь слабых возросла не в последнюю очередь из-за неверных оценок и ошибочных решений сильных.

В принципе США, как и Советский Союз, при этом повторили те же уроки, что уже вынесли в период между концом 1940-х и началом 1960-х гг. европейские колониальные державы. Коротко говоря, эти уроки утверждали, что современные империи не в состоянии удерживать под контролем обширные территории, если там дело дошло до основательной мобилизации населения против центральной власти. Подобное сопротивление почти всегда становилось концом имперского владычества на этом пространстве58.

Наблюдается существенное отличие тех условий, при которых одерживали успехи антиимпериалистические акторы XX столетия, от ситуации в предыдущие эпохи, когда имперские державы железным кулаком давили повстанческие движения на их окраинах, затем устанавливая в них такой режим, который уничтожал всякий мятеж в зародыше. Еще в начале XX в. для британцев было возможно подавить восстание буров в Южной Африке и восстановить стабильность своего владычества. При этом они вовсе не остановились и перед тем, чтобы загнать бурское гражданское население—то есть женщин, детей и стариков — в сопсетгабопсатрэ[113], лишив тем самым партизанские отряды поддержки. В этих лагерях воцарились самые ужасные гигиенические

условия, и многие находившиеся там люди вскоре скончались в нищете и убожестве59. Приходится усомниться в том, что при наличии глобальной сети СМИ, особенно после появления аудио-визуальных их видов в 1960-е и 1970-е гг., британцы смогли бы позволить себе долгое время действовать в рамках такой политики. Картины страданий и смерти вызвали бы массовые протесты в имперском центре, и империя в зеркале мирового общественного мнения оказалась бы под таким давлением, что ворота лагерей спустя некоторое время пришлось бы открыть. Просто невероятно, что британцы смогли бы выиграть бурскую войну, если бы она имела место во второй половине XX столетия.

Пример с бурской войной показателен еще и потому, что буры весьма умело использовали все те формы ведения боевых действий, которые спустя половину столетия стали известного рода гарантией успеха в антиимпериалистической борьбе. Победа и поражение в антиимпериалистической войне очевидно зависели от большего, нежели от простой изобретательности в деле развития новых военных стратегий и тактик. Однако прежде чем сводить возросшие шансы на успех в подобном противостоянии исключительно к медийным переменам в XX столетии, следует вспомнить о том, что еще американские поселенцы должны были отстаивать свою независимость от Великобритании в преимущественно партизанской войне.

На это можно было бы возразить, что победа американцев в Войне за независимость без поддержки французов была бы далеко не предрешена, ведь они в решающей стадии войны ненадолго захватили господство на море у восточных берегов Америки и тем самым заставили британские войска капитулировать под Йорктауном60. Вполне сравнимая ситуация была бы и у буров, однако они не получили поддержки от Германской империи, а это ограничивало их политическую и военную сопротивляемость. Конечно, вмешательство немцев имело бы серьезные последствия, ведь в случае буров речь шла о группе лишь в 30 тысяч человек, политическая поддержка которых в ходе войны отнюдь не возросла. Условием последней стало бы обращение к представителям черного населения территорий, но буры являлись для них угнетателями в куда большей степени, нежели британцы. Буры в конце концов не выиграли войну потому, что использовали партизанскую стратегию лишь в техническом смысле, а вот механизм политической эскалации запустить не смогли: за счет этого продолжение войны имперской державой все более превращалось бы из операции по умиротворению в подавление, что имело бы следствием возможность для партизан рассчитывать на постоянно

возрастающую поддержку в регионе их действий.

Удивительно, что этот политический механизм эскалации довольно редко становится отдельной темой в специальной литературе о ведении партизанской войны61: из-за ведения империей антиповстанческой войны начинается ее самодис- кредитация в качестве мирной державы и гаранта процветания, в ходе которой население оспариваемых территорий становится все более враждебным по отношению к империи как к оккупанту. Так произошло с Францией в ходе войны в Алжире.

Для партизанской войны, развившейся на рубеже XVIII и XIX столетий в Америке и Испании из локальной (малой) войны62 и принявшей специфическую форму антиимпериалистической, оказалось характерно, что от предпринимавшихся за ее время имперских военных и политических ходов неизбежно выигрывали именно повстанцы, в то время как имперские силы порядка терпели явные убытки. Именно с того момента, когда они под впечатлением от насильственных действий по отношению к учреждениям и чиновникам имперских властей переходили к военным средствам, чтобы покончить с беспорядками, они теряли именно столько легитимности, сколько в результате доставалось партизанам. Это можно описать как исходную асимметрию между имперской и антиимпериалистической легитимностью, возникшую как идея еще в XVIII в., с распространением представлений о свободе, позднее существенно укрепившихся. Партизанская война позволяет проявиться этой латентной асимметрии, прежде всего поэтому в ходе XX столетия она и стала гарантом успеха антиимпериалистического восстания.

Обращение империи к военным средствам становится подтверждением того, что пропагандисты антиимпериалистической борьбы утверждали заранее: империя поставила эту территорию под свой контроль, чтобы угнетать ее население и эксплуатировать ее ресурсы; все преимущества, которые якобы возникают из-за присутствия империи, являются будто бы чистой идеологией или же идут на пользу лишь небольшому слою связанных с империей эксплуататоров. Массе же населения, как обещают антиимпериалисты, после обретения независимости материально будет жить лучше. Как только вспыхивает партизанская война, охватывающая большую часть территории страны, всякие меры по подавлению партизан становятся подтверждением сказанного выше. Большинство населения, поначалу индифферентное, склоняется от неподдержания империи к поддержке антиимпериалистических сил, и так партизаны все более получают именно то, за что они боролись, то есть силу и опору.

Классические континентальные империи реагируют на это такой эскалацией насилия, которая выходит далеко за пределы методов британцев в Южной Африке и доходит до искоренения всего населения территории или же до его выселения в целях дезинтеграции этнической группы63. «Рассеяние народов» — вот библейское определение для этой политики, излагаемое с точки зрения покоренных. Применявшиеся ассирийцами и нововавилонянами[114] по отношению к упорно сопротивлявшимся евреям масштабные «этнические чистки» являются тому примером64. Монголы также проводили подобную политику. Подвергали децимации коренное индейское население и завоеватели Нового Света, в XIX и XX вв. крайней жестокостью и брутальностью отличалась политика русских по отношению к кавказским народностям. Османская империя тоже раз за разом прибегала к средствам этнической депортации и изгнания для борьбы с поднимающими восстания народами, а в ходе Первой мировой войны это повторилось по отношению к армянам, причем дошло до геноцида, который с помощью развившихся к тому времени медийных средств был вполне представлен взгляду мирового сообщества и имел катастрофические последствия для политической позиции Турции и ее союзников65. Римские полководцы Веспа- сиан и Тит, подавившие еврейское восстание в 66-72 гг. н. э., не подчинялись подобным механизмам контроля. Восстание окончилось распадом политической еврейской общности в Палестине66. Эти действия Римской империи были компенсированы лишь при основании государства Израиль в 1948 г.

При этом современным империям запрещается эскалация войны, то есть применение в малых войнах на их окраинах всех тех вооружений, которыми они обладают, поскольку это противоречит представлениям о соразмерности используемых средств. Так, все американские политики и генералы, собиравшиеся победоносно закончить войну на периферии американской сферы влияния с помощью атомного удара, не нашли поддержки у американских избирателей: это относится к когда-то крайне популярному генералу Дугласу Макартуру, который хотел добиться решительного исхода в Корейской войне, сбросив атомную бомбу на Китай, кандидатам в президенты от республиканцев Барри Голдуотеру (1964) и от American Independent Party[115] Джорджу Уоллесу, а также к кандидату в вице-президенты Кёртису Лемею (1968), намеревавшимся выиграть войну во Вьетнаме за счет атомных бомбардировок Северного Вьетнама67. Использование атомного оружия на имперской периферии предотвратил не только страх перед эскалацией региональной войны в атомное

столкновение двух сверхдержав, но и четко выраженное представление о том, что тем самым будут дискредитированы все политические идеалы, которые американцы чувствуют себя обязанными защищать. И если можно так выразиться, самоограничение демократических империй при подавлении восстаний и при проведении войн на периферии существенно повышает шансы на успех антиимпериалистических акторов. В связи с этим можно исходить и из того, что

либерализация и демократизация Китая способна расширить пространство действий для тибетцев68.

Конечно, демократически управляемые империи, концентрирующиеся, как правило, на море и на торговле, располагают такими возможностями для перенастройки методом господства и контроля, которых у континентальных империй не было никогда: империя в качестве администратора уходит с оспариваемых территорий и предоставляет тамошнему населению политическую независимость, однако спустя некоторое время она возвращается как контролер потоков товаров и услуг, информационных и инвестиционных струй. И тогда возникает та форма мягкой зависимости, которая не может быть преодолена ни восстаниями, ни партизанской войной. Классическое оружие антиимпериалистической борьбы в этих обстоятельствах не действует: одни думают, что империи теперь уже не являются воплощением репрессивной власти, другие — что формы имперских репрессий и эксплуатации становятся более эластичными и рафинированными. При том конфликте, который выносится на периферию зон имперского влияния, речь в принципе идет о том, не привела ли перемена в форме империи к смене ее характера от режима репрессивного и эксплуатирующего к режиму, гарантирующему мир и содействующему благосостоянию, или же имперское подчинение и эксплуатация попросту стали не столь заметны, но продолжают существовать.

Бои за культурную идентичность и терроризм как стратегии опустошительной войны

Для партизанской войны верно и то, что со времен перехода от аграрного к индустриальному обществу утверждается о войне вообще: что она стоит больше, нежели приносит, безотносительно того, выходят ли из нее победителем или проигравшим, и что пройдут годы, если не десятилетия, прежде чем опустошенные этой войной общества вновь достигнут экономического уровня времен ее кануна. Так как, конечно, антиимпериалистические партизанские войны в основном ведутся в регионах с аграрной экономикой и соответствующим общественным устройством, соответствующие затраты в средне- и долгосрочной перспективе для антиимпериалистических акторов становятся различимыми далеко не сразу. Индустриальных объектов с дорогой и требующей ухода технологией здесь нет, масштабное минирование дорог и полей в антиколониальных войнах практикуется довольно редко; лишь в 1980-е и 1990-е гг. оно стало обычной формой ведения войны сторонами в гражданских противостояниях, а также полевыми командирами.

Негативные следствия затяжных партизанских войн, таким образом, проявляются прежде всего в социальной, нежели в экономической сфере. Они заключаются в распаде прежнего социального порядка, в эрозии традиционных авторитетов и в появлении по меньшей мере одного поколения, которое в существенной степени было взращено войной. Вопреки ожиданиям Франца Фанона, теоретика антиколониальной борьбы, климат войны и насилия не способствует развитию свободного, уверенного в себе человека, который бы активно боролся с позором колониального ига, а порождает травмированные характеры, которые скорее препятствуют строительству нового общества, нежели продвигают его вперед69. Зачастую они ожидают, что будут вознаграждены за перенесенные страдания и потраченные усилия, но редко убеждены в том, что собственно работа по развитию еще только предстоит им и что именно в ходе нее решится, действительно ли были достигнуты цели, ради которых начинали войну. Ветераны партизанской войны — одна из величайших «закладных» при развитии нового общества и при стабилизации его государственности. Как правило, они претендуют на пожизненное обеспечение государственной рентой и ожидают лучшего материального положения по сравнению с остальной частью общества. Следствием этого становятся

бесхозяйственность и коррупция.

Едва ли среди стран, добившихся во второй половине XX столетия независимости в ходе партизанской войны, есть хоть одна, которая бы к концу века хотя бы приблизительно подошла к тем целям, которые были поставлены уже на первые после завоевания самостоятельности годы. Таким образом, есть убедительные доводы против того, что за счет затянувшейся на долгий срок войны можно будет поправить экономическое положение имперской периферии. С помощью партизанской войны еще можно выправить технологическое и организационное отставание за счет безграничного самопожертвования и терпения населения, подняв стоимость господства для имперской державы и в конце концов вынудив ее к отступлению. Однако с этим связано, как правило, и столь глубоко зашедшее саморазрушение общества, что политическая стабильность и экономическое благосостояние становятся недосягаемыми для освобожденных территорий на десятилетия вперед.

Такой итог можно подвести, разумеется, лишь оглядываясь назад. Действующие в текущий момент акторы осознать его не могут. Напротив, на основании исповедуемых революционных теорий они убеждены, что политическая мобилизация, сопровождающая народное восстание или партизанскую войну, прямо перейдет к процессу общественной модернизации или же экономического взлета. Эти ожидания, однако, проваливаются во всех отношениях*.

*** Тот факт, что партизанская война в средне- и долгосрочной перспективе не только приносит разрушение врагу, но и связана с основательным самоуничтожением, могло бы показать уже сравнительное рассмотрение ведения войн против Наполеона в Испании и Пруссии. Обе страны в начале XIX в. были оккупированы наполеоновскими войсками и искали возможности вновь освободиться от французского господства. В то время как прусские реформы следует рассматривать как попытку найти симметрию тем следствиям революционных перемен, которые**

Для антиимпериалистических акторов конца XX столетия, таким образом, наличествуют существенные доводы в пользу того, чтобы избегать средств партизанской войны, если они хотят содействовать улучшению экономического положения населения на оспариваемых ими территориях. Тот, кто заботится о повышении жизненных стандартов и увеличении общественного благосостояния, сделает только лучше, если откажется от применения таких средств. Желание участвовать в процессе развития мировой экономики так или иначе приводит к необходимости

вновь устанавливать связи с бывшими имперскими державами, которые контролируют мировое хозяйство, и предоставлять им значительное влияние на свой экономический и общественный порядок, тем более если новое государство заинтересовано получить кредиты от Международного валютного фонда или от Мирового банка70.

В качестве формы антиимпериалистической борьбы партизанская война проявляет себя амбивалентно. С осознанием этого тесно связано угасание влияния марксизма, бывшего когда-то ведущей идеологией освободительных войн. Как только социально-экономические соображения начали говорить скорее за кооперацию с имперским центром, нежели за борьбу с империалистической эксплуатацией, концентрирующийся в основном на социально-экономических вопросах марксизм перестал быть подходящим обоснованием для антиимпериалистической борьбы. В действительности он был давали превосходство Франции, испанцы шли по пути асимметрии, в ходе которой развили малую войну (guerilla), в известной степени самостоятельную форму ведения войны. Обе страны в конце концов внесли значительный вклад в разгром Наполеона. Однако если прусское общество после 1814-1815 гг. вступило в процесс преемственного развития, лишь насильственно ускоренный в ходе революции 1848-1849 гг., испанское общество в XIX в. пережило чуть ли не бесконечную смену кризисов и переворотов, при этом Испания все больше теряла связь с европейским ходом развития событий; см.: Bemecker. Spanische Geschichte. S. 111-149. —Прим. авт. Автор несколько идеализирует Пруссию так называемой эпохи «бидермайера» 1815-1848 гг. Согласно иной точке зрения, после глубоких реформ наполеоновской эпохи и победы над французами наступил период реакции, когда преобразования были не только свернуты, но и частично сменились восстановлением прежних порядков.

оттеснен еще задолго до того, как вследствие распространения этнически-националистических и прежде всего религи- озно-цивилизаторских идеологий был сокрушен Советский Союз, ведь они, если угодно, имели то преимущество, что не ставили успех антиимпериалистической борьбы в зависимость от социально-экономических индикаторов. Скорее речь в них шла о том, чтобы защитить этническую, культурную или религиозную идентичность. Простыми расчетами затрат и прибылей этот обоснованный идентичностью антиимпериализм описать нельзя. Его взлет, последовавший за закатом марксизма, привел к тому, что война и насилие утратили свой инструментальный характер и приобрели экзистенциальное измерение: они

теперь стали не только средствами достижения определенных целей и смыслов, но и техникой самоутверждения и самоусиления. Кто не владел ею, тот шел на дно или утрачивал по меньшей мере свою культурную идентичность. Важнее, нежели результат борьбы, при этом становилась борьба за желание бороться. Обладающим самыми серьезными последствиями отражением такого хода развития событий явилось появление новых форм международного терроризма, особенно в виде акций террористов- смертников.

Вопрос, какую ценность приобретает цивилизационнокультурная идентичность по сравнению с шансами и опасностями социально-экономических перемен на периферии зон благосостояния, таким образом, становится решающим для будущих войн в мире и для формы террористических угроз имперским центрам. Сформулируем точнее: если элиты этих стран ставят на экономический рост и рассматривают перспективу участия в материальном благосостоянии, то тогда возможны компромиссы или иные формы взаимного учета интересов. Если же, напротив, они стремятся к защите идентичности, которой угрожает образ жизни, перенимаемый у имперского центра, тогда не может быть ни компромиссов, ни компенсаций. Ведь западный образ жизни в условиях глобализированного экономического, информационного и медийного пространства не может быть ограничен какими- либо конкретными регионами. К тому же его распространение не находится под прямым политическим контролем, а продвигается как экономическими, так и гражданскими, общественными акторами: с одной стороны, за счет открытия новых рынков для западных товаров, с другой — с помощью образовательных программ и проектов установления равноправия для женщин. Из этого на периферии имперских порядков непременно возникают влиятельные группы, которые ощущают сильное притяжение мирового порядка и образа жизни имперского центра и намереваются перенять последний. Борьба антиимпериалистических акторов поэтому начинается как гражданская война в обществах имперской периферии, и сражаются там за то, какие ценности станут для них базовыми.

Так как традиционные гражданские войны практически неотделимы от борьбы за политическую власть и за общественные ценности, можно наблюдать в них и разделение на два различных типа гражданских войн за пределами имперских центров. С одной стороны, друг с другом сражаются группировки полевых командиров, ведь для них речь идет только о военном контроле за теми или иными территориями, представляющими интерес, потому что там можно обнаружить ценные полезные ископаемые или

сырьевые ресурсы71. Ценности и религиозно-культурная ориентация живущих там людей полевых командиров не интересуют; они становятся тиранами населения, однако вовсе не хотят ни развивать его, ни менять. С другой стороны, этому варианту противостоят те гражданские войны, в которых контроль за полезными ископаемыми и политической властью имеет лишь второстепенную роль, потому что там речь идет о культурной идентичности людей: чтобы они вели жизнь, ориентированную на обычаи и традиции, чтобы религиозные ценности для них имели значение непременных обязательств, чтобы они противостояли гедонистическим поползновениям Запада и так далее.

Из гражданских войн первого рода имперский центр может выйти победителем как политическим, так и военным путем: побеждающая сторона впоследствии сама обратится к имперским экономическим магнатам, если захочет капитализировать полезные ископаемые ради продолжения борьбы. Сырье, в котором заинтересованы зоны благосостояния и от которого они зависимы, таким образом, будет к ним поступать вне зависимости от того, кто именно говорит от имени данной территории. Если имперский центр и вмешивается в эту войну, то, как правило, не ради отстаивания своих политических или экономических интересов, а потому, что преступления и жестокость полевых командиров перешли установленный всеми предел, и коалиция неправительственных организаций и СМИ требует гуманитарной интервенции, чтобы покончить с насилием. Однако она последует в любом случае очень поздно, к тому же, только если не предвидится быстрого завершения боев.

При втором типе гражданских войн, в которых речь идет о нормах и ценностях, готовность к интервенции так же невелика. Однако там имперский центр с точки зрения конфликтующих сторон изначально задействован уже потому, что противники господствующего режима полагают его стабильность и дальнейшее существование результатом поддержки со стороны империи, становясь таким образом антиимпериалистическими акторами. При этом они, как правило, отвергают и сражаются именно с тем, что представляет собой проникающая из имперского центра на периферию «мягкая сила», а потому предложение Джозефа Ная, что США должны для обеспечения своей власти более полагаться на войроугег нежели на Ьагброууег72, в таких случаях вряд имеет перспективы. В действительности воЛроАЛгег имеет существенно большее воздействие на образ жизни обществ, чем йагброх^ег: последняя касается лишь властных отношений, первая меняет идентичность. Фундаментализм во всех своих разновидностях является

прежде всего сопротивлением «мягкой силе» имперского центра. Это сопротивление не обязательно должно быть насильственным, однако в связи с динамикой, с которой распространяется «мягкая сила» империи, оно имеет тенденцию к применению насильственных средств.

Фундаменталистские группировки, ведущие борьбу за внутренние ценности и ориентацию своего общества73, превращаются в антиимпериалистических акторов тогда, когда они делают имперский центр прямо или косвенно ответственным за эрозию отстаиваемых ими ценностей и видят в вооруженной борьбе единственную возможность остановить то, в чем они чувствуют угрозу нравственности. Ранним вариантом такого религиозно-культурного антиимпериализма является восстание Маккавеев против владычества Селевкидов в Палестине во II в. до н. э.74В постепенном распространении эллинистической культуры, которая была воспринята сначала еврейской диаспорой, но вскоре и высшим слоем в Иерусалиме и Иудее, ориентировавшаяся на нравы и веру предков группа увидела угрозу своей идентичности, прежде всего строгому монотеизму, и восстала против этого75. Царь из династии Селевкидов Антиох IV Эпифан отреагировал усиленными репрессиями, что повлекло за собой опять же распространение восстания, которое вскоре уже велось как партизанская война. В почти необитаемых гористых районах могли действовать лишь небольшие отряды селевкидской армии, над которыми группы партизан имели устойчивое превосходство. При этом на пользу повстанцам шло то, что империя Селевкидов уже находилась в упадке: на востоке ее сильно теснили парфяне, на западе она столкнулась с экспансионистской мощью Рима, а соперничество и схватки за власть в ее центре уже обеспечили невозможность принятия решений на долгосрочную перспективу. Поэтому восставшие евреи сумели укрепиться как в военном, так и в политическом смысле и в конце концов добились политической и религиозной автономии.

Как и всегда, повстанцами двигали политические и рели- гиозно-идентичностные мотивы. Поначалу, то есть когда казалось в высшей степени невероятным, что маленькая Иудея сможет противостоять могущественному военному аппарату Селевкидов, восстание направлялось в первую очередь религиозными мотивами. Группа восставших, разумеется, оказалась разделена: группа умеренных удовольствовалась бы, если бы была восстановлена автономия иерусалимской культурной общности, и не желала признавать поставленного во главе нее Селевкидами первосвященника, радикалы же полагали, что дело идет о глубочайшем преобразовании мира и о подготовке к грядущему Царству

Божию. В итоге же получилось еврейское царство Хасмонеев[116], то есть фактически самостоятельное государство в Палестине. Это стало возможным благодаря тому, что империя Селевкидов оказалась ослаблена шедшими десятилетиями схватками за трон и постепенным проникновением римлян на Ближний Восток, хотя последние, конечно, пока еще не поставили под свой контроль весь этот регион. В этом постимперском пространстве царство Хасмонеев просуществовало более столетия.

Политические рамочные условия, благодаря которым и возникло царство Хасмонеев, объясняются, однако, не только имевшей действительно большое значение готовностью иудеев сражаться и приносить жертвы. Сложившаяся ситуация имела скорее религиозно-идентичностную, нежели политическую окраску. Достигнутый на деле результат примерно 50-летней борьбы едва ли отвечал стремлениям участников восстания, ведь для них речь шла о защите своей религиозной идентичности. Борьба началась в защиту традиций, в кратчайшее время она радикализировалась и, наконец, приобрела фундаменталистское измерение. Минимальные шансы на успех не привели к быстрому разочарованию участвовавших, но обусловили скорый отказ от апокалиптических представлений. Содержавшийся в книге пророка Даниила миф о четырех мировых империях, которым теперь будто бы пришел очевидный конец, возник во времена восстания Маккавеев76. И именно обе книги Маккавеев, из которых первая исторически детализирована, а вторая является сводным отчетом о ходе и мотивации восстания, пронизаны в первую очередь духом религиозно-культурного «антиимпериализма», где было принципиально отвергнуто обобщение обычаев и законов в пределах всей Ойкумены. Эллинистическая космополитичность была воспринята как космодеспотия, и потому с ней боролись.

Версия книг Маккавеев маргинализирует политическое измерение конфликта и ставит на центральное место вопрос о религиозной идентичности. Еврейское возмущение культурным влиянием Селевкидов нарастало, и возведение гим- насия, то есть заимствованного из греческой культуры спортивного сооружения, переполнило чашу терпения. При этом дело было не только в том, что для благочестивых иудеев физические упражнения обнаженных мужчин в непосредственной близости от Храма были провокацией. Еще важнее было то, что в эллинистическом гимнасии исповедовали культ Геракла, что означало введение идолопоклонства в Святом городе, В то время как в первой книге Маккавеев в центре внимания находится подобное распространение языческого культа в

Иерусалиме и Иудее, вторая книга Маккавеев более сильно подчеркивает секуляризацию повседневной жизни под влиянием эллинизма. При этом становится очевидно, что в ходе восстания дело было вовсе не только в отторжении, вызываемом селевкидскими мероприятиями, — с самого начала прослеживались черты внутрииудейского конфликта77. За счет сотрудничества высшего слоя общества с силами се- левкидского порядка гражданская война была объединена с антиимпериалистической борьбой.

Когда вспыхивают подобные антиимпериалистические восстания, направленные на сохранение религиозно-культурной идентичности, они — помимо мотивированных исключительно экономическими соображениями войн за ресурсы — раз за разом побуждают империи к военному вмешательству в события на их периферии. Политические и религиозно- или культурно-идентичностные мотивации при этом связываются между собой, и то, что цели и намерения остаются расплывчатыми, не ведет (как можно было бы полагать в рамках марксистского подхода) к их ослаблению, а приводит к тому, что группы не вступают в дебаты относительно правильной политической линии. Еврейское восстание против господства Селевкидов и описание его в книгах Маккавеев подходит в качестве исторического примера для анализа сегодняшней ситуации не в последнюю очередь потому, что и здесь политические и религиозно-идентичност- ные элементы сливались друг с другом, а описания восстания также содержали и решение вопроса о том, какая из обоих его составляющих имела большее значение.

Но прежде всего пример восстания Маккавеев удобен тем, что позволяет наблюдать взаимодействие hardpower и soft- power империи Селевкидов. Военная сила Селевкидов и их гарнизоны в Иерусалиме и Иудее были, естественно, важными в мотивации к восстанию, но куда более решающей — по меньшей мере с точки зрения второй книги Маккавеев — была привлекательность эллинистической культуры. От этой «мягкой силы» исходила угроза для религиозной идентичности иудейской общины в Палестине, что в конце концов привело к насильственным действиям против носителей и пропагандистов греческой культуры. И так как религиозные традиции должны были соблюдаться непременно, а их связующая сила была, разумеется, ослаблена секуляризацией и просвещением, традиционалисты по ходу конфликта превратились в фундаменталистов. Эта метаморфоза, которая в данном случае может быть описана и как радикализация, если не более того, происходила уже по ходу восстания. А именно, те, кто взялся за оружие, уже были отнюдь не традиционалистами, а стали фундаменталистами: они теперь добивались

не восстановления общности, но восстановления системы ценностей путем вооруженной борьбы. Для них последняя приобрела морализаторскую окраску, ведь расправлялись с отступниками и предателями. Однако такая трактовка событий, будучи классической составляющей всех гражданских войн, могла бы достичь своей цели, только если она была бы борьбой против очага разложения, то есть против имперского центра.

Конечно, здесь могут быть проведены параллели между восстанием Маккавеев и продолжающимся вот уже около десятилетия выходом террористов из исламского мира на границы последнего. Отступление селевкидского гарнизона из Иерусалима и изгнание всех приверженцев эллинистической культуры из Иудеи вместе с образованием царства Хасмоне- ев привело к стабилизации, которая может быть обозначена как выход Иерусалима и Иудеи из до сих пор продолжавшегося процесса эллинизации на Ближнем Востоке. Такие варианты решения сегодня уже невозможны. Вследствие более интенсивного обмена людьми и информацией культуры уже не могут сохранять изолированность друг от друга. Процесс культурной глобализации усиливает зойрошег имперского центра, мощь притяжения которого обеспечивает увеличивающуюся утечку мозгов, и «мягкая сила» империи продолжает нарастать. Это проявляется в сферах от научных достижений до решающих позиций в массовой культуре. Подчинение антиимпериалистических акторов этому целенаправленному маневру империи по нивелированию культурных идентичностей, конечно же, ложное, однако именно из этого убеждения они и черпают свою поддержку и силу. Если следовать этому предположению, то становится ясно, что антиимпериалистическая борьба уже более не ведет к войне за освобождение территорий на окраинах империи, как это было еще совсем недавно, в XX в., а переносится в сам имперский центр. Форма, в которой это происходит, — терроризм.

Терроризм и партизанская война отличаются не только тем, что партизаны ориентированы в первую очередь на физические, а террористы на психические последствия предпринимаемых ими насильственных действий, но и тем, что партизаны по внутренней сущности своей придерживаются обороны78, в то время как террористы могут в любое время перейти к атакам. К тому же партизаны обречены на то, чтобы оставаться в зависимости от поддержки населения в области его действий, дабы оно давало им укрытие. К транснациональному терроризму это не относится. Он обращается к денежным потокам из поддерживающих их кругов и использует инфраструктуру стран, в которых проводит свои атаки. К последней относятся густая сеть СМИ, а также система перевозки масс

населения в тесном урбанистическом пространстве, воздушное сообщение, Интернет и, не в последнюю очередь, анонимность современных крупных городов. Эта инфраструктура позволяет получить все, что необходимо для террористической атаки: от размещения команд террористов и их снабжения до использования самолетов в качестве оружия и мобильных телефонов в качестве запала взрывателя. Это показали акции в Нью-Йорке и Мадриде.

Однако в чем же заключается стратегическая цель новых форм терроризма? Классический терроризм, возникший в России в конце XIX в., был направлен против верхушки царского режима, а также частей его репрессивного аппарата. В планах его было внести смятение в ряды элиты, принимающей решения, и одновременно обеспечить поддержку своему делу со стороны населения, чтобы подвигнуть его на массовые выступления против существующего режима. Террористические атаки должны были послужить лишь запалом к всеобщему восстанию. Так это функционировало скорее в национально-революционных движениях, нежели в социально-революционных. Однако в основе международного терроризма лежит совершенно иная стратегия: нанося удары по гражданским объектам, когда каждый может стать жертвой, они не могут снискать никаких симпатий. Здесь речь идет о современном варианте опустошительной войны. Целью ее должно стать полное запустение вражеских территорий. Террористы в принципе следуют той же стратегии, что и кочевые народы, которые в ходе быстрых рейдов врывались в пространство, где царил имперский мир, проносясь по нему, предавая все огню и мечу и вновь исчезая, еще до того как против них могли бы выступить войска империи.

То, что в классической войне на опустошение давала быстрота атакующего, при терроризме представляется скрыто- стью его акторов в условиях анонимности больших городов, их растворением в массе прибывших туда чужестранцев и, наконец, высокой мобильностью, о которой уже не должны, как раньше, заботиться сами нападающие, ведь они могут воспользоваться имеющейся транспортной системой. При этом цель их атак заключается не в физическом уничтожении деревень и городов или же в опустошении целых регионов страны, а в воздействии на лабильное психическое состояние населения в постгероических обществах. С помощью террористических актов население должно быть приведено в состояние ужаса и истерии, которое несовместимо с нормальной жизнью, экономическими и финансовыми процессами, а потому приводит к огромному ущербу. И эффект этой стратегии достигается не столько

мощью атакующих, сколько трагической уязвимостью атакованных. Результатом террористических действий, помимо прочего, может оказаться вынуждение имперских властей начать вторжение на территории, откуда, как предполагают, и приходят террористы, так что может начаться классическая партизанская война, в которой асимметричное превосходство империи едва ли будет сказываться, а вот асимметричная креативность антиимпериалистических акторов вполне проявит себя. Здесь слабые могут стать сильными, ведь до этого именно сильные стороны империи превращались в слабые за счет организации террористических атак на них.

После того как в течение XX столетия мощь периферии существенно возросла, поскольку империи уже не могли «со всей строгостью» обратиться против инсургентов, тезис о конце имперской эпохи казался убедительным. Однако очень быстро оказалось, что он преждевременный. Вместо недвусмысленного финала существования всех империй дело дошло до новой формулировки имперского порядка. Констатировалось, что имперская держава, отказавшаяся от осуществляемого на суше контроля над территориями, где ее можно было бы атаковать и нанести ей урон, теперь осуществляла контроль с воздуха или из космического пространства. При этом она получала возможность вмешиваться в дела конт-ролируемых территорий избирательно и частично. То, что империя потеряла в смысле политических возможностей, она смогла компенсировать технологическими разработками. На это антиимпериалистические акторы отреагировали тем, что заменили классическую партизанскую войну новыми видами международного терроризма. То, что в условиях классической симметрии приводило к гонке вооружений, теперь превратилось в соревнование между технологическими инновациями и

стратегической изобретательностью. Поэтому более всего империям теперь угрожают не территориальные, а бюджетные нагрузки.

Внезапный возврат к империям в постимпериалистическую эпоху

В течение всего одного десятилетия настроения полностью поменялись: к началу 1980-х гг. многие американцы полагали, что их страна неуклонно движется к закату, вследствие которого, однако, возобладает не Советский Союз, а явно Япония и Западная Европа, а в 1990-х появился новый «триумфализм», когда США расхваливались как могущественнейшая страна на планете и сформировалась позиция, что

конец «американского столетия» придет еще не скоро. Конечно, такое восприятие ситуации может быть объяснено иной фокусировкой внимания наблюдателей: глубокие перемены в ментальности были ожидаемы, тогда как иные точки зрения просто не замечались. В действительности ощущение изменения объекта было вызвано лишь смещением поля зрения.

Когда в поздней фазе «холодной войны» жители Западной Европы полагали, что США вступили на путь заката, они в первую очередь обращали внимание на возросшие там опасения за будущее этой страны, указывая при этом на падающие объемы индустрии, высокий уровень криминалитета, нарастающий разрыв между богатыми и бедными, проблемы в сфере здравоохранения и образования, растущий государственный долг, низкий уровень накоплений населения, в конце концов, на постоянный и значительный дефицит торгового баланса США. А вот после крушения Советского Союза и демонстрации американской силы во время Второй войны в Заливе[117] в 1991 г., напротив, укрепилось впечатление, что США будто бы заняли беспримерную в истории позицию глобального доминирования, и отмечалось, главным образом, то, что Америка теперь взяла на себя роль мирового полицейского, причем не только для того, чтобы лишь остановить самых отъявленных негодяев в их злобных устремлениях, но и чтобы позаботиться о продолжении развития процесса неолиберальной глобализации, от которого США получали экономическую выгоду.

Из-за изменившегося восприятия США извне эта перемена настроений оказалась преувеличенной и переоцененной, ведь в действительности многие из тех предупреждений и сомнений, которые были высказаны еще в 1980-е гг., можно услышать и сегодня, а старые проблемы отнюдь не исчезли. При этом ощущение изменившегося самовосприятия США и нового самосознания американцев имело куда более масштабные последствия, нежели простая смена западноевропейского взгляда. Взлет США до позиции «единственной оставшейся сверхдержавы», экономический расцвет 1990-х гг. и вынесенный из него вывод, что в экономической конкуренции можно не просто противостоять жителям Западной Европы и японцам (а у них как раз в это время проявились признаки экономического истощения), но даже вновь получить по сравнению с ними преимущество; наконец, преодоление затянувшейся вьетнамской травмы в ходе Второй войны в Заливе 1991 г. заставило потускнеть представления о закате американского могущества. Ожидание еще более серьезных вызовов XXI в. позволило воспринимать то, что ранее полагали признаками заката, лишь проблемами, сложными, но

разрешимыми. И прежде всего: если США с ними не справится, то кто же тогда? В принадлежащей Мадлен Олбрайт формуле, что США будто бы являются «непреходящей нацией», и проявилось это новое осознание себя.

Вероятно, центральное значение этой перемены настроений, случившейся в ходе войны в Заливе 1991 г., долгое время осознавалось не в полной мере. Этому не в последнюю очередь содействовало то, что президент Буш-старший, несмотря на военные успехи, не был переизбран и должен был уступить свой пост куда менее известному Биллу Клинтону. И все же значение Второй войны в Заливе для американского самосознания едва ли можно переоценить. К вьетнамской травме относились не только собственно горькое разочарование военным поражением от Вьетконга и унизительное воспоминание о поспешном бегстве из американского посольства в Сайгоне 29 апреля 1975 г. С ней связаны были и опасения, что подошла к концу история военных успехов США, которые на протяжении более чем столетия выходили победителями из всех войн за их пределами. Крушение режима шаха в Иране в 1979 г., почти 15-месячное удерживание в заложниках персонала американского посольства в Тегеране и прискорбно провалившаяся попытка его освобождения в апреле 1980 г., казалось, подтверждают эти опасения. И все же быстрая военная победа в пустынях на берегах Персидского залива сделала значение вьетнамского опыта относительным, превратив его лишь в короткую вставку в историю американских успехов, а социально-моралистическое обезвреживание этой проблемы теперь уже окончательно стало уделом Голливуда. И если только можно еще более отчетливо наблюдать перемену настроения в США, так это в том, как критические по отношению к войне во Вьетнаме фильмы сменились «героическим эпосом», благодаря которому американцы закрепляют свои войны в коллективной памяти политического сообщества[118].

Военная победа во Второй войне в Заливе не имела лишь терапевтической функции в связи с вьетнамской травмой; оказалось также, во-первых, что еще существовавший тогда Советский Союз, чьим вооружением была оснащена иракская армия и стратегическими установками которого она руководствовалась, явно уступает, а во-вторых, что экономическая мощь японцев и немцев не должна волновать до тех пор, пока ее можно использовать для собственных целей: было известно, что именно Япония и Германия несли на себе американские затраты на войну 1991 г. Конечно, важнее всего было то, что США выиграли ее, понеся минимум потерь. За счет своей программы вооружений они создали такое асимметричное превосходство, которое вновь позволило им вести

войну в любой точке Земли1. По завершении Второй войны в Заливе военные вновь превратились в используемый США инструмент внешней политики; что это значило, стало очевидно уже в 1990-е гг., а тем более после 11 сентября 2001 г., когда правительство США все больше стало считать армию способом решения политических проблем.

Опыт Второй войны в Заливе должен был, таким образом, весьма существенно содействовать тому, чтобы американская администрация не сочла окончание конфликта Восток — Запад (как это сделали европейцы) поводом для сворачивания своих оборонных расходов и получения дивидендов от мира, а продолжила и дальше инвестировать в развитие

своей обороноспособности. Если бы американцы усматривали в экономическом расцвете Западной Европы и Японии угрозу для своей позиции в мире, то это было бы неверным политическим решением. Сценарий угрозы, на который они поставили, выглядел совершенно иначе. В рамках него военный аппарат развивался даже без вызова со стороны прямых конкурентов, становясь одной из опций имперской политики США. И это тем более показательно, что существовал всеобщий консенсус относительно заката эпохи империй. Так, историк Александр Демандт писал: «Самороспуск Советского Союза 31 декабря 1991 г.[119] завершил эпоху империй. В течение трех тысячелетий мировая политика определялась универсальными империями. Теперь это уже позади»2.

Диагноз о конце империалистической эпохи и проблема постимперских пространств

Двадцатый век, который, если понимать его как выделенное Эриком Хобсбаумом укороченное столетие, начавшееся лишь в 1914 г. и закончившееся уже в 1989 г.3, может быть обозначен как следовавшие друг за другом волнами крушения империй и держав. Еще до начала Первой мировой войны Османская империя, Дунайская монархия и царская Россия проявили себя как нестабильные, нереформируемые и клонящиеся к закату. С определенного момента ответственные политики в Вене, Санкт-Петербурге и Стамбуле стремились к войне, чтобы с ее помощью по возможности все же избежать грозящей империям гибели. Ни одной из трех держав это не удалось. Царская империя не дожила до окончания войны, а мирные переговоры в Сен-Жермене и в Севре велись уже с государствами-наследниками Дунайской монархии и Османской империи. Из всех больших империй в Центральной,

Восточной и Юго-Восточной Европы, а также в малоазиатско-арабском пространстве войну выдержала лишь Германская — пусть и со значительными территориальными потерями[120], — и то только потому, что по внутренней структуре своей она была более национальным государством, нежели империей.

Однако едва ли можно было бы сказать, что на место имперского порядка пришла более стабильная система национальных государств. Слишком разнородным для этого было население, оказавшееся в границах новых государств, и слишком различными были интересы и мотивы западных держав-победительниц. Американский президент Вудро Вильсон заявил о праве на национальное самоопределение, однако в связи с отрицательной позицией американского Конгресса он оказался не в состоянии гарантировать за счет американской поддержки развитие и процесс стабилизации в Европе. Более того, он не смог провести свою линию из-за расходящихся интересов различных партий в Версале и вернулся назад в Вашингтон политиком, потерпевшим провал4.

Эрик Хобсбаум писал, что право на национальное самоопределение стало «роком для европейской политики в XX столетии». Уже очень скоро оно привело к целой серии войн, в том числе и гражданских, потому что управляемое ранее империями пространство не удалось привести в порядок за счет проведения границ национальных государств без того,

чтобы при этом не создать новые меньшинства, новые несправедливости и угнетение5. Проблемы в Центральной и Юго-Восточной Европе, начавшиеся после этнических чисток в Турции и Греции и закончившиеся распадом Чехословакии весной 1939 г., еще до того как в ходе Второй мировой войны они много раз прокатывались по огромным простран-ствам6, могут рассматриваться как парадигмальные для всех постимперских раскладов сил. Многие процессы, шедшие в этом регионе в межвоенный период, повторились в постколониальную и постсоветскую эру, но в измененной форме: от попыток проникновения и дестабилизации со стороны бывших имперских держав и путчей армейских подразделений до этнических конфликтов и, наконец, гражданских войн во вновь образованных государствах.

В 1918-1919 гг. США не были готовы выступить гарантом экономического порядка в Центральной и Юго-Восточной Европе. Так что постимперские пространства оказались во многом предоставлены сами себе: США устранились, Германский рейх был вследствие поражения слишком слаб и политически скован Версальским миром, а только что возникший Советский Союз поначалу провалился при попытке получить там идеологическое, а то и даже фактическое господство. Но после 1945 г. пространства Центральной и частично Юго- Восточной Европы наконец перешли к так называемой внешней империи — Советскому Союзу, а когда он в итоге распался, США вместе со своими западноевропейскими союзниками приняли на себя функцию, которую опасались брать в межвоенный период. Задачи простирались от экономической помощи и политической стабилизации до военных интервенций. В Боснии и в Косово последние были представлены как гуманитарные акции; без сомнений, они заключались и в этом тоже, однако в основном дело было во вмешательстве извне для предотвращения повторения событий, до которых дошло в межвоенный период. И тот факт, что США при этом взяли на себя основные обязанности как «держава со стороны»[121]7, объяснялся главным образом тем, что они единственные обладали соответствующими военными возможностями.

В этом одновременно заключалось и то преимущество, что они могли выполнять имперскую задачу по установлению мира и при этом, в отличие от «близких к этой земле» европейских держав, не подвергаться опасности попасть в зависимость от имперской роли.

Взгляд на Центральную и Юго-Восточную Европу, где прошла свою первую проверку на прочность возникшая постимперская эпоха, демонстрирует присущую ей диалектику, которая проявлялась раз за разом

в XX столетии при крушении империй: постимперские пространства оказываются обречены, чтобы их стабилизировали извне ради возможности установления в них стабильного порядка; им нужно время для развития собственных политических структур, и они получают его, только если находится держава, которая — пусть и временно — выполняет имперскую функцию по поддержанию порядка, не вставая при этом на позицию старой империи. И не в последнюю очередь именно это требование благоприятствовало превращению США в глобальную державу. Постоянно гордо провозглашавшаяся в XX в. наступающая постимперская эпоха в связи с этим оказывается основанной на парадоксе: она нуждается в таком факторе, который согласно ее же условиям уже не должен существовать вовсе. Найл Фергюсон назвал это «империализмом антиимпериализма» США8.

Вудро Вильсон после 1918-1919 гг. полагал, что основанная в Женеве Лига Наций будет стабилизировать постимперское пространство. От такого международного объединения можно было лишь ожидать, что оно окажется соответствующим обозначенной выше задаче без того, чтобы соскользнуть на явно имперскую роль. Однако то, что было хорошо сконструировано в теории, вовсе не обязательно должно хорошо функционировать на практике. История Лиги Наций является историей провала в ответ на заявленное требование. Как раз из опасения взять на себя слишком много и оказаться на имперской позиции эта задача и была недовыполнена Лигой Наций9. Она не смогла стабилизировать постимперскую расстановку сил в Центральной и Юго-Восточной Европе, что стало одной из причин Второй мировой войны. Это вовсе не должно ставить под сомнение то, что войну начала национал- социалистическая Германия. Однако то, что она вообще смогла ее начать, связано с провалом Лиги Наций10.

Таким образом, вакуум власти в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенный период более или менее вынужденно приводил к требованию образования новой империи: внешнюю политику Гитлера и Сталина можно считать попыткой уничтожить систему национальных государств в Центральной, а также Северной и Юго-Восточной Европе и вернуться к имперскому порядку. То, что для немцев было ревизией Версальского договора, для русских оказывалось ревизией договора в Брест-Литовске[122], лишь частично удавшейся еще по ходу гражданской войны11. Коалиция между Гитлером и Сталиным была неожиданностью только для тех, кто обращал внимание исключительно на идеологические их противоречия, но при этом упускал из виду геостратегические

интересы[123].

Имперский проект Гитлера был раздавлен охватившей весь мир коалицией великих держав, а проект Сталина — пусть и почти 40 лет спустя после его смерти — развалился из-за перенапряжения ресурсов. В конце Второй мировой войны Сталин использовал образовавшийся после ухода немцев вакуум власти в Восточной и Центральной Европе и продвинул границы своей империи до Эльбы и Молдовы[124]. Но он спровоцировал возникновение антисоветской коалиции США и западных европейцев, которая существенно превосходила по потенциалу Советский Союз. Так что СССР должен был отдавать впятеро, а то и вшестеро большую долю своего ВВП, чтобы структурно сохранять необходимый баланс в военных возможностях.

Чтобы компенсировать эту катастрофическую в перспективе слабость, Советский Союз начал систематически поддерживать освободительные движения в странах «третьего мира», от чего ожидал постепенного сворачивания превосходства Запада. Надежда сохранялась, и в 1991 г. при крушении Советского Союза накопившиеся долги ему стран «третьего мира» достигли суммы около 130 миллиардов долларов12. Даже для западных возможностей такая внешняя задолженность, взыскать которую уже нет шансов, была слишком велика; для Советского же Союза она была катастрофой. Вызовы имперского проекта привели к перенапряжению на внешних линиях и к столь чрезмерному использованию внутренних ресурсов, что отступлением империи это уже компенсировать было нельзя.

В лице Советского Союза политическую арену покинула и последняя из тех имперских держав, которые контролировали запад Евразии в прошедшие столетия. В других частях планеты также можно было увидеть признаки конца эпохи империй: в 1945 г. при попытке построить империю потерпела крушение не только нацистская Германия, но и императорская Япония, а после окончания Второй мировой войны в течение двух десятилетий распались западноевропейские колониальные империи, за исключением португальской, понеся при этом значительные территориальные потери. Кон- фликт Восток — Запад вовсе не содействовал восстановлению старых колониальных империй, а интерес лидирующей западной державы — США — к восстановлению европейской власти в ходе отвоевания колоний был явно ограниченным. Характерным является замечание американского президента Эйзенхауэра по поводу попытки Великобритании и Франции восстановить вместе с Израилем контроль над Суэцким каналом, который незадолго до этого, в июле 1956 г.,

был национализирован президентом Египта Насером: «Как мы можем поддерживать Великобританию и Францию, если из-за этого мы потеряем (в пользу Советского Союза) весь арабский мир?»13 Один из немногих случаев, когда США избрали иную опцию, был во Вьетнаме, и то только потому, что национальное освободительное движение поддерживало тесные связи с Советским Союзом и с Китаем14.

За незначительными исключениями, эра европейских колониальных империй подошла к концу скорее бескровно, и европейцы передали власть туземным элитам, которые, конечно, были плохо подготовлены к своим задачам15. Описанные выше проблемы, бывшие на постимперском пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы, возникли очень скоро и здесь, причем тут не было державы со стороны, которая бы могла принять на себя имперскую задачу по поддержанию порядка, не проявив себя при этом фактически с имперской позиции. Во времена конфликта Восток — Запад оба блока оказывали временное стабилизирующее воздействие, однако оба же имели склонность к тому, чтобы позволить себе получить вознаграждение за принятие на себя имперских задач, тем самым беря на себя имперскую роль. Советский Союз и США получали все большее влияние на внутренние дела государств «третьего мира», где они поддерживали стабильность военной и экономической помощью. Таким образом, в течение долгого времени было скрыто, как слабо и как уязвимо для угроз большинство из возникших на постимперских пространствах государств, и то обстоятельство, что они получали место в ООН, казалось достаточным, чтобы аттестовать их как полноценные страны. Когда в начале 1990-х Советский Союз распался и вследствие этого оставшиеся сверхдержавой США утратили интерес к «третьему миру», еще раз проявилось, что многие из основанных в 1950-х и 1960-х гг. государства обладают лишь фасадом, который обрушится при первых же серьезных потрясениях16. Теперь смена имперского порядка набором из множества государств оказалась сложной и отягощенной разного рода рисками. Все проблемы, возникшие при стабилизации постимперских пространств, ничего, впрочем, не изменили в том мнении, что эпоха империй якобы подошла к концу.

Были (и остаются) прежде всего три аргумента, на которых основывается такой диагноз. Во-первых, говорят об относительном ослаблении властной позиции потенциально имперских акторов, Пол Кеннеди сформулировал это так: «Соединенные Штаты сегодня имеют все тот же громадный арсенал обязательств по всему миру, как и в предыдущую четверть века. Однако тогда их доля в валовом продукте

Земли, в продукции индустрии, в военных расходах и в размере войск была куда больше, нежели сейчас»17. Поэтому, по его мнению, все говорит за то, что объем американских обязательств должен быть сокращен, чтобы не ускорить начало заката из- за имперского перенапряжения18.

Во-вторых, сказались возросшее самосознание и отчетливо больший потенциал сопротивления покоренных мировой империей народов, что сильно увеличило стоимость владычества. Помимо политической рациональности, которая ограничивается в основном балансом затрат и прибылей, непривлекательной, если не невозможной, имперскую политику сделало в первую очередь уже упоминавшееся расширение общественного контроля за счет перманентного внимания

СМИ. Этот изъян не смогли компенсировать и возвращением к идее справедливой войны, ведь исторически последняя обладала неизменным сходством с имперской политикой.

Наконец, в-третьих, было поставлено под сомнение, что при современных условиях империя вообще может быть рентабельной. Если уже империализм XIX и начала XX в., как показывают историко-экономические расчеты19, стоил имперским державам больше, чем принес прибыли, тогда следовало исходить и из того, что теперь столь неравное соотношение стало еще более отчетливым[125]. Имперские устремления поэтому и превратились в антикварные проекты, которые при изменившихся базовых условиях потерпят быстрый крах; они являются лишь досадными проявлениями прошлого в настоящем, которое движется в совершенно иную сторону.

Диагноз о конце имперской эпохи, таким образом, может быть основан на убедительных аргументах, которые базируются не на нормативных желаемых вариантах, а на экономических и политических наблюдениях. Тем неожиданнее оказалось внезапное превращение себя Соединенными Штатами в новую империю.

США: новая империя

Бесчисленные приговоры о конце эпохи империй, пронизывающие политическую публицистику ушедшего XX столетия, кое-что дали для анализа нового мирового порядка, однако, разумеется, не разглядели возвращение империи. Против этого были весьма сильные, особенно в Европе, ожидания того, что ООН теперь наконец примет на себя задачи, которые и предусматривались для нее при ее основании на исходе Второй мировой войны. Вследствие самоограничения[126] Совета Безопасности ООН вплоть до крушения Советского Союза они не могли быть выполнены частично или полностью. После завершения конфликта Восток — Запад эта проблема считалась снятой с повестки дня.

Дальнейшим фактором возрастания веса ООН казался постепенно исчезающий суверенитет государств, которые уже не могли играть роли ни в поддержании внешней безопасности, ни в гарантировании стабильности валюты, хотя когда-то она была довольно велика20. Ослабление силы государственного контроля и необходимость во все возрастающих объемах передавать суверенитет в руки транснациональных институтов позволяли надеяться, что теперь действительно начнется эра всемирных организаций. Такие ожидания были широко распространены в первую очередь в Западной Европе, и не в последнюю очередь из-за этого там существенного прогресса добились Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Европейский союз (ЕС). Развитие Европы после Второй мировой войны должно было, по мнению европейцев, стать моделью для нового мирового устройства21.

Помимо модели порядка, основанного на сообществе государств, циркулировали и представления о нарастающем разгосударствлении экономических пространств, которые структурировались независимо от территориальных границ и были связаны друг с другом в глобальном масштабе22. Тип национального государства, сформированный в XVI и XVII столетиях, при этом должен будет якобы постепенно исчезнуть.

В таком порядке речь шла уже не о пространствах и структурах, а о мобильности и о потоках, причем неважно, имеется ли в виду капитал, услуги, информация или рабочая сила. Государство вместе со своими функциями теряло часть своей власти, и эта часть теперь была распределена между саморегуляцией режима рынка и политическим воздействием негосударственных организаций (НГО)23.

То, что недооценивалось в обеих перспективах, как в сообществе государств с центром в ООН, так и в глобальной сети метрополий, так это значение периферии и обратных от нее эффектов в центре. А последние в первую очередь привели к тому, что дошло до неожиданного возрождения модели имперского порядка, причем у либеральных интеллектуалов даже возникла определенная симпатия к ней, что отражается в заявлении Ричарда Рорти о том, что в нынешней ситуации РахАтепсапа — лучшее, на что мог бы надеяться мир24.

В системе государств с ООН в качестве центрального пункта переговоров и места, где принимаются решения в последней инстанции, попросту упускается из виду то, что распространившаяся по всему миру стабильная государственность будет существовать, только если она будет встроена в единый правовой и договорный режим. Сколь легковесным и, в конце концов, неверным было такое упущение, показывает начавшийся уже в 1990-е гг. процесс распада государств, для которого уже сформировалось устойчивое обозначение 1аШ^81а1ез[127]. Только в Западной и Центральной Европе, в Северной Америке и Восточной Азии существует такая форма государственности, которая подходит для условий функционирования мирового порядка в выше описанном виде. В Центральной и Южной Америке, в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Кавказском регионе, Центральной Азии и частично в Юго-Восточной Азии, напротив, этот государственный порядок еще только предстоит установить (восстановить), и еще вопрос, не будет ли он быстрее стерт в ходе глобализации, нежели его можно будет выстроить. Одновременно успешное nation- building[128]НМееТ массу последствий не только для импортера стабильности, но и для ее экспортера: возникают протектораты и подмандатные территории, в том числе такие, где используется открытая сила, где возводится новая инфраструктура, обучается персонал и контролируется весь процесс конверсии, поэтому экспортер оказывается в квазиимперской роли, даже если он с самого начала ограничен по времени и намерен сделать так, чтобы в дальнейшем его присутствие стало излишним25. Раз за разом США приходится принимать на себя задачи, играя роль умиротворяющей империи. Босния, Косово и Афганистан служат тому примерами.

Бросив взгляд на концепцию сети метрополий, которая должна была создать изменчивый порядок, самое позднее с 11 сентября 2001 г. можно отчетливо увидеть, сколь уязвимы его структуры. Богатые и динамичные центры не были заинтересованы в пространствах вне их сети, и в отличие

от модели nation-building в установление в них порядка они не инвестировали. Однако это делает сильно уязвимыми линии связи между метрополиями, так что становится неизбежным заранее продуманный контроль над этими пространствами26. Коротко говоря, в связи с новыми формами войны и ведения боевых действий постимперские проекты реорганизации мирового пространства оказались недостаточными или иллюзорными. В случае с моделью на основе ООН следует принимать во внимание войны за ресурсы между полевыми командирами, освободительные движения и бойцов за веру, для которых мировое сообщество не авторитет; в случае с сетью метрополий — международный терроризм, который проникает в глобальные потоки товаров и капиталов, людей и услуг, чтобы использовать их для своей логистики и внезапных нападений27.

Тем самым империя как модель политико-экономического порядка вновь стала обсуждаться, и очень скоро оказалось понятно, что она обещает сделать именно то, что не смогли обеспечить система государств во главе с ООН и сеть метрополий: решительное вторжение в свободные от государства пространства с целью по меньшей мере предотвратить там геноцид и бойню, а также взять на себя весьма масштабную охрану хрупких линий связи между экономическими центрами Земли. Первое постоянно проходит под видом гуманитарной военной интервенции, последнее — под девизом войны против террора. То и другое быстро смешивается друг с другом в рамках развертывания имперской мощи, что едва ли удивительно. Дебаты об империи, соответственно, опять же приводят к ее критике.

Первый вопрос, который при этом возникает: не является ли возвращение империи политически произвольным процессом, который таким образом можно обратить и вспять, или же речь идет о структурных потребностях в действиях акторов во главе с США, причем неважно, какой именно сейчас на посту президент. А если конкретно, вопрос, который начинают обсуждать, — перешли ли бы США к односторонней политике силы, если бы не был избран Джордж Буш-младший, а неоконсервативные круги не получили бы такого политического влияния. Немало аналитиков полагают, что американская политика приобрела имперский характер в основном за счет личных решений президента под влиянием его советников и их идеологических установок28. А если дело обстоит именно так, вопрос о логике империи исчерпан, и на его место нужно ставить исследование психики Джоржда Буша-младшего и его ближайшего окружения. Режиссер Майкл Мур избрал именно такой путь, однако

слишком публицистично[129]. Тем не менее более сложное решение поставленного вопроса подразумевает возведение возникновения империй в основном к империалистически настроенным политикам в центре или же к структурным проблемам на окраинах. Также следует поразмыслить о том, что миссия империи воспринимается политическими элитами как долг — это определяет перспективу восприятия ими проблем и, наконец, подготавливает их к тому, чтобы потратить легитимационные ресурсы, которые нельзя недооценивать, ради реализации соответствующих решений.

И все же, вероятно, этот вопрос не может быть решен однозначно: Монгольская мировая империя вряд ли возникла бы без личности Чингисхана. Он сначала создал военную организацию, которая не только была в состоянии вести обширные завоевания, но и на основании своей внутренней структуры должна была вести перманентные завоевательные походы. С другой стороны, история степных империй демонстрирует регулярность возникновения способного к экспансии ядра лояльных сил, от гуннов и аваров до монголов, позволяя предположить, что географические условия в центральноазиатском регионе таковы, что не только благоприятствуют появлению харизматических империалистов, но и практически требуют их появления. Как мы уже видели, эту цепь можно продлить и до царской России, даже до Советского Союза, последней имперской державы на этом пространстве: здесь помимо решений харизматических завоевателей решающее значение для имперского строительства имели политический вакуум и экономическая разница в уровне развития.

На это можно было бы возразить, что мудрая, предусмотрительная политика должна противодействовать этому водовороту, в финале которого, как правило, оказывается одна из форм имперского перенапряжения. Будет ли это возможно, зависит от того, в какой степени те, кто принимают решения, находятся под воздействием алчности своего аппарата подавления и настроений населения. В империях с сильной военной аристократией или с динамичной буржуазией этот затягивающий процесс встречает столь прочную поддержку, что политическое руководство никак не может от него уклониться. В демократических империях вмешательства от политического руководства могут требовать избиратели, оказывающиеся под впечатлением от картин и рассказов о бойнях, голоде и бесконечных гражданских войнах, и тем самым только помогающие зову периферии. Для обозначения последней ситуации между тем укореняется понятие либерального или демократического империализма29, который Майкл

Игнатьев назвал «Empire lite»[130]30.

Само название «империя», или «empire», долгое время в США почти не употреблялось, если даже не было предосудительным. Пол Кеннеди в своей достойной всяческого внимания книге «Great Powers», то есть «Великие державы»31, где речь шла об empires, имел в виду мировые империи прошлого, но не США32. Понятие империи, если оно вообще может быть применено по отношению к настоящему, было зарезервировано как критический эпитет Советского Союза. Иной способ его употребления представлял собой нарушение табу, которое те, что осмеливались на это, должны были в буквальном смысле преодолевать.

Когда критики войны США во Вьетнаме предъявляли обвинение в империализме, они делали это в политических целях, чтобы пробудить нацию, которая во многом основана на наличии у нее антиимпериалистического самосознания. Когда же сейчас речь заходит об американской империи в позитивно- подтверждающем смысле, едва ли при этом имеется в виду ее преемственность по отношению к империям прошлого. Таким образом, следует вместе с обращением к термину «империя» маркировать и отличие от старых империй, особенно от политики империализма, и соответственно вести речь об informal empire, или empire by invitation, или consensual empire[131]33.

Итак, что же стало явным началом новой американской империи? Майкл Игнатьев говорил о «новой форме имперского господства в постимперскую эпоху», которая характеризуется будто бы соблюдением прав человека и демократичностью, а также введением и обеспечением свободы рынка; для Эндрю Басевича отказ от стран-сателлитов в классическом смысле слова и вместо этого глобальное воздействие на осуществляющие посредничество институты, вроде НАТО, ООН, Международного валютного фонда и Мирового банка, и является новой американской империей; Чарльз Майер видит ее специфику в смеси экономического обмена и выдачи гарантий безопасности, в то время как для Дана Динера Американская империя является не чем иным, как политическим обрамлением мирового рынка, постоянное расширение на окраинах мира которого оставляет все меньше места для суверенных властей34.

Напротив, критики American Empire оспаривают принципиальную новизну такого рода господства и представляют ее в традициях классического империализма35. Главным доказательством этого называют разделение американскими военными всего земного шара на пять

региональных командований, которые обязаны заботиться о том, чтобы не подвергались опасности интересы США. Порой сравниваемые с римскими проконсулами главы этих командований, существующие в настоящий момент для Латинской Америки, Европы, Среднего Востока, Тихоокеанского региона и Северной Америки, располагают за пределами США более чем 250 тысячами солдат. Войска и материальная часть распределены между более чем 700 опорными военными пунктами в более чем 150 странах, и оттуда они могут быть задействованы, причем быстро и без длительных переходов. Однако если даже американские соединения не применяются, их опорные пункты являются фактором постоянного влияния в конкретном регионе. С их помощью можно поддерживать или дестабилизировать местные правительства36. Для критиков они и образуют скелет новой империи, и позволяют США продолжать проведение уходящей корнями еще в XIX в. традиции имперской политики. «История американской империи, — писал Чалмерс Джонсон, — суть история возведенных на заграничных территориях военных баз»37.

В то время как при таком взгляде выясняется политический и военный континуитет, другие критики американской имперской политики указывают на то, что империализм уже с XIX столетия не ограничивался лишь административновоенным контролем над территориями или же устройством опорных торговых пунктов. Современная форма империализма куда более нацелена на открытие новых рынков, чтобы наводнить их произведенными промышленным способом, а потому дешевыми товарами38. Это практиковалось британцами еще в Опиумной войне (1840-1842), когда было силой покончено с торговой и политической изоляцией Китая. За счет демонстрации силы американской канонеркой под командованием коммодора Мэтью Перри в гавани Токио с 1853 г. добились открытия Японии для европейско-американской торговли, что было важно не с военной, а с экономической точки зрения. На место геополитики пришла геоэкономика — также форма имперской политики, пусть она и не использует привычные схемы колониального господства. Империализм рынков с этой точки зрения уже в XIX в. дополнял классические формы колониального империализма. Между тем процесс глобализации сегодня, конечно, зашел уже так далеко, что «экономика канонерок» едва ли теперь потребуется. На ее место уже пришли Международный валютный фонд и Мировой банк как инструменты глобальной экономической и финансовой политики, в высокой степени соответствующей американским интересам39.

Имперский проект на основе контроля за процессом глобализации

поэтому ни в коем случае не так нов, как предполагает Ден Динер, когда он видит в политике opendoor[132], в открытии ранее протекционистски защищенных рынков некий отличный от континентально-европейского особый путь США40. Такую политику проводил, как мы уже видели выше, и британский империализм свободной торговли в викторианскую эпоху. Она была фланкирована либеральным интернационализмом, который в распространении принципов свободной торговли вопреки протекционизму отдельных стран видел один из факторов, способствующих установлению мира. Однако открытие рынков для европейских товаров и европейского капитала в течение нескольких десятилетий размывало политическую стабильность капиталистически инфильтрированных пространств, и теперь уже европейцам приходилось восстанавливать имевшиеся ранее административные структуры.

Согласно этой модели, отстаиваемой критиками экономической глобализации, поддерживаемой американской империей, на спад идет и цикл американского имперского проекта: глобализация выявила failingstates, ведь экономическое развитие в этих странах подвергло эрозии государственную монополию на применение силы — после этого полевые командиры начинают устанавливать контроль над теми территориями, с которых можно постоянно получать доходы за счет полезных ископаемых, и опять-таки вследствие этого процесс глобализации на окраинах приходится обеспечивать за счет военных интервенций и nation-building. Шаг за шагом из глобализации рынков вырастает интервенционистский империализм или же серия войн по умиро-творению41, которые являются непростой формой мирового господства, однако никакого нового мирового порядка не устанавливают. Прежде всего США все более оказываются вынуждены делать ставку не на экономическую интеграцию или цивилизационную привлекательность, а на военных, то есть softpower теперь в возрастающей степени превращается в 11агс1ро\уег. Как и британский, американский цикл заканчивается войнами на периферии и усилившимся применением военных. Однако в отличие от конца XIX в. войны и военные силы в XXI столетии как способ решения проблем имеют достаточно слабый потенциал. Так что американская империя в течение сравнительно короткого времени потерпит неудачу из- за несоответствия между проблемами, которые приходится решать, и собственными ограниченными возможностями. И при этом, продолжают критики американской политики, решающим вкладом будет то, что Америка имеет слишком мало источников силы, относящихся к XXI в., а вот тех из них, что имеют сейчас достаточно малую востребованность, у нее слишком

много. Цитируем Майкла Манна: «АтепсапЕтрйе получилась из военного колосса, экономического “зайца”, политического шизофреника и идеологического фантома»42.

Теперь, конечно, напрашивается рассмотрение войн по умиротворению на периферии как следствия империалистического перенапряжения, которому придается тем меньше значения, чем сильнее лидирующая держава концентрируется на внутренних кольцах и эллипсах зон благосостояния, ограничиваясь тем, что защищает их от исходящих от периферии угроз. Именно это отличает политику римлян и китайцев после консолидации их империй. Имперская политика, как можно было бы уточнить, отличается от империалистической политики тем, что она интересуется преимущественно центром, а областям за пределами империи уделяет лишь столько внимания, сколько безусловно необходимо. Империалистическая политика, напротив, как правило, занята периферией и ориентирована на то, что куда большие вызовы исходят с периферии империи, но не из ее центра. Соответственно империалистическая политика придает значительно больший вес военным, нежели это происходит в имперском варианте, где им уделяется лишь относительное внимание по сравне- нию с экономической, политической и культурной МОЩЬЮ43.

То, что рассматривается критиками американской империи как причина ее неизбежного заката, является, как они считают, скорее следствием ее неверной политики, увязшей в проблемах на периферии, вместо того чтобы воздерживаться от этого и позволять противнику самому себя ослабить с помощью мудрой политики бтбе-е-трега. Как считал Чалмерс Джонсон44, Билл Клинтон был более мудрым имперским политиком, нежели Джорждд Буш младший, который поддался искушениям империалистической политики на периферии.

Имперская политика в отличие от империалистического ее варианта выразилась бы тогда в том, что США выступали бы в основном как гарант более прочных экономических связей между Европой, Америкой и Восточной Азией, а в роли «идеального вездесущего капиталиста» они заботились бы, чтобы достигнутый там уровень обмена товарами и знаниями уже никогда не рухнул так трагически, как в конце 1920-х гг., ведь прежний уровень взаимосвязи с мировой экономикой был вновь достигнут лишь в 1970-е45. Если предпосылки существования империй — возможно, за исключением степных империй — понимать как уплотнение и интенсификацию экономического обмена в пределах контролируемого пространства, тогда важнейшей задачей имперской политики является

поддержание порядка в правовой форме в этой экономической зоне, а также устранение конкурентов с помощью военной силы, обеспечение стабильности валюты или же стабильного обменного курса между валютами экономических центров, поддержание превосходства имперского пространства над его окружением за счет технологических инноваций и, наконец, защита его от атак извне, коротко говоря — выполнение задач, которые возникают при пересечении «августовского барьера». Решающим далее для долговечности империи является то, что военные задачи удерживаются в рамках и никогда не получают преобладания в планах имперской державы, в плане экономии ее внимания.

Такая оптимальная балансировка поставленных задач зависит, конечно, не только от мудрости правящих, но и от того, доступны ли стратегические ресурсы, на которых базируется экономика имперского пространства, или же их приходится импортировать. Последнее может повлечь за собой перманентное тяготение к прямому господству над частью периферии. В этом отношении контроль за снабжением нефтью и ценами на нее является ахиллесовой пятой американской империи.

Имперская политика, основанная на мирном поддерживании текущего положения вместо военной экспансии, ведет, правда, к моральному парадоксу, имеющему самые широкие последствия: все виды гуманитарных интервенций на периферии и даже за ее пределами, то есть то, что выше было описано как элемент ядра имперской миссии, превращаются затем в такую роскошь с моральной точки зрения, что империя по экономическим причинам не может их себе позволить, да и не должна этого делать, учитывая условия поддержания своего существования. В логике ориентированной на экономическое процветание империи военные интервенции для обеспечения контроля за снабжением нефтью рациональны, однако они же ради окончания гражданских войн за пределами центральной зоны империи с последующим nationbuilding иррациональны. Однако это способно привести к тому, что с излюбленным либеральными интеллектуалами проектом глобального утверждения и охраны прав человека (то, что Игнатьев называл empirelite46) придется попрощаться. Такие идеологические ситуации формируются, если империя из-за переоценки своих возможностей позволяет себе ставить цели и планы, противоречащие императивам ее самосохранения.

В данном случае речь идет о периодически встречающемся в истории империй случае, когда имперская рациональность и имперская миссия вступают друг с другом в конфликт, который не может быть решен компромиссом. Так, для Испанской мировой империи, исходя из

соображений самосохранения, было бы логично отказаться от военного проекта Контрреформации, чтобы пощадить свои ограниченные ресурсы. Однако этого не позволяла имперская миссия, из которой империя черпала свою легитимность, а имперская элита — мотивацию к действиям. Когда имперская миссия с середины XVII в. утратила вес, это было признаком истощения сил империи — именно так ситуация была воспринята другими политическими акторами.

Теперь перед такой же дилеммой оказались и США: мирное поддержание текущего положения империи основано на отказе от глобального перенапряжения ее сил. Чтобы контролировать субглобальный мир империи, следует от проблем глобального мира обратиться к мудрой имперской политике и теперь охранять себя за счет возведения «имперской варварской границы»47. То, что происходит по ту сторону от нее, интересовало империю лишь тогда, когда из этого могла вырасти угроза ее безопасности. В действительности политика долговечных империй, особенно Китайской и Римской, очень во многом следовала именно этим принципам. Однако в эпоху демократии и медийного сжатия пространства это едва ли возможно. Имперская миссия США тем самым постоянно опровергается, а без ее морального осознания, основополагающего для американской империи, последняя потеряет значительную долю своей силы. Таким образом, может статься, что она потерпит крах не столько от своих внешних врагов, сколько от морального перенапряжения от своей миссии, потому что последняя делает невозможной требуемую индифферентность по отношению к внешнему миру.

Демократическая

империя?

То, что подле друг друга могут действовать демократический порядок и процесс развертывания имперской мощи, многими подвергалось сомнению. Как правило, импер- скость связывается с авторитарным (если не автократическим) руководством в центре, так что демократизация оказывается равнозначна распаду. Конец Советской империи, казалось, подтверждает данный тезис. Сильно повлияла на это утверждение и история Рима, республиканское государственное устройство которого было подорвано в ходе римской военной экспансии в Средиземноморье, после чего последовало столетие внутренних смут и гражданских войн. В дальнейшем, при Октавиане Августе, республиканские институты стали лишь фасадом для политической системы, в которой ни народу, ни даже патрициату не отводилось какого-либо влияния.

Возведение империи и разрушение республики шли в Риме рука об руку друг с другом — это представление, на котором были воспитаны поколения не только европейцев, но и американцев48, политическое устройство которых куда более ориентировано на римский образец, нежели в какой бы то ни было европейской стране. Пример Рима сыграл большую роль и во Французской революции, однако там прежде всего он послужил Бонапарту образцом для его провозглашения первым консулом, а в итоге и императором в Риме ради распространения французской власти в Южную и Центральную Европу. Таким образом, как акторы, так и наблюдатели Французской революции видели отражение ее хода в основном в имперском, а не республиканском Риме, в то время как Америка посчитала образцовыми институты именно Римской Республики, которые на деле предотвратили возникновение противоборствующих фракций, возвышение партийных лидеров и, наконец, привели к уничтожению республики[133].

Вот почему политическое самосознание США было в основе своей антиимперским. Это существенно содействовало тому дистанцированию от мировых политических вызовов, которое раз за разом определяло американскую политику как в XIX, так и в XX столетии. В связи с этим не особенно удивляет, когда радикальные критики неоимперской политики постоянно проводят параллели с позднереспубликанским Римом, чтобы продемонстрировать несовместимость республиканского государственного устройства и имперской политики: так как империя и демократия не могут идти рука об руку, демократия в США будет свернута49. Первым

признаком этого является, как правило, нарастающая однотонность в СМИ, становящихся инструментами пропаганды политики правительства.

Но и те, кто относится к имперской позиции США позитивно или, по меньшей мере, допускают ее, видят некоторое противоречие между демократическими порядками внутри и имперской политикой вовне. Майкл Игнатьев свел это в формулу о том, что бремя империи обязывает к долговечности, у демократий же будто бы мало времени, а потому они всегда спешат50. Краткие ритмы демократически контролируемого занятия тех или иных должностей, а также ограничение срока пребывания президента на должности максимум восемью годами, при ожиданиях населения, что проблемы будут осмыслены и решены в пределах обозримого будущего, плохо подходят к требованиям имперской политики: ведь именно там ставятся задачи, которые, как правило, обещают успех после их решения лишь спустя десятилетия. Действия в условиях нехватки времени почти всегда ведут к негативным результатам. И если во внутренней политике ошибки все же могут быть исправлены в среднесрочной перспективе или же они приведут к смене правительства, внешнеполитические промахи, к тому же связанные с претензиями на мировое господство, почти всегда имеют долгосрочный характер и последствия, едва поддающиеся коррекции.

Вероятно, проявившаяся в последние годы склонность США во все возрастающем масштабе привлекать военных к решению проблем также является следствием недостатка времени, вызванного демократическими механизмами. Военные способы решения рассматриваются как обещающие быстроту и окончательность, и потому империя «в спешке» зачастую прибегает к ним чаще, нежели это было бы разумно и уместно. Данное наблюдение, если полагать его верным, приводит к неожиданному выводу, что демократические империи прибегают к военным средствам чаще, нежели авторитарные. Это могло бы объяснить большое количество войн, в которых участвовали США после 1945 г.51

С другой стороны, как раз демократические общества не слишком воинственны и не рассматривают войну как возможность прославиться и добиться почестей, а подвергают анализу ее затрат и прибыли, по результатам которого часто оказывается, что она неэффективна и слишком дорога. При более тщательном рассмотрении поддержка населением решения президента о войне, таким образом, может быть получена лишь очень тяжело, и это опять же имеет следствием, что многие войны ведутся скрытно или же начинаются после предъявления фактов, не соответствующих действительности. Это касается и так называемого

Тонкинского инцидента, на основании которого объясняли начало воздушных бомбардировок Северного Вьетнама, а также якобы имевшего место убийства кувейтских младенцев в инкубаторах иракскими солдатами, что должно было мотивировать американское вмешательство в заливе в 1990-1991 гг., вплоть до имевшейся якобы угрозы для всего свободного мира из-за оружия массового уничтожения у Саддама Хусейна — все это пронизывает оправдания американских интервенций широкой полосой подлога и лжи52. Эти прикрытия регулярно используются как доказательства принципиальной лживости американской политики, инсценирующей угрозы и опасности, чтобы проводить свои интересы и расширять зону своего влияния. При этом в большинстве случаев упускается из виду структурная необходимость инсценирования угроз, чтобы мотивировать демократическую общественность к восприятию имперских обязательств. Политика инсценировки и подлога служит тому, чтобы закрыть брешь между демократией и империей.

Вне всякого сомнения такая политика при продолжительном ее проведении становится угрозой для демократии; но вот то, что в рамках требований имперского порядка она является еще более опасным вспомогательным средством, как правило, ускользает, ведь демократия в нашем самосознании представляет большую ценность, нежели империя (если последняя вообще принимается как ценная модель политического устройства). В начале 1960-х гг., по-видимому, самая сокрушительная для демократии угроза была проявлена в разработанном начальником Генерального штаба Лайманом Лемницером плане под кодовым названием «Operation Northerwoods»[134], согласно которому предполагалось проведение терактов, а мирных жителей на улицах американских городов должны были отстреливать из укрытий, чтобы получить политическую поддержку со стороны американского населения для вторжения на Кубу53. Хотя после рассмотрения этого плана Лемницеру пришлось уйти, подозрения, что американское правительство не только инсценирует угрозы, но и проводит атаки против собственного населения, с тех пор не прекращаются и после терактов 11 сентября 2001 г. были развиты в целую теорию заговора54. Конечно, США в первой половине XX столетия получили военный опыт, который явно отличался от опыта континентальных европейских стран, и это существенно посодействовало тому, чтобы вновь обнаружить у населения США, обладающего правом голоса, готовность по меньшей мере частично принять на себя затраты, связанные с имперским проектом. В двух мировых войнах именно США были главным победителем, хотя оба раза, если сравнивать с остальными

главными участниками, у них было наименьшее количество погибших, но максимальный экономический выигрыш55.

В Первую мировую войну США вступили нацией должников, а вышли из нее крупнейшим кредитором. Одновременно из-за военных тягот европейских конкурентов они получили выход к рынкам, где до сих пор были едва представлены. После Второй мировой войны, вследствие которой на долгое время из числа конкурентов выбыли Германия и Япония, а по ходу ее окончательно была истощена и Британская мировая империя, США сумели стать сильнейшей державой, намного превосходящей остальных как экономически, так и политически. Так у США возник опыт получения от войн прибыли, а поскольку американский капитал оказался главным получателем выгоды от обеих войн, в памяти среднестатистического американца вступление в войну и экономический расцвет оказались тесно связаны.

Готовность в течение долгого времени нести на себе бремя Вьетнамской войны объясняется в том числе воспоминаниями об обеих мировых войнах. Однако уверенность в ее целесообразности была основательно ослаблена в ее ходе, ведь она имела следствием, помимо психической, еще и экономическую депрессию в США. Лишь в войне в Заливе в 1991 г. вновь получилось приблизиться к опыту первой половины

XX столетия. И все же следует оставить на втором плане в общем и целом верное убеждение в том, что в современной войне принципиально больше тратят, нежели приобретают, ведь оно безусловно работает только для государств, в то время как империи при определенных обстоятельствах могут черпать из войн большие ценности, как политические, так и экономические, и это происходит, когда конкурирующие державы взаимно ослабляют друг друга и берут на себя главную тяжесть войны. Для империи также могут быть полезны войны, угроза в которых способствует укреплению внутренней сплоченности имперского пространства. Они блокируют центробежные тенденции отдельных частей державы, усиливая смысл существования империи. Вторая война в Заливе подействовала именно так, а вот третья[135] имела обратный эффект. Какие последствия в средне- и долгосрочной перспективе будет иметь «война против терроризма», еще предстоит выяснить.

И если, как утверждает Эндрю Басевич, американское население будет активно поддерживать имперский проект, в чем он и сам сомневается, то следует все же констатировать, что политическая система США вовсе не оптимально приспособлена для руководства империей. Пока она нуждается в длительных горизонтах планирования, общественная поддержка

имперской политики будет непрочной, так как люди ждут, «что преимущества империи будут перевешивать ее бремя и ответственность, причем значительно»56. В отличие от авторитарно управляемых империй, которые и являются типичным случаем в истории, демократические империи или же империи с высоким уровнем ответственности перед населением едва ли способны продержаться долгое время, если имперская политика стоит больше, чем приносит. В более точной формулировке это означает, что именно демократические империи подвержены большему стремлению к трофеям, чем управляемые авторитарно57.

Понятие зависимости от трофеев в демократических империях, разумеется, имеет скорее метафорическое содержание, ведь оно применяется к постгероическому обществу, в самосознании которого войне не придается центрального значения58. В отличие от империй прошлого, в фазе возвышения которых военные трофеи были не только мотивом, но и ресурсом экспансии, с 1945 г., после крушения как германской, так и японской попытки построить империю, об этом не может быть и речи. Однако в принципе уже индустриальная революция изменила структуру мотивации имперского проекта и императивы имперской политики. Имперская экспансия теперь не особенно связывается с тягой к присвоению чужих владений и сокровищ, а также с эксплуатацией рабочей силы покоренных народов, она теперь служит открытию новых рынков, которые следует отпереть для потока товаров из экономически развитых стран. То, что понимается под трофеями, является как раз не богатством побежденных, а их потребностью в потреблении или — при взгляде на более дешевые промышленные продукты имперского центра по сравнению с изделиями ремесленного производства на периферии — их технологической отсталостью.

Важнейшей предпосылкой к тому, чтобы иметь возможность проводить имперскую политику подобного рода, было, таким образом, экономическое, но далеко не военное превосходство. Если роль играли ресурсы, то это были полезные ископаемые, впервые получившие ценность вследствие промышленной революции, когда была признана их польза, а их разработка стала перспективной. Экономическим путем пошел прежде всего британский империализм, и его образцу последовали остальные европейцы, североамериканцы и частично японцы, в то время как империалистическая политика царской России оставалась привязанной к старым путям развития, за что ей и пришлось заплатить в начале XX в. тяжелыми поражениями59.

Проблема основанного на скорее экономическом, нежели на военном

превосходстве имперского проекта состоит, конечно, в том, что при охране вновь открытых для империи экономических пространств она не может отказаться от присутствия там своих военных. До тех пор, пока хватает применения небольших контингентов, это не сулит серьезных трудностей, особенно если они, как в случае с частями сипаев в Британской империи, оплачиваются и контролируются торговыми компаниями. Все изменилось, когда начались восстания и распространились беспорядки, сделавшие необходимой постоянную отправку более крупных войсковых соединений: во-первых, это стоило значительных затрат, во-вторых, потери своих солдат могли быстро сокрушить готовность населения поддерживать имперский проект. Но и в этом случае британцы сразу и наиболее масштабно использовали самое очевидное решение: рекрутирование войск на периферии империи, где это стоило значительно дешевле, и даже потери крупных отрядов не могли вызвать столь большого недовольства, как в случае с теми частями, которые комплектовались в имперском центре60.

Элементы такого подхода прослеживаются сегодня и в американских войсках, которые с 1970-х гг. состоят не из военнообязанных, а из профессиональных солдат или солдат- контрактников. Одним из важнейших уроков Вьетнамской войны стало то, что такая война не должна вестись уроженцами страны, набранными из представителей средних слоев, потому что в их среде протестный потенциал соединяется со способностью к его политическому выражению. Тем временем уже 44% личного состава американских вооруженных сил стали принадлежать к этническим меньшинствам61. Они не имели бы никаких шансов на нормальном рынке рабочей силы, а вот в армии они проходят социальную интеграцию и получают признание, что еще больше привязывает их к войскам. Военная субкультура, которая возникла на американских базах и кораблях по всему миру, конечно, демонстрирует нарастающее отличие от повседневной жизни общества в США, и надо будет еще посмотреть, останется ли она верна демократии. Однако это ничего не меняет в том, что Соединенным Штатам не в последнюю очередь именно таким путем удалось создать армию, которую можно применять в любой точке мира, которая боеспособна, насколько это вообще может быть в армии постгероического сообщества.

Своеобразным функциональным эквивалентом колониальных частей, которыми контролировали свои империи европейцы в XIX и XX вв., представляются возникшие за это время и вербующие наемников так называемые РпуаГеМШ- 1агуСотратез (РМСэ; «Частные военные компании» (англ.). В русском языке применяется аббревиатура ЧВК. —

Примеч. пер.)62, благодаря которым готовность к самопожертвованию населения имперского центра была заменена денежными выплатами. Доля так называемых greencardsoldiers[136] в посланных в Ирак частях вооруженных сил США, то есть солдат, которые хотели бы получить американское гражданство за счет долгих лет военной службы, доходила до одной пятой, а личный состав дополнительных ЧВК оценивался величиной до 20 тысяч человек. За перспективу предоставления гражданства США или же в обмен на соответствующую плату эти мужчины (и женщины) были готовы нести на себе военное бремя имперской политики, что существенно повысило уровень приемлемости военных акций для американских избирателей.

Осталась проблема затрат, которая в конечном счете и решает, перевешивают ли в долгосрочной перспективе преимущества империи ее же недостатки. Для центральных властей империи не всегда оказываются возможны столь же благоприятные в финансовом смысле варианты, как во время войны в Заливе в 1991 г., когда союзники из военных расходов в 61 миллиард долларов США приняли на себя около 80 %. Поэтому сомнительно, чтобы американский электорат был и впредь готов нести существенный груз имперских расходов на вооружение. Хотя доля затрат на оборону в ВВП, которая сегодня составляет 3,5 %, сократилась по сравнению с временами холодной войны наполовину, это связано не столько с падением расходов на вооружение в абсолютных цифрах, сколько со значительным экономическим ростом в США в 1990-е гг.

Бремя расходов на оборону, таким образом, следует рассматривать относительно экономической мощи США, и можно ли будет и дальше держать ежегодный дефицит бюджета примерно в 5 % ВВП — неизвестно. США с их долей в мировой экономике в 27 % обладают более солидной экономической базой, нежели когда-то была у Британской мировой империи63, однако и эта доля меньше той, что была у США в межвоенный период и после Второй мировой войны, когда она превышала 40 %. В дальнейшем она должна еще сократиться. Если США собираются сохранить нынешнюю свою позицию военного превосходства, им придется начать сокращать социальные расходы, что отразится на жизни их граждан. Едва ли следует предполагать, что это пройдет бесследно для поддержки имперского проекта.

Желая составить представление о тех нагрузках, которые возникают для населения Америки из-за военного аппарата империи, можно провести весьма показательное сопоставление двух цифр: доля США в мировой экономике столь же велика, как у следующих за ними трех стран вместе

взятых (Япония, Германия и Франция)[137]. Однако военный бюджет США в

абсолютных цифрах составляет столько же, сколько военные расходы следующих за ними 12 стран64. Это объясняет, почему Эндрю Басевич пришел к выводу, что величайшая уязвимость американской империи заключается не во внешних угрозах, а в «возможном недостатке готовности американского народа нести бремя расходов империи»63. Вопрос затрат, то есть среднесрочное соотношение между прибылями и бременем имперской политики, обязан стать главной проблемой демократической империи. И вовсе не случайностью будет то, что ее внутренние противники и внешние враги будут использовать именно эту слабость.

Решение американского правительства после окончания конфликта Восток — Запад сберечь лишь часть возможных дивидендов мирного периода и продолжать развитие военно-технологического преимущества было мотивировано представлением о том, что с окраин имперского пространства исходит более сильная угроза, нежели от конкуренции внутри него. Возросшее число террористических атак против американских учреждений и, наконец, теракты 11 сентября 2001 г., казалось, подтверждают правильность этого решения. Оно основывалось и на уверенности в том, что европейцы не смогут так развиться экономически и технологически, чтобы поставить под серьезное сомнение лидирующее положение американцев.

В действительности создание единого европейского валютного пространства после введения евро было куда более серьезным вызовом американскому доминированию66, нежели когда-либо сможет представлять из себя исламистский терроризм. Интегрированный европейский ландшафт с соответствующими трансфертными платежами может иметь эффект, схожий с введением евро. Нельзя исключать, что наблюдаемая вот уже несколько лет более явная ориентация США на военные инструменты господства связана со взлетом Европы в мировой экономике: за счет перехода конкуренции в военную сферу США смогут — по меньшей мере какое-то время — держать Европу на расстоянии; добиваясь же политических конфликтов между европейскими странами, они снова ослабят тот прирост мощи и влиятельности, который европейцы получили за счет создания единого экономического пространства.

В дополнение к приведенным выше размышлениям о четырех источниках и формах власти это означает, что сокращающееся преимущество в экономической МОЩИ67 должно быть компенсировано большим заделом в мощи военной, где европейцы очевидно не прилагают

значительных усилий к тому, чтобы сравняться с США. Однако, для Соединенных Штатов вырастут затраты на господство над имперским экономическим пространством, и эти расходы они лишь в ограниченном объеме смогут взвалить на европейцев. В качестве ответной реакции у США в распоряжении есть две опции: раскол Европы в духе классической политики бшбеейтрега или же более сильное привлечение ее к охране имперского пространства. Какая из двух возможностей в итоге будет реализована, зависит и от самих европейцев.

Имперский вызов Европы

Из-за изменившейся расстановки сил после окончания противостояния Восток — Запад и крушения Советского Союза Европа оказалась перед куда более сильным вызовом, нежели можно было себе представить в начале 1990-х гг. Поначалу окончание мировой политической схватки осознавалось как шанс преодолеть разделение континента на два противоположных политических лагеря и как возможность шаг за шагом распространить начавшийся в Западной Европе процесс экономической и политической интеграции в Центральную и Восточную Европу. Теперь же выяснилось, что тогда переоценивали опасность сопротивления этому России, в то время как проявляющиеся одновременно экономические и социальные проблемы недооценивали. Некоторые наблюдатели предсказывали, что с «воссоединением Европы» изменится и ее политический вес и она будет играть более важную роль в мировой политике, но ожидания относительно роли, которая при этом выпадет на долю европейцев, как правило, оказывались сильно преувеличенными. И напротив, то, что характер НАТО по мере ее расширения в Центральную и Восточную Европу принципиально изменится, видели лишь условно и в основном оценивали неверно: в НАТО прогнозировали больший вес европейцев, при этом европейское влияние, наоборот, сократилось, а более значительная роль США возросла до притязаний на неограниченное лидерство68.

В действительности вызов Европейскому союзу заключался и заключается в том, что он оказался в конфронтации с постимперским пространством, для которого типичны возникающие с большой скоростью конфликты и нестабильность; в то же время бывший до сих пор благосклонным гегемон, лидирующая держава Западного мира, все более превращается в имперского актора, который едва ли учитывает желания и мнения своих союзников. Большинство европейских политиков были ошарашены таким развитием событий еще и потому, что они никак не могли взять в толк логику действий империи: они мыслили в политических координатах государства — и оказались в конфронтации с постимперским пространством, с одной стороны, и с имперским актором — с другой. Раздражение началось уже при обсуждении вопроса, как следует реагировать на войны при распаде Югославии, а в преддверии войны в Ираке дошли до политических разногласий. Получила ли теперь Европа,

как утверждают некоторые, влияние и значение? Или же, как считают другие, она потеряла и то и другое?

Имперский вызов Европы имеет двойственный характер, и он беспрецедентен. С одной стороны, европейцы вынуждены учитывать превосходящие их по силе США и следить за тем, чтобы не поставлять им ресурсы для утверждения их лидирующего положения и не заниматься последствиями их войн, при этом они не имеют влияния на принципиальные политические и военные решения. Здесь европейцы оказываются перед необходимостью противостоять своей политической маргинализации. Европа на фоне США должна сохранить себя как субцентр имперского пространства и стараться, чтобы между ней и Соединенными Штатами не сформировались отношения типа «центр — периферия». Но, с другой стороны, европейцы должны позаботиться о собственной нестабильной периферии на востоке и юго-востоке, где следует предотвратить войны и катастрофы, не угодив при этом в спираль экспансии, которая непосильна для Европы в ее нынешнем виде. Здесь европейцы оказываются перед парадоксальной опасностью оказаться в имперском перенапряжении, не став при этом империей.

Европейцы до сих пор не нашли ответа на этот двойственный вызов, они пока даже и не осознали его. Если бросить взгляд на литературу по обозначенной теме, то можно выделить две реакции на намеченные выше проблемы. Первую можно охарактеризовать как «успокаивающую литературу». Она касается прежде всего отношения европейцев к США: вызов со стороны Американской империи, выводят тенора в этом хоре69, вовсе не так велик и опасен, как может показаться на первый взгляд, ведь США уже вступили в стадию заката или же за счет их активности по всему миру настолько перенапряжены, что уже вскоре они потеряют свою лидирующую позицию в пользу европейцев. В такого рода успокаивающей литературе подчеркивается европейская экономическая мощь и констатируется тенденция к экономическому равновесию между Европой и США. Одновременно не замечается или недостаточно оценивается следующее: во-первых, эрозия или даже крушение охватывающей весь мир лидирующей роли США создаст для Европы куда большие проблемы, нежели те, что из-за этого исчезнут; во-вторых, именно экономическое равновесие между Европой и США подтолкнет последние к тому, чтобы все чаще обращаться к инструментарию военных решений, ведь тогда европейцы вновь превратятся в карликов, а США в великанов. Коротко говоря, успокаивающая литература недооценивает глобальную стабилизирующую функцию Американской империи и переоценивает

значение экономических факторов для быстрого установления соотношения сил. Воздействие же экономических факторов сказывается скорее в долгосрочной перспективе.

Комплементарной к успокаивающей литературе можно полагать «литературу идентичности», которая рассматривает продолжение европейского интеграционного процесса исключительно изнутри. Она оценивает политический вес ЕС именно для Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки и концентрируется на конституционно-политическом устройстве и культурной идентичности Европы70. При этом предусматривается, что у европейцев и в дальнейшем будут значительные запасы времени для вызревания решения и для развития различных политических культур, как это было во время противостояния Восток — Запад. Тогдашнее замедление политических процессов за счет снижения политической температуры, которое имело следствием фактическую смену агрегатного состояния политики, благоприятствовало европейской интеграции. Однако по завершении конфликта Восток — Запад факторы замедления исчезли, и политические процессы вновь обрели нормальный темп, если даже не пошли еще быстрее из-за потребности догонять другие регионы мира. В фазе замедления европейцы могли позволить себе роскошь дорогостоящего поиска общей идентичности, однако в ситуации ускорения, которая имеет место с начала 1990-х гг., такой временной задел исчез. Литература идентичности игнорирует, разумеется, проблему периферии и выражает уверенность, что она не дойдет до своего пика, пока не прояснятся вопросы идентичности в центре. Это отчетливо проявилось в ходе общественных дебатов о вступлении в ЕС Турции.

Что же касается отношения европейцев к США, то уже описанное выше развитие афинской талассократии послужит здесь зловещим предзнаменованием: пока было актуально противостояние с великой Персидской империей, Афины обращались с союзниками как со слабыми, но все же равными с ними в правах. Однако когда угроза с Востока исчезла, союзники стали получать дивиденды от мира и афиняне были согласны с тем, что они будут исполнять свои обязательства в форме денежных выплат, но из равных в правах союзников они превратились в зависимых подданных, которые должны были следовать желаниям и образцам Афин. То, что они при этом сталкивались друг с другом, только ускорило ход событий. Если Европа хочет избежать подобного развития событий, она должна обозначить себя как политическое единство, стоящие за пределами которого действующие лица не могут иметь слова при принятии важнейших решений — даже самые близкие союзники.

Неизбежность совместных действий европейцев идет извне, но должно последовать внутреннее развитие ситуации. Возможно, оно будет зависеть в основном не от недавно присоединившихся жителей Центральной Европы, а от Великобритании, которая должна решить, хочет она быть младшим партнером США или одной из лидирующих держав Европы. После принятия ею решения предстоит организовать процесс европейской интеграции. Если до желаемого треугольника Париж—Лондон — Берлин не дойдет, то на континенте найдется другая держава, с которой ось Париж — Берлин будет

достроена до треугольника[138]. Лондон, разумеется, в этом случае окажется на периферии объединенной Европы. Однако в любом случае восстановление европейской дееспособности во внешней политике приведет к усилению иерархизации европейских структур, принимающих решения, что относительно совместной аграрной политики оказалось невозможно, однако и не было столь необходимо. Или же — наоборот: без прочной иерархии государств ЕС до единения и дееспособности во внешнеполитических делах у европейцев дело не дойдет. Это одновременно и причина того, почему многие средние и мелкие государства блокируют более тесное сотрудничество во внешней политике и в вопросах безопасности. Они, однако, должны ясно понимать, что тем самым возрастает не их собственное пространство, а лишь американское влияние на европейскую политику. Поэтому США с удовольствием играют на клавиатуре из малых и средних членов ЕС. Привязанность США к европейской поддержке в становящейся все более сложной мировой политической обстановке дает шанс воспрепятствовать этому.

Необходимость проведения общей европейской внешней политики и политики безопасности, конечно, возникает не только из-за вызова со стороны американской империи, но и из-за того, что иначе европейцы не могут своим вмешательством стабилизировать европейскую периферию. Затягивающийся эффект нестабильной периферии, с которым европейцы первый раз столкнулись во время войны на Балканах в 1990-х гг., должен и дальше нарастать, и при этом теперь уже дело будет не только в обозримых регионах, вроде тех же Балкан, но и в широкой дуге, протянувшейся от Белоруссии и Украины через Кавказ на Ближний и Средний Восток, а оттуда через африканское побережье Средиземного моря и до Марокко. Так как коллапс государств, войны внутри их обществ и экономический крах на этой дуге будут иметь куда более сильное воздействие на Европу, нежели на США, европейцы должны будут поработать над тем, чтобы политика Запада в этих регионах определялась не только Соединенными Штатами.

Конечно, было бы лучше всего, если бы они сами взяли на себя руководство политикой на своем «заднем дворе», а США там отошли бы на второй план, но на это относительно Ближнего и Среднего Востока едва ли можно рассчитывать. С другой стороны, область интересов и настроения в США могут быстро меняться — и тогда европейцам придется как концептуально, так и в практическом плане быть готовыми к тому, чтобы примерить на себя прежнюю роль США.

Европа является континентом с нечетко очерченными границами; только лишь на севере и западе они диктуются географией. На юге и востоке, напротив, не вполне ясно, как далеко можно и нужно протянуть область экономического единства. Но на юге Средиземное море ставит естественную географическую преграду континенту, хотя даже в прошлом оно было скорее связующим, нежели разделяющим началом. Для Римской империи это был и вовсе центр, а не граница. Положение изменилось лишь вследствие арабских завоеваний в УШ-IX вв.[139]71, но уже итальянские морские республики Венеция и Генуя вновь сделали Средиземное море центром своих торговых связей, а Османская империя во времена своего расцвета опиралась на Восточное Средиземноморье. Есть множество причин, по которым европейцы и в дальнейшем полагают Средиземное море границей своей политической интеграции, однако это отнюдь не снимает необходимости в политической и экономической стабилизации лежащего напротив них побережья. Европа имеет жизненный интерес в том, чтобы в странах североафриканского региона был стабильный порядок.

То, что сказано относительно южной границы Европы, вполне справедливо и для ее восточной границы. Пол Валери говорил о Европе как о предгорье Азии72, и в течение своей истории европейцы постоянно обращали тревожный взгляд на восток, откуда через нерегулярные промежутки времени следовали вторжения из центральноазиатских степей. В исторические времена это началось при Великом переселении народов и продолжалось до образования Русского государства, вследствие чего европейская восточная граница пришла в движение: теперь в ответ на удары из азиатской степи шли попытки европейцев растянуть на восток зону своего влияния и культуры. Именно русские имперские учреждения содействовали этому решающим образом. Вопрос о восточной границе Европы, на который едва ли может ответить география, с тех пор зависел от того, как будет в тот или иной момент воспринимать себя Россия: как более европейская или скорее азиатская держава; описанное выше сходство царской России с двуликим Янусом было отражением того факта, что и

сама она постоянно колебалась между этими альтернативами. Если античные географы полагали восточной границей Европы Дон, то географы XVIII столетия, реагируя на реформы Петра Великого, отодвинули ее до Урала[140]. Тем самым Россия стала европейской державой73. По мере развития европейской интеграции эта проблема, ранее бывшая преимущественно культурной, превратилась в чисто политическую. Теперь вопрос встал так: должны ли ЕС и Россия граничить друг с другом непосредственно или же между ними следует оставить в качестве буфера Белоруссию и Украину?

Самая хрупкая из границ проходит, конечно, на юго-востоке, где сходятся друг с другом три континента — Европа, Азия и Африка. В широком смысле слова при этом имеются в виду Балканы, Малая Азия, а также Ближний Восток, которые в последние десятилетия в различной степени становились аренами боевых действий, что резко контрастировало с мирной после 1945 г. Европой. Последняя так и не пошла на значительные инвестиции в стабильность этого пространства. Взгляд на его историю показывает, что со времен Античности оно было местом зарождения весьма активных имперских проектов, однако также и целого сонма войн, которые очень рано были идеологизированы как столкновение Востока и Запада, Деспотии и Свободы. Крупными имперскими проектами, имевшими центр на этом пространстве, были Византийская и Османская империи, которые на пике своего могущества выступали в роли опасного конкурента Западной Европы. И когда Османская империя в XIX в. вступила в период затяжной агонии, европейские государства в сменявших друг друга коалициях попытались ее стабилизировать, чтобы предотвратить опасный вариант развития событий на этих территориях. Юго-восток в европейской истории изначально играл особую роль.

Таким образом, как географическое, так и политическое пространство Европы не имеет четких границ. Прежде всего на востоке и юго-востоке оно упирается в такие пограничные зоны, которые типичны для больших имперских пространственных образований. Тем не менее европейская история определяется формированием территориальных государств, которые в ходе своего развития стали национальными. При этом речь идет о форме политической организации, основанной на принципе фокусировки на границах; границы национального государства являются не только политическими и экономическими, но еще и языковыми и культурными. Вырастающая именно из этого обстоятельства однородность обеспечила то, что европейские национальные государства оказались необычно деятельными акторами на политической арене. В конфронтации между

ними и империями Центральной и Восточной Европы последние почти всегда оказывались в проигрыше.

Модель устройства с подчеркнутым вниманием к границам привела тем не менее, к тому, что накопленная внутри энергия раз за разом направлялась именно к ним, так как национальные государства оказались не согласны с конкретными границами и захотели их передвинуть. Более того, взращивавшуюся на западе столетиями модель национального государства не получилось безоговорочно перенести на восток. Здесь стратегия фокусировки на границах действовала как политика дискриминации или даже изгнания этнических и национальных меньшинств[141]. Пущенная в ход в Европе после Второй мировой войны политика интеграции сохранила базовые принципы модели национально-государственного устройства, однако дополнила их систематическим размыванием политических, экономических и культурных границ. Разложение четко очерченных политико-культурных идентичностей считалось «царской дорогой» к преодолению европейской воинственности. Уже в 1980-х гг. при разработке шедшего к своему оформлению европейского интеграционного процесса начались события, когда модель диверсификации границ была сменена новыми вариантами их оформления. Следствием этого стали дебаты о европейской идентичности. Так возникли резкие провалы на внешних границах Европы, в которых образовались эксклюзии, и это опять же спровоцировало всё новые обращения о вступлении в ее состав, приведя к тому, что один раунд приема следовал за другим. Процесс перманентного расширения ЕС был запущен, как это ни парадоксально, именно политикой фокусировки на границах.

Альтернативой этому выступает модель имперского устройства, исходящая из диверсификации разнообразных пограничных линий, из-за чего имперские пространства, как

правило, имеют размытые рубежи, на которых постепенно спадают притязания центра на господство. На место границ приходят пограничные пространства. Европа, если она не хочет перенапряжения и в итоге краха, должна перенять имперскую модель начертания границ. И такой порядок в принципе уже прописан, ведь внешние границы ЕС отличаются от границ Шенгенской зоны, а те, в свою очередь, от границ зоны евро. Данную модель необходимо развивать далее, чтобы сделать внешнеполитические рубежи Европы стабильными и одновременно эластичными. К этому необходимо прибавить влияние на периферию, которое должно иметь скорее имперский, нежели межгосударственный характер. Будущее Европы, следовательно, не может быть налажено без заимствований из

имперской модели устройства.

Благодарности

У истоков этой книги стояли длительные беседы с моими коллегами в Университете им. Гумбольдтов и в Берлинско- Бранденбургской академии наук. В них помимо прочего речь шла о том, что такое империи, являются ли они востребованной в политическом анализе величиной и в чем отличие империй прошлого от современных. В этих разговорах получил развитие тот импульс, который я впервые получил от доктора Ульриха Шпека, когда он попросил меня написать статью для редактируемого им издания «ЕтрпеАтепса» относительно высшей точки европейско-американских трений накануне и во время недавней войны в Заливе. В рамках различных выступлений, в том числе по приглашению Института Гёте в Бостоне, а также в рамках конференции послов 2004 г., проводившейся министерством иностранных дел, я продолжал оттачивать свои выводы относительно империй, ставя их на обсуждение. Доктор Карстен Фишер, приват-доцент доктор Харальд Блум, доктор Ганс Грюнбергер, доктор Джеральд Хабманн и Николас Штокхаммер раз за разом прочитывали мои тексты, комментировали их, формулируя возражения и, главное, побуждая меня к дальнейшей работе. Так постепенно складывалась эта книга.

О том, чтобы этот текст приобрел соответствующую форму, сильно позаботилась моя секретарша Карина Хофманн, переработавшая мои рукописные заметки в печатный текст.

На заключительной стадии работы Анна Арндт и Самуэль Мюллер сослужили большую службу тем, что привели в порядок примечания и составили список литературы. За то, что это стало возможно, я благодарю Научный центр Берлина, а именно его президента — профессора Юргена Коку, который дал мне возможность год работать в приятной и спокойной атмосфере Научного центра.

Во время всего периода написания книги меня подбадривал Гуннар Шмидт из издательства «RowohltBerlin», призывая развить первоначальные идеи и переработать их в обоснованное с исторической точки зрения сравнительное исследование. Бернд Клёкенер, который уже курировал мою книгу «Die neuen Kriege»[142], снова предстал в качестве предупредительного и решительного редактора, оказавшего ключевое воздействие на конечный вид этого труда. Как и всегда в течение последних двух десятилетий, со всем вниманием сопровождала этот проект моя жена, доктор Марина Мюнк- лер, с большой тщательностью прочитавшая

манускрипт. Ее комментарии и указания были следствием нашего глубокого интеллектуального союза. Всех, названных выше, я сердечно благодарю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие к русскому изданию

'См., напр.: Mehring R. Rez. zu: Münkler H. Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten. B., 2005. In: H-Soz-Kult, 24.08.2005 //www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-6577**. 1**

Bd. 1. S. 489ff. Очень глубокое сравнение по эффективности с британскими формами имперского владычества проводится по мере аргументации Манном, см.: Mann. Die ohnmächtige Supermacht. Гибель Советского Союза представлена как потенциальная судьба США в: Todd. Weltmacht USA. Серия взвешенных рассуждений о сравнении США с Римской и Британской империями может быть найдена у Фергюсона, см.: Ferguson. Das verleugnete Imperium. S. 24, 36.

См.: Wood. The Creation. S. 48ff. Richard. The Founders and the Classics. К гордому притязанию на то, что будет возобновлена и продолжена республиканская традиция Рима, с самого начала принадлежал и критический взгляд на переход Рима от республики к империи, при этом свою роль для тогдашней Британской империи сыграло взятое из римской историографии положение о связанном с этим переходом упадком нравов. Вырванная в боях с Великобританией независимость США посему постоянно представлялась как спасение республики от имперскости, см.: Bailyn. The Ideological Origins. S. 131ff., а также: Wood. The Creation. S. 35f.

См. подр.: Daschitschew. Moskaus Griff nach der Weltmacht. S. 41ff, 51 Iff.

7О сравнении Британской и Монгольской мировых империй см.: Göckenjan. Weltherrschaft oder Desintegration; о масштабах Монгольской империи см.: Weiers. Geschichte der Mongolen. S. 45f.

Значение империи Ахеменидов и ее эллинистических преемников для связывающего Средиземноморье и Азию промежуточного пространства наглядно показано в: Breuer. Imperien. S. 122-158. Подробнее об инициирующей роли Португалии в развитии европейских колониальных империй см.: Abernethy. Dynamics of Global Dominance. S, 45ff., а также: Reinhard. Kleine Geschichte des Kolnialismus. S. 25ff.

См. также обзор в: Mommsen. Imperialismustheorien.

Сравнение имперской державы с Солнцем и его спутниками (сателлитами) восходит, разумеется, как мне кажется, не к военному, а к экономическому смыслу империи. Так, банкир Натан Ротшильд в начале XIX столетия заявил в английской Палате общин, что «Лондон является столицей финансового мира, и необходимо заключать крупные торговые сделки под большим или меньшим влиянием этого центрального пункта в системе финансов, чтобы менее процветающие государства двигались словно мелкие светила в Солнечной системе и были бы вынуждены довольствоваться тем, что лишь могут брать взаймы толику пропитания и блеска». (Цит. по: Gollwitzer. Geschichte des weltpolitischen Denkens. Bd. 1. S. 505.)

См.: Schuller. Die Herrschaft der Athener. S. 54ff.

У Генриха Трипеля это обозначено как «поглощающая гегемония». См.: Heinrich Triepel. Die Hegemonie. S. 146f.

См.: Breuer. Imperien. S. 140-147; более детально: Welwei. Das klassische Athen. S. 77-139; о замене hegemoni{4}a за счет arché как политического обозначения афинского господства см.: Triepel. Die Hegemonie. S. 343ff.; о фактическом изменении союза — там же, S. 377ff. Детальное описание афинского господства можно найти в: Schuller. Die Herrschaft der Athener. S. 153-165.

14Цит. по: Ferguson. Empire. S. 246.

15См.: Maier. Die Grenzen des Empire. S. 128.

Справедливости ради здесь следует указать на то, что боковую ветвь теорий империализма, так называемые периферийно-ориентированные империалистические теории, отличает весьма значительное внимание к роли периферий в процессе возникновения великих империй. При этом упор делается на то, что «империалистические действия великих держав, как правило, запускаются кризисными процессами в странах третьего мира». См.: Mommsen. Imperialismustheorien. S. 80-90, здесь S. 81.

О проблеме концептуализации длительных циклов подъема и заката великих держав см.: Modelski. Long Cycles in World Politics. S. 7-38.

18См.: Doyle. Empires. S. 306ff., 319ff.; конечно, Дойл обращает внимание скорее на немецкий и французский империализм, нежели на успешное имперское строительство.

19См.: Kann. Geschichte des Gabsburgerreiches; об имперских амбициях Карла см.: Kohler. Karl V; Haider. Karl V.

20 Сказанное относительно Дунайской монархии достаточно верно

и для Византии, которая под натиском ислама и при потере больших территорий на Ближнем Востоке сохранила статус лишь региональной державы. Однако это, конечно, вовсе не отменяло византийских претензий на мировое господство. См.: Lilie. Byzanz. S. 75-141; Beck. Das byzantynische Jahrtausend. S. 78-86.

21Остерхаммель (Osterhammel. Kolonialismus. S. 17) проводит различие между колониями — опорными пунктами и колониями из захваченных земель. Оба варианта следует рассматривать как исходные пункты различных имперских проектов.

22 Фернан Бродель в своей социальной истории XV-XVIII вв. показал, что перенос важнейших европейских банковских площадок из Италии, где за лидирующую позицию долго конкурировали Венеция и Генуя, в нидерландские земли с Антверпеном, а позднее с Амстердамом в качестве центра и, наконец, в Англию, в Лондон, имело существенно большие последствия для перестановки сил в Европе, нежели многочисленные сражения, в которых бились за контроль над территориями. (Braudel. Sozialgeschichte des 15-18. Jahrhunderts. Bd. 3. S. 147ff.; 187 ff.; см. также: Wallerstein. Das moderne Weltsystem. S. 97ff., 245ff.).

23См. об этом: Nef. Western Civilization. S. 84ff.; Parker. Die militärische Revolution. S. 107ff.; Cipolla. Segel und Canonen. S. lOlff.

24 Кстати, это проявилось еще во времена Советского Союза, который в гонке за завоевание космического пространства долго опережал США на шаг.

25О понятии «ойкумена» см.: Voegelin. Das ökumenische Zeitalter. S. 58-62. Недооценка культурных и технологических факторов была и остается фундаментальной ошибкой теории «большого пространства» Карла Шмитта, который сначала критиковал расширение американской доктрины Монро, изначально ограниченной американским континентом, а затем и сам набросал проект концентрирующейся на Европе «немецкой доктрины Монро». (Scmitt. Völkerrechtliche Formen des modernen Imperialismus; его же Großraum gegen Universalismus; см. также: Diner. Imperialismus). Все эти рассуждения были связаны с теллурическими (континентальными) представлениями о пространстве, и потому не учитывали развития имперских представлений о «мире», начавшегося отнюдь не вместе с капиталистической экспансией, пусть за счет нее оно и набирало силу.

26Breuer. Imperien. S. 12ff.; 158ff.

27См.: Lilie. Byzanz. S. 143ff.

^Единственные конфронтации между Россией и Великобританией в течение XIX столетия шли вдоль этой разделительной линии: схватка за контроль над Босфором, приведшая в конце концов к Крымской войне, и противостояние в Персии и Афганистане. Это ничего не меняет в том, что среди английских интеллектуалов раз за разом дело доходило до русофобских порывов ярости, когда ставилась под сомнение возможность «мирного сосуществования» обеих империй; см.: Gollwitzer. Geschichte des weltpolitischen Denkens. Bd. 2. S. 28ff., 71f.

Британский историк Найл Фергюсон недавно в своей книге «Жалость войны» («The pity of war») вступил в дебаты о том, насколько ошибочно понималась британская имперская политика самосохранения к началу XX столетия, когда Великобритания вступила в Первую мировую войну, чтобы предотвратить образование континентальной империи под германским началом. В действительности британские политики, особенно министр иностранных дел Эдвард Грей, действовали исходя из логики своего имперского «мира». Теоретически долгосрочные планы империи могли включать «смену мира», как полагает Фергюсон. Однако в реальности это было едва ли возможно.

Где это возможно, следует указывать Hâ полиэтнический или многонациональный характер империй, а также на различие с национальным государством, отличительным признаком которого является совмещение политического пространства и национальной идентичности. См. об этом: Münlker. Reich, Nation, Europa. S. 61ff.

Данные приводятся по: Osterhammel. China. S. 122.

Фукидид. Пелопоннесская война. V. 84-116,450-460.

См. превосходную интерпретацию «Мелосского диалога» в: Volkmann-Schluck. Politische Philosophie. S. 39-58. А вот Ромийи (Romilly. Thucydides) не объясняет конфликт имперскими коннотациями, которые не были поняты мелосцами, а возводит его к насильственному империализму афинян.

То, какие интерпретации Фукидида оказываются предпочтительными, очевидно, связано с особенностями коллективной памяти политической общности: в немецкой литературе превалирует фиксирующееся на гибели Афин прочтение политики насилия дальнего прицела.

35Фукидид. Пелопоннесская война. 1.144.1, а также II. 65. 7.

36Fulbright. Die Arroganz der Macht.

37 См.: Jurgen Habermas. Was bedeutet der Denkmalsturz; его же: Wege aus der Weltunordnung.

38Cm.: Habermas. Wege aus der Weltunordnung. S. 34.

39Так утверждалось в: Heinrichs. Die gekränkte Supermacht.

Империя, империализм и гегемония: необходимость их дифференцирования

Превосходный обзор ведшихся в эту эпоху дебатов в Великобритании, России, США, Франции и Германии есть в: Gollwitzer. Geschichte weltpolitischen Denkens. Bd. 2; теории империализма, критически относящиеся к подобным империалистическим дискурсам, коротко описаны в: Mommsem. Imperialismustheorien; Schröder. Sozialistische Imperialismusdeutung; об истории понятия «империализм» см.: Koebner. Imperialism.

Это состояние нездорового ажиотажа исследуется в первую очередь на германском примере; см., напр.: Ullrich. Die nervöse Großmacht, а также Radkau. Das Zeitalter der Nervosität. Конечно, это явление вовсе не ограничивалось Германией, а проявлялось и во Франции, и в самой Великобритании, где повлекло за собой истерическую германофобию; см.: Gollwitzer. Geschichte weltpolitischen Denkens. Bd. 2. S. 71f.

3См. подр.: Doyle. Empires. S. 344ff.

Об имперской экспансии США в конце XIX столетия см.: Wehler. Der Aufstieg des amerikanischen Imperialismus; войны, связанные с этой экспансией, описаны в: Boot. The Savage Wars of Peace; специально о войне на Филиппинах -S. 99-128.

Основными представителями марксистской теории империализма следует назвать Рудольфа Гильфердинга, Розу Люксембург, Карла Каутского и Владимира Ильича Ленина. Обсуждавшийся в ходе дебатов вопрос, следует ли империалистическую экспансию сводить к недостатку потребления или же, скорее, к сверхнакоплению, в интересующем нас аспекте никакой роли не играет. Весьма примечательное позитивное описание традиционных ментальностей на фоне духа торговли и перемен можно найти в статье военной тематики Вернера Зомбарта «Händler und Helden» (1915). В ней, однако, стоит видеть не только «патриотический промах» Зомбарта в угаре войны, но и политическое отражение его теории капитализма: капитализм по ходу своих успехов теряет силу и динамику и все более «жирнеет». Он все более обрекает себя на принятие чуждых ему по своей сути смыслов, чтобы функционировать. Обратная этому

перспектива выстроена Йозефом Шумпетером («Zur Soziologie der Imperialismen», S. 283f.), который писал о соотношении капитализма и империализма: «Империализм — это атавизм. (...) Это атавизм социальной структуры и атавизм индивидуально-психологических привычек восприятия. Так как жизненно важная необходимость, на которой он был основан, навсегда отошла в прошлое, то, несмотря на всякую военную тенденцию, вновь породившую его даже в столь неимпериалистическом ходе событий, он должен будет постепенно исчезнуть».

«Агрессивный империализм, который столь дорого обходится налогоплательщикам, приносящий столь мало выгоды торговцам и предпринимателям, несущий с собой столь непредсказуемые угрозы для граждан, является источником крупных прибылей для инвесторов, которые не могут отыскать возможности для получения выгоды на внутреннем рынке и поэтому требуют от правительства, чтобы оно создало для них весьма доходные и при этом надежные инвеста- ционные возможности за морями» (Hobson. Der Imperialismus. S. 74).

Эта попытка была предпринята главным образом при министре финансов Сергее Витте, получившем этот пост в 1892 г. Он пришел к выводу, что империя русских царей станет эксплуатируемой колонией, если ей не удастся быстро перейти к политике экономического империализма. А это, по ожиданиям Витте, было скорее достижимо в Восточной Азии. См.: Geyer. Der russische Imperialismus. S. 144ff.

Впечатляющий анализ этой проблемы можно найти в: Aron. Der permanente Krieg. В особенности в главе «Lenin und seine Deutung des Imperialismus», S. 89-115.

Исчерпывающее описание экономического оформления смены Россией союзников в конце 1880-х гг. см. в: Geyer. Der russische Imperialismus. S. 131ff.

Об угнетении крестьян ради нужд имперского строительства см.: Hosking. Russland. S. 228-254.

См.: Geyer. Der russische Imperialismus. S. 101.

Тем самым не ставится под сомнение то, что были и купеческие фамилии, взлет которых был теснейшим образом связан с империалистической экспансией России. Примером тому служат Строгановы, существенно ускорившие экспансию в Сибирь, выделив на это средства. См.: Hocking. Russland. S. 44; Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 161f.

Даже повторявшиеся через большие интервалы времени процессы распада также и Китайской империи исходили, как правило, из периферии. См. по этому поводу: Schmidt-Glintzer. China. S. 64ff., 113ff., 193ff.

14См.: Lehmann. Das Ende der römischen Herrschaft.

Об организации корпуса янычар и его рекрутирования за счет так называемого отбора мальчиков см.: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 98ff. О закате янычарского корпуса как симптоме ослабления Османской империи см.: Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 3. S. 220ff. Краткое изложение в: Ursinus. Byzanz. Osma- nisches Reich, türkischer Nationalstaat. S. 155f.

См.: Pieper. Des Ende des Spanischen Kolonialreiches, а также: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 107ff.

См. ниже.

18Цит. по: Schell. Die Politik des Friedens. S. 45.

19См.: Robinson. Africa and the Victorians.

20См.: Schell. Die Politik des Friedens. S. 44-48.

Различие между британским и американским вариантом ответа на нестабильность периферии стоит усматривать, скорее, в специфике политических традиций, нежели в принципиальной нормативной разнице: для британцев обзаведение протекторатами и колониями было очевидным решением, исходя из их предыдущей политики; для американцев, в сознании которых одним из фундаментальных мифов стала их война за независимость против Великобритании, как раз нет. De facto, однако, обращение с Панамой или с Филиппинами выходило на уровень установления протектората. Относительно различных фаз глобализации как уплотнения пространства и времени см.: Menzel. Die Globalisierung.

Конечно, этот переход следует полагать скорее отступлением назад, нежели переходом через порог.

23См.: Robinson. Non-European Foundations; Fieldhouse. Economics and Empire.

Критический анализ ренессанса теорий империализма и порожденных им исторических исследований в Германии проводится в: Geiss. Kontinuitäten des Imperialismus.

Теория бонапартизма Маркса была в XX в. воспринята многими авторами и использована для анализа как итальянского фашизма, так и национал-социализма; см.: Jaschke. Soziale Basis.

Marx. Der achtzehte Brumaire. S. 196.

27Тамже. S. 148.

28 Marx. Erste Adresse des Generalrats. S. 3.

29Относительно понятия и концепции престижа см.: Kluth. Sozialprestige.

30 Восходящая главным образом к Пьеру Бурдьё модель типологии капитала, конечно, не является современной теориям политического империализма XIX столетия и, соответственно, не может найти объяснения в их рамках. Но явление, пусть и не в таких терминах, вполне рассматривалось и в этих теориях.

31 См.: Koebner. Imperialism. S. 1-26.

32См.: Münkler. Das Reich als Politische Macht.

О значении престижа в международной политике см.: Gilpin. War and Change. S. 30ff.

См. ниже.

Краткий обзор см. в: Mommsen. Imperialismustheorien. S. 7-11.

В этом духе через призму гегемониальных и имперских амбиций описывал стимулирующие структуры и механизмы санкций в много- и биполярной системе Снайдер (Myths of Empire. S. 21-26).

При этом для эффекта «стремления к престижу второго порядка» не имеет значения, могут ли базовые условия международной политики определяться как одно- или многополярные. В обоих случаях на лидирующую державу ложится значительно осложнившееся и тяжкое бремя обеспечения признания своей позиции гегемона со стороны союзников. Согласно Миршаймеру (The Tragedy of Great Power Politics. S. 12f.), оба варианта могут быть описаны как многополярность с потенциальным гегемоном. Миршаймер считает, что эта система является по своему потенциалу наиболее конфликтной.

Примерно так и показано в тщательно разработанной и хорошо подтверждаемой источниками аргументации у Ференкотте. См.: Verenkotte. Die Herren der Welt. S. 82ff.

39Cm.: Koebner. Imperialism. S. 135ff.

40Cm.: Mahan. Der Einfluss der Seemacht. S. 21ff.

Об истории схватки европейских держав и регулярных провалов попыток установления прочной гегемонии см. прежде всего: Dehio. Gleichgewicht oder Hegemonie. Относительно европейского равновесия и роли «стрелки на весах» см.: Vagts. Die Chimäre des Europäischen Gleichgewichts.

О понятии и определении гегемониальной войны см.: Gilpin. War

and Change. S. 186-210.

В случае Испании следует проводить различие между внеевропейской империей, просуществовавшей до XIX столетия, и попыткой внутриевропейского имперского проекта, которая была провалена противодействием (частично координированным) Франции и Османской империи; об этом и последующих событиях см.: Dehio. Gleichgewicht und Hegemonie.

Такие малые войны не следует путать с современными формами партизанской войны, с которой, конечно, они имеют некоторые общие черты (см. ниже).

О значении периферийного положения для возвышения Рима, а также США указывал недавно Бендер, см.: Bender. Weltmacht Amerika. S. 170-176.

Об экономическом развитии Англии с XVHI столетия и ее относительном преимуществе по сравнению с европейскими конкурентами см.: Landes. Wohlstand und Armut der Nationen. S. 230ff., и особенно таблицу (S. 247).

47См.: Hosking. Russland. S. 39ff.

48 Как показал ход Русско-японской войны 1904-1905 гг., Россия самым недопустимым образом недооценила своего противника. В нем явно видели лишь еще одну из тех слабых держав, на которые раз за разом наталкивались в ходе экспансии на Востоке.

49См.: Mao. Vom Kriege. S. 179ff.

В своей вступительной речи по случаю начала преподавания во Фрайбурге в 1895 г. Макс Вебер прояснил это сокращение империалистического временного горизонта, заявив: «Мы должны понимать, что объединение Германии было юношеской проделкой, которую нация совершила на склоне своих лет и которую из- за ее затратности лучше было бы не совершать вовсе, если бы она должна была стать лишь завершением, а не исходным пунктом германской мировой политики» (Weber. Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik. S. 23). Вступившая в круг имперских держав лишь довольно поздно Германия поэтому должна была поторопиться, если не хотела выйти с пустыми руками.

Помимо произведений Ульриха (Die nervöse Großmacht) и Рад- кау (Das Zeitalter der Nervosität) проблема зауженного временного горизонта как центрального элемента империалистической политики была сделана одной из основных тем у Фенске, см.: Fenske. Ungeduldige Zuschauer.

В объяснении этой политической конкуренции, покоящейся на том представлении, что распределение власти внутри многообразной структуры при игре равных по силе стран представляет собой, как правило, игру с нулевой суммой, и заключается главное преимущество так называемых реалистических теорий международной политики, среди которых основополагающим классическим трудом является работа Моргентау, см.: Morgenthau. Politics among Nations; Waltz. Theory of International Politics.

Cm.: Mearsheimer. The tragedy of Great Power Politics. S. 29ff.

54У Даазе (Daase. Kleine Kriege — Große Wirkung) отстаивается тезис, что крупные войны стабилизируют международный порядок, в то время как войны мелкие ставят его под сомнение.

55См.: Münkler. Die neuen Kriege. S. 125 ff.

56См.: Judt. Die große Illusion Europa. S. 19-60.

57Cm.: Junker. Power and Mission. S. 51ff., 73ff. См. также ниже.

58См.: Mann. Die ohnmächtige Supermacht. S. 331. В другом месте он высказывается весьма схожим образом: «Империя из чистого великодушия предположительно невозможна, но вполне возможна такая, которую покоренные поддерживают по всем правилам. Мы называем это “гегемонией”, выражением, указывающим на то, что имперская власть учредила “правила игры”, согласно которым “по всем правилам” действуют и остальные. Вполне может быть, что они эти правила поддерживают; тогда гегемония обретает легитимность» (Там же. S. 25).

59 См.: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 44. Фергюсон, пусть и с позиции сторонника империи, также заявлял о том, что разделение империи и гегемонии скорее приводит к ошибкам, нежели способно чем-либо помочь. См.: Ferguson. Das verleugnete Imperium. S. 15-24.

60См.: Kissinger. Die Herausforderung Amerikas. S. 31 Iff.

Краткое изложение такой позиции см.: Verenkotte. Die Herren der Welt. S. 68ff.

Heinrich Triepel. Die Hegemonie. S. 189.

63Тамже. S. 283.

64 «Основным эффектом... нашей закономерности является все более утверждающаяся замена господства над другими странами и народами более слабой формой власти — гегемонией. Начало подобному ходу событий можно усмотреть в том дне, когда Спарта отказалась от своей политики завоеваний и присоединений, заключив

первый из своих многочисленных договоров о симмахии — договор с Тегеей. Сколь сильно в современных международных отношениях господство вытесняется гегемонией, можно увидеть на каждой странице истории современного “империализма”» (Там же. S. 147).

65Там же. S. 283.

66Тамже. S. 176.

67Там же. S. 187.

68Там же. S. 343. Политический контекст, в котором была выработана и введена в оборот эта терминология, конечно, подталкивает к предположению, что она объясняется скорее не уточнением ради более ясных и выраженных понятий, а воздействием на решения политической риторики — именно тогда Исократ в своей «Речи о мире» объяснял, что спартанцы на основании своей riyepovia на суше в конце концов добились buvapiç и на море, однако вследствие многократного злоупотребления ею быстро ее потеряли (Исократ, «Речь о мире», § 101-104, S. 169f.). Относительно политического фона этой речи и о позиции Исократа по поводу империализма и гегемониальной политики см.: Ottmann. Geschichte des politischen Denkens. Bd. 1, 2. S. 241f.

69 Doyle. Empires. S. 54ff.

70Там же. S. 40.

Там же. S. 58ff.

Там же. S. 55ff. Исчерпывающее изложение афинского вмешательства во внутренние дела союзников можно найти в: Schuller.

Die Herrschaft der Athener. S. llff. (прямые методы господства) и S. 80ff. (непрямые методы господства).

Подобное контрастирование обоих союзных систем, конечно, подходит для того, чтобы воспроизвести ведшуюся в Пелопоннесском союзе коринфянами пропаганду войны, согласно которой распространение власти Афин будто бы уже стало угрозой свободе Греции. Поэтому и следует вести войну против Афин, чтобы распустить Делосско-Аттический морской союз. Уже у Фукидида («Пелопоннесская война». I. 88) есть предупреждение относительно такой точки зрения, ведь здесь речь идет о чистой пропаганде. Истинной причиной войны был страх коринфян и спартанцев перед дальнейшим мирным развитием Афин.

74Doyle. Empires. S. 70ff.

75 «Эта пелопоннесская держава (Спарта) была далека от стремления к экспансии с тех пор, как прочно закрепила свое

лидирующее положение на полуострове. Насытившаяся территориями, поменявшая характер действий на оборонительный, направленный на охрану своего «космоса», Спарта за счет политики расширения только потеряла бы, а выиграть просто не могла. А вот обращенные к морю Афины для такой политики были чуть ли не предназначены; на нее указывали уже экономические основания завоевания господства на море, а для этого и овладения островами Эгеиды и городами побережья Малой Азии. Не в последнюю очередь благодаря развитию политических и социальных процессов, из-за увеличения их ищущего работу населения и тяги к трофеям их неспокойного демоса Афины были принуждены пойти по этому пути. Было совершенно естественно, что афинская гегемония приобрела империалистический характер, подобный характеру гегемонии Англии в сегодняшнем Британском Содружестве, отличающийся лишь по форме (sic!); конечно, чисто гегемониальный характер британской власти есть результат позднейшего хода развития, в Афинах же наоборот: гегемония предшествовала “владычеству”». Triepel. Die Hegemonie. S. 382.

76См.: Doyle. Empires. S. 81.

Степные империи, морские державы и глобальные экономики: малая типология имперского господства

См.: Mann. Geschichte der Macht. Относительно четырех источников и организационных форм власти см. особенно: Bd. 1. S. 46ff.

См. ниже.

3См.: Doyle. Empires. S. 93-97. Также см. ниже.

4См.: Heiiss. Römische Geschichte. S. 272-320, особенно S. 289ff.

О взаимосвязи «мировых экономик» и «мировых империй» см.: Wallerstein. «Aufstieg und künftiger Niedergang des kapitalistischen Weltsystems». S. 35ff.

См. общее изложение проблемы: Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 25-43.

Историк Оливейра Маркес писал: «Так как португальцы были убеждены в том, что они не в состоянии завоевывать земли, и в действительности были весьма мало заинтересованы в том, чтобы обзаводиться столь далекими от Европы владениями, они стремились исключительно к тому, чтобы установить эффективное господство на море, связанное с положением лидирующей державы в зонах влияния». См.: Oliveira Marques. Geschichte Portugals. S. 151.

8Тамже. S. 162f.

9 Относительно разгоревшихся между британцами и нидерландцами дебатов о том, считать ли море открытым (таге liberum) или закрытым (таге clausum) пространством, см.: Diner. Imperialismus und Universalismus. S. 24; Boxer. The Dutch Seabome Empire. S. 84-112.

10Cm.: Oliveira Marques. Geschichte Portugals. S. 150.

Там же. S. 252.

См.: Boxer. The Dutch Seabome Empire. S. 132ff. Относительно разительно отличающегося от португальского экономического менталитета нидерландцев см.: Shama. Überflüss und schöner Schein. S. 315ff.

13Cm.: Maier. Die Grenzen des Empire. S. 128f.

14См. ниже.

15 Конкретные данные см.: Nye. Das Paradox der amerikanischen Macht. S. 66ff. О большем значении финансового сектора по сравнению с участием в мировой промышленности при установлении доминирования в мировой экономике см.: Mann. Die ohnmächtige Supermacht. S. 69ff.

16Cm.: Landes. Wohlstand und Armut der Nationen. S. 247ff. А также специально: Fischer. Internationale Wirtschaftsbeziehungen und Währungsordnung.

17 Фукидид. Пелопоннесская война. I. 10. 2. Относительно самого проекта и программы застройки Акрополя см.: Welwei. Das klassische Athen. S. 120ff. О строительных проектах и политике Августа в отношении зрелищ см.: Zänker. Augustus. S. 171ff.

18Оразвитиивоенноймашиныкакэквивалентафункционирующей системы администрирования империи в месопотамских державах см.: Edzard. Geschichte Mesopotamiens. S. 170f., 208f. Конечно, там звучит нескрываемый скепсис относительно реляций о победах и подавлении силой в списках свершений правителей; о значении военного аппарата в истории ранних имперских проектов есть многочисленные замечания в: Mann. Geschichte der Macht. Bd. 1. S. 217-290.

Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: Göckenjan. Die Welt der frühen Reiternomaden. О значении ранних степных империй для развития европейской истории см.: Schieden Handbuch der europäischen Geschichte. Bd. 1. S. 215f., 357-370.

Исчерпывающее изложение у: Grousset. L'empire des steppes; Altheim. Geschichte der Hunnen; Maenchen-Helfen. The World of Huns.

Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 124.

Концепция харизмы в конце концов была применена для германского этногенеза, и весьма плодотворно. См., напр.: Wenskus. Stammesbildung und Verfassung; Wolfram. Geschichte der Goten. Военное превосходство монгольских конных армий, которые проводили сражения без пехоты вообще, было показано в: Liddell Hart. Große Heerführer. S. 7-32.

23Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: Weiers. Geschichte der Mongolen. На эту тему см. также: Kämpfe. Cingis Khan; Weiers. Von Ögödei bis Möngke, Morgan. The Mongols. S. 84-103. Источник, на котором основываются все работы о монголах и их мировой империи, это написанный в первой половине XIII столетия монгольский труд «Тайная история монголов».

24Цит. по: Weiers. Geschichte der Mongolen. S. 72.

25 О развитии государства ильханов см.: Weiers. Geschichte der Mongolen. S. 92-96; Nagel. Timur der Eroberer. S. 134ff. О монгольском владычестве в Китае см.: Franke. Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. 4. S. 424-959.

26Cm.: Lewis. The Arabs in Eclipse. S. lOOf.

27Cm.: Nagel. Timur der Eroberer. S. 151ff.; Irwin. Die Entstehung des islamischen Weltsystems. S. 71-76.

В этом отчетливо проявляется то, почему не может быть установлен объективный критерий имперского перенапряжения для всех империй: ни бо#лыпие расстояния между центром и периферией, ни общая протяженность внешних границ империи ничего не скажут, если не будет учитываться форма экспансии империи и способ ее интеграции (см. ниже).

О возникновении и структуре европейских заморских империй см. прежде всего: Abernethy. The Dynamics of Global Dominance. О португальской и нидерландской морских империях см.: Boxer. The Portuguese Seaborn Empire; его же: The Dutch Seaborne Empire. Кроме того, общее изложение у: Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 25-52.

См. ниже.

См.: Vance. Vom mare nostrum zu Kiplings «The seven seas».

Ход этого процесса детально описан в: Heuss. Römische Geschichte. S. 168ff.; Syme. Die Römische Revolution. S. 17ff.

Изложение здесь ведется вслед за версией Шульца (Schulz. Roms Eroberung des Mittelmeers). Примечательно, что Бендер (Weltmacht

America. S. 60ff.) при поиске им параллелей между Римской империей и США проводит их для периода между 1-й и 3-й

Пуническими войнами для Рима и временем от Первой мировой войны до холодной войны для США; см. об этом также рецензию автора в: Historische Zeitschrift. Bd. 279. S. 430-432.

34Это замечание автора верно относительно Германии и, частично, Британии и Испании, но совершенно не подходит применительно к Галлии, где городов, в том числе крупных, было и до римлян вполне достаточно, хотя римляне действительно полагали себя куда более цивилизованными, чем галлы.

Детали см.: Triepel. Die Hegemonie. S. 464ff.

О реформировании государства при императоре Диоклетиане см.: Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 2. S. 244. О разделении империи при императоре Константине см.: Там же. Bd. 3. S. llOff. Данные о налоговых поступлениях и количестве войск в Восточной и Западной частях империи см.: Breuer. Imperien der Alten Welt. S. 186ff.

Относительно притязаний русских на цивилизирование Средней Азии см.: Hosking. Russland. S. 70f.; Geyer. Der russische Imperialismus. S. 74ff. О внутренних противоречиях России, разрывавшейся между Западом и Востоком при формировании политико-культурной идентичности см.: Figes. Nataschas Tanz. S. 313ff.

См. об этом работы Исайи Берлина, в том числе Herzen und seine Erinnerungen, и Russische Denker.

39См.: Hosking. Russland. S. 183.

«Оказалось, что невозможно на долгое время свести в единый социалистический гегемонистский союз чрезвычайно различные в историческом отношении регионы, от имевших латинско-западный оттенок республик и восточнославянских православных областей до земель исламского культурного круга». Simon. Die Desintegration der Sowjetunion. S. 205.

Формирование политико-культурной идентичности в качестве основы национального государства в последнее время особенно интенсивно исследуется в первую очередь в Германии, см. изданные Б. Гизеном и Г. Бердингом тома: Bernhard Giesen, Helmut Berding. Nationale und kulturelle Identität; Mzthos und Nation.

См.: Rauchensteiner. Verlust der Mitte; Kann. Geschichte des Habsburgerreiches. S. 367ff.

43Cm.: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 141.

В качестве еще одного связующего звена выступала

конфуцианская чиновная этика, в которой проявлялась сильная вера в цивилизующее воздействие культуры, противопоставлявшееся угрозе натиска варваров с периферии (см. ниже).

См.: Buckley Ebrey. China. S. 209f.; Merson. Straßen nach Xanadu. S. 75f, Китай, кстати, не единственная страна, которая воздерживалась от морской торговли, исходя из соображений внутренней стабильности. И Османская империя, хотя она и располагала более чем значительным военным флотом, на что была вынуждена пойти в ходе противостояния с Венецией и Испанией, предоставила морскую торговлю почти исключительно иностранным купцам. См.: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 111.

Решение об отказе от экспансии на морях было, однако, принято вовсе не единодушно. См. по этому вопросу дополнительную литературу в: Menzel. Eurozentrismus. S. 76f. Привело ли бы продолжение увлечения морскими проектами к тому, что была бы блокирована европейская экспансия в Индийском океане, как недавно стали утверждать представители так называемого азианизма (ср.: Там же. S. 74ff.), весьма сомнительно. По меньшей мере столь же вероятным был бы распад и фрагментация Китайской империи вследствие ее морской экспансии.

См. об этом и относительно дальнейшей проблематики: Doyle. Empires. S. 108ff.; Richard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 24ff. Относительно культурных контактов между Европой и Южной или Восточной Азией весьма основательно в: Osterhammel. Die Entzauberung Asiens. О различных типах колониальных связей см.: его же. Kolonialismus. S. 19ff.

В литературе говорится в основном о формах владычества, как и у Манна, по которому в основном и проводится его типология. Я отдаю предпочтение термину «источники власти» (в соответствии с теорией источников капитала Пьера Бурдьё), чтобы по аналогии развивать идею о вариативности источников власти или же их взаимной компенсаторности.

49Тацит. Анналы. И. 9-10.

См.: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 35. Прискорбное отсутствие купцов и банкиров в Испании было, конечно, следствием изгнания евреев и мавров из этой страны. См. об этом также: Elliott. The Decline of Spain.

См.: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 34; Bennassar / Vincent. Spanien. S. 103ff.; а также особенно: Cipolla. Dis Odyssee des spanischen

Silbers. S. 53ff.

52Cm.: Bennassar / Vincent. Spanien. S. 86ff.

53 Cm.: Roberts. The Military Revolution; Parker. Die militärische Revolution; его же: The army of Flanders.

54Cm.: Pollmann. Eine natürliche Feindschaft.

55Cm.: Pagden. Spanish Imperialism. S. 37ff.

Для Эдварда Гиббона (Verfall und Untergang des römischen Imperiums. Bd. 1. Kap. IV. S. 112ff.) упадок Римской империи начинается с концом эпохи Антонинов, в то время как Отто Зеек в своей работе (Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 1. S. 42ff.) полагает, что старт был дан реформами Диоклетиана.

Более разнообразное описание этих реформ см. у: Bleicken. Verfassungs und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreichs.

58Cm.: Münkler. Machiavelli. S. 121 ff., 374ff.

В экономической теории длинные циклы экономической активности известны как циклы Кондратьева; они образуют своего рода историко-экономическое дополнение к рассматриваемым здесь политическим циклам.

О дебатах относительно верных и ошибочных мер см. введение Чиполлы к изданному им же тому: Cipolla. The Economic Decline of Empires. S. 5ff.

См., напр.: Modelski, Thompson. Leading Sectors and World Powers; Modelski. Long Cycles in World Politics; Modelski, Thompson. Seapower in Global Politics; Thompson. On Global War.

Только в этом свете можно трактовать совет Джозефа Нал, по которому политика США должна тем более опираться на soft power, нежели на hard power, ведь это вызовет меньшую враждебность и, кроме того, будет обходиться дешевле (Nye. Das Paradox der amerikanischen Macht. S. 208f.).

63Cm.: Doyle. Empires. S. 93ff.

После победы при Акции Октавиан сократил число легионов с 70 до 26, а то и до 25; буквально же это означало, что будут уволены 120 тысяч солдат, которых надо будет снабдить землей в Италии или в провинциях либо выделить им денег. Проводившаяся параллельно этому решительная военная реформа, которая устанавливала срок службы для легионеров, преторианцев и служащих вспомогательных соединений, а также размер регулярной оплаты их труда, усилила лояльность войск центру и минимизировала зависимость солдат от их нынешних командующих. Это стало ядром внутреннего

умиротворения империи. Конкретные данные об этом см.: König. Der römische Staat. II. S. 35; Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. S. 163,171,179; Heuss. Römische Geschichte. S. 298ff.

Распределив среди населения города Рима захваченные в Египте сокровища Птолемеев, Октавиан добился снижения кредитной ставки с 12 до 4 %. Тем самым государство смогло погасить военные займы и отказаться от взыскания задолженностей. Всеобщее списание долгов привело, главным образом в восточных провинциях, к значительному росту благосостояния. См.: Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 1. S. 162; Heuss. Römische Geschichte. S. 294ff.

Рональд Сайм в заключительной части своей крупной работы об эпохе гражданских войн отчетливо сформулировал диалектическое взаимодействие замысла и действия в жизни Августа: «Чтобы добиться власти, он пожертвовал всем; он достиг вершин всякого мыслимого честолюбия, и за счет своего честолюбия он спас и обновил римский народ» (Syme. Die Römische Revolution. S. 553).

Впечатляющее описание морального разложения республиканской элиты см.: Syme. Die Römische Revolution.

68См.: König. Der römische Staat. II. S. 45.

69См.: там же, Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 1. S. 182; Heuss. Römische Geschichte. S. 285.

В «Деяниях божественного Августа» Октавиан представил превращение potestas в auctoritas как лейтмотив своего правления; см.: Syme. Die Römische Revolution. S. 546ff.

См. ниже.

Данные см. у: Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 1. S. 107,163,174.

73Cm.: Potter. Das römische Italien. S. 74ff.

74Cm.: Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 2. S. 251ff. 75 Cm.: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 7ff.; а также Doyle. Empires. S. Ulf.

76Я не хотел бы принимать тезис Дойла (Doyle. Empires. S. 118f.) в том отношении, что Испания будто бы, в отличие от Англии, при господстве над своими колониями перешла «августовский барьер». Дойла к такому выводу побудил лишь тот факт, что испанское владычество на американском континенте продолжалось вдвое дольше, чем английское.

77 См.: Parker. Die militärische Revolution. S: 30ff., Pepper, Adams. Firearms and Fortifications.

78Cm.: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 36.

79Тамже. S. 50.

80Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: Hosking. Russland. S. 106ff.

Впечатляющее описание этого проекта и проблем, которые возникли при его реализации, приводится в: Figes. Nataschas Tanz. S. 30ff.

См. ниже.

83См.: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 69ff.

84Cm.: Ursinus. Byzanz, Osmanisches Reich, türkischer Nationalstaat. S. 165.

85Cm.: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 141f.

86См.: Там же. S. HOf.

87См.: Там же. 45ff.; Nagel. Timur der Eroberer. S. 354ff.

88Cm.: Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1. S. 325ff.

89 Такой вариант см. также в: Matuz. Das Osmanische Reich. S. 84f., 98.

90Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: Ebrey. China; Schmidt-Glintzer. China.

См. подробное описание в: Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. 1. S. 268-320.

Сравнение с Римской империей при описании истории Китайской империи предпринимается постоянно, см., напр.: Ebrey. China. S. 85.

См.: Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. 1. S. 388- 431.

Cm.: Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. 2. S. 350- 529.

См.: Там же. Bd. 4. S. 101-124.

96См.: Там же. S. 351-423.

Процесс цивилизирования и варварская граница: признаки и задачи имперского порядка

Эрик Лайонел Джонс в своей книге «Das Wunder Europa» обосновал, что то преимущество, которое получили европейцы над Азией с раннего Нового времени, базируется на небольших территориальных масштабах их политического порядка. Относительно истоков множественности государств в Европе в качестве основы ее политического устройства см.: Fueter. Geschichte des europäischen Staatensystems. Напротив, скептически относительно преимуществ основанного на множестве государств международного порядка высказывался Фагтс. См.: Vagts. Die Chimäre des europäischen Gleichgewichts. S. 131ff.

Цит. по: Fuhrmann. Deutsche Geschichte im hohen Mittelalter. S. 174.

3Тит Ливий. История Рима от основания города. XI. 44.

Вергилий. Энеида. I. 291-295.

Dante Alighieri. Monarchie. S. 98,104.

См.: Botero. Discorso delPeccelenza della monarchia; Campanella. Deila Monarchia di Spagna. См. об этом: Bosbach. Monarchia Universalis. S. 64ff.; Pagden. Instruments of Empire.

См. исчерпывающее описание в: Fetscher. Modelle der Friedenssicherung; Fischbach. Krieg und Friede in der französischen Aufklärung. О значении работы Канта о мире для современных дебатов о мировом порядке см.: Habermas. Das kantische Projekt.

8См.: Montesquieu. Reflexiones sur la monarchie universelle. S. 23f.; Böhlke. Esprit de nation. S. 219ff.

Самым строгим критиком Испанской империи и проводимой ею колониальной политики следует считать аббата Райналя в его «Histoire philosofique et politique de deux Indes» (1774); см. об этом: Gollwitzer. Geschichte des weltpolitischen Denkens. Bd. 1. S. 262- 285. О концепции commercial society cm.: Bohlender. Government, Commerce and Civil Society.

Cm.: Brown. Debating the Democratic Peace. Критику базовых положений этой теории см.: Münkler. Ist der Krieg abschaffbar? S. 367ff.

Cm.: Cooper. The Breaking of Nations. S. 55ff. Нечто похожее и у Рёриха (Röhrich. «Problemfelder der Weltinnenpolitik»), который предлагал отделять мир ОЭСР от остального мира, где еще не дошли до уровня развития «насыщенного экономического пространства».

См.: Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics. S. 2f.

Cm.: Kagan. Macht und Ohnmacht. S. 16ff.

14Cm.: Marx. Der achzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. S. 97ff. О всей сложности идеологических понятий см. введение об истории проблемы в: Lenk. Ideologie. S. 17-59.

В любом случае, как только концепция выходит за пределы узкого круга теоретиков.

Относительно взаимосвязи торговли и пиратства, а также о кооперации региональных держав с морскими разбойниками в Средиземном море в ходе I в. до н. э. см.: Christ. Pompeius. S. 56ff.

См.: Bleicken. Verfassungs und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreichs. Bd. 1. S. 93f.

Августин. О Граде Божием. XIX. 26.

О политической составляющей поэзии Вергилия см.: Rilinger. Das

politische Denken der Römer. S. 531ff.; Ottmann. Geschichte des politischen Denkens. Bd. 2/1. S. 183ff.

20Вергилий. Энеида. I. 278-282. S. 23.

О политической составляющей поэзии Горация см.: Rilinger. Das politische Denken der Römer. S. 534f.; Ottmann. Geschichte des politischen Denkens. Bd. 2/1. S. 168ff.

Гораций. Песнь столетию. III. 2.13.

23См.: Fuhrmann. Deutsche Geschichte im hohen Mittelalter. S. 170ff.

Понятие катехона, которая играла большую роль в политических представлениях Штауфенов, особенно у Оттона Фрейзингенского, получила известного рода возрождение в политической теории Карла Шмитта. См.: Blindow. Carl Schmitts Reichsordnung. S. 144ff.; Nichtweiß. Apokalyptische Verfassungslehren. S. 60ff.

Cm.: Bernecker. Spanische Geschichte. S. 57ff.; Pagden. Spanish Imperialism. S. 13-36; Otto. Conquista, Kultur und Ketzerwahn. S. 45ff.

Мнение об имперской политике многоконфессиональности отстаивает Аданир: Adanir. Der Zerfall des Osmanischen Reichs. S. 112ff. Напротив, об экспансии ислама как базовой характеристике см.: Philipp. Der aufhaltsame Abstieg des Osmanischen Reiches.

Cm.; Lewis. Die Araber. S. 62ff.; Hourani. Die Geschichte der arabischen Völker. S. 44ff.

28Cm.: Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 2. S. 196ff.

Cm.: Hosking. Russland. S. 35ff. Об идее Третьего Рима см.: Barudio. Die Macht des Hegemonialismus.

Cm.: Figes. Nataschas Tanz. S. 178. Об имперской внешней политике Ивана IV см.: Stökl. Russische Geschichte. S. 237-246.

См.: Figes. Nataschas Tanz. S. 336f.

Cm.: Hosking. Russland. S. 169ff.; Stökl. Russische Geschichte. S. 450ff.

33Цит. по: Lorenz. Das Ende der Sowjetunion. S. 259.

34См.: Simon. Die Desintegration der Sowjetunion. S. 186ff.

35В целом об имперской миссии британцев см.: Ferguson. Empire. S. 115 ff. Краткое изложение идей о цивилизировании в Британской империи см.: Reifeld. Imperialismus. S. 29ff.

36См.: Kipling. Complete Verse. S. 321-323. Кстати, стихотворение Киплинга обращено к США, которые оказались поставлены перед имперскими обязанностями и должны были теперь взять их на себя.

37См.: Marx. The Britisch Rule of India. S. 169 (полный текст см.: Marx, Engels, Werke. Bd. 9. S. 127-133,129).

38Тамже. S. 130.

39Там же. S. 132.

40Тамже. S. 133.

41 См.: Wolfgang Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 97ff.

42Подробно об этом см.: Ferguson. Empire. S. 115 ff.

^Относительно американской внешней политики в конце 1950-х гг. см.: Hacke. Zur Weltmacht verdammt.

О понятии аристократической империи и о роли аристократии как господствующего класса см.: Kautsky. The Politics of Aristocratis Empires. S. 79ff. Каутский рассматривал в первую очередь те империи, власть и влияние в которых основывались на владении землей, а отличительный признак их он искал в том, что в них не может произойти никаких социальных перемен.

О следствиях доктрины Монро см.: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischer Demokratie. S. 256. О политике равновесия в тихоокеанском регионе см.: Junker. Power and Mission. S. 34ff.

Cm.: Junker. Power and Mission. S. 42ff.; Kissinger. Die Herausforderung Amerikas. S. 288ff.; Mead. Special Providence. S. 132-173.

Идеологическая критика американской империи носила черты классического анализа идеологии, в ходе которой все крупные планы и решения принципиально детерминируются экономическими и политическими интересами. Важнейшим протагонистом подобной критики США является Ноам Хомский. В его книге «Wirtschaft und

Gewalt» содержится основополагающий анализ различных форм имперских проектов.

Такое религиозное обоснование пронизывает всю американскую внешнюю политику, вне зависимости от того, какую линию поведения оно предписывает или же какой доктрине следует. См. об этом: Mead. Special Providece; а также: Prätorius. In God We Trust.

Об идентификации четырех империй и их позднейшем распространении на Римскую империю см.: Koch. Das Buch Daniel. S. 182ff.; Moses. Eros und Gesetz. S. 111-126.

См. ниже.

Общий взгляд на проблему дискурса о варварах см.: Schneider. Der Barbar; Nippel. Griechen, Barbaren und «Wilde». О структуре и функции дискурса при переходе от имперских реминисценций к множественности национальных идентичностей см.: Münkler.

Nationenbildung. S. 130ff. О реакции дискурсивно «варваризируемых» см.: Там же. S. 210ff., See. Barbar, Germane. Arier. S. 31-60.

Этот вывод возник благодаря впечатлению от блестящей статьи Райнхарта Козеллека «Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischen Gegenbegriffe».

См.: Nippel. Geschichte Kolonisation. О легитимации испанской завоевательной политики за счет предотвращения человеческих жертвоприношений у Франсиско де Витория см.: Marina Münkler. «Entdeckerund Eroberer». S. 173f.

54Cm.: Münkler. Die neuen Kriege. S. 146ff.

55 О варваризации римской армии и ее следствиях см.: Heuss. Römische Geschichte. S. 484ff.; Goldsworthy. Die Legionen Roms. S. 208ff.

56Cm.: Schmidt-Glintzer. China. S. 165ff.

57Cm.: Ebrey. China. S. 172.

58См.: Там же. S. 173.

59 В своей работе «De indis recenter inventis» («О недавно открытых Индиях» (лат. - Примеч. пер.), опубликованной в 1538 г., Витория также отстаивал точку зрения, что единственное правомерное притязание, которое есть у Испании на Индию, это ius peregrinandi ius predicandi, право посещать территорию туземцев и вести там миссионерскую деятельность. Только если последние противятся этому силой, испанцам позволительно применение оружия. О вышедших на высочайший уровень дебатах относительно вопросов формы и легитимности испанского владычества см.: Psgden. Spanish Imperialism. S. 13-36, но прежде всего: Marina Münkler. Entdecker und Eroberer. S. 172ff.

60Cm.: Bitterli. Die Entdeckung und Eroberung der Welt. Bd. 1. S. 51ff.

См. об этом: Figes. Nataschas Tanz. S, 406ff.

О действиях европейцев против арабской работорговли см.: Albertini. Europäische Kolonialherrschaft. S. 453, 513f.

63См.: Jeismann. Propaganda; Hamann. Der Erste Weltkrieg. S. 34ff., S. 42ff. В обоих случаях образ варвара был в значительной степени сформирован обвинениями в изнасилованиях.

64О террористах-смертниках см.: Reuter. Main Leben ist eine Waffe. S. 9-31. О массовых убийствах в Руанде, которые можно было бы предотвратить за счет вмешательства мирового сообщества, см.: Des Forges. Kein Zeuge darf überleben. S. 415ff.

Конечно, уж совсем без военных средств основатели морских и

торговых империй обойтись не могли; были каравеллы и галеоны, на которых и основывалось европейское превосходство. См.: Cipolla. Segel und Kanonen. S. 99ff.

См. ниже.

См. выше.

Об этом подробнее см.: Potter. Das römische Italien. S. 162ff. Данные относительно сети дорог во времена Диоклетиана см.: Там же. S. 174.

О британском железнодорожном строительстве в Индии и о значении телеграфа см.: Ferguson. Empire. S. 169ff.

Описание распадающегося экономического пространства Советского Союза есть в: Kapuscinski. Imperium. S. 107ff.; Kernig. Lenins Reich in Trümmern. S. 333ff.

Об империалистической политике Витте см.: Hosking. Russland. S. 374f.; Geyer. Der russische Imperialismus. S. 144ff.; Stökl. Russische Geschichte. S. 610-618.

72Cm.: Hosking. Russland. S. 347ff.

73 О значении железных дорог для повышения эффективности транспортной системы см.: McNeill. Krieg und Macht. S. 199ff.

74Cm.: Bemecker. Spanische Geschichte. S. 62ff.; Cipolla. Die Odyssee des spanischen Silbers. S. 91ff.

75 Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: König. Der Zerfall des Spanischen Weltreichs in America. S. 128ff.

76Cm.: Ebrey. China. S. 86ff.

77См.: Там же. S. 141f.

Крушение империй из-за силы слабых

1 Для Людвига Дехио (Gleichgewicht oder Hegemonie) история Нового времени в Европе характеризуется четырьмя наследовавшими друг другу претензиями на гегемонию: испанской, которая стала давать сбои уже при Филиппе И; первой французской, которая исчерпала себя к концу правления Людовика XIV; второй французской, провалившейся вместе с Наполеоном; и германской, которая для Дехио началась с объединением империи Бисмарком и закончилась в 1945 г.

2См.: Gilpin. War and Change. S. 186ff.; Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics. S. 32-54.

Относительно хода событий и о том, как военная логика действий обрела самостоятельность см.: Baumgart. Die Julikrise.

В дебатах по вопросу о виновности в войне германские действия в июле 1914 г., как известно, интерпретируются в двух вариантах: либо

чрезвычайно неумелая германская дипломатия, либо сознательное скатывание к войне, в котором очередной кризис на Балканах вновь был лишь поводом, чтобы разорвать окружение рейха тройным альянсом из Франции, России и Великобритании.

См. Schley. Die Kriege der USA. S. 58-63. О мелких империалистических войнах США в целом, см.: Brot. The Savage Wars of Peace.

6Об этом подр. см.: Lewis. The Race to Fashoda.

7Cm.: Münkler. Staatsgemeinschaft oder Imperium.

8См.: Modelski. Seapower in Global Politics. S. 27ff.

9Cm.: Massie. Die Schalen des Zorns. S. 40ff., 506ff., 573ff.

10 Cm.: Heilbrunn. Die Partisanen in der modernen Kriegführung; Schulz. Partisanen und Volkskrieg; Münkler. Der Partisan.

11В качестве собирательного названия для всего этого используется low intensity war («война низкой интенсивности»), см. по этому поводу: Creveld. Die Zukunft des Krieges. S. 42ff., 94ff.

12 Давид описывал подобные исключения, ряд которых тянется от Тевтобургского леса до Дьенбьенфу как следствие чрезмерной самоуверенности имперских акторов, см.: David. Die größten Fehlschläge der Militärgeschichte. S. 242-315.

13Cm.: Clausewitz. Vom Kriege. S. 877.

14Тамже. S. 879.

15Там же.

16 Клаузевиц доходит до описания этой темы в главе о вооружении народа, которая в составе его книги идет непосредственно после главы об отступлении. Отступление в глубь своих владений и вооружение народа для него представляют собой своего рода функциональные эквиваленты: где стратегическая глубина, которая только и делает возможным подобные отступления, отсутствует, она должна быть компенсирована повышенной жертвенностью и готовностью к лишениям населения. Политическая логика партизанской войны, таким образом, следующая: «Никакое государство не должно ставить свою судьбу, само свое существование в зависимость от одного сражения, пусть и самого решающего. Если потерпели поражение, то привлечение новых сил и естественное ослабление, которое терпит всякая атака с течением времени, может вызвать поворот в ходе событий, или же может подоспеть помощь извне. Умереть время есть всегда, и, как того требует инстинкт, погибающий хватается за соломинку, так что вполне естественно и для мира морали, что народ

пытается применить самое последнее средство для своего спасения, если он оказывается на грани гибели» (ebd., S. 805). Империи, которые на своей периферии сталкиваются с такими народами, подвергаются риску имперского перенапряжения в еще большем масштабе.

17 «Партизан выигрывает, если не проиграет. Обычные вооруженные силы проигрывают, если не выиграют» (Kissinger. The Vietnam-Negotitians. S. 214). Схожие выводы находятся уже и в: Aron. Krieg und Frieden. S. 48f.

18См.: Johnson. Blowback (в переводе — «Империя слабеет»).

См. выше.

В развитие работ Клаузевица военный историк Ганс Дельбрюк проводил различие между стратегией сокрушения и стратегией измора. При этом он односторонне определял стратегию сокрушения, дескать, она направлена только лишь на уничтожение вражеских вооруженных сил, в то время как стратегия измора носит двойственный характер, так как она, в зависимости от соотношения сил и политических намерений, может стремиться как к изнурению за счет военных маневров, так и к решительному исходу в бою. См.: Delbrück. Die Strategie des Perikies. S. 27f. Более подробно об этом см.: Lange. Hans Delbrück und der «Strategieschlacht». Бросая взгляд на современные формы партизанской войны, придется, конечно, говорить и о нарастании однобокости в сфере стратегии измора: возможность решающего сражения для партизан оказывается чрезвычайно далеко, если они имеют дело не с региональными контрагентами, а с империалистической военной машиной.

211914-й выбран как год вступления Британии в Первую мировую войну, произошедшего в основном из-за опасений германской угрозы (см.: Howard. Kurze Geschichte des Ersten Weltkrieges. S. 23ff.). 1956-й — год Суэцкого кризиса (см. ниже).

22См.: Ferguson. Empire. S. 346ff.

23 Этот самообман весьма увлекательно описывается в: Porter. Die Transformation des British Empire.

24Cm.: Frey. Das Ende eines Kolonailreiches.

25См.: Rémond. Frankreich im 20. Jahrhundert. S. 543ff., 561ff.

26 Столь же краткий, сколь и блестящий, анализ войны в Алжире см.: Aron. Clausewitz. S. 496-504.

27Цит. по: Ferguson. Empire. S. 352.

28См. ниже и далее.

29См.: Münkler. Kriegsszenarien des 21. Jahrhunderts. S. 84ff.

В литературе понятия «симметрия» и «асимметрия», как правило, используются бинарно. Тем самым в основном упускается из виду, что бывает асимметрия большая или меньшая. Лишь только с помощью гибкого подхода эта пара терминов становится подходящей для анализа.

Угон ремесленников и инженеров как способ действия кочевых племен, направленный на выравнивание превосходства империи, был распространен в первую очередь в приграничных регионах северного Китая. См.: Merson. Straßen nach Xanadu. S. 54. Нечто подобное наблюдалось и у османов, которым регулярно служили пушкари из «закатных земель», причем последних, конечно, приходилось не угонять, а нанимать на службу за деньги. См.: Cipolla. Segel und Kanonen. S. 104ff.

32См.: Nef. Western Civilization. S. 84ff.; Cipolla. Segel und Kanonen. S. 114ff.

33 Данные из: Schweinitz. The Rise and Fall of British India. S. 242. Широкая слава сражения при Омдурмане была вызвана не в последнюю очередь тем, что о нем блестящий отчет написал Уинстон Черчилль. То, что подобные победы вовсе не были обеспечены другим европейским колониальным державам, показывает поражение итальянцев в битве при Адуа против эфиопских войск двумя годами ранее. См.: Brogini Künzi. Der Siegdes Negus.

34Об этом и относительно дальнейшей проблематики: Rosen. Ein Empire auf Probe. S. 92ff.

35 Карло М. Чиполла в качестве примера технологических навыков приводит изготовление чугунных пушек: когда англичанам, а затем шведам удалось наладить выпуск легких, надежных и, сверх того, дешевых чугунных пушек, это стало технологическим преимуществом, которое предоставило им решающее превосходство над европейскими конкурентами. В действительности они, однако, экспортировали пушки в большом количестве и позволяли уезжать ремесленникам, владевшим секретами мастерства. Спустя некоторое время все европейские державы уже обладали чугунными пушками высокого качества. См.: Cipolla. SegelundKanonen. S. 23-98.

36Об этом подр. см.: Münkler. ImNamendesStaates. S. 280ff.

37 См.: Rosen. Ein Empire auf Probe. S. 96.

38Об этом понятии см.: Maier. Die Grenzen des Empire. S. 128.

«Новая стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов» частично опубликована в:

BlätterfürdeutscheundinternationalePolitik. Hf. 11/2002. S. 1391- 1393; Hf. 12/2002. S. 1505-1511. См. об этом: Münkler. Angriff als beste Verteidigun.

О «предыстории» этой новой доктрины безопасности в американской политике см.: Hacke. Zur Weltmacht verdammt. S. 471ff., 576ff.

См.: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 393-399; Priest. The Mission. S. 121ff. Высказанная Харланом Ульманом формула «шок и трепет», а также «достижение быстрого превосходства» описывает стратегию, с помощью которой в любой момент может быть установлено превосходство империи на периферии.

42См.: Hobbes. Leviathan. Buchl. Kap. 13. S. 94.

Там же. S. 96.

Территориально не связанные политические акторы могли бы, так как им нельзя угрожать ответным атомным ударом, использовать ядерное вооружение совершенно иначе, нежели государства, и устроить атмосферу постоянного давления на имеющих территориальную привязку акторов (об этом см.: Behr. Entterritoriale Politik. S. 75ff., 119ff.). В случае распространения атомного оружия по всему миру, контроль и охрана которого во многих государствах будут недостаточными, следовало, кроме того, рассчитывать еще и на то, что это оружие будет похищено криминалитетом, чтобы заставить платить выкуп одно или несколько государств.

45См.: Schröfl/Pankratz (Hg.). Asymmetrische Kriegführung.

Следующие ниже рассуждения более подробно приводятся в: Münkler. Ältere und jüngere Formen des Terrorismus; его же: Terrorismus heute; его же: Wandel der Weltordnung.

Этот вывод следует за клаузевицевской триадой из потребности, цели и средства: согласно Клаузевицу, потребность — это то, чего следует добиться при помощи войны, в то время как цель — то, чего следует добиться во время войны. См.: Clausewitz. Vom Kriege. S. 200f.

См. выше.

См. выше.

См. Anderson. Die Erfindung der Nation. S. 55ff.; Hobsbawm. Nationen und Nationalismus. S. 148ff.

Cm.: Herfried Münkler. PartisanenderTradition.

52Cm.: Olshausen. Das politische Denken der Römer. S. 510f.

53 См. об этом: Pagden. Instruments of Empire.

54Об этом в целом: Steinweg. Der gerechte Krieg; Walzer. Gibt es den gerechten Krieg? Относительно американского восприятия этого см.

опубликованный после вторжения в Афганистан и накануне Третьей войны в Заливе манифест американских интеллектуалов «Whatwe’refightingfor» — «За что мы боремся?».

См. об этом и относительно дальнейшей проблематики общее изложение: Steininger. Der Vietnamkrieg.

О различии между войнами как инструментом и войнам за существование см.: Münkler. Instrumentelle und existentielle Auffassungdes Krieges.

«С 1988 г. становилось все более отчетливо видно, что ни массивные уступки в военной и экономической сфере, ни разрядка в тянущихся уже долгое время региональных конфликтах не может принести сколько-нибудь заметное облегчение для советской государственной системы. Отступление из многих зон "третьего мира" с 1990 г. приобрело черты бегства и привело вместе с концом державы к отказу от политики осуществления влияния на развивающиеся страны вообще». Simon. Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums. S. 199.

58Cm.: Schell. Die Politik des Friedens. S. 73ff.

59Cm.: Ferguson. Empire. S. 270-282.

Краткое и точное изложение см.: Tuchman. Der erste Salut. S. 193ff.

Так у: Hahlweg. Guerilla; von der Heydte. Der moderne Kleinkrieg; Kitson. Im Vorfelddes Krieges.

62Cm.: Kunisch. Der kleine Krieg. S. 5-24.

Обзор проводившейся империями в XX в. политики этнических чисток, а также имевших этническую основу массовых убийств на постимперских пространствах см.: Naimark. Flammender Hass.

Политика осуществления господства Тиглатпаласара III и Салманасара V основывалась главным образом на депортации тех верхних слоев народа, которые придают ему способность к организации и активным действиям; о разгроме Израиля ассирийцами см.: Noth. Geschichte Israels. S. 233ff. Навуходоносор проводил против Иудеи схожую политику, см.: там же. S. 253ff.; а также статью Хаима Тадморав: Ben-Sasson. GeschichtedesjüdischenVolkes. S. 166ff., 191ff.

Данные о числе жертв, которые были вызваны депортацией армянского населения, колеблются между 200 тысячами и 1 миллионом человек; оценка действий турок по отношению к восставшим армянам, пытавшимся еще с конца XIX в. избавиться от турецкого господства с помощью терактов и, наконец, настоящей партизанской войны, так же неоднозначна. Например, в: Matuz. Das

Osmanische Reich. S. 265 говорится о геноциде (так же, как и в: Majoros/Rill. Das Osmanische Reich. S. 360). В то же время в других работах (Kreiser/Neumann. Kleine Geschichteder Türkei. S. 371-377) куда более тщательно рассматривают выпущенный в мае 1915 г. «Закон о переселении населения» в рамках боевых действий на Кавказском фронте. Взгляд на положение армян в Османской империи начиная с конца XVIII в. см.: Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 5. S. 606-613.

66См.: Noth. Geschichte Israels. S. 392ff., а также статью Менахема Штерна в: Ben-Sasson. Geschichtedesjüdischen Volkes. S. 364ff.

67 См.: Angermann. Die Vereinigten Staaten von Amerika. S. 313f., 400,426.

68Cm.: Buruma. Chinas Rebellen. S. 369-387.

Франц Фанон изложил свои представления о терапевтической функции насилия в процессе деколонизации в своих книгах «Die verdammten dieser Erde» и «Schwarze Haut, weiße Masken». О психопатологии партизанской войны см.: Voss. Ichhabekeine Stimmemehr, meinganzes Lebenflieht (с обширным списком литературы).

Описание этого влияния и его следствий см. в: Stieglitz. Die Schatten der Globaliesierung. S. 109ffl

Cm.: Münkler. Dieneuen Kriege. S. 131ff.; его же: Zur Charakterisierung der neuen Kriege.

Cm.: Nye. Die Paradox der amerikanischen Macht. S. 12ff. Най, конечно, ясно понимал, что «мягкая» сила куда менее подвержена политическому контролю, нежели сила «жесткая»; см.: Там же. S. 116.

Основательнейшее исследование фундаментализма XX в. и предшествовавших ему идей представлено в: Armstrong. Im Kampffür Gott.

74Об этом и относительно дальнейшей проблематики см.: Noth. Geschichte Israels. S. 322~343ff., атакже статью Штернав: Ben-Sasson. Geschichtedesjüdischen Volkes. S. 251-268ff.; Soggin. Einführungindie Geschichte Israelsund Judas. S. 225-240.

При начале восстания, конечно, решающую роль играли не только религиозно-идентичностные вопросы. Война Селевкидов против властвовавших в Египте Птолемеев стоила денег, причем больших, чем были в распоряжении у Антиоха IV Эпифана. Соответственно росла и его алчность по отношению к храмовым сокровищам в его империи, за счет конфискации которых он

собирался добыть необходимые финансовые средства. Ограбление Храма в Иерусалиме существенно повысило степень готовности многих евреев присоединиться к восставшим или по меньшей мере поддерживать их.

См.: Moses. Eros und Gesetz. S. lllff.; Koch. Das Buch Daniel. S. 127ff.

То, что эта гражданская война вращалась и вокруг социальных вопросов, нашедших в религиозно-культурном конфликте, касающемся истинного жизненного пути, лишь свой катализатор, описывается прежде всего в статье Менахема Штерна в: Ben-Sasson. Geschichtedesjüdischen Volkes. S. 254.

Оборонительная манера партизан является важным определяющим их признаком в характеристике Карла Шмитта, см.: Schmitt. Theoriedes Partisanen. S. 26. Последних вовсе не Ленин, как предполагал Шмитт, превратил из «обороняющихся автохтонов-защитников Отечества» в «агрессивных в мировом масштабе, революционных активистов» (там же. S.35). Эта перемена последовала лишь вместе с переменами в имперской власти, в ходе которых жесткая сила все более сменялась мягкой.

Внезапный возврат к империям в постимпериалистическую эпоху [143]

См.: Eric Hobsbawm. Das Zeitalter der Extreme. S. 53,92f.

Cm.: Dan Diner. Das Jahrhundert verstehen. S. 85ff. Относительно этнических чисток см, подр.: там же., S. 195ff.

Понятие было сформулировано Карлом Шмиттом (см.: Schmitt. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte; его же: Großraum gegen Universalismus. S. 295-302). Здесь, разумеется, оно используется вне политических интенций Шмитта.

8См.: Ferguson. Dasverleugnete Imperium. S. 82.

Была ли причина этого скорее структурного рода и заключалась в системе коллективно организованной безответственности или же ее следует искать в специфической расстановке сил в межвоенный период, вероятно, во взаимном недоверии великих держав и вызванной этим самоизоляции, останется невыясненным.

Союз, заключенный между Гитлером и консервативными военной и экономической элитами, основывался не в последнюю очередь на перспективе ограниченной как по срокам, так и по размаху ревизионистской войны в Центральной Европе, в ходе которой следовало восстановить гегемониальную позицию Германии в этом регионе. Об откровенности даже принципиальных позднее

противников Гитлера по поводу ограничивающейся Центральной Европой ревизионистской войны см.: Klaus-Jürgen Müller. Militär politikinder Krise. О значении пространства Юго-Восточной Европы для решения Гитлера об атаке на Советский Союз см. также: Gabriel Gorodetsky. Diegroße Täuschung.

Получившие на короткое время независимость государства в Грузии, Армении и Азербайджане, а также на Украине были включены в Союз Советских Социалистических Республик, а стремление к независимости в Белоруссии, в Крыму, у башкир и казанских татар, а в также в казахско-киргизских степях (термин авторский, примеч. пер.) было подавлено (см. Alexander J. Motyl. Sovietology, Rationality, Nationality. S. 105ff.), однако Финляндия, прибалтийские республики и Польша смогли избежать захвата

Красной армией. Советский Союз потерял также всякое влияние и на Балканах, и на Нижнем Дунае, которым когда-то обладала Российская империя.

См.: Daschitschew. Moskaus Griff nach der Weltmacht. S. 38ff.; Simon. Die Desintegration der Sowjetunion. S. 191f.

13Цит. по: Ferguson. Das verleugnete Imperium. S. 141.

См. выше.

См.: Mommsen. Das Ende der Kolonialreiche; Abernethy. The Dynamics of Global Dominance. S. 331ff.

Дифференцированная попытка объяснить это предпринята в: Jung, Schlichte, Siegelberg. Kriege in der Weltgesellschaft. S. 56ff.

17Cm.: Kennedy. Aufstieg und Fall. S. 768; его же: In Vorbereitung auf 21. Jahrhundert. S. 371ff. Схожая аргументация приводится и у Ная (Das Paradoxderamerikanischen Macht), только он относительные потери США в «жесткой силе» полагает компенсированными за счет сильной позиции в рамках «мягкой силы».

Риск ускорить падение Пол Кеннеди (Aufstieg und Fall. S. 784) описал следующим образом: «Для “страны номер один” всегда является насущной дилеммой то, что внешние вызовы вынуждают ее концентрировать все больше ресурсов на военном секторе, в то время как параллельно этому ее относительная экономическая мощь снижается. Этот процесс ускоряется, так как оказывается все меньше капитала для продуктивных инвестиций. Добавляются к этому и более высокие налоги, нарастающая несовместимость политических приоритетов и слабеющая способность выносить военные нагрузки».

См., напр.: Fieldhouse. Economics and Empire; Robinson. Africa and

the Victorians.

Относительно скрытой эрозии способности государства контролировать и распределять см.: Reinhard. Geschichteder Staatsgewalt. S. 509ff. Относительно нарастающей фиктивности суверенитета см.: Badie. Souverinität und Verantwortung. S. 104ff.

Тем временем Роберт Купер (The Breaking of Nations. S. 16ff.) описал подобные представления как модель обустройства мира эпохи постмодернизма или постмодернистских государств. Однако проблема, возникающая при реализации этой модели, состоит в продолжении существования также и государств эпохи модернизма, и, прежде всего, государств эпохи премодернизма. Вследствие этого такой порядок ограничивается пространством ОБСЕ или же Евросоюза.

Наиболее радикально смену политически-территориального образца устройства на экономическо-глобальный прогнозировал Саскиа Сассен (Machtheben. S. 173ff.), когда рассуждал о масштабной «денационализации пространства и времени». Глобализация и информатизация экономики, по его убеждению, столь взаимосвязаны, что государство может оказаться под давлением мощного капиталистического режима, а все более сокращающиеся налоговые поступления способны лишить его возможности действовать.

Представление о потере значимости государств и о взлете негосударственных организаций положено в основу аргументации в: Hardt, Negri. Empire.

См.: Rorty. Ein Empireder Ungewissheit. S. 253. Сколь тяжело американские либералы и левые воспринимали обоснование гуманитарных интервенций (зачастую совершенно не учитывавших государственный суверенитет), а следовательно и имперскую миссию и избегание имперской роли, показано в: Walzer. Is There an American Empire?

См. об этом: Fukuyama. Staaten bauen; Hille. State Building; Hippier. Nation-Building.

Михаэль Хардт и Антонио Негри в целом рассматривали в своих рассуждениях атаки на уязвимые линии коммуникаций тех структур, которые они называли империями, однако полагали их элементом не уничтожения, а дальнейшего развития этих структур. Изначально рассматривая империю как всеобъемлющую структуру, они в принципе обрекали ее на угрозу атак извне (Hardt, Negri. Empire. S. 271ff., S. 306ff.).

О новых формах ведения боевых действий см.: Münkler. Die neuen

Kriege; его же: Die Privatisierung des Krieges; его же: Kriege im 21. Jahrhundert. О логистике и экономике новых войн см.: Napoleoni. Die Ökonomie des Terrors.

Здесь следует особо упомянуть: Vidal. Ewiger Krieg für ewigen Frieden; Mailer. Heiliger Krieg. У Манна (Die ohnmächtige Supermacht. S. 24f., 314, 330f.) также представлено мнение, что США при Билле Клинтоне проводили гегемониальную политику, которая была заменена на империалистическую лишь при Джордже Буше-младшем. Правда, Манн подозревает, что уже гегемониальная политика приводит скорее к беспорядку, нежели к установлению порядка.

29Напр. в: Boot. Plädoyer für ein Empire. S. 66. О «демократическом империализме» говорит и Леггеви (Ein Empireder Demokratie. S. 205).

30См.: Ignatieff. Empire lite.

Cm.: Kennedy, Aufstieg und Fall. Схожая позиция в: Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics.

См., напр.: Doyle. Empires.

Cm.: Bacevich. Neues Rom, neues Jerusalem; Maier. Die Grenzen des Empire. Напротив, Най (Amerikas Macht. S. 160) придает большое значение тому, что американская политика, как и прежде, остается гегемониальной, но не империалистической, что помимо прочего проявляется и в том, что американские военные обучаются и снаряжаются для боевых действий, но не для исполнения полицейских функций. В этой связи заслуживает упоминания и то, что Збигнев Бжезинский выпустил свое геостратегическое исследование об устойчивом укреплении ведущей роли США в мировой политике под названием «Единственная мировая держава. Стратегия лидерства Америки», а в вышедшем в Америке оригинале название было таково: «Великая шахматная доска. Американское лидерство и его геостратегические императивы».

34См.: Ignatieff. Empire America? S. 30; Bacevich. Neues Rom, neues Jerusalem. S. 71f.; Maier. Die Grenzen des Empire. S. 126f.; Diner. Das Prinzip America. S. 262.

35 Cm.: Johnson. Blowback («Империя слабеет»); его же: The Sorrows of Empire (в переводе «Самоубийство американской демократии»).

36 Чалмерс Джонсон выделяет пять их функций: обеспечение господства США над большей частью мира; подслушивание переговоров граждан и правительств, но прежде всего предпринимателей, чтобы таким образом получить важную

информацию; контроль над источниками нефти и над путями ее транспортировки, обеспечение прибыли и занятости для нефтяного и военного комплексов; наконец, стремление обеспечить достойную жизнь солдатам и членам их семей в США, чтобы тем самым повысить шансы на комплектование армии солдатами- американцами (Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 205ff.).

37Там же. S. 251. От критического взгляда Джонсона рассуждения бывшего советника по безопасности Збигнева Бжезинского о том, как США могли бы обеспечить свое глобальное лидерство в последующие десятилетия, едва ли принципиально отличаются, хотя Бжезинский тому, что Джозеф Най называет «мягкой силой», придает большее значение, нежели Джонсон: «Так как american way of life (американский стиль жизни) находит все больше сторонников по всему миру, возникают идеальные рамочные условия для осуществления непрямой и представляющей из себя определенный консенсус гегемонии Соединенных Штатов. ...Глобальное лидерство Америки защищено стеной из изощренной системы союзов и коалиций, которая в прямом смысле охватывает весь мир» (Brzezinski. Die einzige Weltmacht. S. 48).

См.: Gallagher, Robinson. «Der Imperialismus des Freihandels»; Mommsen. «Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus».

См., напр.: Mann. Die ohnmächtige Supermacht. S. 80ff. Конечно, эта мысль проскальзываети среди сторонников империи, например у Басевича (American Empire. S. 3) написано о положенной в основание имперского проекта общей идее открытости: «Ее итоговая цель в создании открытого и интегрированного международного порядка, базирующегося на принципах демократического капитализма, с Соединенными Штатами в качестве верховного гаранта порядка и защитника норм». Опять же, в настоящее время существует обширная литература, где доминирование США по экономическим соображениям рассматривается как весьма хрупкое. См.: Soros. Die Vorherrschaft der USA.

40См.: Diner. Das Prinzip America. S. 273.

410 значении войн по умиротворению, которые ведутся центром на периферии, см.: Münkler. «Kriege im 21. Jahrhundert». S. 93f. О возникающих вследствие глобализации (но не только за счет нее) войнах см. его же: Politik und Krieg.

42См.: Mann. Die ohnmächtige Supermacht. S. 27.

43 В этом смысле Джозеф Най и рассматривает настойчивое обращение к «мягкой силе» как требование скорее имперской, нежели империалистической политики. См.: Nye. Das Paradox der amerikanischen Macht. И наоборот, отнюдь не случайно самые решительные критики американской политики в целом приравнивают империализм к милитаризму. См.: Mann. Dieohnmächtige Supermacht. S. 314ff.; Johnson. Ein Imperium verfällt. S. 57ff., 133ff.

44Cm.: Johnson. Einl mperium verfällt. S. 385.

45Cm.: Harold James. Der Rückfall. S. 21ff., 290ff. См. об этом Fischer. Die Weltwirtschaft im 20. Jahrhundert.

46Cm.: Ignatieff. Empire lite. S. 1-25. Еще дальше пошла Саманта Пауэр: для нее распространение прав человека представляет собой предпосылку сохранения американской власти. См.: Power. Das Empire der Menschenrechte. Схожая позиция в: Beck. Überdenpostnationalen Krieg; его же: Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. S. 407ff.

Понятие восходит к работе: Osterhammel. Kulturelle Grenzen bei der Expansion Europas. S. 109ff.

Такая постановка вопроса раз за разом появляется в работах историков; едва ли в XX столетии какой-либо иной труд сыграл в этом большую роль, нежели исследование Сайма («The Roman Revolution», 1939), где англо-американское самосознание укреплялось и подтверждалось в зеркале римской истории при взгляде на саморазрушение демократических режимов на европейском континенте. Аналогия с Римом проводится всеми авторами, занимавшимися проблемой становления американской империи в течение последних десятилетий, причем независимо от того, критически или позитивно они к этому относились. Вероятно, наиболее примечательным является то, что и такой принципиально скептически настроенный к империи автор, как Най, не смог избежать аналогий с Римом. См.: Nye. Das Paradox der amerikanischen Macht. S. 167ff.

См. прежде всего: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 43ff., 387ff.; Chomsky. Hybris. S. 19-66.

50Cm.: Ignatieff. Empire America? S. 24, 31.

Обзор проведенных США войн, конечно не без обвинительного тона, приводится в: Schley. Die Kriege der USA.

Об этом в целом: Beham. Kriegstrommeln. О Второй войне в Заливе в 1991 г.: MacArthur. Die Schlacht der Lügen. Об интервенции в Косово:

Lampe. Medienfiktionen beim NATO-Einsatz im Kosovo- Krieg 1999.0 Третьей войне в Заливе 2003 г.: Tilgner. Der inszenierte Krieg. S. 17ff.

Cm.: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 412f.

Cm.: Bröckers. Verschwörungen, Verschwörungstheorien und die Geheimnisse des 11.9; его же: Fakten, Fälschungen und die unterdrückten Beweise des 11.9. Японское нападение на американскую Тихоокеанскую эскадру в Перл-Харборе раз за разом «расшифровывается» как следствие заговора против американского народа президента Рузвельта, который таким способом якобы должен был добиваться согласия на вступление в войну. См.: Stinnet. Pearl Harbor.

Относительно затрат и потерь в Первой мировой войне европейцев см.: Kolko. Das Jahrhundert der Kriege. S. 96ff., 107ff. Итоги ее для США свел воедино Юнкер (Power und Mission. S. 52): «США, которые за счет Первой мировой войны стали ведущей экономической и торговой державой Земли, укреплялись на этой позиции в 1920-е гг. ...Доля в мировом промышленном производстве возросла с 35,8 % в 1913 г. до 46 % в среднем в 1925-1929 гг. Национальный доход США в пересчете на доллары равнялся суммарному доходу следующих за ними 23 стран, включая Великобританию, Германию, Францию, Японию и Канаду. Нью-Йорк превратился во второй финансовый центр мира после Лондона, экономическая система стала бицентричной, если даже не американоцентричной». Об итогах Второй мировой войны см.: Kolko. Das Jahrhundert der Kriege. S. 205ff.; Overy. Die Wurzeln des Sieges. S. 419f.

56Cm.: Bacevich. Neues Rom, neues Jerusalem. S. 79.

57Найл Фергюсон (Das verleugnete Imperium. S. 43) в своем анализе Американской империи, в существовании которой у него нет никаких сомнений, пришел к тому же результату, хотя он полагал ее ахиллесовой пятой в первую очередь не затраты, а недостаток «воли к власти» у американского населения.

58См.: Münkler. «Nothing to kill or die for...»

Об американском торговом империализме см.: Wehler. Der Aufstieg des amerikanischen Imperialismus. S. 259ff. О русском военном империализме и провалившейся попытке дополнить его «рублевым империализмом» см.: Geyer. Der russische Imperialismus. S. 144ff.

Рекрутирование своих войск в других странах предшествует взятию частей «напрокат»: так, британцы пытались поддержать свое владычество в ходе американской Войны за независимость

преимущественно гессенскими солдатами.

См.: Johnson. Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie. S. 144f.

Обзор получивших известность ЧВК см.: Ruf. Politische Ökonomie der Gewalt. S. 317-345.

63См.: Ferguson. Das verleugnete Empire. S. 52ff.

64См.: Nye. Das Paradox der amerikanischen Macht. S. 66ff.

65См.: Bacevich. Neues Rom, neues Jerusalem. S. 80.

При этом отнюдь не случайно то, что такие критически настроенные по отношению к империи авторы, как Тодд (Weltmacht

USA) и Купчей (Die europäische Herausforderung), останавливаются прежде всего на вопросе о доминировании США в мировой экономике. ТожеиуРифкина: Rifkin. Der europäische Traum. S. 199ff.

См. выше.

О политическом весе уверенной в себе Европы см.: Sloterdijk. Falls Europa erwacht; Schmierer. Mein Name sei Europa. S. 174ff. О расширении НАТО на Восток см.: Asmus. Opening NATO's Door. S. 134ff.

Здесь следует особо упомянуть: Todd. Weltmacht USA. S. 211ff.; Rifkin. Der europäische Traum. S. 19ff., 71ff. Купчей также исходит из того, что от Европы вызов исходит и самим США: Kupchan. Die europäische Herausforderung. S. 115ff.

Дебаты о европейской идентичности получили новый импульс в связи с вопросом о вступлении в ЕС Турции. См. об этом: Leggewie. Die Türkei und Europa. Взгляд на европейскую идентичность в ее различных проявлениях представлен в: Hoffmann, Kramer (Hg.). Europa-Kontinentim Abseits?

См.: Brague. Europa; Pomian. Europa und seine Nationen. S. 14ff.

Cm.: Valéry. Europäischer Geist. S. 34. См. также: Lützeier. Die Schriftsteller und Europa. S. 308f.

По поводу европейской или азиатской идентичности России см.: Figes. Nataschas Tanz. S. 380ff.

Abernethy, David B., The Dynamics of Global Dominance. European overseas Empires. 1415-1980, New Haven/London 2000.

Adanir, Fikret, «Der Zerfall des Osmanischen Reiches», in: Alexander Demandt (Hg.), Das Ende der Weltreiche, München 1977, S. 108-128.

Albertini, Rudolf von, Europäische Kolonialherrschaft. Die Expansion in Übersee von 1880-1940, Zürich/Freiburg 1976.

Altheim, Franz, Geschichte der Hunnen, 5 Bde., Berlin 1959-1962.

Altrichter, Helmut/Helmut Neuhaus (Hg.), Das Ende von Großreichen, Erlangen/Jena 1996.

Altvater, Elmar/Birgit Mahnkopf, Grenzen der Globalisierung. Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft, Münster, 6. Aufl. 2004.

Anderson, Benedict, Die Erfindung der Nation, Frankfurt/New York 1988.

Angermann, Erich, Die Vereinigten Staaten von Amerika seit 1917 (= dtv- Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts), 9. erweiterte Auflage, München 1995.

Armstrong, Karen, Im Kampf für Gott. Fundamentalismus in Christentum, Judentum und Islam, München 2004.

Aron, Raymond, Clausewitz. Den Krieg denken, Frankfurt/M. 1980.

Aron, Raymond, Der permanente Krieg, Frankfurt/M. 1953.

Aron, Raymond, Krieg und Frieden. Eine Theorie der Staatenwelt, Frankfurt/M. 1963.

Asmus, Ronald D., Opening NATO's Door. How the Alliance Remade Itself for a New Era, New York/Chichester 2002.

Augustinus, Aurelius, Vom Gottesstaat, hg. von Wilhelm Thimme, 2 Bde., München 1978.

Aust, Stefan/Cordt Schnibben (Hg.), Irak. Geschichte eines modernen Krieges, München 2003.

Bacevich, Andrew J., «Neues Rom, neues Jerusalem», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 71-82.

Bacevich, Andrew J., American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy, Cambridge (Mass.)/London 2003.

Badie, Bertrand, Souveränität und Verantwortung, Hamburg 2002.

Bailyn, Bernard, The Ideological Origins of the American Revolution, Cambridge (Mass.)/London 1967.

Barudio, Günter, «Die Macht des Hegemonialismus — das Moskauer Zarentum», in: Pipers Handbuch der politischen Ideen, hg. von Iring Fetscher/Herfried Münkler, Bd. 3, München 1985, S. 189-198.

Baumgart, Winfried (Bearb.), Die Julikrise und der Ausbruch des Ersten Weltkriegs, Darmstadt 1983.

Beck, Hans-Georg, Das byzantinische Jahrtausend, München, 2. Aufl. 1994.

Beck, Ulrich, Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter,

Frankfurt/M. 2002.

Beck, Ulrich, «Über den postnationalen Krieg», in: Blätter für deutsche und internationale Politik, 1999, Heft 8, S. 984-990.

Beham, Mira, Kriegstrommeln. Medien, Krieg und Politik, München 1996.

Behr, Hartmut, Entterritoriale Politik. Von den internationalen Beziehungen zur Netzwerkanalyse, Wiesbaden 2004.

Bellen, Heinz, Grundzüge der Römischen Geschichte, 3 Bde., Darmstadt 1994-2003.

Bender, Peter, Weltmacht Amerika. Das Neue Rom, Stuttgart 2003.

Bennassar, Bartolome/Bernard Vincent, Spanien. 16. und 17. Jahrhundert, Stuttgart 1999.

Ben-Sasson, Haim Hillel (Hg.), Geschichte des jüdischen Volkes. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, München 1992.

Berlin, Isaiah, «Herzen und seine Erinnerungen», in: ders., Wider das Geläufige. Aufsätze zur Ideengeschichte, Frankfurt/M. 1982, S. 291-320.

Berlin, Isaiah, Russische Denker, Frankfurt/M. 1981.

Bemecker, Walter L., Spanische Geschichte. Von der Reconquista bis heute, Darmstadt 2002.

Besymenski, Lew, Stalin und Hitler. Das Pokerspiel der Diktatoren, Berlin 2002.

Bitterli, Urs (Hg.), Die Entdeckung und Eroberung der Welt, München 1980.

Bleicken, Jochen, Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreichs, 2 Bde., Paderborn u. a., 2. Aufl. 1981.

Blindow, Felix, Carl Schmitts Reichsordnung. Strategie für einen europäischen Großraum, Berlin 1999.

Bohlender, Matthias, «Government, Commerce und Civil Society. Zur Genealogie der schottischen politischen Ökonomie», in: Hartmut Kaelble/ Jürgen Schriewer (Hg.), Gesellschaften im Vergleich, Frankfurt/M. 1998, S. 115-147.

Böhlke, Effi, <Esprit de natiom. Montesquieus politische Philosophie, Berlin 1999.

Boot, Max, «Plädoyer für ein Empire», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 60-70.

Boot, Max, The Savage Wars of Peace. Small Wars and the Rise of American Power, New York 2002.

Bosbach, Franz, Monarchia Universalis. Ein politischer Leitbegriff der

frühen Neuzeit, Göttingen 1986.

Boxer, Charles R., The Dutch Seaborne Empire 1600-1800, London 1992.

Boxer, Charles R., The Portuguese Seaborne Empire 1415-1825, Manchester 1991.

Bragues, Rémi, Europa. Eine exzentrische Identität, Frankfurt/New York 1993.

Braudel, Fernand, Sozialgeschichte des 15. -18. Jahrhunderts, 3 Bde., München 1985 f.

Breuer, Stefan, Imperien der Alten Welt, Stuttgart 1987.

Bröckers, Mathias, Verschwörungen, Verschwörungstheorien und die Geheimnisse des 11.9., Frankfurt/M. 2002.

Bröckers, Mathias/Andres Hauß, Fakten, Fälschungen und die unterdrückten Beweise des 11.9., Frankfurt/M. 2003.

Brogini Künzi, Giulia, «Der Sieg des Negus. Adna, 1. März 1896», in: Stig Förster u. a. (Hg.), Schlachten der Weltgeschichte, München 2001, S. 248-263.

Brown, Michael E. u. a. (Hg.), Debating the Democratic Peace, Cambridge (Mass.)/London 1996.

Brzezinski, Zbigniew, Die einzige Weltmacht. Amerikas Strategie der Vorherrschaft, Frankfurt/M. 1999.

Buruma, Ian, Chinas Rebellen. Die Dissidenten und der Außruch in eine neue Gesellschaft, München/Wien 2004.

Chomsky, Noam, Hybris. Die endgültige Sicherung der globalen Vormachtstellung der USA, Hamburg/Wien 2003.

Chomsky, Noam, Wirtschaft und Gewalt. Vom Kolonialismus zur neuen Weltordnung, München 1993.

Christ, Karl, Pompeius. Der Feldherr Roms, München 2004.

Cipolla, Carlo M., Die Odyssee des spanischen Silbers, Berlin 1998.

Cipolla, Carlo M., Segel und Kanonen. Die europäische Expansion zur See, Berlin 1999.

Clausewitz, Carl von, Vom Kriege, 19. Aufl. hg. von Werner Hahlweg, Bonn 1980.

Clauss, Manfred (Hg.), Die römischen Kaiser, München 1997.

Cooper, Robert, The Breaking ofNations. Order and Chaos in the Twenty-First Century, London 2003.

Creveld, Martin van, Die Zukunft des Krieges, München 1998.

Czempiel, Ernst-Otto, «Pax Americana oder Imperium Americanum?», in: Merkur, 57. Jg., 2003, Heft 11, S. 1003-1014.

Daase, Christoph, Kleine Kriege — Große Wirkung, Baden-Baden

1999.

Dante Alighieri, Monarchie, hg. von Constantin Sautter, Aalen 1974.

Daschitschew, Wjatscheslaw, Moskaus Griff nach der Weltmacht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik, Hamburg 2002.

David, Saul, Die größten Fehlschläge der Militärgeschichte. Von der Schlacht im Teutoburger Wald bis zur Operation Desert Storm, München 2001.

Dehio, Ludwig, Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über ein Grundproblem der neueren Staatengeschichte, Krefeld 1957.

Delbrück, Hans, Die Strategie des Perikies erläutert durch die Strategie Friedrichs des Großen, Berlin 1890.

Demandt, Alexander, «Die Weltreiche in der Geschichte», in: ders. (Hg.), Das Ende der Weltreiche, München 1997, S. 221-233.

Des Forges, Alison, Kein Zeuge darf überleben. Der Genozid in Ruanda, Hamburg 2002.

Diner, Dan, Das Jahrhundert verstehen. Eine universalgeschichtliche Deutung, München 1999.

Diner, Dan, «Das Prinzip Amerika», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 256-274.

Diner, Dan, «Imperialismus und Universalismus. Versuch einer Begriffsgeschichte», in: ders., Weltordnungen. Über Geschichte und Wirkung von Recht und Macht, Frankfurt/M. 1993, S. 17-59.

Dippel, Horst, «Die Aufl ösung des Britischen Empire oder die Suche nach einem Rechtsersatz für formale Herrschaft», in: Richard Lorenz (Hg.), Das Verdämmern der Macht, Frankfurt/M. 2000, S. 236-255.

Doyle, Michael, Empires, Ithaca/London 1984.

Ebrey, Patricia Buckley, China. Eine illustrierte Geschichte, Frankfurt/ New York 1996.

Edzard, Dietz Otto, Geschichte Mesopotamiens. Von den Sumerern bis zu Alexander dem Großen, München 2004.

Elliott, John H., «The Decline of Spain», in: Carlo M. Cipolla (Hg.), The Economic Decline of Empires, London/Southampton 1972, S. 168-195.

Fanon, Frantz, Die Verdammten dieser Erde, Reinbek b. Hamburg 1969.

Fanon, Frantz, Schwarze Haut, weiße Masken, Frankfurt/M. 1980.

Fenske, Hans, «Ungeduldige Zuschauer. Die Deutschen und die europäische Expansion 1815-1880», in: Wolfgang Reinhard (Hg.), Imperialistische Kontinuität und nationale Ungeduld im 19. Jahrhundert,

Frankfurt/M. 1991, S. 87-123.

Ferguson, Niall, «Das verleugnete Empire»; in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 15-37.

Ferguson, Niall, Das verleugnete Imperium. Chancen und Risiken amerikanischer Macht, Berlin 2004.

Ferguson, Niall, Empire. The Rise and Demise of the British World Order and the Lessonsfor Global Power, London/New York 2002.

Ferguson, Niall, ThePityofWar, London 1998 (dt.: Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert, Stuttgart 1999).

Ferro, Marc, Der große Krieg 1914-1918, Frankfurt/M. 1988.

Fetscher, Iring, Modelle der Friedenssicherung, München 1972.

Fieldhouse, David, Economics and Empire, 1830-1914, London 1973.

Figes, Orlando, Nataschas Tanz. Eine Kulturgeschichte Russlands, Berlin 2003.

Fischbach, Claudius R., Krieg und Frieden in der französischen Aufklärung, Münster/New York 1990.

Fischer, Wolfram, «Die Weltwirtschaft im 20. Jahrhundert», in: ders., Expansion, Integration, Globalisierung. Studien zur Geschichte der Weltwirtschaft, Göttingen 1998, S. 140-165.

Fischer, Wolfram, «Internationale Wirtschaftsbeziehungen und Währungsordnung vor dem Ersten Weltkrieg», in: ders., Expansion, Integration, Globalisierung. Studien zur Geschichte der Weltwirtschaft, Göttingen 1998, S. 79-86.

Franke, Otto, Geschichte des Chinesischen Reiches. Eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit, 5 Bde., Berlin/Leipzig 1930-1952.

Frey, Marc, «Das Ende eines Kolonialreichs. Dien Bien Phu, 13. März bis 7. Mai 1954», in: Stig Förster u. a. (Hg.), Schlachten der Weltgeschichte, München 2001, S. 358-373.

Fueter, Eduard, Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492-1559, München/Berlin 1919.

Fuhrmann, Horst, Deutsche Geschichte im hohen Mittelalter (- Deutsche Geschichte, hg. von Joachim Leuschner, Bd. 2), Göttingen 1978.

Fukuyama, Francis, Staaten bauen. Die neue Herausforderung internationaler Politik, Berlin 2004.

Fulbright, William, Die Arroganz der Macht, Hamburg 1967.

Gallagher, John, The Decline, Revival and Fall of the British Empire, Cambridge 1982.

Gallagher, John/Ronald Robinson, «Der Imperialismus des Freihandels», in: Hans-Ulrich Wehler (Hg.), Imperialismus, Köln 1972, S. 183-200.

Geiss, Imanuel, «Kontinuitäten des Imperialismus», in: Wolfgang Reinhard (Hg.), Imperialistische Kontinuität und nationale Ungeduld im 19. Jahrhundert, Frankfurt/M. 1991, S. 12-30.

Geyer,Dietrich,Derrussischelmperialismus. StudienüberdenZusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860-1914, Göttingen 1977.

Gibbon, Edward, Verfall und Untergang des Römischen Imperiums bis zum Ende des Reiches im Westen, 6 Bde., München 2003.

Giesen, Bernhard/Helmut Berding (Hg.), Mythos und Nation, Frankfurt/M. 1996.

Giesen, Bernhard/Helmut Berding (Hg.), Nationale und kulturelle Identität, Frankfurt/M. 1991.

Giesen, Bernhard/Helmut Berding (Hg.), Nationales Bewusstsein und kollektive Identität, Frankfurt/M. 1994.

Gilpin, Robert, War and Change in World Politics, Cambridge 1981.

Göckenjan, Hansgerd, «Die Welt der frühen Reitemomaden», in: Arne Eggebrecht (Hg.), Die Mongolen und ihr Weltreich, Mainz 1989, S. 7-43.

Göckenjan, Hansgerd, «Weltherrschaft oder Desintegration? Krise und Zerfall des Mongolischen Großreichs», in: Richard Lorenz (Hg.), Das Verdämmern der Macht Vom Untergang großer Reiche, Frankfurt/M. 2000, S. 82-103.

Goldsworthy, Adrian, Die Legionen Roms. Das große Handbuch zum Machtinstrument eines Weltreiches, Frankfurt/M. 2004.

Gollwitzer, Heinz, Geschichte des weltpolitischen Denkens, 2 Bde., Göttingen 1972 und 1982.

Gorodetsky, Gabriel, Die große Täuschung. Hitler, Stalin und das Unternehmen «Barbarossa», Berlin 2001.

Grousset, René, L'empire des steppes. Atila, Gengis-Khan, Tamerlan, Paris 1948.

Habermas, Jürgen, «Das Kantische Projekt und der gespaltene Westen», in: ders., Der gespaltene Westen, Frankfurt/M. 2004, S. 111-193.

Habermas, Jürgen, «Was bedeutet der Denkmalsturz? Verschließen wir nicht die Augen vor der Revolution der Weltordnung: Die normative Autorität Amerikas liegt in Trümmern», in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, Nr. 91,17. April 2003.

Habermas, Jürgen, «Wege aus der Weltunordnung. Ein Interview mit

Jürgen Habermas», in: Blätter für deutsche und internationale Politik, 1/2004, S. 27-45.

Hacke, Christian, Zur Weltmacht verdammt. Die amerikanische Außenpolitik von J. F. Kennedy bis G.W. Bush, München 2001.

Hahlweg, Werner, Guerilla. Krieg ohne Fronten, Stuttgart 1968.

Hamann, Brigitte, Der Erste Weltkrieg. Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten, München 2004.

Hamilton, Alexander/James Madison/John Jay, Die Federalist- Artikel. Politische Theorie und Verfassungskommentar der amerikanischen Gründerväter, hg. von Angela und Willi Paul Adams, Paderborn 1994.

Hardt, Michael/Antonio Negri, Empire. Die neue Weltordnung, Frankfurt/ New York 2002.

Heilbrunn, Otto, Die Partisanen in der modernen Kriegführung (engl. Original 1962), Frankfurt/M. 1963.

Heinrichs, Hans-Jürgen, Die gekränkte Supermacht. Amerika auf der Couch, Düsseldorf/Zürich 2003.

Heuss, Alfred, Römische Geschichte, hg. von J. Bleicken, Paderborn, 9. Aufl. 2003.

Heydte, Friedrich August Frhr. von der., Der moderne Kleinkrieg als wehrpolitisches und militärisches Phänomen, Würzburg 1972.

Hille, Charlotte (Hg.), State Building. Challenges between Theoretical Necessity and Political Reality, Leiden 2003.

Hippier, Jochen (Hg.), Nation-Building. Ein Schlüsselkonzept für friedliche Konfl iktbearbeitung?, Bonn 2004.

Hobbes, Thomas, Leviathan oder Stoff. Form und Gewalt eines kirchlichen und bürgerlichen Staates, hg. von Iring Fetscher, Frankfurt/M. 1984.

Hobsbawm, Eric, Das Gesicht des 21. Jahrhunderts. Ein Gespräch mit Antonio Polito, München 1999.

Hobsbawm, Eric, Das imperiale Zeitalter, Frankfurt/New York 1989.

Hobsbawm, Eric, Das Zeitalter der Extreme. Weltgeschichte im 20. Jahrhundert, München 1995.

Hobsbawm, Eric, Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780, Frankfurt/New York 1991.

Hobson, John Atkinson, Der Imperialismus, eingel. von Hans-Christoph Schröder, Köln, 2. Aufl. 1970.

Hoffmann, Hilmar/Dieter Kramer (Hg.), Europa — Kontinent im Abseits?, Reinbek b. Hamburg 1998.

Horaz, Sämtliche Werke, Teil I (Carmina, Oden undEpoden), hrsg. von

H. Färber und W. Schöne, Düsseldorf/Zürich 1993.

Hosking, Geoffrey, Russland. Nation und Imperium, 1552-1917, Berlin 2000.

Hourani, Albert, Die Geschichte der arabischen Völker, Frankfurt/M. 1992.

Howard, Michael, Kurze Geschichte des Ersten Weltkriegs, München/ Zürich 2004.

Ignatieff, Michael, «Empire Amerika?», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 15-37.

Ignatieff, Michael, Empire Ute. Nation Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan, London 2003.

Irwin, Robert, «Die Entstehung des islamischen Weltsystems 1000-1500», in: Francis Robinson (Hg.), Islamische Welt. Eine illustrierte Geschichte, Frankfurt/New York 1997, S. 56-85.

Isokrates, «Rede über den Frieden», in: Isokrates, Sämtliche Werke, Stuttgart 1993.

James, Harold, Der Rückfall. Die neue Weltwirtschaftskrise, München/ Zürich 2003.

Jaschke, Hans-Gerd, Soziale Basis und soziale Funktion des Nationalsozialismus. Studien zur Bonapartismustheorie, Opladen 1982.

Jeismann, Michael, «Propaganda», in: Gerhard Hirschfeld u. a. (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg, Paderborn 2003, S. 198-209.

Jerabek, Rudolf, «Conrad von Hötzendorf, Franz Freiherr» in: Gerhard Hirschfeld u. a. (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg, Paderborn 2003, S. 419-421.

Johnson, Chalmers, Blowback. The Costs and Consequences of the American Empire, New York 2000 (dt.: Ein Imperium verfällt, München 2000).

Johnson, Chalmers, Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie, München 2003.

Jones, Eric Lionel, Das Wunder Europa. Umwelt, Wirtschaft und Geopolitik Europas und Asiens, Tübingen 1991.

Jorga, Nicolae, Geschichte des Osmanischen Reichs, 5 Bde., Gotha 1908- 1913, Neuaufl. Darmstadt 1990.

Judt, Tony, Die große Illusion Europa. Herausforderungen und Gefahren einer Idee, München/Wien 1996.

Jung, Dietrich/Klaus Schlichte/Jens Siegelberg, Kriege in der Weltgesellschaft. Strukturgeschichtliche Erklärung kriegerischer Gewalt

(1945-2002), Wiesbaden 2003.

Junker, Detlef, Power and Mission. Was Amerika antreibt, Freiburg/Br. 2003.

Kagan, Frederik W., «Krieg und Nachkrieg», in: Blätter für deutsche und internationale Politik, 11/2003, S. 1321-1332.

Kagan, Robert, Macht und Ohnmacht Amerika und Europa in der neuen Weltordnung, Berlin 2003.

Kagan, Robert, «The Benevolent Empire», in: Foreign Affairs, 76. Jg., 1998, Heft 111, S. 24-33.

Kaldor, Mary, «Das ohnmächtige Empire», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 173-198.

Kämpfe, Hans-Rainer, «C inggis Khan», in: Michael Weiers (Hg.), Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur, Darmstadt 1986, S. 183-191.

Kann, Robert A., Geschichte des Habsburgerreiches 1526-1918, Wien 1977.

Kant, Immanuel, «Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf», in: ders., Werke, hg. von Wilhelm Weischedel, Darmstadt 1970, Bd. 9, S. 191-251.

Kapus'cin'ski, Ryszard, Imperium. Sowjetische Streifzüge, Frankfurt/M. 1993.

Kautsky, John H., ThePolitics of Aristocratic Empires, Chapel Hill 1982. Keegan, John, Der Erste Weltkrieg. Eine europäische Tragödie, Reinbek b. Hamburg 2000.

Keegan, John, Die Kultur des Krieges, Berlin 1995.

Kennedy, Paul, Aufstieg und Fall der großen Mächte. Ökonomischer Wandel und militärischer Konß ikt von 1500 bis 2000, Frankfurt/M. 1989.

Kennedy, Paul, In Vorbereitung auf das 21. Jahrhundert, Frankfurt/M. 1993.

Kernig, Claus D., Lenins Reich in Trümmern. Schatten über Russlands Zukunft, Stuttgart/München 2000.

Kipling, Rudyard, Complete Verse, Cambridge 1989.

Kissinger, Henry, Die Herausforderung Amerikas. Weltpolitik im 21. Jahrhundert, München 2002.

Kissinger, Henry, «The Vietnam-Negotiations», in: Foreign Affairs, Jg. 47, 1969, Heft 2, S. 211-234.

Kitson, Frank, Im Vorfeld des Krieges. Abwehr von Subversion und Aufruhr, Stuttgart 1974.

Kluth, Heinz, Sozialprestige und sozialer Status, Stuttgart 1957.

Koch, Klaus, Das Buch Daniel, Darmstadt 1980.

Koebner, Richard/Helmut Dan Schmidt, Imperialism. The Story and Signifi cance ofa Political Word, 1840-1960, Cambridge 1964.

Köhler, Alfred, Karl V. Eine Biographie, München 1999.

Köhler, Alfred u. a. (Hg.), Karl V. (1500-1558). Neue Perspektiven seiner Herrschaft in Europa und Übersee, Wien 2002.

Kolko, Gabriel, Das Jahrhundert der Kriege, Frankfurt/M. 1999.

König, Hans-Joachim, «Der Zerfall des Spanischen Weltreichs in Amerika», in: Richard Lorenz (Hg.), Das Verdämmern der Macht, Frankfurt/M. 2000, S. 126-152.

König, Ingemar, Der römische Staat II. Die Kaiserzeit, Stuttgart 1997.

Koselleck, Reinhart, «Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe», in: ders., Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten, Frankfurt/M., 2. Aufl. 1984, S. 211-259.

Kreiser, Klaus/Christoph K. Neumann, Kleine Geschichte der Türkei, Stuttgart 2003.

Kubbig, Bernd W. (Hg.), Brandherd Irak. US-Hegemonieanspruch, die UNO und die Rolle Europas, Frankfurt/M. 2003.

Kulischer, Josef, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit, 2 Bde., Berlin 1954.

Kunisch, Johannes, Der kleine Krieg. Studien zum Heerwesen des Absolutismus, Wiesbaden 1973.

Kupchan, Charles, Die europäische Herausforderung. Vom Ende der Vorherrschaft Amerikas, Berlin 2003.

Lampe, Gerhard, «Medienfi ktionen beim NATO-Einsatz im Kosovo-Krieg 1999», in: Michael Strübel (Hg.), Film und Krieg. Die Inszenierung von Politik zwischen Apologetik und Apokalypse, Opladen 2002, S. 127-134.

Landes, David, Wohlstand und Armut der Nationen. Warum die einen reich und die anderen arm sind, Berlin 1999.

Lange, Sven, Hans Delbrück und der <Strategiestreit>. Kriegführung und Kriegsgeschichte in der Kontroverse 1879-1914, Freiburg/Br. 1995.

Lefebvre, Georges, Napoleon, Stuttgart 1989.

Leggewie, Claus, Die Türkei und Europa. Die Positionen, Frankfurt/M. 2004.

Leggewie, Claus, «Ein Empire der Demokratie», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 199-218.

Lehmann, Gustav Adolf, «Das Ende der römischen Herrschaft über

das <westelbische> Germanien», in: Rainer Wiegels/Winfried Woesler (Hg.), Arminius und die Varusschlacht, Paderborn 1995, S. 123-141.

Lenk, Kurt (Hg.), Ideologie. Ideologiekritik und Wissenssoziologie, Darmstadt und Neuwied, 6. Aufl. 1972.

Lewis, Bernard, «The Arabs in Eclipse», in: Carlo M. Cipolla (Hg.), The Economic Decline of Empires, London und Southampton 1972, S. 102-120.

Lewis, Bernard, Die Araber. Aufstieg und Niedergang eines Weltreichs, Wien/München 1995.

Lewis, David Levering, The Race to Fashoda, New York 1987.

Liddell Hart, Basil H., Große Heerführer, Düsseldorf, Wien 1968.

Lilie, Ralph-Johannes, Byzanz. Das zweite Rom, Berlin 2003.

Livius, Titus, Römische Geschichte, hg. von Josef Feix, München und Zürich 1991.

Lorenz, Richard (Hg.), Das Verdämmern der Macht. Vom Untergang großer Reiche, Frankfurt/M. 2000.

Lorenz, Richard, «Das Ende der Sowjetunion», in: ders. (Hg.), Das Verdämmern der Macht, Vom Untergang großer Reiche, Frankfurt/M. 2000, S. 256-280.

Luttwak, Edward, Weltwirtschaftskrieg. Export als Waffe — aus Partnern werden Gegner, Reinbek b. Hamburg 1994.

Lützeier, Paul Michael, Die Schriftsteller und Europa. Von der Romantik bis zur Gegenwart, München 1992.

MacArthur, John R., Die Schlacht der Lügen. Wie die USA den Golfkrieg verkauften, München 1993.

Maenchen-Helfen, Otto, The World of the Huns. Studies in their History and Culture, Berkeley/London 1973.

Mahan, Alfred Thayer, Der Einfl uss der Seemacht auf die Geschichte. 1660-1812, überarb. und hg. von Gustav-Adolf Wolter, Herford 1967.

Mahnkopf, Birgit, «Neoliberale Globalisierung und globaler Krieg», in: Blätter für deutsche und internationale Politik, Heft 1/2004, S. 47-57.

Maier, Charles S., «Die Grenzen des Empire», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 126-137.

Mailer, Norman, Heiliger Krieg. Amerikas Kreuzzug, Reinbek b. Hamburg 2003.

Majoros, Ferenc/Bernd Rill, Das Osmanische Reich 1300-1922, Wiesbaden 2004.

Mann, Michael, Die ohnmächtige Supermacht. Warum die USA die Welt

nicht regieren können, Frankfurt/New York 2003.

Mann, Michael, Geschichte der Macht, 3 Bde., Frankfurt/New York 1990-1998.

Mao Tse-tung, Vom Kriege. Die kriegswissenschaftlichen Schrifteny Gütersloh 1969.

Marx, Karl, «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte», in: Marx Engels Gesamtausgabe (MEGA2), I. Abt., Bd. 11, Berlin 1985, S. 96-189.

Marx, Karl, «Erste Adresse des Generalrats über den deutschfranzösischen Krieg», in: Karl Marx/Friedrich Engels, Werke, Bd. 17, Berlin 1979, S. 3-8.

Marx, Karl, «The British Rule in India», in: Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA2), I Abt., Bd. 12, Berlin 1984, S. 166-173; dt. Text in; Karl Marx/ Friedrich Engels, Werke, Bd. 9, Berlin 1975, S. 127-133.

Massie, Robert K., Die Schalen des Zorns. Großbritannien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkriegs, Frankfurt/M. 1993.

Matuz, Josef, Das Osmanische Reich. Grundlinien seiner Geschichte, Darmstadt, 3. Aufl. 1994.

McNeill, William, Krieg und Macht. Militär, Wirtschaft und Gesellschaft vom Altertum bis heute, München 1984.

McPherson, James M., Für die Freiheit sterben. Die Geschichte des amerikanischen Bürgerkrieges, München/Leipzig 1991.

Mead, Walter Russell, Special Providence. American Foreign Policy and How it Changed the World, New York 2002.

Mearsheimer, John J., The Tragedy of Great Power Politics, New York/ London 2001.

Melinz, Gerhard, «Vom osmanischen Mosaik zur türkischen Staatsnation», in: Emst Bruckmüller u. a. (Hg.), Nationalismus. Wege der Staatenbildung in der außereuropäischen Welt, Wien 1994, S. 51-75.

Menzel, Ulrich, «Die Globalisierung vor der Globalisierung», in: ders., Paradoxien der neuen Weltordnung, Frankfurt/M. 2004, S. 31-50.

Menzel, Ulrich, «Die neue Hegemonie der USA und die Krise des Multilateralismus», in: ders., Paradoxien der neuen Weltordnung, Frankfurt/M., S. 93-151.

Menzel, Ulrich, «Eurozentrismus versus ReOrientierung», in: ders., Paradoxien der neuen Weltordnung, Frankfurt/M. 2004, S. 64-90.

Merson, John, Straßen nach Xanadu. China und Europa und die Entstehung der modernen Welt, Hamburg 1989.

Modelski, George, Long Cycles in World Politics, Seattle/London 1987.

Modelski, George/William R. Thompson, Leading Sectors and World Powers. The Coevolution of Global Politics and Economics, Columbia (S.C.) 1986.

Modelski, George/William R. Thompson, Seapower in Global Politics. 1494-1993, Basingstoke/Seattle 1988.

Mommsen, Wolfgang J. (Hg.), Das Ende der Kolonialreiche. Dekolonisation und die Politik der Großmächte, Frankfurt/M. 1990.

Mommsen, Wolfgang J., Imperialismustheorien. Ein Überblick über die neueren Imperialismusinterpretationen, Göttingen 1977.

Mommsen, Wolfgang J., «Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus », in: ders., Der europäische Imperialismus, Göttingen 1979, S. 167-205.

Montesquieu, Charles de Secondat, «Refl exions sur la monarchie universelle», in: ders., Oeuvres comple{3}tes, Paris 1964, Bd. 2, S. 192-197.

Morgan, David, The Mongols, London 1986.

Morgenthau, Hans, Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace (1948), New York, 5. Aufl. 1973.

Mose{3}s, Stephane, Eros und Gesetz. Zehn Lektüren der Bibel, München 2004.

Motyl, Alexander J., Sovietology; Rationality, Nationality. Coming to Grips with Nationalism in the USSR, New York 1990.

Müller, Klaus-Jürgen, «Militärpolitik in der Krise: Zur militärpolitischen Konzeption des deutschen Heeres-Generalstabs 1938», in: Dirk Stegemann u. a. (Hg.), Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. Festschrift für Fritz Fischer, Bonn 1983, S. 333-345.

Münkler, Herfried, «Ältere und jüngere Formen des Terrorismus. Strategie und Organisationsstruktur », in: Werner Weidenfeld (Hg.), Herausforderung Terrorismus, Wiesbaden 2004, S. 29-43.

Münkler, Herfried, «Analytiken der Macht: Nietzsche, Machiavelli, Thukydides», in: Michael Th. Greven (Hg.), Macht in der Demokratie, Baden-Baden 1991, S. 9-44.

Münkler, Herfried, «Angriff als beste Verteidigung? Sicherheitsdoktrinen in der asymmetrischen Konstellation», in: Internationale Politik und Gesellschaft, Heft 3/2004, S. 22-37.

Münkler, Herfried, «Das Reich als politische Macht und politischer Mythos», in: ders., Reich, Nation, Europa. Modelle politischer Ordnung, Weinheim 1996, S. 11-59.

Münkler, Herfried, Der neue Golfkrieg, Reinbek b. Hamburg 2003.

Münkler, Herfried (Hg.), Der Partisan. Theorie, Strategie, Gestalt,

Opladen 1990.

Münkler, Herfried, Die neuen Kriege, Reinbek b. Hamburg 2002.

Münkler, Herfried, «Die Privatisierung des Krieges. Warlords, Terrornetzwerke und die Reaktion des Westens», in: Zeitschrift für Politikwissenschaft, 13. Jg., 2003, Heft 1, S. 7-22.

Münkler, Herfried, «Gegensätzliche Kriegsursachenanalysen: Aristophanes, Thukydides, Platon und die Vernunft der Regierenden», in: ders., Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Refl exion, Weilerswist 2002, S. 19-33.

Münkler, Herfried, Im Namen des Staates. Die Begründung der Staatsraison in der frühen Neuzeit, Frankfurt/M. 1987.

Münkler, Herfried, «Instrumentelle und existentielle Auffassung des Krieges bei Carl von Clausewitz», in: ders., Über denKrieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Refl exion, Weilerswist 2002, S. 91-115.

Münkler, Herfried, «Ist der Krieg abschaffbar? Ein Blick auf die Herausforderungen und Möglichkeiten des 20. Jahrhunderts», in: Bernd Wegner (Hg.), Wie Kriege enden. Wege zum Frieden von der Antike bis zur Gegenwart, Paderborn 2002, S. 347-375.

Münkler, Herfried, «Kriege im 21. Jahrhundert», in: Erich Reiter (Hg.), Jahrbuch für internationale Sicherheitspolitik 2003, Hamburg 2003, S. 83-97.

Münkler, Herfried, «Kriegsszenarien des 21. Jahrhunderts», in: Karl Acham (Hg.), Faktizitäten der Macht, Wien 2004, S. 79-94.

Münkler, Herfried, Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florenz, Frankfurt/M. 1982.

Münkler, Herfried, «Partisanen der Tradition», in: ders., Gewalt und Ordnung. Das Bild des Krieges im politischen Denken, Frankfurt/M. 1992, S. 127-141.

Münkler, Herfried, «Perspektiven der Befreiung. Die Philosophie der Gewalt in der Revolutionstheorie Frantz Fanons», in: Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 33. Jg., 1981, Heft 3, S. 437-468.

Münkler, Herfried, «Politik und Krieg. Die neuen Herausforderungen durch Staatszerfall, Terror und Bürgerkriegsökonomien», in: Armin Nassehi/Markus Schroer (Hg.), Der Begriff des Politischen, Baden-Baden 2003, S. 471-490.

Münkler, Herfried, Reich, Nation, Europa. Modelle politischer Ordnung, Weinheim 1996.

Münkler, Herfried, Rezension zu Benders «Weltmacht America», in:

Historische Zeitschrift, Bd. 279, 2004, S. 430-432.

Münkler, Herfried, «Staatengemeinschaft oder Imperium. Zur Gestaltung der <Weltinnenpolitik> », in: Merkur, 58. Jg., 2004, Heft 2, S. 93-105.

Münkler, Herfried, «Terrorismus heute. Die Asymmetrisierung des Krieges», in: Internationale Politik, 59. Jg., 2004, Heft 2, S. 1-11.

Münkler, Herfried, «Wandel der Weltordnung durch asymmetrische Kriege», in: Josef Schröfl /Thomas Pankratz (Hg.), Asymmetrische Kriegführung—ein neues Phänomen in der internationalen Politik?, Baden-Baden 2004, S. 85-93.

Münkler, Herfried, «Zur Charakterisierung der neuen Kriege», in: Krieg der Gegenwart— eine Beurteilung, MiLAK Schrift Nr. 4, 2004, S. 21-32.

Münkler, Herfried/Hans Grünberger/Kathrin Mayer, Nationenbildung. Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller, Berlin 1998.

Münkler, Herfried/Karsten Fischer, «<Nothing to kill or die for...> — Überlegungen zu einer politischen Theorie des Opfers», in: Leviathan, 28. Jg., 2000, Heft 3, S. 343-362.

Münkler, Marina, «Entdecker und Eroberer», in: Eva Horn u. a. (Hg.), Grenzverletzer, Berlin 2002, S. 156-175.

Nagel, Tilman, Timur der Eroberer und die islamische Welt des späten Mittelalters, München 1993.

Naimark, Norman M., Flammender Hass. Ethnische Säuberungen im 20. Jahrhundert, München 2004.

Napoleoni, Loretta, Die Ökonomie des Terrors, München 2004.

Nef, John U., Western Civilization Since the Renaissance. Peace, War, Industry and the Arts, New York 1963.

«Neue nationale Sicherheitsstrategie der Vereinigten Staaten», in: Blätter für deutsche und internationale Politik, Heft 11/2002, S. 1391-1393, sowie Heft 12/2002, S. 1505-1511.

Nichtweiß, Barbara, «Apokalyptische Verfassungslehren. Carl Schmitt im Horizont der Theologie Erik Petersons», in: Bernd Wacker (Hg.), Die eigentlich katholische Verschärfung. Konfession, Theologie und Politik im Werk Carl Schmitts, München 1994, S. 37-64.

Niedhart, Gottfried, «Der Erste Weltkrieg: Von der Gewalt im Krieg zu den Konfl ikten im Frieden», in: Bernd Wegner (Hg.), Wie Kriege enden. Wege zum Frieden von der Antike bis zur Gegenwart, Paderborn 2002, S. 187-211.

Nippel, Wilfried, Griechen, Barbaren und <Wilde>. Alte Geschichte und Sozialanthropologie, Frankfurt/M. 1990.

Nippel, Wilfried, «Griechische Kolonisation. Kontakte mit indigenen Kulturen, Rechtfertigung von Eroberung, Rückwirkungen auf das Mutterland», in: Raimund Schulz (Hg.), Außruch in neue Welten und neue Zeiten. Die großen maritimen Expansionsbewegungen der Antike und Frühen Neuzeit im Vergleich der europäischen Geschichte, München 2003 (Beihefte [NF] der Historischen Zeitschrift, Bd. 34), S. 13-27.

Noth, Martin, Geschichte Israels, Göttingen, 10. Aufl. 1986.

Nye, Joseph, «Amerikas Macht», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 156-172

Nye, Joseph, Das Paradox der amerikanischen Macht. Warum die einzige Supermacht der Welt Verbündete braucht, Hamburg 2003.

Nye, Joseph, Soft Power. TheMeans toSuccess in World Politics, New York 2004.

Oliveira Marques, A. H. de, Geschichte Portugals und des portugiesischen Weltreichs, Stuttgart 2001.

Olshausen, Eckart, «Das politische Denken der Römer zur Zeit der Republik», in: Iring Fetscher/Herfried Münkler (Hg.), Pipers Handbuch der politischen Ideen, München/Zürich 1988, Bd. 1, S. 485-519.

Osterhammel, Jürgen, «China. Niedergang und Neubildung eines Vielvölkerreiches», in: Richard Lorenz (Hg.), Das Verdämmern der Macht, Frankfurt/M. 2000, S. 104-125.

Osterhammel, Jürgen, Die Entzauberung Asiens. Europa und die asiatischen Reiche im 18. Jahrhundert, München 1998.

Osterhammel, Jürgen, Kolonialismus. Geschichte, Formen, Folgen, München 1995.

Osterhammel, Jürgen, «Kulturelle Grenzen bei der Expansion Europas», in: Saeculum, Bd. 46,1995, S. 101-138.

Ottmann, Henning, Geschichte des politischen Denkens, 2 Bde., Stuttgart/ Weimar 2001/02.

Otto, Wolfgang, Conquista, Kultur und Ketzerwahn. Spanien im Jahrhundert seiner Weltherrschaft, Göttingen 1992.

Overy, Richard, Die Wurzeln des Sieges. Warum die Alliierten den Zweiten Weltkrieg gewannen, Stuttgart/München 2000.

Pagden, Anthony, «Instruments of Empire. Tommaso Campanella and the Universal Monarchy of Spain», in: ders., Spanish Imperialism and Political Imagination, New Haven/London 1990, S. 37-63.

Parker, Geoffrey, Die militärische Revolution. Die Kriegskunst und der Aufstieg des Westens 1500-1800, Frankfurt/New York 1990.

Parker, Geoffrey, The Army of the Flanders and the Spanish Road, 1567-1659, Cambridge 1972.

Pepper, Simon/Adam Nicholas, Firearms and Fortifi cations. Military Architecture and Siege Warfare in Sixteenth-Century Siena, Chicago/ London 1986.

Philipp, Thomas, «Der aufhaltsame Abstieg des Osmanischen Reiches», in: Helmut Altrichter/Helmut Neuhaus (Hg.), Das Ende von Großreichen, Erlangen/Jena 1996, S. 211-223.

Pieper, Renate, «Das Ende des spanischen Kolonialreiches in Amerika», in: Alexander Demandt (Hg.), Das Ende der Weltreiche, München 1997, S. 74-88.

Pipes, Richard, Die Russische Revolution, Berlin 1992.

Pollmann, Judith, «Eine natürliche Feindschaft. Ursprung und Funktion der Schwarzen Legende über Spanien in den Niederlanden, 1560-1581», in: Franz Bosbach (Hg.), Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit, Köln/Weimar/Wien 1992, S. 73-93.

Pomian, Krzysztof, Europa und seine Nationen, Berlin 1990.

Porter, Bernard, «Die Transformation des British Empire», in: Alexander Demandt (Hg.), Das Ende der Weltreiche, München 1997, S. 155-173.

Potter, Timothy, Das römische Italien, Stuttgart 1992.

Power, Samantha, «Das Empire der Menschenrechte», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 138-153.

Prätorius, Rainer, In God We Trust. Religion und Politik in den USA, München 2003.

Priest, Dana, The Mission. Waging War and Keeping Peace with America's Military, New York/London 2003.

QRT (= Markus Konradin Leiner), Schlachtfelder der elektronischen Wüste. Schwarzkopf Schwarzenegger, Black Magic Johnson, Berlin 1999.

Radkau, Joachim, Das Zeitalter der Nervosität Deutschland zwischen Bismarck und Hitler, München 1998.

Rauchensteiner, Manfried, «Österreich-Ungarn», in: Gerhard Hirschfeld u. a. (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg, Paderborn 2003, S. 64-86.

Rauchensteiner, Manfried, «Verlust der Mitte. Der Zerfall des

Habsburger Reiches», in: Helmut Altrichter/Helmut Neuhaus (Hg.), Das Ende von Großreichen, Erlangen und Jena 1996, S. 225-246.

Reifeld, Helmut, «Imperialismus», in: Iring Fetscher/Herfried Münkler (Hg.), Pipers Handbuch der politischen Ideen, Bd. 5, München 1987, S. 23-53.

Reinhard, Wolfgang, Geschichte der Staatsgewalt, München 1999.

Reinhard, Wolfgang, Kleine Geschichte des Kolonialismus, Stuttgart 1996.

Rémond, René, Frankreich im 20. Jahrhundert Erster Teil: 1918- 1958 (Geschichte Frankreichs, hsg. von Jean Favier, Bd. 6/1), Stuttgart 1994.

Reuter, Christoph, Mein Leben ist eine Waffe. Selbstmordattentäter — Psychogramm eines Phänomens, München 2002.

Richard, Carl J., The Founders and the Classics. Greece, Rome, and the American Enlightenment, Cambridge (Mass.)/London 1994.

Rifkin, Jeremy, Der europäische Traum. Die Vision einer leisen Supermacht, Frankfurt/New York 2004.

Rilinger, Rolf, «Das politische Denken der Römer: Vom Prinzipat zum Dominât», in: Iring Fetscher/Herfried Münkler (Hg.), Pipers Handbuch der politischen Ideen, Bd. 1, München 1988, S. 521-593.

Roberts, Michael, The Military Revolution, 1550-1660, Belfast 1956.

Robinson, Ronald, Africa and the Victorians. The Ojfi dal Mind of Imperialism, London 1968.

Robinson, Ronald, «Non-European Foundations of European Imperialism. Sketch for a Theory of Collaboration», in: Roger Owen/Bob Sutcliff (Hg.), Studies in a Theory of Imperialism, London 1972, S. 117-142.

Röhrich, Winfried, «Problemfelder der Weltinnenpolitik», in: Astrid Sahm u. a. (Hg.), Die Zukunft des Friedens, Wiesbaden 2000, S. 257- 267.

Romilly, Jacqueline de, Thucydides andAthenianlmperialism, Oxford 1953.

Rorty, Richard, «Ein Empire der Ungewissheit», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 240-255.

Rosen, Stephen Peter, «Ein Empire auf Probe», in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Weltordnung, München 2003, S. 83-103.

Ruf, Werner (Hg.), Politische Ökonomie der Gewalt. Staatszerfall und die Privatisierung von Gewalt und Krieg, Opladen 2003.

Sassen, Saskia, Machtbeben. Wohin führt die Globalisierung?, Stuttgart/ München 2002.

Schell, Jonathan, Die Politik des Friedens. Macht, Gewaltlosigkeit und die Interessen der Völker, München 2004.

Schieder, Theodor, «Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaats in Europa», in: ders., Nationalstaat. Studien zum nationalen Problem und modernen Europa, Göttingen 1991, S. 65-86.

Schley, Nicole/Sabine Busse, Die Kriege der USA. Chronik einer aggressiven Nation, Kreuzlingen/München 2003.

Schmidt-Glintzer, Helwig, China. Vielvölkerreich und Einheitsstaat, München 1997.

Schmierer, Joscha, Mein Name sei Europa. Einigung ohne Mythos und Utopie, Frankfurt/M. 1996.

Schmitt, Carl, «Großraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf um die Monroedoktrin», in: ders., Positionen und Begriffe, Berlin 1988, (Nachdr. der Ausg. von 1940), S. 295-302.

Schmitt, Carl, Theorie des Partisanen, Berlin 1963.

Schmitt, Carl, «Völkerrechtliche Formen des modernen Imperialismus», in: ders., Positio nen und Begriffe, Berlin 1988, S. 162-180.

Schmitt, Carl, Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte, Berlin/Wien 1939.

Schneider, Manfred, Der Barbar. Endzeitstimmung und Kulturrecycling, München 1997.

Schröder, Hans-Christoph, Sozialistische Imperialismusdeutung. Studien zu ihrer Geschichte, Göttingen 1973.

Schröfl, Josef/Thomas Pankratz (Hg.), Asymmetrische Kriegführung — ein neues Phänomen der Internationalen Politik?, Baden-Baden 2004.

Schüller, Wolfgang, Die Herrschaft der Athener im Ersten Attischen Seebund, Berlin/New York 1974.

Schulz, Gerhard (Hg.), Partisanen und Volkskrieg. Zur Revolutionierung des Krieges im 20. Jahrhundert, Göttingen 1985.

Schulz, Raimund, «Roms Eroberung des Mittelmeers und der Vorstoß in den Atlantik. Reaktion und Rückwirkungen auf die Ideologie, Geographie, Ethnographie und Anthropologie der späten Republik und frühen Kaiserzeit», in: ders. (Hg.), Aufbruch in neue Welten und neue Zeiten. Die großen maritimen Expansionsbewegungen der Antike und Frühen Neuzeit im Vergleich, München 2003, S. 29-50.

Schumpeter, Joseph, «Zur Soziologie der Imperialismen», in: Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd. 46,1918, S. 1-39 und 275-310.

Schweinitz jr., Karl de, The Rise and Fall of British India, London 1983.

See, Klaus von, Barbar, Germane, Arier. Die Suche nach der Identität der Deutschen, Heidelberg 1994.

Seeck, Otto, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, 6 Bde., 1895-1920, Darmstadt 2000.

Shama, Simon, Überfl uss und schöner Schein. Zur Kultur der Niederlande im Goldenen Zeitalter, München 1988.

Simon, Gerhard, «Die Desintegration der Sowjetunion», in: Alexander Demandt (Hg), Das Ende der Weltreiche, München 1997, S. 174-210.

Simon, Gerhard und Nadja, Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums, München 1993.

Sloterdijk, Peter, Falls Europa erwacht. Gedanken zum Programm einer Weltmacht am Ende des Zeitalters ihrer politischen Absence, Frankfurt/M. 1994.

Snyder, Jack, Myths of Empire. Domestic Politics and International Ambition, Ithaca und London 1991.

Sofsky, Wolfgang, Operation Freiheit. Der Krieg im Irak, Frankfurt/M. 2003.

Soggin, J. Alberto, Einführung in die Geschichte Israels und Judas. Von den Ursprüngen bis zum Aufstand Bar Kochbas, Darmstadt 1991.

Sombart, Werner, Händler und Helden. Patriotische Besinnungen, München 1915.

Soros, George, Die Vorherrschaft der USA — eine Seifenblase, München 2004.

Steininger, Rolf, Der Vietnamkrieg, Frankfurt/M. 2004.

Steinweg, Rainer (Hg.), Der gerechte Krieg: Christentum, Islam, Marxismus, Frankfurt/M. 1980.

Stieglitz, Joseph, Die Schatten der Globalisierung, Berlin 2002.

Stinnett, Robert B., Pearl Harbor. Wie die amerikanische Regierung den Angriff provozierte und 2476 ihrer Bürger sterben ließ, Frankfurt/M. 2003.

Stökl, Günther, Russische Geschichte, Stuttgart 1997.

Strachan, Hew, Der Erste Weltkrieg. Eine neue illustrierte Geschichte, München 2004.

Symes, Ronald, Die Römische Revolution. Machtkämpfe im antiken Rom, hg. von Christoph Selzer und Uwe Walter, Stuttgart 2003.

Tacitus, Annalen, lat.-dt. hg. von Erich Heller, Darmstadt 1992.

Taube, Manfred (Hg.), Die Geheime Geschichte der Mongolen, München 1989.

Thompson, William R., On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics, Columbia 1988.

Thukydides, Der Peloponnesische Krieg, übersetzt und hrsg. von Helmuth Vretska und Werner Rinner, Stuttgart 2000.

Tilgner, Ulrich, Der inszenierte Krieg. Täuschung und Wahrheit beim Sturz Saddam Husseins, Berlin 2003.

Todd, Emmanuel, Weltmacht USA. Ein Nachruf München 2003.

Triepel, Heinrich, Die Hegemonie. Ein Buch von führenden Staaten, Stuttgart/Berlin 1938.

Tuchman, Barbara, Der erste Salut, Frankfurt/M. 1988.

Ullrich, Volker, Die nervöse Großmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs 1871-1918, Frankfurt/M. 1997.

Ursinus, Michael, «Byzanz, Osmanisches Reich, türkischer Nationalstaat. Zur Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen am Vorabend des Ersten Weltkriegs», in: Richard Lorenz (Hg.), Das Verdämmern der Macht. Vom Untergang großer Reiche, Frankfurt/M. 2000, S. 153-172.

Vagts, Alfred, «Die Chimäre des europäischen Gleichgewichts», in: ders., Bilanzen und Balancen. Aufsätze zur internationalen Finanz und internationalen Politik, hg. von Hans-Ulrich Wehler, Frankfurt am Main 1979, S. 131-160.

Valéry, Paul, «Europäischer Geist», in: ders., Werke, hg. von Jürgen Schmidt-Radefeldt, Bd. 7, Frankfurt/M. 1994.

Vance, Norman, «Vom mare nostrum zu Kiplings <The Seven Seas>. Das Römische Weltreich und Britanniens Wahrnehmung des Empire von 1600-1914», in: Raimund Schulz (Hg.), Außruch in neue Welten und neue Zeiten. Die großen maritimen Expansionsbewegungen der Antike und Frühen Neuzeit im Vergleich der europäischen Geschichte, München 2003 (Beihefte [NF] der Historischen Zeitschrift, Bd. 34), S. 79-108.

Verenkotte, Clemens, Die Herren der Welt. Das amerikanische Imperium, München 2003.

Vergil, Aeneis, dt. von Joh. Götte, München und Zürich, 7. Aufl. 1988.

Vidal, Gore, Ewiger Kriegßr ewigen Frieden. Wie Amerika den Hass erntet, den es gesät hat, Hamburg 2002.

Voegelin, Eric, Das ökumenische Zeitalter — Weltherrschaft und Philosophie, München 2004.

Volkmann-Schluck, Karl-Heinz, Politische Philosophie, Frankfurt/Main 1974.

Voss, Tobias, «<Ich habe keine Stimme mehr, mein ganzes Leben fl ieht.> Psychische Dimensionen des Guerilla-Krieges», in: Herfried Münkler (Hg.), Der Partisan. Theorie, Strategie, Gestalt, Wiesbaden 1990, S. 292-321.

Wallerstein, Immanuel, «Aufstieg und künftiger Niedergang des

kapitalistischen Weltsystems. Zur Grundlegung vergleichender Analyse», in: Dieter Senghaas (Hg.), Kapitalistische Weltökonomie. Kontroversen über ihren Ursprung und ihre Entwicklungsdynamik, Frankfurt/M. 1979, S. 31-67.

Wallerstein, Immanuel, Das moderne Weltsystem. Die Anfänge kapitalistischer Landwirtschaft und die europäische Weltökonomie im 16. Jahrhundert, Frankfurt/M. 1986.

Waltz, Kenneth, Theory of International Politics, Reading 1979.

Walzer, Michael, Gibt es den gerechten Krieg?, Stuttgart 1982.

Walzer, Michael, «Is There an American Empire?», in: Dissent, Herbst 2003, S. 27-31.

Weber, Max, «Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik», in: ders., Gesammelte Politische Schriften, hg. von Johannes Winckelmann, Tübingen, 4. Aufl. 1980, S. 1-25.

Weber, Max, Wirtschaft und Gesellschaft, 5., rev. Aufl age besorgt von Johannes Winckelmann, Tübingen 1972.

Wehler, Hans-Ulrich, Der Aufstieg des amerikanischen Imperialismus. Studien zur Entwicklung des Imperium Americanum 1865-1900, Göttingen 1974.

Weiers, Michael, «Geschichte der Mongolen», in: Arne Eggebrecht (Hg.) Die Mongolen und ihr Weltreich, Mainz 1989, S. 45-114.

Weiers, Michael, «Von Ögödei bis Möngke. Das mongolische Großreich», in: Michael Weiers (Hg.), Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur, Darmstadt 1986, S. 192-216.

Welwei, Karl-Wilhelm, Das klassische Athen. Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert, Darmstadt 1999.

Wenskus, Reinhard, Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes, Köln/Graz 1961.

«What we’re fi ghting for — wofür wir kämpfen», in: Blätter für deutsche und internationale Politik 6/2002, S. 756-760.

Wolfram, Herwig, Geschichte der Goten. Entwurf einer historischen Ethnographie, München 1979.

Wood, Gordon S., The Creation of the American Republic, 1776-1787, Chapel Hill 1969.

Zänker, Paul, Augustus und die Macht der Bilder, München 1987.

Zimmerer, Jürgen/Joachim Zeller (Hg.), Völkermord in Deutsch-Südwestafrika. Der Kolonialkrieg (1904-1908) in Namibia und seine Folgen, Berlin 2003.

Августин А. — 162, 166 Адриан Публий Элий Траян —140

Александр I —169 Александр III — 54 Александр Македонский —136 Алмейда Ф. де — 101 Антиох IV Эпифан — 243, 337 Арминий —127, 128 Армстронг Н. — 69 Арндт А. — 301 Аттила —108, 109 Ахемениды — 303

БасевичЭ.—271, 283, 288, 342 Баязид I —147 Бернекер В. —128

Бисмарк О. фон — 31, 32, 67, 260, 330

Блум Х. — 300

Ботеро Д. —155

Бродель Ф. — 305

Бурбоны — 58, 130

Бурдьё П. — 310, 320

Буш-младший Д. — 19, 42, 44, 177,
220, 268, 275, 341

Буш-старший Д. — 254, 268

Бюлов Б. — 67

Валери П. — 296

Вар Публий Квинктилий —56

Вебер М. —65, 109,312

Вергилий Публий Марон — 154, 162-
165, 324, 325

Веспасиан Тит Флавий —235 Виктория, королева — 66 Вильгельм II — 31, 32, 38 Вильсон В. -174-176, 257, 259 Витория Ф. —184, 328 Витте С. Ю. —191, 194, 309, 329 Вулфовиц П. — 44

Габсбурги — 33, 65, 129, 146

Ганнибал —153

Гасдрубал —153

Геракл — 245

Геродот —180

Гиббон Э. —204, 321

Гильфердинг Р. — 308

Гитлер А. — 32, 38, 212, 260, 338

Гладстон У. —73

Гоббс Т. —157,222

Гобсон Д. А. — 49, 50

Гогенцоллерны — 76

Гогенштауфены —153

Голдуотер Б. — 235

Гораций Квинт Флакк — 9, 162-165,
325

Горбачев М. С. — 22, 214 Горчаков А. М. —120 Голль Ш. де — 70 ГрейЭ. —306 Грюнбергер Г. — 300 Гумилев Л. Н. —108, 112

Даниил, пророк — 177, 245

Данте А. —154,155

Демандт А. —256, 264

Джонс Э. Л. — 324

Джонсон Л. —229

Джонсон Ч. — 88, 210, 272, 275, 342

Дизраэли Б. — 66, 67, 72, 73

ДинерД.— 271, 273

Диоклетиан Гай Аврелий — 120, 132,

141, 190,319,321, 329

Дойл М. —32, 91-93, 97,135, 304, 323

Жискар д'Эстен В. — 70

ЗомбартВ. —308

Иван III — 168

Иван IV Грозный — 80, 144, 169 Игнатьев М. — 270, 271, 276, 279 Иоанн Солсберийский —153 Исмей Г. Л. — 86 Иуда Маккавей — 244

Каган Р. — 157, 158, 302 Кампанелла Т. — 155, 227 Кампильо-и-Коссио Х. де — 193, 194 Кант И. —155, 157, 158, 324 Каракалла Септимий Бассиан — 140, 141

Карл I Стюарт —119

Карл V Габсбург — 33, 78, 141, 304

Картер Д. — 95

Каутский К. — 308, 327

Кейнс Д. М. — 50

Кеннеди Д. — 229, 281

Кеннеди П. —263, 270, 339 Киплинг Р. — 171, 326 Киссинджер Г. —89, 210 Китченер Г. Г. — 203, 217 Клаузевиц К. — 67, 208-211, 330, 331, 334

Клёкенер Б. —301 Клинтон Б. — 254, 275, 341 Кобден Р. — 60 Кок Ю. — 301

Коммод Луций Элий Аврелий —132 Конрад фон Гётцендорф Ф. — 200 Константин I Великий — 120, 132, 319

Конфуций —160 Купер Р. — 157, 340

Лейбниц Г. В. —144 Лемей К.—235 Лемницер Л. — 281 Ленин В. И. — 49-53, 308, 337 Луи-Наполеон Бонапарт — 64, 66 Людовик XIV — 75, 330 Люксембург Р. — 49, 50, 308 Люттвак Э. — 264

Майер Ч. — 103, 271 Макартур Д. — 236 Макиавелли Н. — 5, 6,133

Маккавеи — 243-247 Макмиллан Г. —214 Макнамара Р. —229, 230 Максимилиан Габсбург —65 Манн М. — 21, 88, 96, 274, 302, 320, 341

Мао Цзэдун — 82

Марк Аврелий —132

Маркес О. — 102, 316

Маркс К. — 6,8, 64, 65,159,171,172,310

Маршан Ж.-Б. — 203

Мехмед1 —147

Меценат Гай Цильний — 160,162

Миршаймер Д. — 84, 157,311

Миттеран Ф. — 70

Модельски Д. —133

Монро Д . — 174,305,327

Монтескьё Ш.-Л. —156

Мункэ —111

Мур М . — 268

Муссолини Б. — 32

Мухаммад Ахмат (Махди) —203, 217

Мухаммед Али-паша —124

Мэхен А. Т. — 74

МюллерС. —301 Мюнклер М. — 8, 301

Навуходоносор —177, 335 Надир-шах—125

Най Д. — 224, 242, 321, 336, 339, 341-344

Наполеон III — см. Луи-Наполеон Наполеон Бонапарт — 38, 58, 59, 64-66, 72, 73, 75, 135, 169, 212, 238, 239, 330

Насер Г. к.—262 Негри А. — 35, 340 Николай II — 54,193

Октавиан Август — 97, 118, 135-139, 144, 163, 164, 278, 317, 321, 322 Олбрайт М. — 254 Остерхаммель Ю. —150, 305

Панетий — 227 Перикл — 43 Перри М. — 272

Петр I Великий — 54, 121, 143-145, 169, 296

Полибий —133, 139, 227 Помпей Гней —118

Рейган Р. —177 РортиР.—266 Ротшильд Н. — 303 Рузвельт Т. — 174, 175 Рутила —108

Саллюстий Гай Крисп —139 Сефевиды —112 Сили Д. Р. — 29, 30 Снайдер — 311 Софья Палеолог —168 Сталин И. В. —260 Столыпин П. А. — 53 Строгановы — 309 Суй, династия —150

Тамерлан —147,148 Тан, династия —150,195 Тацит Публий Корнелий —127 Тит Ливий —153 Тит Флавий Веспасиан — 235 Тойнби А. Д. —12 Томпсон У. Р. —133 Траян МаркУльпий —132

Трипель Г. — 90, 91, 304
У-ди —149 Угэдэй — 183 Уоллес Д. — 235
Фанон Ф. —237, 336
Фейербах Л. — 6
Феодосий I Великий —132
Фергюсон Н. —259, 303, 306, 313, 345
Ференкотге К. — 311
Филипп II Габсбург — 75, 131, 141,
145, 330
Филипп II Македонский — 86 Филипп IV Габсбург — 75 Филипп Красивый —155 Филофей —169 Фишер К. —300 Флав — 127, 128 Фридрих I Барбаросса —153 Фукидид — 9, 29, 41-43, 106, 306,
307, 315
Фулбрайт У. — 43
Хабермас Ю. — 44 Хабманн Д. — 300 Хань, династия —149, 150 Хардт М. — 35, 340 Хасмонеи — 244, 247 Хирохито — 38
Хобсбаум Э. — 256, 257 Хофманн К. — 300 Хубилай —111, 183 Хусейн С. —19, 253, 281
Цезарь Гай Юлий —118 Цзинь, династия —181 Цинь Шихуанди — 124, 148 Цинь, династия —149 Цицерон — 227
7 о А.
Чингисхан -110-112, 183, 269
Шварцкопф Н. — 255 Шлиффен А. фон — 202 Шмитт К. — 9, 305, 326, 337, 338 ШпекУ. —300 Шмидт Г. — 301 Шпенглер О. —12 Штокхаммер Н. — 300 Шумпетер И. — 48, 308 Эйзенхауэр Д. — 176, 262 Энгельс Ф. —6 Эней —154, 163, 164 Юань, династия —183, 184 Юпитер —154, 163 Юстиниан I —120
Предисловие автора14
Что такое империя?19
Краткое описание отличительных признаков империи24
Мировые державы и великие державы31
Неизбежность империалистических интервенций, возможность нейтралитета и мелосский
диалог у Фукидида40
Неизбежность империалистических интервенций40
Империя, империализм и гегемония: необходимость
их дифференцирования46
Динамика саморазрушения капитализма: экономические теории
империализма47

Проблема «центр — периферия»53
Стремление к престижу и конкуренция держав: политические теории империализма 63
Необходимость экспансии, преимущества пограничных положений и временной суверенитет74
Тонкая грань между гегемонией и империей84
Степные империи, морские державы и глобальные экономики: малая типология имперского господства96
Строительство империй за счет военного и коммерческого изъятия прибавочного продукта100
Две (как минимум) стороны империй116
Имперские циклы и «августовский барьер»126
Процесс цивилизирования и варварская граница: признаки и задачи имперского порядка152
Мир как оправдание имперского владычества154
Имперская миссия и сакральность державы158
Дискурс о варварстве и конструирование имперского пространства178
Процветание как оправдание и программа имперского господства186
Крушение империй из-за силы слабых198
Виды империалистического перенапряжения204
Политическая мобилизация и военная асимметрия: стратегии антиимпериалистических акторов218
Бои за культурную идентичность и терроризм как стратегии опустошительной войны236
Внезапный возврат к империям в постимпериалистическую эпоху252
Диагноз о конце империалистической эпохи и проблема постимперских пространств256
Диагноз о конце империалистической эпохи256
США: новая империя264
Демократическая империя?278
Имперский вызов Европы289
БЛАГОДАРНОСТИ300
ПРИМЕЧАНИЯ302
БИБЛИОГРАФИЯ348
ПРИЛОЖЕНИЕ373
Морская империя афинян около 450 г. до н. э373

Римская империя в годы жизни Августа (63 г. до н. э. -14 г. н. э.)374
Империя Хань (206 г. до н. э. - 220 г. н. э.) 376
Монгольская империя378
Российская империя (1551-1914 гг.)380
Османская империя к 1683 г382
Испания и Португалия около 1600 г384
Опорные пункты Ост-Индской компании к 1760 г386
Колониальные империи между 1800 и 1815 г388
Колониальные владения европейских держав в 1914 г390
Количество солдат в государствах, где есть американские опорные пункты392
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ394

Империи
Логика господства над миром
От Древнего Рима до США

Редактор О. Г. Андреева
Художественное оформление М. Ю. Суворовой
Компьютерная верстка Р. М. Кадряева
Корректоры О. А. Егорова, Т. Е. Ширма
Адаптация карт для русского издания В. Г. Курочкина

Издательство «Кучково поле»

Москва, 123022, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 24.07.2015. Формат 140x215

Уел. печ. л. 25,0.

Тираж 1500 экз. Заказ № 4364.

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, Полиграфистов ул., д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru

Тел.: +7 (499) 270-73-59

ISBN 978-5-9950-0476-9

этолия
Дельфы
Итака ЛОКРИДА Кефаллення Ахайя
Элида
Закинф * АРКАДИЯ Коринф' в Олимпия - .о л Пелопоннес Аргос - Тегея

англы
руги
хавкисв е в ы
О ^фризыланго барды
ЛондинийРе*н,с е м н о н ы
сигамбры-
Ветера обургунд,
О Колонияв а н д а л I

Белгика ГИ"™Натть, ГЕРМАНИЯ
Могонциак^^Г гермундуры с и л и н г и Лютеция ОтоевеЖм °Е лимес
Лугдунская ^Тгвнтора,"аТо"1ГЫ
ГалЛИЯ 2ДекумаТСКИе' оКастра
*"°ЛЯ Августа РеГИНа
Августодон0ВиндонисмремГа^^Т Виндобона0 Аквин
Аквитанияц Норик о
ОСавария
Лугдун °Вирунум0 - _
Медиолан Аквилея_ етовиИ
оо Паннония
Эмона
О БононияОСисций
ГенуяОравеннаБурнум
О
Иллирик

озеро
Байкал
Бенгальский залив
О ТемалаЮжно-Китайское море
Аютия
о
Индийский океан
Нюрнберг
СР„Г!Г~*“
империяПольша
о Венецияс Краков
Г:с *°
• •.Саратову

1223

•Х ь Новый Сарай/

^ *ы*"ры &*

о Булгар ^

''.Аральское ^ море

Ургенчу.--* \о Хива

Аравийское море

Г**1 '"1 коренные земли объединенных к 1206 г. Чингисханом степных народов I I земли, подвластные Чингисхану ••••!>походы Чингисхана

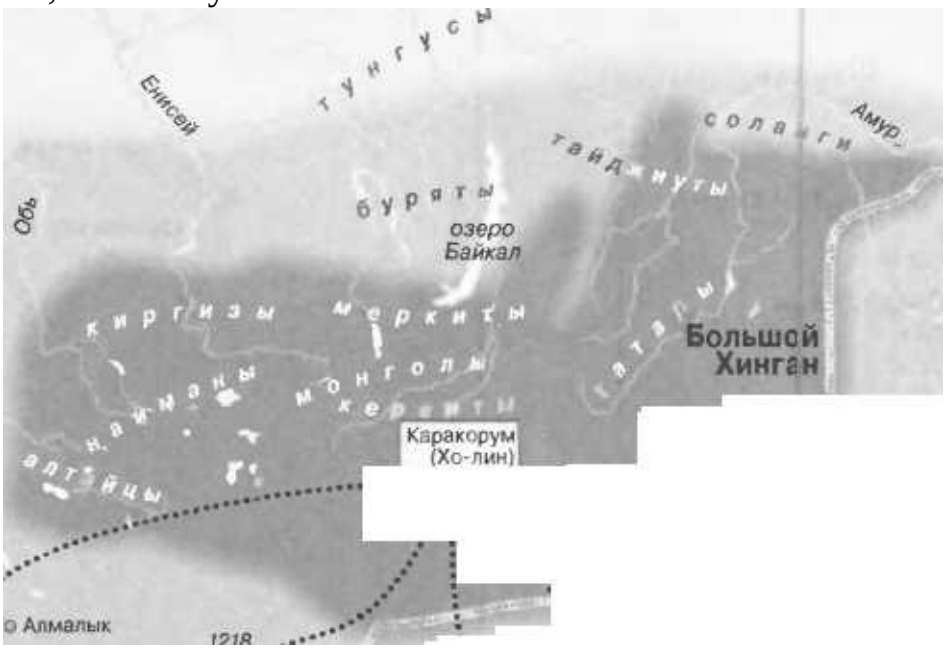
I I Монгольская империя в середине XIII столетия

границы Северо- и Южнокитайской империй (то есть Цзинь и Сун).

/2/2.....^

■*Т77^'*Ю11У Ляоян

° *,'* Шаньтуо

Российская империя 1551-1914 гг.

Великобритания

Северное море Норвегия

Дания

Финляндия

1809

Пруссия
^. 1795 Лифляндия
о Будапешт (ПОЛЬШЭ-
•:Литвап

Смоленск ^

,о Ярославль
і Москва I

Грузия

| Россия в 1551 г.Империя Цин
] Земли, присоединенные к 1600 г. земли, утраченные в начале XVII в.
('! Российская империя в 1796 г.—
Г I расширение территории в 1796-1855 гг.

Индигирка

I ' ' I расширение территории в 1856-1914 гг.

княжество Молдова княжество 1512г. вассал ТрансильванияБ ° ,

*1541г. вассал ,, и_*

Германштадт оп *1>уДЖ31

о 4 ^ г

О Кронштадт

Гросс*ьардейн

Сассун о *.

Та*

Караман

1392/1467 г”*

Испания и Португалия около 1600 г.

Эспаньола Берег1492 исп.

Москитов

>4 О

Порто-белло **4*

о

© ОрмузДели

1515 порт.

Аравия_

Диу®

1535 порт.

КантонТихий океан

Макао 1557 порт.

Делагоа

1544 порт.

Капская колония

претендуют португальцы, 1602/52 нид.

Опорные пункты Ост-Индской компании к 1760 г.

Константинополь О Черное море

О

Смирна

Момбаса

О

морские торговые пути сухопутные торговые пути о портовые города местных держав □ английские президенции А подчинявшиеся фактории V брошенные фактории ф опорные пункты других европейских держаЕ

Колониальные империи между 1800 и 1815 г.

море Бофорта

Северо-Западные

территории

Гудзонов

залив

Соединенные Штаты^г*ы°-й°Рк

^ВЭшингтон

Вице-кор(

Нова* Испания

Франция

Португалия ^вдриА

Лиссабон® 'Испени*

^ .

Мадейра Танжер ® Алжи

порт.,

1807-1814 брит.

Аргуин к

1727 франц. [144]

вице*

королевство

Ла-Плата

с 1776г

Qo Сакраменто
^^Ч^буэнос-Айрес

мыс Горн

i 1 Португалия и ее заморские владения
| Франция и ее заморские владения
I 1 колониальные владения Нидерландов

(1795-1815 управлялись Великобританией, в 1815-1817 гг. по большей части возвращены)

Новый Орлеан о *
►
Мексика 3
Мехико о « Веракрус о
Акапулько

Количество солдат в государствах, где есть американские опорные пункты

(по состоянию на 31 декабря 2004 г.)

Аляска

{США)

ii более 10 тысяч солдат

II более 20 солдат

О Рио-де-Жанейро

Аргентина

о

ЧИЛИ Буэнос-Айрес

55 Колумбия 27 Венесуэла 37 Бразилия ^ 30 Эквадор 34 Перу ^

24 Чили 20 Аргентина

гИталия^*

Августин А. —162, 166 Адриан Публий Элий Траян —140 Александр I —169 Александр III — 54 Александр Македонский —136 Алмейда Ф. де — 101 Антиох IV Эпифан —243, 337 Арминий —127, 128 Армстронг Н. — 69 Арндт А. — 301 Аттила — 108, 109 Ахемениды — 303

Басевич Э. — 271, 283, 288, 342 Баязид I —147 Бернекер В. —128

Бисмарк О. фон — 31, 32, 67, 260, 330

Блум Х. — 300

Ботеро Д. —155

Бродель Ф. — 305

Бурбоны — 58, 130

Бурдьё П. — 310, 320

Буш-младший Д. — 19, 42, 44, 177,

220, 268, 275, 341

Буш-старший Д. — 254, 268

Бюлов Б. — 67

Валери П. — 296

Вар Публий Квинктилий —56
Вебер М. —65, 109,312
Вергилий Публий Марон — 154, 162-
165, 324, 325
Веспасиан Тит Флавий —235 Виктория, королева — 66 Вильгельм II — 31, 32, 38 Вильсон В. — 174-176, 257, 259 Витория Ф. —184, 328 Витте С. Ю. —191, 194, 309, 329 Вулфовиц П. — 44
Габсбурги — 33, 65, 129, 146
Ганнибал —153
Гасдрубал —153
Геракл — 245
Геродот —180
Гиббон Э .—204,321
Гильфердинг Р. — 308
Гитлер А. — 32, 38, 212, 260, 338
Гладстон У. —73
ГоббсТ. — i 57, 222
Гобсон Д. А. — 49, 50
Гогенцоллерны — 76
Гогенштауфены —153
Голдуотер Б. — 235
Гораций Квинт Флакк — 9, 162-165,
325
Горбачев М. С. — 22, 214 Горчаков А. М. —120 Голль Ш. де — 70 Грей Э. — 306 Грюнбергер Г. — 300 Гумилев Л. Н. —108, 112
Даниил, пророк — 177, 245
Данте А. — 154, 155
Демандт А. — 256, 264
Джонс Э. Л. — 324
Джонсон Л. — 229
Джонсон Ч. — 88, 210, 272, 275, 342
Дизраэли Б. — 66, 67, 72, 73
Динер Д.— 271, 273
Диоклетиан Гай Аврелий — 120, 132,
141, 190, 319, 321, 329
Дойл М. —32, 91-93, 97,135, 304, 323
Жискар д’Эстен В. — 70
Зомбарт В. — 308
Иван III —168

Иван IV Грозный — 80, 144, 169 Игнатьев М. —270, 271, 276, 279 Иоанн Солсберийский —153 Исмей Г. Л. —86 Иуда Маккавей — 244

Каган Р. —157, 158, 302 Кампанелла Т. — 155, 227 Кампильо-и-Коссио Х.де — 193, 194 Кант И. — 155, 157, 158, 324 Каракалла Септимий Бассиан — 140, 141

Карл I Стюарт —119

Карл V Габсбург —55, 78, 141, 304

Картер Д. — 95

Каутский К. — 308, 327

Кейнс Д. М. — 50

Кеннеди Д. — 229, 281

II © Португалия и ее заморские владения

(I о Испания и ее заморские владения

граница раздела сфер влияния между Португалией

и Испанией по Тордесильясскому договору 1494 г.

---

notes

1

Имеется в виду операция США и их союзников по свержению Саддама Хусейна. Здесь и далее, если не указано иное, — Примеч. пер.

коалицию доброй воли (англ.).

3

Римской империи (лат.).

Британской империи (англ.).

5

В действительности монголы предпринимали небезуспешные попытки установления контроля и над Южной Европой, и над Индостаном. Хотя продолжительной оккупации этих регионов не было, сравнительно жесткий контроль на несколько десятилетий был установлен, выплата дани осуществлялась.

империй, порожденных морем (англ.).

7

Автор имеет в виду прежде всего Пуэрто-Рико и американскую часть Виргинских островов.

8

Характерно, что автор пишет название двух Германий по-разному: Западной - полностью, а Восточной - лишь аббревиатурой.

9

Из гегемонии в архэ, державу. Автор отдает предпочтение принятой на Западе латинской транскрипции, однако при переводе восстановлен греческий оригинал.

10

Фраза из книги Дж. Сили «Расширение Англии», ставшей «библией английского империализма».

11

Большая стратегия (англ.).

12

Употребляемое в Германии обозначение Германской империи в период правления ее последнего кайзера Вильгельма II (1888-1918). Упоминаемый далее Бисмарк был отправлен в отставку уже в 1890 г.

13

Имеются в виду представители нескольких сменявших друг друга в Германии династий IX—XII вв.

14

В российской историографии придерживаются иной точки зрения, подчеркивая упорное противостояние Британской и Российской империй, сравнимое с холодной войной XX в., на протяжении едва ли не всего XIX столетия, а особенно во второй его половине и до 1907 г.

15

разделяй и властвуй (лат.).

16

В тогдашней российской статистике к «русским» причислялись не только великороссы, но и малороссы и белорусы, что в сумме давало долю титульной нации более чем в 70 %.

17

Для отечественного читателя, при всем согласии с выводами автора относительно Дж. Буша-младшего, эта цитата ассоциируется с позицией большевиков, хотя восходит она к Евангелию от Матфея.

18

Удивительно, насколько это напоминает современные аргументы в пользу крупных операций, когда утверждается, что выжить смогут лишь global players (англ, глобальные игроки).

19

«Схватка», в некоторых версиях - «драка за Африку» (англ.).

20

В частности, работа Гобсона легла в основу широко известного в нашей стране труда на эту же тему В. И. Ленина.

21

Только за период между 1887 и 1913 гг. в Сибирь переехало или было туда депортировано 5,4 миллиона человек; см.: Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 164f. — Примеч. авт. Вряд ли меры Столыпина по развитию переселенческого движения, давшие более половины этих 5 миллионов за несколько лет, начиная с 1906 г., можно однозначно причислить к принуждению, а тем более к насилию. Вполне можно полагать политику Столыпина не принуждением, а наоборот, поощрением населения.

22

См.: Hosking. Russland. S. 69. — Примеч. авт. Спорное утверждение; зачастую приводится и обратное мнение: о постепенном ослаблении «немецкого засилья» в связи с развитием российского образования и националистической политики эпохи Александра III и Николая И. Внести ясность в этот вопрос весьма затруднительно из-за разных подходов к определению того, кого считать немцем, ведь имперская статистика уделяла внимание конфессиональному, а не национальному признаку.

23

Буквальная транскрипция соответствующего турецкого термина.

24

Важным фактором крушения испанского владычества стало и то, что после разгрома франко-испанского флота в Трафальгарском сражении осенью 1805 г. испанская метрополия еще до вторжения французов на десятилетие утратила даже теоретическую возможность отправить в Новый Свет крупный экспедиционный корпус.

25

Она началась осенью 1804 г., после 1808 г. британцы, наоборот, стали союзниками сторонников испанской независимости от империи Наполеона.

26

Имеются в виду 1990-е гг.

27

Автор имеет в виду уже выше упоминавшуюся им вскользь полемику о преемственности Второго и Третьего рейха.

28

Американская империя (англ.).

свобода, равенство, братство (фр.). Ирония Маркса и здесь носит характер игры слов, так как пехота, по-немецки инфантерия, кавалерия и артиллерия так же, как и в предыдущем лозунге, образуют ряд слов с одинаковым окончанием.

30

Знаменитое выражение германского статс-секретаря по иностранным делам, а впоследствии рейхсканцлера Б. Бюлова, прозвучавшее, однако, уже на рубеже XIX иXXвв.

мягкая сила (англ.), то есть демонстрируемая различными, но не военными способами лидирующая позиция.

32

Буквальное цитирование фразы, сказанной при высадке на Луну в 1969 г.

33

Тем не менее в Советском Союзе по этому поводу питали самые смелые надежды. Причем и во времена де Голля, и во времена Миттерана, так как в Москве неверно оценивали стремление Франции к самостоятельной позиции.

непрямого правления (англ.).

35

Относительно Китая автор не совсем корректно ставит вопрос. Находясь в относительной цивилизационной изоляции, Китай долгое время не сталкивался с некитайскими прямыми конкурентами в борьбе за статус империи, а преодолевал проблемы воссоединения некогда единой империи. Отсюда центральность его положения носит несколько иной оттенок.

36

Если следовать предположениям теорий империализма, то империалистическая война между США и Великобританией должна была оказаться неизбежной. Возможность ее предоставлялась в случае британского вмешательства в Гражданскую войну в Америке. Согласно теориям реалистической школы международной политики, объявление войны Великобританией Соединенным Штатам было бы более чем вероятным. Как известно, его не последовало; о причинах, которые привели к такому варианту, см.: McPherson. Für die Freiheit sterben. S. 372-381. Примеч. авт. Характерно, что тезис о неизбежности схватки между Великобританией и США долгое время господствовал и в политических прогнозах лидеров большевистской партии 1920-1930-х гг.

37

Не в последнюю очередь это удалось Соединенным Штатам благодаря соперничеству европейских держав, в частности из-за препятствий, которые чинила Великобритании Россия.

38

Имеется в виду король Испании и император Священной Римской империи Карл V Габсбург (1519-1556).

39

Имеется в виду потенциальный династический и военный союз Франции и Испании в результате вступления на испанский престол французского кандидата. При участии некоторых мелких европейских государств этот альянс вполне мог бы противостоять Великобритании и ряду других держав.

40

Автор допускает целый ряд неточностей, достаточно вольно полагая Речь Посполитую еще и «украинской» империей, но не литовской, а также путая борьбу с Золотой Ордой с захватом ее наследников и так далее.

41

В данном случае автор также высказывает достаточно спорное утверждение. По мнению многих историков, феномен Смуты в истории России определяется именно перенапряжением сил государства при Иване Грозном. Можно также констатировать и целый ряд моментов, когда отчаянные усилия чудом не привели к глобальной катастрофе для населения нашей страны, например в годы сталинской модернизации конца 1920-1930-х гг.

42

Автор вновь не совсем точен. Быстрое расширение границ России на восток стартовало существенно раньше аналогичного процесса в Америке - в конце XVI в., а русские владения в Америке просуществовали более семи десятилетий.

43

Здесь напрашивается еще более классический пример, нежели тот, который избрал автор. Именно так легче всего объяснить сравнительно легкое установление македонской гегемонии в истощенной почти столетними войнами между Афинами, Спартой и Фивами Греции при Филиппе И Македонском (359-336 гг. до н. э.).

44

сила, мощь (греч.).

45

Автор, очевидно, имеет в виду такие страны НАТО, как Турция, Греция, Португалия, где военные диктатуры существовали в 50-70-х гг. XX в.

46

Римская республика в... Римскую империю (лат.).

47

«Закрытым морем» (лат.), в данном случае водоемом, все берега и акватория которого принадлежат одному хозяину, как когда-то принадлежало римлянам Средиземноморье. Нечто подобное пытались сделать с Черным морем в Османской империи с конца XV по середину XVIII в., а в отношении Балтийского моря на это претендовала Швеция после Тридцатилетней войны и до Великой Северной войны (1700-1721).

условия торговли (англ.).

49

Долгое время такая же ситуация сохранялась и в отечественной историографии, на что справедливо сетовал Л.Н. Гумилев. К настоящему моменту западная литература по этому поводу по сравнению с другими темами и эпохами действительно не особенно обширна.

50

Список, приведенный автором, далеко не полон и отнюдь не бесспорен. Хазарский каганат никак не вписывается в понятие степной империи, в то же время удивительным образом отсутствуют бывшие одно время хозяевами огромной части Евразии тюрки.

51

Точнее - провозглашенный Чингисханом на курултае 1206 г.

52

Спорное утверждение автора, полагающего, что логика Чингисхана сродни логике европейского обывателя. Вполне можно предположить, что Чингисхан наслаждался именно тем, что его военные походы были беспрерывны, а вот останавливаться на достигнутом и попросту радоваться плодами побед он вряд ли планировал.

53

Эту смену взлетов и падений мощи кочевников специалист по истории Великой степи Л.Н. Гумилев увязывал с циклическими климатическими колебаниями, точнее со сменой режима осадков.

54

Автор весьма неточен. Багдадский халифат окончательно сменился рядом недолговечных государств, образованных местными династиями, уже к середине X в. Помимо багдадского халифа в исламском мире задолго до монголов появились и другие халифы, так что сохранявший известное религиозное, но не политическое значение багдадский халиф не был лидером всех мусульман. За два столетия до монголов достаточно серьезные перемены в исламском мире вызвало вторжение турок-сельджуков в начале - середине XI в., которые были также быстро исламизированы, как и монгольские династии впоследствии. События же 1258 г. шокировали исламский мир потому, что багдадский халиф был жестоко казнен монголами, но отнюдь не из-за того, что бышо уничтожено потенциальное ядро арабской империи, на роль которого еще будут претендовать мамлюкские правители Египта.

55

В Китае по этому поводу иное мнение.

56

Автор имеет в виду так называемую Славную революцию, ставшую последним на сегодняшний день государственным переворотом в Англии и заложившую основы современного политического устройства Великобритании.

формальном правлении (англ.).

58

Буквально «список свершений, деяния» (лат,). Своего рода политическое завещание императора Августа, описывающее созданную им империю и все свершенное им ради ее расцвета.

Гражданской войны, вроде римской времен I в. до н. э., Великобритания XVIII— XIX вв., конечно, избежала - вполне возможно потому, что там такая война уже имела место во второй половине XVII столетия. (Автор не точен - основная часть гражданской войны в Англии проходила в 1640-е гг., а уже в январе 1649 г. был казнен Карл I Стюарт. То есть это события первой половины века, поэтому уместнее было бы говорить о гражданской войне середины столетия).

60

Автор вновь неточен, так как можно перечислить ряд областей не на Западе, а на Востоке, как в Европе, так и в Азии, в которые римлянам также приходилось инвестировать с самого начала. Например, Фракия, Мёзия, Дакия, Иудея, Каппадокия и др.

61

Характерно, что автор употребляет слово «интеллигенция» буквально ітеї^епгца, явно подразумевая специфический российский феномен.

Характерно, что автор не употребляет термин «чехи», да еще и выделяет моравов в отдельный народ, что можно объяснить огромным влиянием на историю Моравии немецких колонистов. При этом автор совершенно напрасно упускает из виду претензии и других народов Дунайской монархии на то, чтобы стать третьим равноправным звеном конфедерации, а таковые проекты были и у поляков, и у хорватов, и у румын.

63

Автор явно переоценивает прочность Османской империи, а попытки отделения от нее все же предпринимал целый ряд регионов, в том числе такой ключевой, как Египет при Мухаммеде Али в начале XIX в.

64

В этом году Великие Моголы потерпели тяжелейшее поражение от правителя Персии Надир-шаха, взявшего Дели, однако формально их династия просуществовала до 1858 г., когда после подавления восстания сипаев был лишен власти и сослан последний ее представитель.

65

Имеется в виду череда религиозных войн 1562-1598 гг., отмеченных Варфоломеевской ночью 24 августа 1572 г.

66

Формально эта война длилась с 1568 по 1648 г., когда независимость Нидерландов была признана окончательно, однако в конфликте были достаточно продолжительные паузы, а начальную дату можно считать и иной - 1566,1572 или 1579 г.

67

Значение обоих заключенных мирных договоров, в которых Испания вынуждена была пойти на значительные уступки, было только подчеркнуто дальнейшими событиями: государственными банкротствами 1627, 1647 и 1652 гг., поражением на море от нидерландцев в 1639 г., а также проигрышем в сражении при Рокруа, которое развеяло миф о непобедимости испанской пехоты. Относительно нидерландского вторжения в португальское торговое пространство см.: Reinhard. Kleine Geschichte des Kolonialismus. S. 35-43. (Автор не совсем точен относительно сражения при Рокруа 1643 г., где Испания действительно потерпела тяжелое поражение, но именно испанская пехота очередной раз восхитила мужеством и стойкостью врагов настолько, что ей предлагалась почетная сдача, от которой она отказалась, не желая ставить под сомнение именно тот миф, который был после этой битвы якобы развеян.)

68

Имеются в виду представители династии Антонинов (96-192), все, кроме последнего из них, свергнутого и убитого сына Марка Аврелия Коммода (180-192).

69

закон Юлия против злоупотреблений (лат.).

70

Любопытное рассуждение автора, однако логика чиновничества, судя, например, по гоголевскому «Ревизору», строго обратная: обилие детей попросту провоцирует брать взятки для их прокорма.

71

Рим и сейчас называют «Вечным городом», с латыни - Urbs aetema.

72

Относительно Constitutio Antoniniana (законодательства Антониниана, то есть Каракаллы.) см.: Bellen. Grundzüge der Römischen Geschichte. Bd. 3. S. 177ff. — Примеч. aem.

73

Буквально «купцы - искатели приключений» (англ.).

74

Под «придворным дворянством» следует в данном случае понимать русское боярство. Единое благородное сословие поначалу попытались называть «шляхетством», однако заимствованный в Польше термин не прижился, сменившись русским аналогом - «дворянство».

75

Император руссов (лат.).

76

Спорное утверждение автора. Основная территория Китая, где сконцентрирована львиная доля экономики и населения, с тех пор существенно расширилась, включив в себя, например, Юньнань и южную Маньчжурию, а границы современного Китая охватывают огромные территории, к историческому Китаю до ХУН-ХУШ вв. никогда не принадлежавшие, например Тибет, Внутреннюю Монголию, большую часть Синьцзяна.

77

В действительности после прекращения династии Хань в 220 г. н. э. Китай распался не на две, а сначала на три, затем на шесть, а потом и более частей, единство было восстановлено лишь почти четыре столетия спустя.

Такой термин может быть воспринят как не слишком уместный неологизм, однако в отличие от русского языка, где использование в таких случаях понятия «цивилизация» зачастую приводит к некоторой путанице, в немецком языке «цивилизация» и «процесс, приводящий к усвоению цивилизационных достижений» обозначаются разными, хотя и однокоренными словами — «Zivilisation» и «Zivilisierung» соответственно. Поэтому при переводе воспользовались подобной калькой с немецкого.

79

Имеется в виду Фридрих I Барбаросса (1152-1190) из династии Гогенштауфенов, один из величайших монархов Священной Римской империи, национальный герой Германии.

80

Перевод С. Ошерова.

81

«Размышлениях об универсальной монархии».

торгового общества (англ.).

83

Буквально: от противного (лат.).

84

Алтаря Мира (лат.).

85

империя, не имеющая конца (лат.).

86

Перевод С. Ошерова.

87

Умеренность, мужество, благочестие и правосудие (лат.).

88

Штауфены стали править в Священной Римской империи только с 1138 г., поэтому в XI в. канцелярия никак не могла быть «штауфеновской». По-видимому, автор подразумевает XII в., когда с 1157 г. действительно стала употребляться именно такая версия названия.

89

Автор неточен, скорее уместно говорить о завоевании арабских территорий османами не к началу, а к концу XVI столетия; некоторые земли, населенные арабами, вообще никогда не входили в состав Османской империи или оказались там сравнительно поздно, в конце XVIII в.

90

Перевод В. Радионова.

91

тайны власти (лат.).

«война ради окончания всех войн» (англ.).

«сделать мир подходящим для демократии» (англ.).

94

В Китае дело дошло до ужесточения представлений о варварах во времена династии Сун на юге и монгольской династии Цзинь на севере соответственно, на что повлияли рассказы о судьбе китайских женщин в руках варваров. См.: Ebrey. China. S. 150f. Примеч. авт. Автор не совсем точен: Цзинь (1115-1234) - династия не монгольская, а чжурчжэньская, впоследствии монголами уничтоженная.

95

«О праве испанцев воевать в Варварин» (лат.).

96

Любопытное и достаточно спорное утверждение автора. Чисто кочевым образ жизни казачества вряд ли можно назвать даже применительно к самым ранним этапам его истории. Более того, несмотря на особую этническую идентичность многих представителей казачества, сложный процесс его формирования за счет привлечения ряда представителей соседних народов, вряд ли можно утверждать, что казаков в Московии и тем более в императорской России воспринимали как варваров, то есть людей явно иного этнического происхождения, нежели титульная нация империи.

97

Строго говоря, это же касается крестьянских восстаний на протяжении не только XVIII, но и всего XVII в.

Однако, согласно позиции самого автора, до проблемы перехода через «августовский барьер» имперская миссия, а уж тем более некие оправдания империи и вовсе не слишком актуальны, а потому и требовать их от степных империй вряд ли корректно.

99

Аппиева, Фламиниева и Эмилиева дороги (лат.).

100

Вопрос о взаимосвязи неудачного исхода русско-японской войны и революции 1905 г. не столь однозначен, как полагает автор. Крайне маловероятно, что Николай II пошел бы на заключение мира на таких условиях, если бы в стране не разразилась революция.

101

«Новая система экономического управления для Америки» (исп.). Этот труд не был опубликован автором из-за его внезапной смерти в 1743 г.

102

См.: Keegan. Der Erste Weltkrieg. S. 219ff. Поначалу катастрофический для Дунайской монархии ход войны на сербском фронте был следствием перегруппировки войск из- за вступления в войну России. Примеч. авт. Автор не совсем точен, вслед за Киганом. Перегруппировка была вызвана непоследовательностью в действиях австровенгерского Генерального штаба. В том, что Россия вступит в войну, сомневаться на момент развертывания австро-венгерских войск вряд ли приходилось, а главные силы Дунайской монархии в любом случае отправлялись в Галицию, однако и их оказалось недостаточно, что вызвало быстрые перегруппировки.

103

Величайшую озабоченность провал России вызвал во Франции, где видели в этом значительное ослабление своего важнейшего союзника. Ведь за счет значительных кредитов уже предпринималась попытка существенно ускорить модернизацию русских вооруженных сил и развитие сети железных дорог. Это, в свою очередь, вызывало большую обеспокоенность в Германии. См.: Howald. Kurze Geschichte des Ersten Weltkriegs. S. 36f. В России же, наоборот, считается, что поражение России на Дальнем Востоке только облегчило Франции поиск взаимопонимания с Великобританией и заключение «сердечного согласия» в 1904 г. Кроме того, следствием русско-японской войны являлось возвращение России к активной политике в Европе, что не могло не радовать французов, хотя едва не привело к заключению русско-германского альянса согласно Бьёркским соглашениям 1905 г.

104

Имеется в виду начавшееся в 1881г. восстание под руководством провозгласившего себя махди (пророком) Мухаммада Ахмада; созданное в результате его обширное государство, просуществовало вплоть до его разгрома в 1898 г,, хотя сам Махди погиб еще в 1885 г.

105

«Империалистического перенапряжения» (англ.).

106

Труд Гиббона имеется в полном немецком переводе вплоть до крушения Римской империи на Западе, то есть до 476 г. н. э., хотя сам Гиббон довел свое изложение до 1588 г. Полный русский перевод громадного произведения Гиббона вышел еще в 1901-1907 гг., но с тех пор переиздавались лишь отдельные части либо его сокращенная версия.

107

перенапряжение, принятие чрезмерных обязательств (англ.).

108

Буквально «отдача» (англ.), в русском частый аналог - «эффект бумеранга».

109

Империя под видом содружества (англ.). Имеется в виду Британское Содружество Наций, куда до сих пор входят почти все бывшие колонии Великобритании (53 государства).

110

В оригинале приводится по-английски — «wind of change», позднее это выражение стало достаточно популярным в массовой культуре.

111

В тексте на английском - Robust Nuclear Earth Penetrator (RNEP). Эта аббревиатура часто приводится без перевода.

112

Буквально «мягкая сила» на «жесткую силу» (англ.).

113

концентрационные лагеря (англ.).

114

Имеются в виду власти не Вавилона вообще, а именно Нововавилонского царства (УИ-У! вв. до н.э.).

115

Американской независимой партии (англ.). Одна из партий, пытавшихся в 1960- 1970-х гг. стать «третьей силой» на политической арене Америки.

116

Лидер восстания Иуда Маккавей и его родственники принадлежали к династии Хасмонеев, поэтому в русской традиции само восстание связывается с Маккавеями, а вот воцарившаяся династия сохраняет имя Хасмонеев.

117

Так на Западе называют операцию «Буря в пустыне», когда Ирак Саддама Хусейна был атакован после аннексии им Кувейта. Первой войной в Заливе называют ираноиракскую войну 1980-1988 гг.

118

Возвращение в американский кинематограф образа героического способа решения проблем является хорошим показателем перемены в настроениях и возвращающейся уверенности США в себе. Кроме того, фильмы не только демонстрируют подобные перемены настроения, но и ускоряют их и усиливают. Некоторые указания на терапевтическую функцию генерала Шварцкопфа для лечения американской «вьетнамской травмы» есть в: QRT. Schlachtfelder der elektronischenWüste. S. 10-39. — Прим. aem. Имеется в виду Норман Шварцкопф, один из американских героев войны во Вьетнаме, специально занимавшийся разъяснительной работой среди населения относительно Вьетнамской войны, а потом бывший одним из главнокомандующих во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г.

119

Несколько странная дата. Уместнее было бы говорить о 8 декабря или о 25 декабря 1991 г.

120

Сказанное автором выше относительно других погибших империй в чем-то может быть отнесено и к Германской, однако этого не сделано, судя по всему, в связи с его национальной принадлежностью. В России принято все же считать, что погибла и четвертая империя - Германская. Потери территорий составляли лишь 1/8 ее довоенных владений в Европе, однако она лишилась всех колоний, перестав быть империей, хотя согласно конституции сменившей кайзеровскую монархию Веймарской республики, Германия оставалась «рейхом».

121

Буквально: «держава, не привязанная к этому пространству», «держава не отсюда» (нем).

122

В известной степени можно в этом случае говорить о ревизии со стороны русских и Рижского договора 1921 г.

123

Там, где были восстановлены линии разграничения интересов между империей Бисмарка и империей русских царей, соглашение между Гитлером и Сталиным было достигнуто легко; там же, где, напротив, речь шла о пространствах прежних Дунайской монархии и Османской империи, возникли противоречия, оказавшиеся непреодолимыми и приведшие, наконец, к краху германо-советской коалиции. Относительно предыстории пакта между Гитлером и Сталиным см.: Besymenski. Stalin und Hitler. S. 11 Iff. О спорах о нижнем течении Дуная и о контроле над Босфором см.: Gorodetsky. Die große Täuschung. S. 127ff., 206ff. В отечественной историографии принято считать, что сотрудничество между Третьим рейхом и СССР изначально носило временный характер, являясь для одной, а то и для обеих сторон способом выиграть время для подготовки к будущему неизбежному столкновению, а потому противоречия сократили срок сотрудничества, но не могли быть причиной его крушения.

124

Автор, упоминая Молдову - область на северо-востоке Румынии, - почему-то исключает из зоны советского господства не только Югославию и Албанию, но и Болгарию, и Румынию, зато оставляет в ней ГДР, что вряд ли логично.

125

Теоретик стратегии Эдвард Люттвак констатировал масштабную замену геополитики геоэкономикой, что приводит к итоговому выводу, что политическое обустройство и удержание имперских пространств становится якобы нефункциональным (Luttwak. Weltwirtschaftskrieg. S. 410ff.). В этом же духе высказывается и Александр Демандт (Die Weltreicheinder Gesschichte. S. 232): «Универсальные империи побеждены и сменены империями экономическими. Они являются великими державами будущего. Схватка теперь уже идет не из-за границ государства, а из-за рынков сбыта, источников сырья и нормативных систем. Ее ведут с помощью торгового бойкота, демпинговых цен и валютных спекуляций. Эти экономические гиганты стоят опорной ногой в Северной Америке, Европе и Японии, однако есть у них и свободная нога (буквально - «нога, которой можно играть».)».

126

Имеются в виду не только пять его постоянных членов, но и предоставленное каждому из них право вето.

проваливающиеся государства (англ.). Сейчас, как правило, употребляется термин £айес^а(е, отличающийся тем, что в нем государство уже «провалилось», «не состоялось».

строительство нации (англ.).

129

Имеется в виду фильм М. Мура «Фаренгейт 9/11», прямо обвиняющий Буша- младшего в действиях, приведших к терактам 11 сентября 2001 г.

130

Легкой империей (англ.).

131

неформальной империи... империи по приглашению... консенсусной империи.

открытой двери (англ.).

133

Относительно римского следа в наполеоновской империи см.: Lefebvre. Napoleon. S. 219ff. Выдающимся примером того, как в ходе сравнений с Римской Республикой формировалось политическое самовосприятие США, являются «Federalist Papers» («Письма федералиста».) (1787-1788), в которых развивался и отстаивался проект федеративного государства (см.: Hamiltion u.a. Die Federalist-Artikel). —Примеч. авт.

134

Правильнее «Northwoods». Кеннеди категорически отверг план, а Лемницер был уволен. Автор, придавая огромное значение этому проекту, не учитывает, что, вполне вероятно, провокация схожего характера уже была предпринята США в инциденте с взрывом на броненосце «Мэн» в феврале 1898 г., что дало повод к испано-американской войне.

135

Имеется в виду война США и их союзников в Ираке в 2003 г., а также последующее пребывание на его территории американских войск.

136

солдат с зеленой картой (англ). «Зеленой картой» называется в США вид на жительство с перспективой скорого обретения американского гражданства.

137

Автор, пусть он и опирался на статистику начала 2000-х гг., неточен. Даже более 10 лет назад в первой четверке крупнейших мировых экономик был Китай. К настоящему моменту (2014 г.) названные выше страны потеснил не только Китай, но и Индия, вышедшая на 4-е место.

138

Напрашивающимся вариантом является Рим, то есть третьей державой становится Италия.

139

Строго говоря, во второй половине VII - первой половине IX в.

140

Рассматривался также вариант Волги. Теперь границу Европы проводят по Уральскому хребту, но на юге еще восточнее — по реке Эмба, а не по Уралу. Были колебания и относительно границы Европы в Кавказском регионе.

141

Автор льстит европейскому опыту национальных государств, забывая, что и там они развивались в ходе схожих явлений изгнания, а то и геноцида. Причем это происходило отнюдь не только в средневековых Англии, Испании, Португалии или Франции раннего Нового времени, но и в сравнительно недавние исторические времена, в особенности в Восточной и Южной Европе.

142

Что такое империя?

lОпредыстории Третьей войны в Заливе см.: Aust (hg.). Irak. S. 39ff; Tilgner. Der inszenierte Krieg. S. 17ff; Kubbig. Brandherd Irak. S. 9-20; Wolfgang Sofsky. Operation Freiheit. S. 66-74, а также: Münkler. Der neue Golfkrieg. S. 19-28.

2 Об истории расширения НАТО на Восток и о планах вовлеченных сторон ср.: Asmus. Opening NATO's Door.

3Mann. Die ohnmächtige Supermacht. S. 314; а также Czempiel «Pax Americana oder Imperim Americanum?». Понятие явно восходит к статье Кагана, см.: Kagan. «The benevolent Empire».

Постоянно проводимые параллели между США и Римской империй есть у Бендера, см.: Bender. Weltmacht America. Торжественное обращение к США как к «Новому Риму» употребляется с середины XIX столетия, см.: Gollwitzer. Geschichte des weltpolitischen Denkens.

143

В литературе понятие асимметрии применяется главным образом по отношению к ведению войны уступающей в силах стороной, то есть при характеристике партизанской войны, а теперь даже и терроризма. В действительности, однако, существует асимметрия для обеих сторон, как для преобладающей, так и для более слабой. См. об этом: Münkler. Wandel der Weltordnung durch asymmetrische Kriege.

См.: Demandt. Die Weltreiche in der Geschichte. S. 223. В 1990-х гг. в Германии вышло множество работ, но концептуализировалось мнение о конце всех империй вообще. См., напр.: Richard Lorenz (Hg.). Das Verdämmernder Macht; Altrichter, Neuhaus (Hg.). Das Ende von Großreichen; Demandt (Hg.). Das Ende der Weltreiche.

3См.: Eric Hobsbawm. Das Gesicht des 21. Jahrhunderts. S. 9f.

4См.: Junker. Powerand Mission. S. 48ff.

144

1 Великобритания и ее заморские владения